

С.Н.Шитова

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАШКИР

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

С.Н.Шитова

ТРАДИЦИОННЫЕ
ПОСЕЛЕНИЯ
И ЖИЛИЩА
БАШКИР

*Вторая половина XIX —
первая четверть XX в.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

В книге обобщен большой полевой материал, собранный автором за 25 лет работы в экспедициях, показаны переход башкирского народа к оседлости, изменения в организации быта, характере и облике жилища. Содержится подробное описание народного жилища — его видов, архитектурного декора, интерьера; дана планировка отдельных жилищ и усадеб.

Ответственный редактор

Б. Х. КАРМЫШЕВА

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни книгу, посвященную традиционным поселениям и жилищу, нет нужды начинать с тезиса о том, что эта обширная область материальной культуры заслуживает внимания специалиста-этнографа. Более века — с тех пор как Льюис Морган, изучая общественную жизнь американских индейцев, подметил взаимосвязь типов домов и домашнего устройства с социальной организацией племен¹, — жилище не перестает находиться в поле зрения исследователей, занимающихся изучением не только традиционной народной культуры, но и этнической, социально-экономической истории. Давно стали аксиомой положения о влиянии на развитие жилища природных, социальных и экономических факторов. /Не раз говорилось о проявлении в устройстве жилища художественных принципов, присутствующих тому или иному этносу, о связи с религиозными верованиями и обрядами. Отсюда следует и обратное: изучение жилищного комплекса, строительных конструкций и технических приемов, внутреннего и внешнего убранства, выявление особенностей устройства интерьера способствуют исследованию истории хозяйства, склада общественных и внутрисемейных отношений, помогают в понимании эстетической основы художественных норм изучаемой этнической группы! /

Жилище, один из основных компонентов материальной культуры, отражает сложность пройденного народом пути. В народной архитектуре можно обнаружить немало архаичных элементов, которые способствуют воссозданию истории народного жилища, а в ряде случаев обнаруживают культурные или этнические связи с другими древними и современными народами. Таким образом, изучение поселений и жилищ важно и с точки зрения этногенетических проблем.

Из всех форм материальной культуры жилище, сохраняя определенную консервативность, в первую очередь реагирует на изменения в условиях существования этноса: перемена местожительства, нарушение привычного баланса хозяйственной деятельности, социальные преобразования тут же находят отражение в типах и облике жилищ. Чем сложнее этническая история народа, тем многообразнее строительные традиции. Доказательства этому можно найти, знакомясь с жилыми и хозяйственными постройками башкир.

Особенности традиционных форм башкирского жилища определяются прежде всего разнообразными природными условиями, в которых расселились башкирские племена, освоившие обширные земельные площади от Оби до Волги, от Яика (Урала) до Камы. В этих пределах оказались таежные леса и бескрайние степи, горные области и равнина. Башкирские жилища разных географиче-

ских зон могут служить иллюстрацией тесной зависимости народной архитектуры от природной среды.

Разнообразные по характеру природные условия предрасполагали к сочетанию разных отраслей хозяйства: охоты, рыболовства, земледелия, скотоводства; последнее в степной местности могло в разные периоды истории преобладать. Подобный комплекс, единственно целесообразный на стыке северных лесов и южных степей, определил, как видно, способ существования древнебашкирских племен. Часть их, поселившись в таежных дебрях Прикамья или в ущельях гор, вынуждена была приспособиться к новым условиям, видоизменив образ жизни, отчасти восприняв элементы культуры местных племен. Рядом с юртами, а порой и вместо них у башкир появились круглые в плане и прямоугольные постройки, сооруженные из древесных и других подручных материалов.

На изучаемой территории, расположенной на стыке Европы и Азии, с давних пор происходило взаимодействие культурных традиций двух континентов. Мощные миграционные потоки, перемещавшиеся с востока на запад (а иногда и в обратном направлении), оставляли след в виде напластований в культурном фонде местных, добашкирских племен.

Как показывают полевые исследования, сами башкирские племена ко времени появления на Южном Урале не были однородными. Особенности костюма, декоративного творчества, как и другие элементы культуры, не только подтверждают это, но и указывают, что локальные различия в культуре башкир имели глубокие корни. Культурные аналогии связывают одни племена в большей степени со Средней Азией, другие — с Северным Кавказом или районами Сибири², что в свою очередь может служить объяснением неоднотипности башкирской культуры.

Есть еще одно обстоятельство, не учитывать которое, изучая традиционную культуру башкир, в особенности жилище, невозможно: башкиры — один из кочевых народов, переживших в исторически обозримый период смену традиционной хозяйственной деятельности, образа жизни. У башкирского народа эти процессы протекали несколько столетий, начавшись на рубеже I—II тысячелетий н.э. Кочевая система хозяйства сменилась полукочевой; скотоводство, на большей части территории уступив ведущую роль другим отраслям хозяйства — земледелию, лесным промыслам, постепенно приобрело характер отгонного животноводства. Перемены были сопряжены с переходом населения к оседлости. Однако кое-где еще и в начале XX в. сохранялись выезды отдельных хозяйств на летовки; последнее определило единовременное сосуществование разнохарактерных элементов культуры, в том числе и разнотипных — кочевых и оседлых — поселений и жилищ.

Исследование башкирского жилища проводится не впервые. История накопления этнографических данных и их осмысления к настоящему времени насчитывает двести с лишним лет. Началом научной фиксации материальной культуры башкир надо считать путевые записки П. С. Палласа и И. И. Лепехина — участников естест-

венно-научной экспедиции, организованной Российской Академией наук в 1768—1774 гг. П. С. Паллас и И. И. Лепехин изучали восточные районы империи — от Волги до Южной Сибири. В эту зону входил и Южный Урал. Наблюдения над природными явлениями в дневниках натуралистов перемежались с этнографическими заметками.

П. С. Паллас за время экспедиционных поездок пересек территорию Башкирии трижды. В 1769 г., исследовав приволжские и орпбургские степи, ученый закончил маршрут в Уфе. В 1770 г. его путь лежал из Уфы через хребты Уральских гор на восток — в Западную Сибирь. На обратном пути из Сибири (1774 г.) П. С. Паллас пересек бассейны рек Уфа и Быстрый Таныш, проследовав к Каме. Для нас особенно интересна часть «Записок», появившаяся в результате поездки 1770 г.³ Преодолевая Уральские горы, ученый побывал в районах, населенных башкирами. В дневнике упоминаются аулы Кубово, Тикеево, Лемеза, Симской и Катавский заводы, группа деревень на р. Юрюзани: Каратавлы, Шайтан-аул, Бикбулат-аул, Мусятово. Далее его путь лежал через Исетскую провинцию, где башкиры, имея большие стада, вели полукочевую жизнь. Было начало лета, и путешественник, минуя опустевшие деревни, встречал на своем пути немало кочевьев.

И. И. Лепехин поездку по Южному Уралу осуществил в 1769—1770 гг. Сведения о башкирах содержатся во 2-м томе его «Записок»⁴. Выехав из Табынска, он двинулся вдоль Уральских хребтов на юг, затем углубился по долине р. Белой в горы. Значительная часть его информации касается быта приуральских башкир. Упоминаются деревни Кутлугузино, Инзелга около Усольского завода, Ишаево, Кусяткулово, Хазино около Ишимбая. После осмотра пещеры Шульган он выехал к лесостепным бурзянам (дер. Тавлыкаево). В целом же его маршрут от Табынска до Белорецка был связан с р. Белой. Закончив обследование ее берегов, И. И. Лепехин через Исетскую провинцию (через Каслинский завод) добрался до Екатеринбурга. Вторая часть его путешествия была связана с северо-востоком Башкирии: он проехал вдоль р. Ай, побывал на Юрюзани и в верховьях р. Уфы.

В работах П. С. Палласа и особенно И. И. Лепехина содержится немало ярких бытовых зарисовок. О жилище упоминается в связи с описанием образа жизни, главных занятий и степени оседлости населения. Эти сведения ценны как материалы по истории поселений у башкир. Иногда в поле зрения ученых попадали и необычные хозяйственные сооружения или постройки. П. С. Паллас описал оригинальную водяную мельницу, землянку для копчения кож, очаг типа камина. И. И. Лепехин видел на кочевках в верховьях Юрюзани крытые берестой шалаши.

Одновременно с П. С. Палласом и И. И. Лепехиным на территории Башкирии побывал еще один участник экспедиции — И. Г. Георги. Свои материалы ученый использовал при написании обобщающего труда «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» В очерке «Башкиры», помещенном во второй части работы, дана по существу первая, хотя и очень краткая, характеристика по-

стоянных жилищ⁵. Обращено внимание на малочисленность хозяйств в селениях, на частые случаи переноса их на новое место, описано устройство очага, подмечены характерные этнические детали.

После академической экспедиции, 40 лет спустя, была издана третья часть книги Н. Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии...», содержащая характеристику жителей губернии, в том числе башкир⁶. Автор книги изучил труды участников академической экспедиции и использовал некоторые сведения из работ И. Георги, И. Лепехина, в первую очередь касавшиеся населения бассейна р. Ай. Башкиры расселялись в пяти уездах губернии: Пермском, Осинском, Красноуфимском, Екатеринбургском, Шадринском⁷. Автору были известны различия в образе жизни башкирского народа не только по уездам, но и по отдельным кантонам и населенным пунктам. Он разделил башкир на юртовых, оседлых («йорт» — дом, стан.— *С. III*), и кочующих, т. е. выезжающих на левовки. Основное внимание им было уделено экономическому состоянию хозяйств; вместе с тем описывались селения, усадьбы, избы, отмечалась разница в организации селений и усадеб, в устройстве изб по уездам. Значение книги Н. Попова как первоисточника переоценить трудно: долгие годы эта работа оставалась единственной, содержащей сведения о быте северных и северо-восточных башкир.

И в начале, и в середине XIX в. появление этнографических сведений в экономических трудах было закономерным. Народы описывались в связи с характеристикой хозяйственного состояния областей и краев. Правительство особенно интересовало восточные окраины, расположенные по границе с кочевой степью, не только с экономической, но и с политической точки зрения.

Научный подход к изучению быта народов выработался с появлением этнографического отдела в основанном в 1845 г. в Санкт-Петербурге Русском географическом обществе. Была разработана и принята программа для сбора этнографического материала. Деятельность общества в первые годы подчинялась большой научной цели — составлению первой этнографической карты России. Организатором работы стал П. И. Кеппен, под руководством которого трудились многие ученые-энтузиасты. Одним из них был Павел Небольсин. Его работы, появившиеся в печати в начале 50-х годов прошлого века, в значительной степени связаны с Южным Уралом и оренбургскими степями; в них освещается и быт башкир.

П. Небольсин совершил поездку в Оренбургский и Астраханский края в 1850—1851 гг. Он изучал не только степных башкир: обогнув отроги Южного Урала, побывал на Ике, Сакмаре, Белой, жил в Уфе, Златоусте; изучая судоходство на местных реках, выезжал на Сим, Юрюзань и Ай. Уже после первого года путешествия П. Небольсин опубликовал в «Отечественных записках» свои этнографические наблюдения⁸. В историко-этнографическом очерке он затронул экономическое положение башкир по кантонам, подробно охарактеризовал их образ жизни, материальную культуру. Позже очерк вошел составной частью в отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский

края, помещенный в 1852 г. в «Вестнике Русского географического общества»⁹. Значительная часть сочинения посвящена описанию традиционных построек у башкир. Автор обратил внимание на то, что на башкирских кочевках войлочная юрта не всегда была основным жильем. Кроме юрт, сооружались плетневые, корьевые жилища, бревенчатые избы. Он остановился на конструкции башкирской юрты и указал на общие и оригинальные ее особенности по сравнению с юртой казахской. П. Небольсин подчеркнул разницу во временных сооружениях степных и лесных башкир. По поводу построек в аулах ученый ограничился замечанием: на зиму кочующие башкиры «укрываются в домах, выстроенных, наподобие русских изб, в линию и по плану»¹⁰.

В 1854 г. вышел отдельной книгой путевой дневник П. Небольсина — переданные в художественной форме дорожные впечатления путешественника¹¹. В этом произведении, имевшем документальную основу, более подробно описаны конструкция и интерьер юрты, дана характеристика башкирских деревень и усадеб, при этом указаны некоторые отличительные моменты в устройстве изб и усадеб у башкир-степняков и горцев.

Материалы П. Небольсина в публикациях конца XIX и начала XX в. не использовались. При описании временных жилищ этого периода обычно ссылаются на книгу В. М. Черемшанского¹².

Работа преподавателя духовной семинарии в Оренбурге В. М. Черемшанского была написана по программе Комитета Министерства государственных имуществ, объявившего конкурс на составление хозяйственно-статистических описаний губерний и уездов. Тогда в состав Оренбургской губ. входила обширная территория, включавшая большую часть нынешней Башкирии, пограничные районы Татарии, преобладающую часть Челябинской и всю Оренбургскую обл. Труд В. М. Черемшанского был отмечен золотой медалью, поскольку автору удалось обобщить огромный статистический, экономический и естественнонаучный материал. В сочинении значительное место отведено истории и культуре населяющих край народов, в том числе башкир. Однако сам автор совершал лишь кратковременные выезды и был мало знаком с народным бытом. Обобщая этнографический материал, он широко пользовался информацией своих учеников, воспитанников семинарии, в большинстве своем выходцев из окрестностей Оренбурга или западной Башкирии. В кратком описании изб и усадеб В. М. Черемшанским представлен некий стереотип, приближенный к западнобашкирскому и в некоторой степени — к татарскому жилищу. Знал автор и работы П. Небольсина. Сведения о разделении башкир на оседлых и кочующих, а последних — на степняков и горцев, так же как и описание кочевых жилищ, он позаимствовал из ранней заметки П. Небольсина, опубликованной в «Отечественных записках».

В 50-е годы прошлого века в журнале «Москвитянин» появилась статья о башкирах офицера Оренбургского гарнизона И. И. Железнова — впоследствии писателя-очеркиста. Она стала одной из глав его книги «Уральцы. Очерки быта уральских казаков»¹³. Для своего

времени автор был человеком образованным и высококультурным, но в очерке о башкирах он не смог преодолеть пренебрежительного отношения к культуре иноверцев, отличавшихся от русских казаков по образу жизни. Тем не менее сочинение И. Железнова вызывает интерес, поскольку он пишет о настоящих степняках — западно-оренбургских и иргиз-камеликских башкирах (о них в литературе до конца XIX в. других сведений не появилось). Минимальное использование леса в постройках этих групп башкир, дома из глины и дерна — все, о чем повествует писатель, — не художественное преувеличение, а действительность, имевшая место еще многие десятилетия спустя после выхода в свет очерка И. Железнова.

Все возрастающий интерес к быту «инородцев» был характерен и для 60-х годов XIX в. В местной и центральной периодике появлялось немало статей и очерков с описаниями башкирской жизни. В «Оренбургских губернских ведомостях» в 1862 г. была помещена статья А. Игнатовича «Башкирская Бурзянская волость», позже опубликованная в журнале «Архив исторических и практических сведений»¹⁴. Автор обратил внимание на одну из полукочевых групп — башкир-бурзян, дав их краткую этнографическую характеристику, описав занятия, костюм, обычаи гостеприимства, жилище и хозяйственные постройки. Очерк отличается некоторой фрагментарностью информации, но отдельные наблюдения автора тонки и выразительны. Во внешнем облике изб и усадеб А. Игнатович подметил отражение разного уровня материальной обеспеченности семей. В очерке есть сведения об использовании у башкир построек земляночного типа. Подробно описано устройство очагов-чувалов.

В 1867 г. вышло в свет справочное «Описание башкирцев», составленное Н. Казанцевым¹⁵. Брошюра содержала краткую историко-экономическую и этнографическую характеристику народа. Собственных наблюдений автора в ней мало. В книге собраны сведения, появившиеся в периодической печати и в научных изданиях первой половины XIX в. Порой они отрывочны. Башкирскому жилищу посвящено всего несколько абзацев. Внимание сосредоточено на явлениях, для русского глаза непривычных: войлочных «шалашах», печах-чувалах, окнах с натянутой «брюховицей», покрытых коврами нарах, развешанном по стенам оружии и пр.

В последующие два десятилетия — в 70-е и 80-е годы — сведения о башкирах появлялись в работах антропологического (Н. М. Малиев¹⁶), медико-санитарного и топографического (Н. Литиновский¹⁷) направлений, где краткая этническая характеристика давалась в вводной части.

Некоторые этнографические сюжеты содержались в путевых заметках В. Флоринского¹⁸. Рассуждая о причинах сокращения выездов на летовки, автор считал массовое обнищание народа одним из решающих факторов, повлиявших на изменение традиционной системы хозяйства и быта башкир. В доказательство им приводились свидетельства медицинского инспектора В. В. Лотина¹⁹, который писал в 1866 г., что башкирские семьи Оренбургского и Орского

уездов находятся в состоянии «ужасающей нищеты» и разрухи. На кочевки же могли выезжать лишь состоятельные башкиры.

В 1882 г. в газете «Екатеринбургская неделя» была помещена статья²⁰, в которой неизвестный корреспондент описал башкир, живших поблизости от Шемахинского и Нязепетровского заводов. Автор упоминал деревни Белянка, Арасланова, Кирикеево, Маскара. Спустя несколько лет эти сведения наряду с собственными наблюдениями были использованы Н. Л. Скалозубовым при характеристике красноуфимских башкир в справочнике Пермской губ. за 1893 г.²¹

В 1889 г. появилось сообщение В. Заварина об образе жизни башкир верховьев р. Уфы²². Немалая часть текста была посвящена сельскому жилищу и устройству усадеб.

К концу XIX в. определились принципы и методы этнографических исследований, стал более широким круг объектов для изучения: внимание исследователей теперь привлекали не только фольклор, праздники и обряды, но и материальный быт.

С конца 80-х годов и до начала XX в. почти ежегодно публиковались работы, так или иначе связанные с башкирской этнографией. Сведения о традиционном башкирском жилище можно найти у П. С. Назарова, Л. Бергхольца, И. А. Износкова, С. Г. Рыбакова, М. Баишева, А. Калачева, Д. П. Никольского. Ценность их в том, что они были собраны в самостоятельных поездках, организованных с научной целью, причем многие из упомянутых авторов застали башкирскую культуру в завершающий период перехода народа к оседлости.

В 1889—1890 гг. по заданию антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете среди южных и юго-восточных башкир работал П. С. Назаров. Он проводил антропологические измерения у усерган и бурзян, побывал у каракипчаков и карагай-кипчаков в верховьях Ика, у тангауров в верховьях Сакмары. По-видимому, П. С. Назаров имел поручение и от этнографического отдела Общества, поскольку бытовой материал с самого начала он собирал не менее тщательно и уже в начале 1890 г. был опубликован его очерк об этнографии башкир²³. Небольшая по объему этнологическая часть предваряла и антропологический отчет о поездке в Башкирию²⁴. Очерки представляют собой довольно подробную характеристику материальной культуры башкир, в которой значительное место занимают личные наблюдения автора. П. С. Назаров обратил внимание на то обстоятельство, что в ряде случаев сохранение выездов на летовки не было продиктовано экономической необходимостью: сила традиций побуждала башкир «кочевать» за околищей деревни или ставить временное жилище на усадьбе. Автор описал устройство летних поселений у степных и лесных башкир, конструкцию временных построек. Говоря о сельских надворных строениях, П. С. Назаров подметил разницу в планировке изб семей разного достатка, обрисовал интерьер домов со сложным планом, охарактеризовал в целом устройство двора; в числе построек, сооружаемых за пределами усадьбы, он назвал

водяные мельницы, бани, «ямы» для сидки дегтя. П. С. Назаров указал на существование в избах башкир очагов двух видов — чувалов и печей — и очертил примерную территорию их преимущественного распространения.

В 1880 г. антропологический материал среди юго-восточных башкир собирал итальянец проф. С. Сомье. Он побывал в Зауралье, в дер. Ташбулатово Оренбургской губ. (ныне дер. Ташбулатово Абзелиловского р-на). В 1892 г. в «Записках Уральского общества любителей естествознания» появилась его небольшая статья²⁵. Сомье описывал быт башкир, домашнюю обстановку; со слов хозяина дома, где он жил, старика башкира, рассказал о расположении кочевок жителей дер. Ташбулатово, о распространенности выездов на летние пастбища в далеком прошлом и в годы его поездок.

В 1893 г. «Этнографическое обозрение» напечатало еще один очерк о башкирах²⁶, который был прислан в 1892 г. на Географическую выставку в г. Москве. Автор его — Л. фон Берггольц в течение шести лет наблюдал за жизнью инзерских катайцев. Для выставки им была сделана серия фотоснимков, на которых были запечатлены и традиционные постройки. В очерке содержалось наиболее раннее описание кочевых поселений горной местности, где жилищем служили срубные избушки. Отмечена последовательность летних перекочевков. К сожалению, эта часть, как и обзор сельских жилищ, отличаются краткостью.

Так же отрывочны сведения о жилище другой — демской группы башкир в очерке И. А. Износкова, члена Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете²⁷. Перешедшие к оседлости башкиры нижнего течения р. Демы сооружали жилища, принятые прежде на летовках, в усадьбе; особенно часто можно было встретить круглый плетневый «шалаш», в котором имелаась печь для приготовления пищи в летнее время. И. А. Износков упоминает и о хозяйственных землянках.

В 1893—1894 гг., знакомясь по поручению Русского географического общества с музыкой и песнями башкир и соседних с ними народов, по Южному Уралу путешествовал С. Г. Рыбаков. Историк и филолог по образованию, он внимательно изучал образ жизни башкирского населения. Результатом его наблюдений явились статья в журнале «Наблюдатель»²⁸, а также книга «Музыка и песни уральских мусульман...»²⁹. Основной части, содержащей фольклорный материал, предшествовала вводная глава, насыщенная этнографическими сведениями.

Непосредственность восприятия отличает путевые записки С. Г. Рыбакова во время поездки по башкирским районам в 1894 г. Его дневник был опубликован в 1899 г. в виде очерка³⁰. «Я имел случай, — пишет С. Г. Рыбаков, — быть летом в коренной Башкирии, в диких горных волостях Южного Урала, в Верхнеуральском и Орском уездах Оренбургской губернии, где башкиры еще мало испытали русского влияние и сохранили в большой свежести свой исконный образ жизни»³¹. Автор переезжал с севера на юг, вдоль восточных хребтов Уральских гор — на стыке гор со степью, побывал

в опустевших в связи с выездом населения на летовки деревнях и на башкирских кочевках³². Он описал башкирские селения, дома, временные постройки, внутреннее устройство жилищ. Углубившись в горы и посетив 3-ю Бурзянскую волость на р. Белой³³ — места, где немногим более века назад побывал И. И. Лепехин, С. Г. Рыбаков отметил перемены, происшедшие с тех пор в крае. Знакомство с волостью, расположенной в глубине горных ущелий, позволило исследователю сравнить кочевые поселения горных и лесостепных башкир. Сведениям из дневника С. Г. Рыбакова присуща документальная достоверность.

В 1895 г. в «Известиях Оренбургского отдела РГО» появилась небольшая статья М. Баишева³⁴ с описанием быта одной из южных деревень в бассейне Сакмары — дер. Зианчуриной Орского уезда. Автор жил и работал среди башкир и потому хорошо знал и обстановку, и местные обычаи. Сама деревня описана, к сожалению, бегло, но в наблюдениях Баишева есть моменты, на наш взгляд, любопытные. Он останавливается на конструкции столбовых крыш, считая эту форму характерной в прошлом для башкир. В нескольких словах автор говорит о планировке селения, о «центральной площади», на которой размещались общественные учреждения, мечеть, магазины и другие заведения.

Летом 1898 г. около двух месяцев по башкирским деревням Уфимской губ. ездил А. Калачев. Он побывал в 29 аулах Белебеевского, Уфимского и Златоустовского уездов, охватив степную и лесную (равнинную и горную) зоны. Ученый поставил цель изучить процесс перехода башкир к оседлости, степень распространения земледелия. Он обследовал 1881 хозяйство и сделал некоторые статистические подсчеты, касающиеся распространения выездов на летовки. Сокращение числа «кочующих» семейств он связал с уменьшением голов скота. Интересны наблюдения Калачева относительно сохранения некоторых пережитков явлений кочевничества; он упоминает случаи сооружения временных жилищ на сенокосах, у пашен, за околицей деревни и, наконец, на усадьбе, пишет об устройстве юрт и плетневых временных жилищ, встреченных им кое-где в Белебеевском уезде. В целом Калачев отмечает прекращение к концу XIX в. кочевков по всей Уфимской губ. Некоторые высказывания автора характеризуют оседлые жилища. Сообщение об этой поездке было сделано в конце 1898 г. на заседании этнографического отдела РГО и в следующем году напечатано в периодическом издании общества — сборнике «Живая старина»³⁵.

Самым последовательным в научных интересах был надолго связавший свою судьбу с Башкирией Д. П. Никольский — медик по образованию, земский врач по должности, активный член Уральского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Первые статьи Д. П. Никольского с санитарно-статистическим описанием отдельных башкирских деревень появились в «Пермских губернских ведомостях» еще в начале 80-х годов³⁶. В 1899 г. отдельной книгой вышла обобщающая работа ученого «Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование»³⁷.

В книге содержатся материалы и по башкирскому жилищу: путевые наблюдения, статистические выкладки, количественные подсчеты, измерения конструкций жилища, оценка бытовых условий с санитарной точки зрения. Исследование интересно прежде всего фактологической стороной. Автор, будучи связан медицинской службой с Екатеринбургским уездом, привел сведения по башкирским волостям своего уезда и соседнего Шадринского³⁸. Этнографическое описание составило значительную часть работы, текст почти не повторял опубликованные ранее статьи.

Первые сообщения Д. П. Никольского в «Пермских губернских ведомостях» и его монографию отделяли полтора десятка лет. К моменту написания книги автор обладал большим запасом наблюдений, накопленных в многочисленных поездках по башкирским аулам. С согласия Уральского общества любителей естествознания он проводил систематические антропологические обследования, побывал не только в уездах Пермской губ., но и за ее пределами: в Бирском уезде Уфимской губ., в Верхнеуральском — Оренбургской. О научных результатах Никольский докладывал на Съезде естествоиспытателей в Санкт-Петербурге, писал на страницах губернских газет³⁹. В публикациях антропологические сведения перемежались с этнографическими. Особенно плодотворной была экспедиция в бассейн Инзера и верховья Белой; о ней сообщалось в журнале «Землеведение», издаваемом Географическим отделением Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете⁴⁰. Путь ученого пролегал по деревням Тереклы, Зуяково, Манышта, Усмангали, Серменево. Он побывал более чем в 10 аулах и нескольких кочевьях. Поселения и жилища горных башкир автор сравнивал с теми, какие приходилось ему видеть в лесостепном и степном Зауралье. В описании содержится много бытовых подробностей.

В последние годы XIX в. появилась сводная работа по жилищу кочевых и полукочевых народов России⁴¹. Одна из двух ее глав посвящена типам переносных жилищ, другая — постоянным, оседлым постройкам. Автор, Н. Н. Харузин, у башкир не был, но хорошо представлял башкирские постройки по работам своих современников: П. С. Назарова, Л. Бергхольца, И. А. Износкова, М. Баишева. Им была использована также статья Д. П. Никольского «Из поездки к лесным башкирам». Целью монографического исследования являлась прежде всего систематизация накопленных наукой сведений. Н. Н. Харузин считал, что, несмотря на кажущуюся консервативность, традиционный быт кочевников постепенно менялся, прогрессировал. Происходили изменения и в материальной культуре, в том числе в жилых и хозяйственных сооружениях. Н. Н. Харузин был убежден, что первобытные формы жилища остались у народов в качестве временных (летних) жилищ или хозяйственных построек. Систематизируя типы построек, он исходил из положения, что «из двух явлений более простое должно... предшествовать более сложному»⁴²; изучая постройки родственных народов, можно найти промежуточные звенья в непрерывной цепи развития жилища. Будучи

последовательным эволюционистом, Харузин не учитывал связи особенностей культуры того или иного народа со своеобразием его экономической и политической истории. Разницу в жилищах народов он объяснял нахождением их на разных уровнях культурного развития. Отстаивая преемственность в типах жилищ, Харузин наметил несколько линий их преобразования. «Эмбрионом» жилища кочевников ученый считал конический шалапш. Покрытый ветвями, берестой, шкурами, такой шалапш явился «одной из исходных точек для развития более усовершенствованных типов жилья»⁴³. На его основе родилась войлочная юрта — сначала жердевая, затем решетчатая. Позже появились жилища из дерна, плетня, бревен, камня. Другая линия вела от шалапша непосредственно к четырехстенному балагану, затем сруб.

Конкретный материал нередко заводил Н. Н. Харузина в тупик, вскрывая схематизм, натянутость его логических построений. Это понимал и сам исследователь. В общий типологический ряд не укладывались, в частности, строения земляночного типа, и Харузин был вынужден объявить их заимствованными от народов угро-финской группы⁴⁴. Отстаивая непрерывность эволюции культурных явлений, исследователь отвергал по существу возможность возникновения принципиально новых сложных форм в связи со сменой условий существования. Наличие у тюрков, в том числе у башкир, конструктивно отличных от общепринятых — срубных жилищ он объяснял влиянием более культурных соседей: «Дальнейшее развитие этого (четырехугольного. — *С. III.*) типа принадлежит уже оседлому населению, и если полукочевник и заводит себе жилища более обширные и более сложно устроенные... то он подражает или, правильнее, воспроизводит образцы, которые его оседлые соседи представляют ему уже готовыми»⁴⁵. Вследствие этого, утверждал Харузин, история жилища поздних кочевников является «одной из глав истории жилища тех народностей, влиянию которых подчинялись... (тюрки и монголы. — *С. Шитова*) по переходе к полной оседлости»⁴⁶.

В целом же нужно отметить положительную роль труда Н. Н. Харузина в развитии науки того периода. Автор обратил внимание на жилище как на одно из проявлений культуры народа, подчеркнул мысль о том, что изучение усовершенствования жилища важно с точки зрения познания общей культурной истории. Харузин обобщил огромный материал по ряду народов, показал его в совокупности, в сравнении. Он заметил неодинаковость развития жилища у кочевых племен, в силу обстоятельств оказавшихся в разных природных условиях: в горной местности, в таежных лесах, в степях; высказал мысль о сравнительно раннем появлении зимовок, а затем и постоянных селений в лесной полосе, где были затруднительными перекочевки. Впервые в научной литературе он исследовал вопрос о развитии у бывших кочевников надворных строений. В приусадебных сооружениях, считал ученый, отражалась вся история строительных навыков народа. В этом смысле особенно показательными он считал усадьбы башкир: «У башкира на одном дворе

около бревенчатой избы мы встречаем одновременно и первобытный круглый шалаш, служащий в настоящее время кухней, и землянку, назначенную для печения хлеба, и низенький сруб с крышей из луба, где семья башкира иногда живет летом, и, наконец, тут же, на дворе, башкир, если он почему-нибудь не отправляется на кочевье, раскидывает и свою войлочную решетчатую юрту и живет в ней в течение жаркого времени года»⁴⁷.

Осмысление бытовых явлений было поднято Н. Н. Харузиным до теоретического уровня. Изучение народного жилища вступило в новый этап. Книга Н. Н. Харузина стимулировала появление новых работ, в частности С. И. Руденко.

Монография С. И. Руденко с описанием культуры и быта башкир, подготовленная в начале нашего века и впервые изданная в 1925 г.⁴⁸, стала настольной для последующих поколений ученых, занимавшихся материальной культурой народов Поволжья. Башкирскому жилищу посвящена отдельная глава. В книге использованы материалы, собранные автором в 1906, 1907, 1912 гг. в поездках по районам Башкирии, предпринятым по заданию Русского музея. Собрав и обобщив огромный фактический материал, автор сделал важные выводы, касающиеся генезиса изучаемых явлений. В книге много фотографий, редких наблюдений. Ученый побывал на летовках, видел юрты и другие жилища, к настоящему времени исчезнувшие, застал в башкирских аулах пережитки полупатриархального быта. К работе приложена карта бытовых элементов, на которой отмечена граница распространения по территории так называемых тюркской и монгольской юрт, срубных избушек «бурама», плетневых мазанок, очагов-«сувалов», обозначена область сохранения кочевьев как пережиточной формы. Значение предпринятого С. И. Руденко исследования состоит в том, что в нем вместе с этнографическим описанием подняты и успешно решены серьезные теоретические проблемы. Заслугой ученого явились также приведение в систему накопленных знаний и на основании этого — пересмотр существовавших гипотез о происхождении башкирского народа. С. И. Руденко построил свою логическую схему, увидев в этногенезе башкир сложный процесс. Данные материальной культуры он использовал для доказательства высказанных положений о существовании разновременных узловых этапов в ранней истории народа; ученый связал с ними определенные пласты, обнаруженные в материальной культуре и, в частности, в жилище.

Вскоре после первых поездок С. И. Руденко у башкир с научными целями побывали еще два исследователя — М. А. Круковский и венгерский ученый Месарош Дьюла.

Представитель естественных наук М. А. Круковский, гидролог по специальности, в 1909 г. совершил путешествие по берегам Демы — одной из трех крупных водных артерий Башкирии. Во время поездки он внимательно присматривался к быту местного населения. В книге М. А. Круковского⁴⁹ немало внимания уделено юго-западным башкирам. Текст иллюстрирован photographиями, на которых запечатлены плетневые мазанки с плоской крышей, плетневые лет-

ние кухни — «аласыки». К сожалению, характеристика жилищ очень краткая: книга представляет собой путевые заметки.

Турколог Месарош Дьюла провел в Башкирии лето 1909 г. В течение почти полутора месяцев он работал в долине р. Сакмары в деревнях Юмашево, Исяново, Темясово, Тупаково — в местах, где, по свидетельству самого М. Дьюлы, «башкиры устойчиво сохраняют свой исконный — кочевой, вернее, полукочевой быт, который является самой интересной их особенностью, с точки зрения этнографии»⁵⁰. Научные записи ученого, к сожалению, утрачены; большую ценность представляет сбереженная в фондах Венгерского этнографического музея коллекция фотографий, выполненных М. Дьюлой в поездке по башкирским аулам и летовкам. На них запечатлены дореволюционные деревни и быт на кочевках. Для нас особенно интересны те снимки, на которых показаны установка и разборка юрт, особенности устройства, интерьер. Эти фотографии, по сути дела, уникальны.

После Великой Октябрьской социалистической революции в условиях небывалого экономического и культурного подъема и последующего расцвета социалистических наций возрос интерес к традиционной народной культуре. Книга С. И. Руденко, выпедшая в свет вскоре после революции, подчеркнув самобытность культурного наследия башкир, богатство их историко-этнического прошлого, приковала внимание к быту, духовному миру, художественному творчеству этого народа.

В 1934 г. по башкирским горно-лесным и лесостепным зауральским районам совершил творческую поездку художник В. С. Сыромятников⁵¹. В Башкирском художественном музее (г. Уфа) хранятся два альбома с этнографическими зарисовками В. С. Сыромятникова. Среди орнаментов и многочисленных бытовых предметов можно увидеть резные оконные наличники и декоративно оформленные вещи из интерьера башкирских жилищ: подставки под сундуки, посудные шкафчики, скамьи с орнаментированными спинками, посуду, прялки и др.

Юго-восточные горные и степные районы возбуждали интерес у исследователей не случайно. До 30-х годов, т. е. до образования колхозов, здесь sporadически практиковались выезды на летовки. Бытовой уклад башкирского населения долгое время сохранял множество полупатриархальных черт.

В 1937 г. по Бурзянскому и Баймакскому районам совершила поездку сотрудник Музея народов СССР (г. Москва) В. Н. Белицер. В поле ее зрения находились занятия и материальная культура местного населения. Были сделаны зарисовки временных построек, изб, хозяйственных сооружений, печей (в том числе чувалов), составлены планы жилищ и усадеб. Эти материалы до сих пор не опубликованы*.

* В. Н. Белицер при жизни предоставила мне возможность ознакомиться с полевыми материалами, за что я ей очень благодарна.

В 1938 г., вскоре после организации при Совете Министров БАСССР Научно-исследовательского института языка, литературы и истории, в Белорецком, Баймакском и Хайбуллинском районах работала фольклорная экспедиция. В путевом дневнике ее научного руководителя Н. П. Колпаковой, опубликованного уже в наши дни, содержатся интересные этнографические наблюдения, впечатления от башкирских деревень, описание жилищ⁵².

В течение трех лет, с 1936 по 1938 г., Саратовским научно-исследовательским институтом краеведения им. М. Горького и Саратовским краеведческим музеем проводился сбор этнографического материала среди башкир, расселенных по берегам Иргиза, Камелика и Каралыка. Сотрудники делали глазомерные съемки планов селений, усадеб, фотографировали и описывали жилища. Краткие отчеты, составленные начальником экспедиций П. Д. Степановым, были опубликованы в журнале «Советская этнография»⁵³.

В 50-е годы в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР работала архитектурная группа в составе Б. Г. Калимуллина и Р. И. Салихова, собиравшая материал по народному жилищу. В архиве Башкирского филиала сохранились отчеты, написанные исследователями после поездок в районы Башкирии и Оренбургской обл. В конце 50-х годов вышли книги Б. Г. Калимуллина «Планировка и застройка башкирских деревень» и три выпуска серии «Архитектурные памятники Башкирии»⁵⁴, в 1978 г. — книга «Башкирское народное зодчество»⁵⁵, объединившая издания 50-х годов и дополненная главой «Архитектура жилища», в которой автор на основании собранных в экспедициях сведений решает ряд вопросов, связанных с деревянным зодчеством башкир. Б. Г. Калимуллин наметил практические задачи своей работы — изучение традиционных поселений и жилищ с целью выявления наиболее перспективных форм для рекомендации в современном сельском строительстве. В книге содержатся интересные исторические факты. Автор впервые ввел в научный оборот материалы геодезических съемок 1838 г., опубликовал схемы планировочного устройства некоторых башкирских деревень и летовок горно-лесной зоны⁵⁶. Представляют ценность планы старых башкирских усадеб, составленные по обмерам, выполненным автором в 30-е годы в дер. Дуван-Мечетлино на северо-востоке Башкирии⁵⁷.

Б. Г. Калимуллин выявил несколько типов планировки башкирских аулов, связав их с ландшафтом, показал способы усложнения поселений в случаях их роста. Автор сохранял убежденность в том, что строительное искусство башкир «имеет глубокие истоки и самобытные традиции»⁵⁸. Однако это положение не всегда удачно аргументировано. Особенно уязвима в теоретическом отношении та часть книги, где Калимуллин обращается к истории народного зодчества, фактически повторяя Н. Н. Харузина, его ошибочное стремление поместить все известные типы построек в один ряд с целью наметить линию развития башкирских жилищ от простых к сложным. Исследования в области этнографии последних десятилетий показали, что формирование традиционной культуры — много-

плановый процесс, естественное развитие жилища почти всегда сопровождается культурными заимствованиями. В результате в традиционной культуре сосуществуют различные по своему происхождению элементы. Это подтверждает и материал по жилищам башкир. То, что у них встречались такие разнохарактерные сооружения, как каркасные конические шалаши-чумы, плетневые прямоугольные аласыки, бревенчатые летние избушки, решетчатые юрты, можно объяснить сложным этногенезом народа. Различия в формах жилища, характерные для разных природно-географических зон (в горах, где строили бревенчатые избы, не было плетневых жилищ, в юртах жили только в степной и лесостепной местности), в книге Б. Г. Калимуллина ошибочно представлены как различия социального плана.

Следует признать несомненной заслугой автора то, что он положил начало изучению памятников старины, в частности мусульманских культовых построек — мечетей. Строительство мечетей рассматривалось им как особая отрасль народного зодчества, имеющая свои художественные особенности, традиции.

Параллельно с архитектурными Институтом истории, языка и литературы БФ АН СССР с середины 50-х годов стали проводиться этнографические экспедиции. Поначалу большое внимание уделялось одной из малоизученных сторон народного зодчества — архитектурному декору. В 1964 г. появилась коллективная монография «Декоративно-прикладное искусство башкир», специальный раздел которой был посвящен деревянной домовой резьбе⁵⁹. В полевых дневниках ее авторов Н. В. Бикбулатова и Р. Г. Кузеева можно обнаружить немало сведений, касающихся башкирских жилищ и поселений⁶⁰.

Во второй половине 50-х годов начала собирать материал по башкирскому жилищу и автор этих строк: в 1956—1957 гг. — в экспедиционных выездах, организованных кафедрой этнографии при МГУ, с 1959 г. — в составе экспедиций Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Наряду с другими объектами материальной культуры изучались поселения, жилые и хозяйственные постройки, фиксировались различные моменты строительства, конструктивные приемы, местные обычаи. Накопление фактов происходило из года в год. Особенно интенсивно собирался материал в процессе работы над «Башкирским этнографическим атласом» (1968—1972 гг.) и 1975—1979 гг., когда жилище стало для автора главной рабочей темой. В этот период полевая работа осуществлялась по специальной программе⁶¹. В результате к настоящему времени по традиционным и современным поселениям и жилищу башкир собран обширнейший материал, опубликованный в незначительной степени⁶². В архиве сектора этнографии хранятся десятки полевых дневников с записями информации, наблюдений, статистических подсчетов, с чертежами и планами; собраны выполненные экспедиционными художниками цветные и штриховые рисунки⁶³. В фототеке в разделах по поселениям и жилищу насчитывается около 3 тыс. фотографий⁶⁴.

В последнюю четверть века территорию с башкирским населением

покрыла густая сеть экспедиционных маршрутов. Практически не осталось ни одного необследованного района. Работа велась не только в Башкирской АССР, но и за ее пределами: в Татарии, в Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской, Куйбышевской, Саратовской областях. В некоторых районах мы побывали дважды, с перерывом в 15—20 лет, что дало возможность выявить тенденции развития сельского жилища в последнюю четверть века. Повторные поездки подчеркнули значимость полевого материала, собранного в 50—60-е годы: за период массового жилищного строительства в аулах не осталось домов, построенных в первой половине XX в.; старинными выглядят избы, поставленные в годы наших первых поездок.

Систематизация, обобщение огромнейшего по объему экспедиционного материала стали главной задачей при написании этой книги. Однако публикация накопленных сведений — не единственная цель. Анализ полученной в башкирских аулах массовой информации, с одной стороны, тщательное изучение предыдущих работ — с другой, привели к выводу, что существующие в научной литературе характеристики традиционных башкирских жилищ и усадеб не дают достаточно полной и объективной картины. Одни из них узколокальные явления возводят в ранг общенародных; другие страдают тенденциозностью; третьи написаны под влиянием господствовавших в науке понятий и схем.

Литературные источники и научные труды дореволюционного периода являются для нас ценнейшим свидетельством современников. И все же воспринимать их и использовать для научных выводов следует осторожно. Тенденциозность авторов, как правило, представителей иных культурных традиций, исходила из убежденности, что культура кочевых племен по уровню ниже культуры земледельцев. Некоторые не скрывали своей приверженности великодержавному шовинизму.

Направленность многих дореволюционных работ определялась господствовавшим в последней трети XIX в. эволюционистским позитивистским мировоззрением, рассматривавшим явления в развитии, но не видевшим их связи с производственной основой, с уровнем экономического развития народов. Исследование С. И. Руденко было выполнено на ином, более высоком научном уровне, чем работы его предшественников, но и в нем прослеживается влияние школы эволюционизма. Последовательность описания жилищ от простых к сложным (сначала дерновых, саманных, каменных, плетневых, затем бревенчатых изб) рождала впечатление примитивизма жилых построек у башкир в прошлом. Бревенчатым домам уделено сравнительно немного места, что мешало восприятию этой формы жилища как одной из распространенных. В первую очередь подмечены неустроенность, бедность изб основной массы башкир, хотя этот признак, по своей природе социальный, мог свидетельствовать не столько об уровне строительной техники, сколько о крайней степени обнищания башкирского народа в связи с сокращением поголовья стад и неурожаями в последние десятилетия XIX в.

Неудивительно, что вслед за вторым изданием книги С. И. Руденко (1955 г.) появились работы Б. Г. Калимуллина, поставившего целью доказать существование самостоятельной истории строительного дела у башкир, проиллюстрировать сравнительно высокий его уровень. Однако, выполняя эту задачу, исследователь сосредоточил внимание на бревенчатых жилищах. Увлечшись деревянной архитектурой, он преувеличил ее значение в быту населения лесостепных и степных районов. Отчасти это объяснялось тем, что главные маршруты поездок Б. Г. Калимуллина пролегали по богатому лесом северу Башкирии.

Опыт изучения народной архитектуры башкир подсказывал, что только массовый материал, достаточно представительный по территории, собранный по программе, предусматривающей его дальнейшую классификацию, сравнительный анализ жилища по зонам, объективная фиксация всех без исключения форм построек независимо от их оценки с точки зрения уровня строительной техники, выявление степени распространения видов жилища в разных зонах могли бы всесторонне представить традиционную архитектуру башкир в целом и во всех ее местных вариантах. Последние два с половиной десятилетия — период накопления необходимых сведений — явились, таким образом, не менее важным этапом работы, чем приведение в систему и описание собранного материала.

Общая характеристика строительного дела у башкир, выявление связанных с жилым комплексом особенностей, описание территориального своеобразия в устройстве поселений, жилых и хозяйственных построек в зависимости от природных и социально-экономических условий, в какой-то мере восстановление истории развития башкирского жилища — вот те задачи, которые определили содержание и структуру настоящей работы. В отдельных главах выделяются типы поселений (аулы, хутора, кочевья и кратковременные стойбища), излагаются характерные принципы планировки усадеб, описываются различные формы жилых и хозяйственных сооружений. Появление и развитие тех или иных вариантов рассматриваются в связи с хозяйственной деятельностью народа, социально-экономическими отношениями и бытовым укладом, с экологической средой. Одна из глав посвящена организации интерьера и внутреннему убранству жилища. Детально изучен архитектурный декор.

Подробная характеристика локальных особенностей позволила уточнить этнографическое районирование края, дала возможность выявить общие и специфические моменты в истории развития поселений и жилищ на всей территории расселения башкир. Наряду с новыми чертами, появившимися в башкирском жилище в течение последнего столетия⁶⁵, отмечены и архаичные формы, поскольку именно в них могли запечатлеться следы исторического взаимодействия народов и культур в прошлом.

Хронологический диапазон исследования — вторая половина XIX — начало XX в., но многие аспекты темы рассмотрены в более длительной исторической перспективе — с XVII—XVIII вв. до современности. В книге обобщены богатый опыт и традиции народного

башкирского зодчества, сложившегося к концу прошлого века в самостоятельную область традиционной культуры.

Вопросы, связанные с этногенезом башкирского народа и ранними этапами его истории, в настоящей книге решаются попутно, внимание на них не заостряется. Использование выявленных материалов для реконструкции начального периода сложения традиционной культуры и в известной мере для решения этногенетических проблем станет следующей ступенью исследования.

- ¹ *Морган Л. Г.* Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.
- ² Данные вопросы рассмотрены автором в работах: *Шитова С. Н.* Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971, т. IV, с. 174—177; *Она же.* Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир.— В кн.: Этнография Башкирии. Уфа, 1976, с. 49—96; *Она же.* Формирование и развитие башкирского народного костюма. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1968. Рукопись, гл. II.
- ³ *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786, ч. II, кн. 1, 2.
- ⁴ *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства.— Полн. собр. ученых путешествий по России. СПб., 1822, т. IV.
- ⁵ *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799, ч. 2, с. 89—90, 97.
- ⁶ *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. СПб., 1813, ч. 3 (части 1 и 2 вышли в 1804 г.).
- ⁷ Таким образом, Н. Поповым были описаны не только пермские башкиры, но и свердловские, челябинские, а также население айского бассейна, входящее сейчас в БАССР.
- ⁸ *Небольсин П.* Заметки о башкуртах.— Отечественные зап., 1850, т. 73, отд. 8.
- ⁹ *Небольсин П.* Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край.— Вестник РГО, 1852, ч. 4, кн. 1, отд. 5, с. 1—34.
- ¹⁰ Там же, с. 17.
- ¹¹ *Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб., 1854.
- ¹² *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859.
- ¹³ *Железное И. И.* Башкирцы.— Москвитянин, 1854, т. IV, № 14, 17; *Он же.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. М., 1858, ч. 1; *Он же.* Башкиры.— Полн. собр. соч.: В 2-х т. 3-е изд. СПб., 1940, т. I, с. 213—258.
- ¹⁴ *Иванович А.* Башкирская Бурзянская волость.— Оренбургские губ. ведомости, 1862, № 6—9, 12 (то же в кн.: Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Изд. Ник. Калачева. СПб., 1863, кн. V).
- ¹⁵ Описание башкирцев / Сост. Н. Казанцев. СПб., 1867.
- ¹⁶ *Малиев Н. М.* Антропологический очерк башкир.— Труды ОЛЕ, 1876, № 5.
- ¹⁷ *Литвиновский Н.* Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1878.
- ¹⁸ *Флоринский В.* Башкирия и башкиры. Путевые заметки.— Вестник Европы, 1874, кн. 12.
- ¹⁹ Отчет В. В. Лотина был опубликован в «Медицинском вестнике» (1866, № 23—25).
- ²⁰ *В. Л.* О башкирах Красноуфимского уезда (к истории жилища).— Екатеринбургская неделя, 1882, № 15.
- ²¹ Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии. Пермь, 1893.
- ²² *Заварин В.* Из Красноуфимского уезда Пермской губернии.— В кн.: Вестник русского сельского хозяйства. М., 1899, № 9, с. 793—796.
- ²³ *Назаров П. С.* К этнографии башкир.— Этнографическое обозрение, 1890, вып. 1—2.

- ²⁴ Назаров П. С. Предварительный отчет о поездке в Башкирию.— Изв. ОЛЕАиЭ, 1890, т. 68, вып. 1—2, с. 27—37.
- ²⁵ Проф. Сомье. О башкирах/Пер. О. Н. Олениной. Под ред. Д. П. Никольского.— Зап. УОЛЕ, Екатеринбург, 1891—1892, т. XIII, вып. 1, с. 22—34.
- ²⁶ Берггольц Л. Горные башкиры — катайцы.— Этнографическое обозрение, 1893, вып. 3.
- ²⁷ Износков И. А. Кара-Якуповская волость.— Изв. ОАИиЭ, 1893—1894, т. XI, вып. 2.
- ²⁸ Очерк быта и современного состояния ипородцев Урала.— Наблюдатель, СПб., 1895, № 7, с. 271—291; № 8, с. 294—309.
- ²⁹ Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта.— Зап. Российской Академии наук, Серия восьмая, 1897, т. II, вып. 2.
- ³⁰ Рыбаков С. Г. По Уралу, среди башкир.— Наблюдатель, 1899, № 9, с. 62—88; № 12, с. 223—248.
- ³¹ Цит. по: Башкирия в русской литературе. Уфа, 1965, т. III, с. 166.
- ³² Упоминаются деревни Ташбулатово, Абзелилово (ныне Абзелиловский р-н), Второе Иткулово, Темясово (ныне Баймакский р-н), а также ряд кочевьев.
- ³³ С. Г. Рыбаков жил на склонах горы Масим на летовке жителей дер. Мендегулово (ныне юг Бурзянского р-на БАССР).
- ³⁴ Баишев М. Деревня Зиянчурина Орского уезда Оренбургской губернии.— Изв. Оренбургского отдела РГО, 1895, вып. 7. Ныне деревня находится в пределах Оренбургской обл., недалеко от Зиянчурина-ского р-на БАССР.
- ³⁵ Калачев А. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии.— Живая старина, СПб., 1899, вып. 3, с. 313—329.
- ³⁶ Никольский Д. Опыт санитарно-статистического исследования дер. Старо-Соболевой Саринской волости Екатеринбургского уезда.— Пермские губ. ведомости, 1883, № 85—87; Он же. Опыт санитарно-эпидемиологического описания д. Утюбаевой Саринской волости.— Там же, 1884, № 16—19.
- ³⁷ Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропо-
- логическое исследование. СПб., 1899.
- ³⁸ Север Челябинской обл.
- ³⁹ Никольский Д. О башкирах.— Труды VII съезда естествоиспытателей и врачей. СПб., 1889; Он же. Из поездок по Башкирии.— Уфимские губ. ведомости, 1890, № 334; 1891, № 11, 12, 16, 21 и др.
- ⁴⁰ Никольский Д. П. Из поездки к лесным башкирам.— В кн.: Землеведение. М., 1895, т. II, кн. 4, с. 47—64.
- ⁴¹ Харузин Н. Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России.— Этнографическое обозрение, 1896, вып. 1—2.
- ⁴² Харузин Н. Н. Этнография. СПб., 1901, ч. 1, с. 66—67.
- ⁴³ Харузин Н. Н. История развития жилища..., с. 60, 122—123.
- ⁴⁴ Там же, с. 74—77.
- ⁴⁵ Там же, с. 97.
- ⁴⁶ Там же, с. 2.
- ⁴⁷ Там же, с. 124.
- ⁴⁸ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир.— Зап. Географического об-ва СССР, 1925, т. 43, вып. 2. Спустя 30 лет книга вышла вторым изданием: Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955.
- ⁴⁹ Круковский М. А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909.
- ⁵⁰ Выдержка из письма М. Дьюлы цитируется по работе: Ласло Мандоки, Кузеев Р. Г. Предметы народного искусства в башкирской коллекции Венгерского этнографического музея.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962, т. 1, с. 303.
- ⁵¹ В. С. Сыромятников побывал на территории Стерлитамакского, Бурзянского, Баймакского районов БАССР и Аргаяшского р-на Челябинской обл.
- ⁵² Колпакова Н. П. Путевой дневник. Записи научного руководителя фольклорной экспедиции 1938 г. в юго-восточные районы Башкирии.— В кн.: Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1976, с. 212—233.
- ⁵³ Степанов П. Д. Этнографическое исследование башкир Саратовской области.— Советская этнография, 1938, № 1, с. 233; Он же. Этнографическое изучение южной группы

башкир в Саратовской и Куйбышевской областях.— Там же, 1940, № 4, с. 210—212.

- ⁵⁴ *Калимуллин Б. Г.* Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959; *Он же.* Архитектурные памятники Башкирии. Вып. 1. Мавзолей Хусайн-бека. Мавзолей Кәшәнә. Уфа, 1956; Вып. 2. Дворец в Килимово. Уфа, 1957; Вып. 3. Культовые сооружения. Уфа, 1958.
- ⁵⁵ *Калимуллин Б. Г.* Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978.
- ⁵⁶ *Калимуллин Б. Г.* Планировка и застройка башкирских деревень, с. 18—22, 35—37. Одновременно следует отметить, что ценность этих материалов снижается из-за отсутствия точных ссылок на использованный источник.
- ⁵⁷ *Калимуллин Б. Г.* Башкирское народное зодчество, с. 28, 32, 34.
- ⁵⁸ Там же, с. 124.
- ⁵⁹ *Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964, с. 160—174.
- ⁶⁰ Материалы этнографических экспедиций ИИЯЛ БФ АН СССР хранятся в архиве сектора этнографии.
- ⁶¹ Материальная культура башкир. Программа для сбора этнографического материала / Сост. С. Н. Шитова. Уфа, 1975.
- ⁶² *Кузеев Р. Г., Шитова С. Н.* Современное колхозное жилище северных башкир.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962, т. 1, с. 268—282; *Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.* Зауральские башкиры. Этнографический очерк быта и культуры конца XIX—начала XX в.— Там же, с. 223—233; *Шитова С. Н.* Материальная культура башкир бассейна Юрюзани и среднего Ая.— Там же, 1973, т. V, с. 95—105; *Она же.* Постройки типа землянок у башкир.— В кн.: Культура и быт башкир. Уфа, 1978, с. 37—52.
- ⁶³ В разные годы в этнографических экспедициях принимали участие художники Г. И. Мухаметшин, И. Ф. Кибальник, М. Д. Кузнецов, Н. А. Александров, В. М. Шутова.
- ⁶⁴ В накоплении фотоматериалов, кроме автора, участвовали Н. В. Бикбулатов, Г. И. Мухаметшин, М. Г. Муллагулов, М. В. Мурзабулатов, Р. М. Султанов. В 1976—1979 гг. в экспедициях работала фотограф Т. К. Новикова.
- ⁶⁵ Последний вопрос развернуто изложен в работах: *Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.* Преобразования в быту башкирского народа в советскую эпоху.— В кн.: Социально-экономические и культурные преобразования в БАСССР. Уфа, 1980; *Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.* Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979 (глава «Традиции и современность»).

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПОСЕЛЕНИЯ

В дореволюционной литературе при описании башкирского быта было привычным выделять временные поселения (летовки, или летние стойбища) и основные стационарные — аулы. Первые связывались с кочевым образом жизни, вторые — с переходом народа к оседлости. Самое поверхностное ознакомление с фактическим материалом подсказывает, что такой подход был не совсем верным.

Официальные переписи населения, опубликованные во второй половине XIX в. статистические и экономические отчеты и обзоры Уфимской, Оренбургской, Пермской губерний зафиксировали длинный перечень башкирских деревень. Очевидно, для прошлого столетия стационарный тип поселения — аул у башкир был основным. Однако полевые и литературные источники свидетельствуют, что даже в начале нашего века он не был единственным. Долгое время в южной Башкирии практиковались выезды на летние пастбища и, следовательно, существовали кочевья. Летовки в степи не были похожи на летовки в горно-лесной местности. По характеру жилищ осенние стойбища отличались от летних и весенних. Коллективные кратковременные поселения устраивались на сенокосах. До конца 20-х — начала 30-х годов XX в. во многих районах Башкирии существовали зимние хутора — утары. Выселки из двух-трех домов встречались при пасеках, мельницах, на больших дорогах между селами. Наконец, и сами аулы ни по численности населения, ни по внутренней организации не были однородными.

В проблеме, связанной с башкирскими поселениями, немало слабо освещенных и нерешенных вопросов. В этнографической литературе до сих пор не упоминалось о поселениях хуторского типа, бегло и односторонне представлены кочевки, слабо отражены территориальные особенности в облике деревень.

Внимание исследователей привлекает вопрос о времени возникновения башкирских аулов. Он оказался трудноразрешимым не только из-за недостатка документальных источников по ранним периодам истории, но и по причине неразработанности критериев, позволяющих отличить ранние аулы от прежних зимовок.

Многовековая история человечества учит, что время и обстоятельства образования поселений, их планировочное устройство, уровень строительной техники, виды архитектурных сооружений и их дальнейшее совершенствование бывают неразрывно связаны с социально-экономическим развитием народа. Зависимость истории жилищ и поселений от истории хозяйства особенно тесна у скотоводов. Изменения в образе жизни кочевников, возникавшие по мере нарушения соотношения традиционных отраслей хозяйства, очень

скоро приводили к смене типов жилищ, что не могло не отразиться на облике поселений. Однако наряду с новыми еще некоторое время продолжали существовать давно принятые формы. Отсюда многообразие жилищ и поселений у бывших кочевников — башкир и других тюркских народов на территории европейской части СССР и Сибири — в XIX — начале XX в.

Необходимо сразу отметить, что понятия «временные», «постоянные», употребляемые в отношении башкирских поселений и жилищ в XIX в., до некоторой степени были условными. Кочевая община из года в год весной, летом и осенью останавливалась в строго определенных местах; летовки горно-лесных башкир, например, состояли из срубных избушек, служивших жильем в течение нескольких сезонов. В то же время «постоянные» аулы на значительной территории Башкирии были фактически лишь временным зимним пристанищем, оставаясь пустыми с апреля-мая по октябрь, когда население обитало на летних пастбищах. Вместе с тем нельзя не признать, что аулы, возникшие, как видно, из зимовок и сохранявшие долгое время кочевые черты, были уже в сущности поселениями нового типа.

Ниже мы остановимся более подробно на моментах, сыгравших решающую роль в образовании и развитии башкирских аулов.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ БАШКИРСКИХ ДЕРЕВЕНЬ (аулов)

Проблема возникновения башкирских деревень не может быть понята правильно без изучения общих вопросов, связанных с историей жилища скотоводов-кочевников. Одним из них является вопрос о появлении и развитии стационарных поселений (ауыл) из бывших зимовок (кышлау, кыштак).

В истории кочевого скотоводства выделяют два последовательных исторических этапа: кочевание круглогодичное и кочевание сезонное (весенне-летне-осеннее) с длительной остановкой в определенном месте на зимний период¹. Однако во второй этап кочевые народы и даже отдельные группы одного и того же народа могли вступить неодновременно. Например, казахи Кызылкума продолжали кочевать в течение всего года еще в конце XIX в., в то время как на остальной территории преобладало полукочевое скотоводство². У большинства башкир переход к полукочевому скотоводству произошел сравнительно рано. Покрытые густой растительностью северные районы Башкирии, так же как и лесистые склоны Уральских гор, мало способствовали длинным и частым перекочевкам, особенно в зимнее время. Не лишено логики существующее в литературе мнение, что на большей части Башкирии переход населения от кочевого скотоводства к полукочевому «с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте» происходил начиная с XI в.³. Зимние поселения, немногочисленные, как и у дру-

гих кочевников, возникали по берегам рек и вблизи родников на лесных полянах и состояли из тщательно сооруженных приспособленных к холодам жилищ. Такими жилищами могли быть землянки или небольшие срубы, сохранявшиеся до последнего времени в быту башкир в качестве хозяйственных построек. Жилища, вырытые в земле на берегу реки, упоминаются в шежере племени юрматы в связи с событиями начала XV в.⁴ В землянках жили башкиры, принимавшие участие в строительстве Уфимской крепости (XVI в.)⁵. О жилищах-землянках с встроенным деревянным каркасом вспоминают башкиры восточного Зауралья⁶.

Мнение о том, что уже в древности на зимниках у кочевников могли быть наряду с переносными и оседлые постройки, высказано С. И. Вайнштейном⁷. Одним из доказательств служит изображение поселка на Боярской писанице в Минусинской котловине (около рубежа н. э.)⁸.

У башкир жилища не всегда были четко разграничены на летние и зимние. Бывали случаи, когда наименее обеспеченные семьи не только на зимовках, но и на летовках жили в землянках. Срубные избышки (бурама, бура аласык) с очагом для приготовления пищи и печью-камином для обогрева могли быть и летним, и зимним жилищем. Почти в таких же домиках жили на зимниках-утарах. О древности некоторых непереносных построек башкир (и, следовательно, возможном использовании их в прошлом на зимовках) говорят строительные конструкции, аналогичные распространенным в Прикамье, а также у народов Западной и Южной Сибири.

Зимние поселения с основательно построенными жилищами могли существовать у башкир уже в тот период, когда Рубрук, проследовав через волго-уральские степи в Среднюю Азию (1240 г.), оставил в дневнике запись о том, что башкиры — «пастухи, не имеющие никакого города»⁹. О длительных остановках кочевников-башкир на период зимы сообщал еще Ибн Русте (X в.): «С наступлением зимнего времени кто из них к какой реке ближе, к той реке и прикочевывает и остается там в продолжение зимы»¹⁰.

Одновременно у башкир лесостепной и степной зон могли практиковаться небольшие зимние перекочевки; жилищем в зимних условиях были утепленные юрты или шалаши-чумы. О конических жилищах, обложенных корой и дерном, сохранилось воспоминание у населения Курганской и Челябинской областей. В преданиях зауральских айлинцев говорится: «Предки наши кочевали летом и зимой. Зимой на юрту накладывали два-три слоя войлока, набрасывали снег. В середине юрты делали глинобитную печь, дым уходил через верхнее отверстие в юрте»¹¹. В одном из документов XVIII в. (1737 г.) можно найти свидетельство взятых в плен башкир о том, что их старшины со своими людьми «зимою кочевать хотят по Тоболу-речке и по Тугозяку»¹². Однако из контекста ясно, что здесь речь идет не столько о кочевании, сколько о зимовке в долине названных рек.

Принципы ведения скотоводческого хозяйства, некоторые факты из башкирской истории и сопоставительные данные по другим сход-

ным по хозяйственному укладу народам дают возможность заключить, что зимовки были небольшими и сравнительно легко переносимыми поселениями. Как и летние стойбища, они состояли из жилищ небольшой группы родственных семей.

Можно выделить и ряд признаков, характерных уже для ранних деревень (аулов). Это прежде всего более или менее постоянное место расположения; прочно сооруженные, рассчитанные не на один сезон жилища — избы, землянки. Основание таких поселений было целесообразно при наличии вотчины — определенной территории, в пределах которой и проходила хозяйственная жизнь аула. Контингент населения аула был более широким, чем зимовки: он мог объединять несколько кочевых общин и даже включать чужеродные элементы.

Термин «ауыл» древнего происхождения; он обнаруживается не только в большинстве тюркских, но и в монгольских языках¹³. В прошлом у ряда народов (киргизов, тувинцев и др.) он означал кочевую общину, которая могла состоять из нескольких групп родственных семей, кочевавших поблизости друг от друга¹⁴. Позже этот термин более широкого социального содержания, чем «кышлау», закрепился в языке некоторых тюрков (прежде всего расселенных на территории Восточной Европы — у башкир, татар, ногайцев, балкарцев и др.¹⁵) в значении «поселение», «деревня».

Логично предположить, что возникновение деревень на севере и северо-западе Башкирии произошло раньше, чем на юге и востоке.

Дошедшие до нас документы XVII—XVIII вв. отразили, как видно, ранний этап в существовании башкирских деревень. В документах XVII в. (на русском языке) упоминаются, кроме летних, зимние кочевья¹⁶. Когда употребляется термин «зимовье», речь идет чаще всего о существовании деревни. «А той-де Ногайской дороги все башкирцы пашню пашут и хлеб сеют по старым своим зимовьям и хоромы строят», — докладывали в 1675 г. воеводе служилые люди И. Гречкин и Е. Кинишемцев после поездки по башкирским волостям¹⁷. Как можно установить из текста, имеются в виду районы в среднем течении р. Белой к югу от г. Уфы. В деловых бумагах первой половины XVII в. упоминания о деревнях единичны; тем не менее в самых ранних документах, опубликованных в «Материалах по истории Башкирской АССР», уже в 1600 г. называются дер. Телевая в Кипчакской волости и дер. Челчеуцкая в Уфимском уезде¹⁸. С середины XVII в. сообщения о существовании у башкир деревень встречаются все чаще. В наказной памяти уфимского воеводы А. М. Волконского, выданной в 1664 г. боевому отряду, посланному для налаживания отношений с башкирами Ногайской дороги, приводится длинный список аманатов с указанием их местожительства¹⁹. Названия деревни и волости часто совпадают, в то же время они соответствуют наименованию рода или родового подразделения: «Булярские волости и деревни», «Иланские волости и деревни», «Каршинские волости и деревни», «Табынские волости и деревни», «Юрматинские волости и деревни» и т. д. В документах XVIII в. обозначение деревни — явление привычное, хотя и в этот

период составители бумаг нередко ограничивались лишь названием волости. На протяжении XVIII в. еще было живо и понятие «зимовье»; оно редко употреблялось в деловой переписке, чаще — в научной и художественной литературе. В одной из служебных докладных, поданных в Табынск (1737 г.), содержится сообщение, что башкирский предводитель Сеит-бай «ныне жилище имеет зимовье свое за Пшейдяком-горою над Белою-рекою в 20 дворах»²⁰. В данном документе зафиксирован деревенский тип поселения. Нечеткость употребления терминов характерна для ранних научных трудов. П. С. Паллас описывает, как он и его спутники «прибыли к гладкому над Юрьюзенем (р. Юрюзань на северо-востоке Башкирии.— С. III.) месту, окруженному со всех сторон крутыми гор отрогами, на коем поселено башкирское зимовье... Зимовье именуется Сулпа или по названию нынешнего управителя Муссытаул»²¹. На р. Миассе возле Юзупаула автор записывает, что «башкирцы на сих только днях оставили свои зимовья, начали жить в кибитках»²².

В русских документах XVII—XVIII вв. термина «аул» нет. Однако в башкирском языке он существовал первоначально, как можно предположить, для обозначения кочующих вместе родственников, т. е. в смысле «община». Возможно, этим и объясняется совпадение названий деревень и волостей с родо-племенной номенклатурой. В XIX в. официально были приняты термины «аул» и «деревня», но в то время как в историко-этнографической литературе употреблялся предпочтительно первый, в документах был распространен второй.

Демографическая картина, которую застал С. И. Руденко в начале нашего века, складывалась долго и сложно, на протяжении почти четырех последних столетий. Изначальным этапом ее формирования надо, видимо, признать период присоединения башкирских земель к Русскому государству (XVI в.). С этим историческим актом связано разграничение вотчин, официальное закрепление определенных территорий за присоединившимися башкирскими племенами и родами, что стало возможным благодаря ликвидации политической раздробленности Башкирии, прекращению междоусобных войн, освобождению башкирского народа из-под власти ногайских и татарских (западносибирских) властителей, переселению ногайцев в южные степи. Вхождение в состав Русского государства, признание господства русского правительства имело и другие последствия, глубоко затронувшие экономическую основу башкирского общества, сыгравшие роль в изменении не только структуры, но и принципов ведения традиционного хозяйства. Достаточно сказать, что в исторической литературе добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству признается побудительной причиной перехода ее населения к оседлости²³.

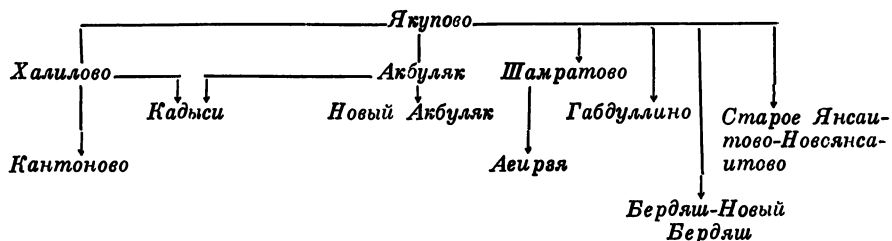
Названия деревень, зафиксированные в документах XVII в., в официальных списках XIX в., за редким исключением, не встречаются, что объясняется непрочностью первых поселений и возможным дальнейшим изменением этих названий.

Самые ранние картографические схемы Башкирии относятся к XVIII в. На карте Уфимского наместничества 1736 г. в верховьях р. Белой значится дер. Магадеева²⁴. На карте Оренбургской губ. (1756 г.) на р. Ай можно найти деревни Абдуллино, Кызылбаево, Сальзигутово, Сабанаково, Мечетлино²⁵. На карте Уфимского наместничества 1786 г. в бассейне р. Ай, кроме названных, отмечены 11 деревень: Юнусово, Тимиряково, Сулейманово, Трубкильдино, Таишево, Азангулово, Яушево, Абдрашитово, Халилово, Лагерево, Терменево; в бассейне р. Юрюзань — деревни Калмакулово, Каратавлы²⁶. В верхнем течении р. Белой в это время обозначены деревни Абдулмамбетово, Байназарово, Тимирбаево и др. Заметно, что на картах XVIII в. в южной половине Башкирии деревень меньше, и это объясняется не только слабой изученностью горной части, но и тем, что зимники южных башкир долгое время носили характер кочевых, т. е. временных, поселений. Не все жилые пункты были замечены и нанесены на карты, а из нанесенных не все сохранились до середины XIX в. П. С. Паллас, побывав в бассейне Юрюзани, назвал ряд населенных пунктов: Каратавлы, Бикбулат-аул, Шайтанаул, Муссятаул и др.²⁷; из них только деревни Мусятово и Каратавлы сохранились до наших дней. Десятки деревень перечислены в документах XVIII в.²⁸, немногие существуют ныне.

Устные истории сохранили факты перемены места обитания, разделения аула, смены названия и другие моменты развития поселений во времени. Как можно заметить, в ряде случаев неустойчивость существования поселений объяснялась не страстью к перекочевкам и даже не экономическими предпосылками: во все периоды история деревень была тесно связана с политическими событиями в крае. В легендах и родословных запечатлены давние события: приход родо-племенных групп на данную территорию, ее освоение, земельные отношения с вотчинниками (в тех случаях, когда территория была уже занята) или соседями. По количеству поколений можно определить примерное время основания деревень. Как в генеалогическом древе, можно изобразить «куст» поселений, выделив более ранние, установить связь деревень друг с другом. Такой «куст», как правило, охватывает род или родовую группу. Память поколений хранит наиболее старую, «основную» деревню (тәп ауыл), от которой отделились в свое время другие (обычно на новое местожительство переезжали сыновья, позже внуки); «куст» мог быть очень разветвленным, особенно у северных и северо-восточных башкир. История деревень — это по существу история семейных групп, а в прошлом — родовых подразделений. В то же время генеалогические предания дают нам немалый материал по ранней истории деревень (XVI—XVII вв.). Любопытны некоторые из них²⁹.

Суннарские башкиры живут сейчас узкой полосой с северо-запада на юго-восток около пос. Караидель — на берегах р. Уфы и в нижнем течении ее притоков Юрюзани и Байки. Земли по р. Байки являлись местом первоначального обитания суннарцев; наиболее старой здесь считается дер. Якупово, от нее произошли деревни Акбуляк и Халилово, основанные сыновьями Якупа. Два столетия

назад в связи с тем, что значительная площадь вотчинных земель по р. Байки была занята таныпскими башкирами и марийцами, часть суннарцев переселилась на восток — на берега Уфы и Юрюзани. Здесь в благоприятных условиях, в которых можно было спокойно охотиться, ловить рыбу, заниматься бортевым пчеловодством, и были основаны деревни Шамратово, Габдуллино, Янсаитово, Бердяш. Позже из них выделилась часть хозяйств, положив начало деревням Агирзя, Новое Янсаитово, Новый Бердяш. Во второй половине XIX в. прошла волна переселений из деревень Акбуляк и Халилово и на р. Юрюзани появились деревни Кантоново и Кадыси. История суннарских деревень отражена в следующей схеме:

Из-за фрагментарности сведений трудно восстановить все хронологические вехи, однако ясно, что от истоков старинной дер. Якупово нас отделяет не менее трех столетий.

Согласно преданиям, на среднем Ае самой ранней является дер. Лагерево. Ее основатель Сыскан имел трех сыновей и, когда они выросли, разделил между ними свои земли. Самый младший, Тырнаклы, остался в деревне отца; позже его дети и внуки образовали деревни Юкаликулево, Ягуново, Ибраево, Кадырово. Жители этих деревень вместе с дер. Лагерево и составили тырнаклинский род. Средний сын Мырза, получив земли по Юрюзани, выстроил там, где теперь дер. Мечетлино, мечеть и основал первое поселение и свой собственный род мырзаларцев. Через несколько десятков лет выше и ниже по течению реки появились деревни Ахуново, Ильтаево, Махмутово, Аркаулово, Бадраково. Самым многочисленным оказался род старшего сына Дувана. Он положил начало аулу Дуван-Мечетлино. К XX в. насчитывалось уже 25 дуванских деревень. Наиболее старые — Абзаево, Аллагулово, Таишево, Старояушево, Азангулово, Каранаево, Трупкильдино, им более 300 лет, но и среди них можно обнаружить определенную преемственность. Известно, что дер. Старояушево отделилась от Абзаево. В конце XVIII — начале XIX в. образовались деревни Верхнее и Нижнее Тукбаево, Буранчино, Апшаново, Новояушево, Аккино (отделилась от Трупкильдино) и др.; 120 лет назад из Дуван-Мечетлино часть населения переселилась за Ай, основав на противоположном возвышенном берегу дер. Гумерово. Среди первых селений существовала дер. Акбай (теперь на этом месте русское село). Сыновья старика Акбая образовали деревни Исмагилово, Куршалино, Ясын, Исенбаево, Старомишарово. В начале XIX в. после затопления часть жителей дер. Старомишарово поселились около дер. Исенбаево, образовав дер. Но-

вомишарово; до сих пор жители Новомишарова называют дер. Старомишарово «иске йорт», т. е. старый дом, место прежнего обитания.

Сартские башкиры пришли на северо-восток позднее, когда здесь уже были тырнаклинцы и дуванцы. Как гласит легенда, их предок Каракисяк получил землю в среднем течении Ая в качестве приданого за девушку из дуванского рода. Это было около 300 лет назад. Для первого поселения облюбовали высокое место на правом берегу Ая — там, где сейчас русская дер. Сарты, но потомки со временем разъехались в разные стороны; родовое подразделение (аймак-аймак) «Каракисяк» сохранилось, в частности, в дер. Маржамгулово. Сыновья Каракисяка основали деревни Халилово, Ариево, Абсаламово, Абдрашитово, Мелькет, Маржамгулово. Шесть сартских аулов долгое время владели сообща вотчинной землей.

Коротко мы остановимся на истории еще одной компактной группы деревень в нижнем течении Ая, основателями которых были башкиры из кошсинского рода. Они пришли из северо-западных областей Башкирии, где издавна занимались не только скотоводством и охотой, но и земледелием. К началу XX в. насчитывалось 11 кошсинских деревень. История запечатлела неустойчивость ранних поселений. Первооснователь (олоатай — букв. «старший отец») поселился сначала там, где теперь с. Ярославка, позже аул был перенесен ближе к Аю. Наиболее старым аулом считается Мелекасово. После присоединения к России, потеряв вотчинные земли по р. Мелекесу, большая масса кошсинцев переселилась на Ай. Здесь уже были выселки из Мелекасово: Абдрахимово, Айдакаево, Сулейманово. Теперь появились новые деревни — Лемез-Тамак, Бургаджино, Сабанаково, Аюпово и др. В них соединились группы семей из дер. Мелекасово — главного родового аула — и переселенцы из других кошсинских деревень; об этом говорит пестрый состав аймаков в названных населенных пунктах.

Заселение юго-западных районов Башкирии и образование на этой территории ныне существующих деревень связано с XVI—XVII вв., периодом активного освоения этих земель башкирами после отхода на юг ногайцев. Минские башкиры, владевшие в XIII—XVI вв. землями в нижнем течении р. Уфы, после ухода ногайцев заняли обширную территорию по долинам Уршака и Демы³⁰, получив на нее вотчинные права. В XVI—XVII вв. здесь появились первые минские деревни. Одновременно в верховья Демы, Ашкадара, Сухайли, Куюргазы устремились потоки скотоводов из горной зоны. Из бассейна р. Большой Ик на юг современного Кумертауского р-на более 300 лет назад перекочевала группа кипчаков. Сохранилось предание о том, как пришедшие во главе с предводителем Якшимбетом долго и тщательно выбирали место для деревни, кочуя в бассейне Юшатыря, притока р. Салмыш. Первоначально Якшимбет поселился на лето на берегу р. Бол. Куюргаза (приток Юшатыря). На зиму он вернулся на Ик, чтобы на следующий год привести остальных родственников. Кочевой его род провел летовку на берегу Салмыша, но постоянного поселения основать там кипчаки не решились, поскольку место показалось слишком от-

крытым. Пройдя вверх по течению Юшатыря, нигде не остановившись, перешли в бассейн Бол. Куюргазы и в среднем ее течении на низком пойменном месте основали аул. Место оказалось сырым, и лет через 25—30 перебрались на другой, левый, берег реки, поставив дома на склоне горы. Вслед за тем соорудили каменную мечеть. Так было положено начало дер. Якшимбетово. На месте прежнего поселения еще в 50-е годы XX в. можно было видеть ямы от фундаментов изб; рядом располагалось старое кладбище³¹.

Освоение земель кипчаками проходило в борьбе с группой бурзян, пришедших со стороны Ирендыкского хребта. Бурзянами были отвоеваны земли в верховьях р. Бол. Куюргаза и основаны деревни Таймасово, Муталово, Туканово, Ялчакаево, Якупово. Самой старой в этом «кусте» считается деревня родового предводителя Таймаса. Другая небольшая группа зауральских бурзян поселилась на земле минцев на средней Деме, образовав дер. Тебетеево (современный Альшеевский р-н).

Почти в то же время в бассейн верхней Демы пришли с Урала тамьянцы. Им принадлежат деревни Култай-Каран, Тамьян-Таймас, Зириклыкуль Миякинского р-на.

В шежере юрматынцев рассказывается, как после присоединения к Русскому государству на племенном собрании закрепленная за племенем земля была разделена между отдельными родами согласно жребию. Территория по р. Ашкадар досталась Татигас-бию, правобережье р. Белой от устья Нугуша, включая долины рек Тор и Селеук,— Азнаю, узкая полоса земли от горы Туратау, через устье р. Стерли к верховьям Кутанака и Уршака — Ильчик-Тимеру, а луга и леса в бассейне рек Зиган и Шишняк — Кармышу³². К тому времени (конец XVI в.) эти четыре рода у юрматынцев были наиболее сильными. Акт разделения вотчинных земель имел существенные последствия. До этого освобожденные от ногайцев земли в бассейне Ашкадара и Стерли использовались башкирами для летовок; на зиму племя собиралось за р. Белой, располагаясь по ее правым притокам от горы Туратау на юг, почти до излучины реки. В XVI—начале XVII в. там уже существовали постоянные поселения. Со второй половины XVII в. началось переселение массы юрматынцев на левый берег р. Белой. На рубеже XVII—XVIII вв. появилось большинство юрматынских деревень на Ашкадаре и Стерле³³. В памяти переселенцев сохранилась связь с теми или иными забельскими деревнями, нередко здесь и там до последнего времени существовали одинаковые родовые подразделения — аймаки. Дер. Максютово на Ашкадаре была основана выходцами из деревень Старомаксютово и Сайраново на р. Селеук. Дер. Аючево связана с дер. Хазино. В деревнях Сарайсы, Карайсы, Калмак и Шэкэр были общие родовые подразделения с дер. Салихово на правобережье р. Белой. Жители этих деревень еще в XIX—начале XX в. ездили друг к другу в гости. Предки башкир дер. Мурдашево были выходцами из Кинзебулатова и других забельских деревень. Основатели дер. Старый Калкаш вели свое происхождение из дер. Урман-Бишкадак. Из тех же мест переселились на р. Стерлю и другие тальтимские группы

(деревни Кунакбаево, Ибракаево, Баимово и др.). Потомки Татигас-бия расположились поселениями в верхнем течении Ашкадара и Кундряка, образовав деревни Четырман, Бала-Четырман, Якушево, Кабыккушево и др.

Небольшая волна переселений со старых юрматынских территорий обнаруживается и в южном направлении. В бассейн Бол. Ика часть юрматынцев раньше приходила на зимовье, на лето перебираясь за р. Белую в Уральские горы. С разделением вотчинных владений группа юрматынцев обосновалась на берегах Большого и Малого Ика, положив начало деревням Сайткулово, Сапыково, Давлеткулово, Тулебаево. Как гласит предание, их основателями стали сыновья Шәкәрәмбета, пришедшего в эти места первым³⁴. На связь названных деревень указывает наличие в них одинаковых семейно-родственных групп.

Юго-восточное Зауралье (Хайбуллинский, Баймакский р-ны) еще три века назад не имело постоянных поселений. Степи использовались для охоты, кочевок или тебеневок; здесь всегда существовала опасность набегов со стороны казахов и калмыков. В первые столетия после присоединения Ногайской дороги* к Русскому государству наблюдался сильный поток башкир из этих мест на западные отроги Уральских гор и в бассейн Демы. Массовое образование постоянных поселений в юго-восточных степях стало возможным лишь с постройкой оборонительной линии по р. Урал, основанием крепостей и казачьих слобод. История юго-восточных башкирских деревень редко насчитывает более 250 лет. Почти все информаторы говорили, что их предки пришли с гор, со стороны р. Белой³⁵. Бурзяне рода Ямаш основали первой на р. Сакмаре дер. Кинзебулатово; позже она стала называться Буранбаево — по имени Буранбая, сына Кинзебулата. В XVIII в. от нее отделилось 1-е Иткулово; долгое время эту деревню называли также Новое Кинзебулатово. Уже в начале нашего века из 1-го Иткулово выделилась дер. Юмашево (или Ялан-Ямаш).

Ниже по р. Сакмаре расселилась группа башкир-тангауров. Самой старой из деревень была Максютова в низовьях р. Зилаир, притока Сакмары. По преданию, родовой предводитель Максют имел девять сыновей, которые, получив от отца землю и расселившись, образовали деревни Мамбетово, Юмагузино (Каримово), Якупово, Салимово, Абдулкаримово, Куватово и др.

Материалы по этнической истории башкир XV—XIX вв. могли бы поэтапно представить процесс возникновения башкирских деревень на Южном Урале. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные фрагментарны. Они освещают лишь отдельные эпизоды этого многопланового события.

Присоединение башкирских земель к Русскому государству послужило стимулом для активизации экономической и политической жизни местного населения, создало условия для интенсивного освое-

* Ногайская дорога — одна из административных областей: горные районы Южного Урала и юго-восточное Зауралье.

ния пустующих пространств и образования новых поселений. Немало деревень зафиксировано в XVII в., хотя эти сведения имеют отношение главным образом к северным и центральным районам Уфимского уезда*. О появлении целых «кустов» поселений на северо-востоке (в айском и юрюзанском бассейнах) говорилось выше. Существовали, видимо, постоянные места зимовок в горных районах. Образование массы деревень в юго-западной Башкирии относится к концу XVI — первой половине XVII в. Еще позже, во второй половине XVII — начале XVIII в., было основано большинство деревень юго-восточного Зауралья.

Скорее после присоединения Башкирии к Русскому государству появляются города-крепости Уфа, затем Бирск и Мензелинск. В XVII в. возводятся ряд новых крепостей, десятки острогов и слобод. На башкирских землях строятся закамская и зауральская (западно-сибирская) оборонительные крепостные линии. В XVIII в. появляются крепости-редуты по рекам Уралу, Сакмаре, Току и Урану. Развернулось горнозаводское строительство: к середине XVIII в. на территории Башкирии находилось уже 28 заводов³⁶. Во второй половине XVIII в. был основан г. Стерлитамак.

В XVII—XVIII вв. прослеживаются потоки переселенцев с севера и северо-запада в направлении р. Уфы и ее левых притоков Юрюзани и Ая³⁷. В сторону Уральских гор заметно некоторое передвижение населения из восточного Зауралья³⁸. В то же время с постройкой заводов группы семей и целые деревни переселялись из внутренних горных районов на северо-восток, в юго-восточное Зауралье, в бассейн Нугуша и средней Белой³⁹.

Когда начали строить г. Стерлитамак, население из его окрестностей переехало на новые места, вверх по рекам Ашкадару и Стерле. Дер. Табулда (в прошлом Кутлуялова) находилась раньше в 10 км от города. Ее жители переселились на приток Ашкадара р. Кундряк⁴⁰. При разрастании деревни 100 лет назад часть семей выделилась, образовав дер. Урман.

Переселения башкир были вызваны не только постройкой крепостей и заводов. Было немало случаев выселения из вотчин семей участников антикрепостнических восстаний⁴¹. Существовали, видимо, и иные причины потери вотчинных прав на землю, связанные с углублением имущественного расслоения внутри родовой (позже аульной) общины. Закон 11 февраля 1736 г., разрешивший продажу и сдачу в аренду башкирских вотчинных земель и угодий, зафиксировал начавшийся сам по себе социально-экономический процесс и послужил толчком к его развитию.

В документах XVIII в. отражены многочисленные факты припуска групп башкир в ту или иную вотчину с правом поселения. Еще в 1715 г. башкиры Казанской дороги Иланской волости припустили «в вотчину свою поселитца двором, где похочет, пашня пахать и сена косить, в лесу бревна и дрова рубить» выходца из

* Четыре «дороги» Башкирии — Казанская, Осинская, Сибирская и Ногайская — составляли Уфимский уезд.

Бурзянской волости (Ногайская дорога) Ишкильду Ишкеева⁴². После закона 1736 г. такие сделки стали совершаться в массовом порядке. Сохранилось несколько договорных записей от 1738 г. о сдаче в постоянное пользование земель разных волостей Казанской дороги. Башкиры дер. Сабаевой Кыр-Кайлинской волости составили договор о припуске жителей дер. Касаевой Енейской волости: «...припустили мы, Миней, Сюлюк и Сарбай с товарищи, их, Бекметя и Темира с товарищи, на вотчинную свою землю для поселения 12-ти дворами». Другой договор допускал переселение енейцев на вотчинную землю кыр-кайлинцев «для поселения дворами» и давал разрешение «на хорошее строение в той... вотчине бревна рубить и лубья снимать, сколько понадобится»⁴³. В записи, данной жителям дер. Илак Енейской волости, говорилось о припуске «для поселения... 30-ти дворами... по речкам Сюне да Сикие» (Гирейская волость)⁴⁴. В 1757 г. башкиры Киргизской волости Казанской дороги дали согласие на припуск переселенцев из Байлярской волости, предоставив им право поселиться у них «осмнатцети дворами, жить, землю пахать, сено косить, лес рубить, дворами строитца»⁴⁵. В 1745 г. была сделана запись вотчинниками Яик-Суби-Минской волости об отдаче семьям из Мокшанской волости в оброчное владение вотчинной земли по р. Асов. В договоре записано: «Сию ж землю отдали мы и чтоб в вышеописанных урочищах селиться дворами, деревья делать, поля городить, сено косить, мельницы строить (курсив мой.— С. III.) и всякого зверя побивать, и рыбу ловить»⁴⁶. 40 дворов башкир Сарайли-Минской волости было припущено в Кульиль-Минскую волость по р. Деме. В 1772 г. на землях Юрматынской волости Ногайской дороги поселились 60 дворами припущенники Бурзянской, Гирей-Кипчакской и других волостей⁴⁷.

Информаторы старшего поколения, сообщая историю деревни, иногда рассказывают, как их предки пришли со стороны и поселились на земле местного рода башкир в качестве припущенников. Например, в устье Нугуша и на противоположном берегу Белой расселены в 12 деревнях тамьянцы (деревни Большое Мукачево, Маломукачево, Исламгулово, Тюляково, Смаково, Яктыкуль, Кутушево, Старомусино, Маломусино, Ташлыкуль, Юмагузино, Илькинеево, Калмаково). Самой старой среди них является дер. Смаково, в прошлом называвшаяся родовым именем — Тамьян. В памяти поколений сохранились воспоминания о том, как группа тамьянцев во главе со Смаком в конце XVIII в. переселилась из глубинных районов Южного Урала и осела на землях кипчаков рода сэнкэм. Деревни местных кипчаков со всех сторон теснили тамьянские деревни. В свою очередь в некоторых местах Бурзянского р-на можно услышать историю о том, как в горах на тамьянских землях в качестве припущенников появились тангауры (дер. Яумбаево), в связи с чем часть тамьянцев, лишившись вотчинных земель, ушла на р. Нугуш⁴⁸. Выше говорилось о поселении на минских землях на р. Деме припущенников-бурзян (дер. Тебетеево). Башкиры Табынской и Катайской волостей после потери вотчинных земель откоче-

вали в южные степи на территорию современных Куйбышевской и Саратовской областей⁴⁹. Таких историй можно привести немало, хотя считается, что в общем потоке переселенцев башкиры составляли незначительную часть⁵⁰.

Заселение башкирских земель бежавшими из центральной России и Среднего Поволжья русскими и нерусскими крестьянами началось почти сразу же после присоединения Башкирии к Русскому государству. Этот процесс активизировался во второй половине XVII в. в связи с усилением крепостнического гнета в стране, особенно после подавления крестьянского восстания под предводительством Степана Разина. В XVII — начале XVIII в. поселение на башкирских землях пришельцев совершалось на правах припуска. Допущенные в вотчину переселенцы могли размещаться на отведенном им участке в башкирских аулах, чаще же ими основывались собственные поселения⁵¹.

Закон от 11 февраля 1736 г., разрешавший продажу вотчинных земель, открыл дорогу переселенческому потоку. Но настоящей переселенческой эпопеей стал XIX век⁵².

Историки отмечают, что увеличение населения Оренбургского края (куда входила Башкирия) в первой половине XIX в. в 2,5 раза объясняется главным образом притоком переселенцев из внутренних областей России. Особенно активно заселялись территории Зауралья между реками Миасс и Уй, а также юго-западные земли Башкирии — Оренбургский, Бузулукский, Бугульминский, Бугурусланский уезды⁵³.

Мощная волна переселений приходится на последнюю четверть XIX в. Она была вызвана не только отменой крепостного права, но и постройкой Самарско-Оренбургской и Самарско-Златоустовской железных дорог, а также широкой перепродажей башкирских земель в связи с размежеванием. После отмены крепостного права до конца XIX в. в Уфимскую губ. прибыло около 200 тыс., в Оренбургскую — более 125 тыс. человек⁵⁴.

В Уфимской губ. переселенцы разместились главным образом в Стерлитамакском, Уфимском, Белебеевском уездах. В Мензелинском уезде свободных земель не оказалось. Западная часть Бирского уезда также была освоена в более ранний период, в восточной же части земля считалась неудобной для занятий земледелием. В Оренбургской губ. большинство пришельцев осело в Оренбургском и Орском уездах. В Верхнеуральском, Челябинском и Троицком уездах удобные для распашки земли принадлежали казакам⁵⁵. В горные районы переселений почти не наблюдалось. Расположенные в ущельях башкирские аулы, оказались, таким образом, огражденными от пришлого инонационального населения.

Приток переселенцев из районов Поволжья и внутренних областей России (Тамбовской, Курской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Тульской и других губерний) повысил плотность населения в крае, что не могло не повлиять на хозяйственный уклад башкир: сокращение свободных площадей заставило обратиться к интенсивным формам хозяйства — пастбищному скотоводству и земледелию.

Последнее в свою очередь знаменовало завершение перехода башкир к оседлому образу жизни.

Следует отметить, что этот процесс в середине и второй половине XIX в. не вел к образованию новых деревень. В то же время прекращение кочевок создало условия для благоустройства существовавших аулов, ставших единственным местом жительства, способствовало лучшей организации усадеб. Немалую роль здесь сыграло культурное влияние оказавшихся по соседству с башкирами русских, украинцев и других крестьян, выходцев из земледельческих губерний России.

В 1797 г. был принят указ о размежевании земель в ряде восточных губерний, в том числе Оренбургской, в состав которой входила в то время Башкирия. Поводом для создания межевых комиссий послужила необходимость урегулирования земельных отношений между вотчинниками и припущенниками, разрешение земельных тяжб и конфликтов; но настоящей целью явилось стремление экспроприировать земли в пользу государственной казны. Инструкция, которой пользовались члены межевых комиссий, предполагала при решении спорных дел в случае отсутствия документов, подтверждающих вотчинные и арендные права на участок, передавать его «в число государственных земель»⁵⁶. В Башкирии, где земельные отношения были очень запутанными, это положение способствовало созданию значительного земельного фонда, который в дальнейшем использовался для размещения переселенцев. Генеральное межевание, закончившееся к 1832 г., явилось одной из форм отчуждения башкирских вотчинных земель, но земельных споров оно не прекратило. В 1832 г. был издан новый указ, связанный непосредственно с башкирским землевладением. Началось специальное межевание внутри башкирских дач, которое затянулось на многие десятилетия. К 1898 г. землеустройство закончилось в 107 башкирских дачах из 119⁵⁷. В 1898 г. вышло новое «Положение о размежевании». Уфимская, Оренбургская и Пермская межевые комиссии должны были завершить поземельное устройство, разделить земли между башкирскими селениями и обществами, более четко определить земельные границы между частными владельцами и вотчинниками. Работа комиссий продолжалась до 1917 г. В результате были подтверждены права вотчинников и припущенников на землю, проведено некоторое перераспределение земельных владений, организовано разделение земли внутри вотчин по деревням и подушно.

С землеустройством, затянувшимся в Башкирии более чем на столетие, оказалась связанной судьба десятков деревень. Нередкими стали случаи выселения не только припущенников, но и вотчинников с занимаемой ими территории, перенесения селений на новые участки, перераспределения площади и перемены места жительства внутри деревень. В 1832 г. в связи с передачей земель в казенное ведомство были выселены башкиры из Курманаевской волости. В 1834—1842 гг. снесли 17 башкирских деревень Бирского уезда. По свидетельству Оренбургской межевой комиссии, «некоторые из

башкирцев целые волости, а другие части своего владения продали и поселились на землях других башкирцев, иные по договорам и записям в общее владение, иные... на срочные годы..., иные на казенных пустолежащих землях и на землях, принадлежащих казакам, другие же из платежа оброка на земле помещичьей»⁵⁸.

Некоторое передвижение населения вызвало одно из положений «Правил о размежевании башкирских дач» от 10 февраля 1869 г., разрешившее башкирам припущенникам отыскивать свои прежние вотчины. В 1880 г. таких людей, потерявших в силу тех или иных обстоятельств вотчинную землю, в Уфимской губ. насчитывалось около 10 тыс., в Оренбургской более 8 тыс.⁵⁹ Многие из них имели документы, подтверждающие их вотчинные права. Известно, что 25 деревень Мухаметкулуевской волости Челябинского уезда, проживающие в Каратабыно-Баратабынской даче, сохраняли вотчинные права на землю в Айлинской даче Златоустовского уезда. Припущенники деревень Новоаллабердино и Аустьяново Бушман-Суун-Кипчакской волости Оренбургского уезда, проживавшие на казенных землях, были признаны в 1865 г. на сходе исконными вотчинниками и переселились на свои земли⁶⁰.

При разделении земель между припущенниками и вотчинниками нередко случалось, что те или другие должны были выселиться на новый отведенный им участок иногда на значительное расстояние. В Сарайлимино-Байлярской даче Мензелинского уезда переселению подверглись более 1000 ревизских душ — припущенников и вотчинников. Переселение совершалось как в соседние, так и в отдаленные деревни. При размежевании Илькульмино-Кульильминской поземельной дачи вотчинники деревень Биккулово и Кункасово были выселены на участок, находившийся в 8 км от прежнего жительства. Переселенцы-вотчинники Ахметовской, Нуркеевской, Биткинской, Языковской волостей основали в 1881 г. два новых поселения — деревни Мусабаево и Ташкичу. Однако было немало случаев, когда переезд совершался и в пределах деревни: с улицы на улицу, с одного конца на другой.

С завершением межевых землеустроительных работ и разделением вотчин за каждой деревней закреплялся участок земли, в котором выделялись сезонные пастбища, а сенокосные луга и пахотная земля делились между семьями. Строгий порядок использования угодий затруднял образование новых поселений, хотя отдельные факты выделения хуторов и выселков после столыпинской аграрной реформы имели место и среди башкир.

В формировании башкирских деревень в XIX в. можно отметить момент, приблизивший аулы к восточноевропейским поселениям средней полосы России, определивший их дальнейшее развитие. С размежеванием башкирских дач совпали по времени мероприятия правительства по перестройке аулов: ликвидация мелких поселков, соединение их с таким расчетом, чтобы в новых деревнях было не менее 25—30 дворов. Именно этим обстоятельством объясняется некоторое уменьшение числа деревень в башкиро-мещерякском вой-

ске * в 30—40-е годы прошлого столетия: в 1826 г. их насчитывалось 1804, в 1846 г. — 1777⁶¹.

В 40-е годы началась перестройка башкирских деревень по уличному плану. Ниже мы остановимся на этом мероприятии подробнее, здесь же укажем, что в ряде случаев правительственный акт был связан с основанием новых населенных пунктов. Дело в том, что жителям разрешалось выбрать для своих деревень в окрестностях новое место. Сохранились статистические подсчеты, по которым в 1847 г. перенесли «согласно желанию жителей, с неудобных на лучшие места 515 деревень под прежними наименованиями», в 1848 г. — 56 деревень. Наблюдался переезд жителей и в последующие годы⁶².

Основание и развитие аулов были тесно связаны не только с политической и экономической историей края, но и с изменениями в социальной организации башкир. Факторы внешнего порядка (присоединение к Русскому государству, земельное устройство, перепланировка аулов) накладывались на традиционную жизнедеятельность народа, иногда ускоряя, иногда тормозя естественные тенденции.

История социальной организации башкир XVI—XIX вв. — тема, к настоящему времени изученная фрагментарно. Для нас важно, что в ряде исторических работ⁶³ отмечаются значительные перемены в башкирском обществе XVII—XVIII вв., приведшие к смене кровнородственной общины территориальной. Процесс, первоначально наметившийся на северо-западе Башкирии, позже распространился на восток и юг. Сложение нового сельского общества характеризовалось разрастанием системы родственных подразделений в аулах, включением в их состав пришельцев-припущенников; этому сопутствовало изменение форм землевладения — было осуществлено разделение вотчинных земель между аулами, а внутри них — выделение усадебных земель семьям. В связи с этим заметно менялся облик поселений, росло число дворов, замкнутыми становились усадьбы. Вследствие межевых работ и перестройки населенных пунктов в целом закончилось размещение селений по территории, в общих контурах обозначилась демографическая карта, дошедшая до нашего времени. Списки деревень, периодически публикуемые во второй половине XIX — начале XX в.⁶⁴, во многом дублировали друг друга. Появление новых сел стало сравнительно редким, нехарактерным для этого периода явлением.

Таким образом, с момента появления постоянных аулов до превращения их в селения европейского облика с четким планировочным устройством прошло не одно столетие. Начальная веха процесса аулообразования определилась историческим актом добровольного вхождения башкир в состав Русского государства, когда с установлением административных границ началось заселение и активное освоение внутренних земельных пространств. Перестройка поселе-

* Башкиры в это время составляли военное сословие и входили в башкиро-мещерякское войско.

ний по уличному плану в некоторой степени отразила и завершила подготовленные временем перемены во внутриаульной жизни. Между этими событиями лежал продолжительный путь развития аулов, проследить который из-за скудости источников можно только в общих чертах. Первый этап (с XVI до середины XVIII в.) — основание массы поселений, разрастание их за счет естественного прироста местных жителей и пришельцев, выделение части дворов в выселки, положившие начало новым селениям. Именно тогда и появились многие из современных деревень. Сами поселения и числом дворов, и внутренней организацией вначале мало отличались от зимовок. Второй этап (вторая половина XVIII в.— первая половина XIX в.) характеризовался существенными изменениями во внутриаульных отношениях, а разрастание родовых подразделений и вхождение в состав аульного общества пришлых групп способствовали ослаблению родственных связей; социальные взаимоотношения начали развиваться на иной экономической основе. Это и объясняет почти беспрепятственное осуществление царской администрацией мероприятий по перестройке башкирских деревень в середине XIX в.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕРЕВЕНЬ С МОМЕНТА ОБРАЗОВАНИЯ ДО ПЕРЕСТРОЙКИ ПО УЛИЧНЫМ ПЛАНАМ

В источниках XVII в., донесших до нас названия некоторых деревень, отсутствуют сведения о характере поселений. Да и упоминания о деревнях единичны. Создается впечатление, что постоянных зимних поселений было сравнительно немного. Можно предположить, что существовала система главного аула — базы рода или крупного родового подразделения — с сетью небольших зимников — утаров для отдельных наиболее обеспеченных скотом групп родственных семей. Так компромиссно в начальной стадии был осуществлен переход кочевых групп от зимних стойбищ к аулам; он предрасполагал к длительному сохранению ряда элементов кочевого быта. Название деревень в документах XVII в., как правило, совпадает с родовой номенклатурой; система же зимников-утаров, характерная для башкир в прошлом, оставалась не только в XVIII, но и в первые десятилетия XIX в.— до тех пор, пока администрация не обратила внимания на эту форму поселений и не поставила ее существование вне закона⁶⁵. Можно допустить, что в XVII—XVIII вв. именно на базе опорного аула и зимников-утаров вырастали своеобразные «кусты» родственных деревень. Вероятно, такая группа деревень имелась в виду в одной из деловых бумаг башкир от 1663 г.: «Сидим деревнями, на лошадях переезжать и пешком ходить дальняя деревня 2 версты, а то по версте»⁶⁶. Более определенные сведения о связи родственных деревень можно найти в документе 1737 г.: «Сейт-бай ныне жилище имеет зимовье свое за Пшейдяком горою над Белою рекою в 20 дворах... а круг оногo Сейт-бая тое ж Пар-

нинской волости в разных деревнях по 20 дворов в деревне, итого 10 деревень»⁸⁷.

Описания деревень, встречающиеся в источниках XVIII в., сделаны в общем плане — лишь в связи с характеристикой жизни народа. От 1726 г. сохранилась докладная кунгурского бургомистра Юхнева, написанная под впечатлением поездки по башкирским волостям. О башкирах Сибирской дороги Юхнев писал: «...дворы у них худы и маленькие, в которых они живут толькой зимой, а летом кочуют в степи в разных местах». Башкиры Ногайской дороги «жительство свое имеют... так же как и те, которые живут при Сибирской дороге». У населения Казанской дороги «дворы хорошие, токмо половина из них летом кочует в степи». И, наконец, при Осинской дороге «живут башкиры все в домах... и летом не кочуют в степи». Эти сведения косвенно представляют разный уровень развития поселений в зависимости от образа жизни и характера хозяйственной деятельности локальных групп башкир. В других источниках жилища и поселения описаны обобщенно, без разделения на области. В «Записке П. Д. Аксакова о состоянии башкирского народа...» (1743 г.) сообщается, что башкиры «избы имеют небольшие», «дворов не городят, больше любят свежий воздух», «деревни у них есть большие и малые, а не больше ста дворов, которые по избылию мест все при хороших водах и лесах»⁸⁸.

Во второй половине XVIII и даже в начале XIX в. поселения и жилища редко становились объектом внимания административных лиц и путешественников. Лишь отдельные детали отражены в записках участников академических экспедиций 70-х годов XVIII в. В «Описании всех в Российском государстве обитающих народов» И. Георги сведения наиболее пространны: «В деревне (аул) бывает дворов от 10 до 50. Они срублены из бревен худо и непрочны и состоят по большей части в одной избе с плоскою крышею... И самые молебные храмины знатнейших деревень не лучше построены». Очень важно следующее обстоятельство, на которое обратил внимание И. Георги: «Ежели им какое-нибудь место в их стране покажется лучше прежнего, то покидают они свою деревню и строят новую»⁸⁹. Своеобразная «неустойчивость» деревень — черта, оставшаяся от кочевого быта, сближала ранние деревни с зимовками, хотя в последней трети XVIII в. она, по всей видимости, для башкирских поселений уже не была характерна, тем более для северной и северо-западной Башкирии, где население перешло к оседлости.

Примерно к тому же времени (1773—1775 гг.) относятся ведомости с описанием образа жизни нерусского населения края, составленные в канцеляриях провинций по требованию Панина, командующего правительственным войском по подавлению восстания Пугачева. Уфимский воевода Алексей Борисов докладывал, что башкиры Казанской и Осинской дорог «из своих жительств никуда и ни на сколько не откочевывают ...вошедшие в лучшее обзаведение экономии, т. е. обзаведение домами и умножение хлебопашества, живут, не имея таких откочевков, летом и зимою навсегда в домах

своих». В то же время жители Ногайской и Сибирской дорог «летом из своих зимовых деревень откочевывают по их обыкновению для свободного скотоводства... в степные, однако же недалекие от зимовых их жительствова мест, не более как верст до 10 и 15, а в сентябре и октябре месяцах обратно в свои жительствова возвращаются». О зауральских башкирах в ведомости Исетской провинциальной конторы сказано, что они «каждое лето ...из своих жилищ откочевывают в степь и в Уральские горы»⁷⁰.

Процесс перехода башкирского населения к оседлости с каждым десятилетием охватывал все новые районы, распространяясь на юг и восток. В пределах в целом «полукочевой» Сибирской дороги башкиры в бассейне р. Уфы в 80-е годы XVIII в. имели «постоянные деревни», в которых они как летом, так и зимою жили⁷¹. В то же время юго-западные (демские), южные, юго-восточные и восточно-зауральские башкиры не только в конце XVIII в., но и в первой половине XIX в. вели полукочевую жизнь, покидая деревни на весь летний период. Это обстоятельство задерживало развитие аулов, мешало превращению их в благоустроенные селения.

Очень долго, вплоть до перестройки деревень по административным планам, их характеризовали внешняя беспорядочность расположения жилищ, малочисленность хозяйств, неустроенность, незавершенность усадеб. Данных об отсутствии четких планов в башкирских деревнях до их перестройки сохранилось немало. При описании поселений в верховьях р. Белой старшина Азнаев отмечал (1837 г.), что горные «селения расположены не в одну улицу, а беспорядочно»⁷². Н. Попов, говоря о быте зауральских башкир, обратил внимание на то, что «в деревнях их нет никакого порядка и улиц, как и у других башкирцев»⁷³. Проезжая по южным районам Башкирии в 60-е годы XIX в. П. Небольсин замечает: «Прежде башкирские деревни в степных кантонах были совсем не такие правильные, какие мы теперь видим. Избы лепились по направлению ручьев и речек вдоль их течения, как бы оно извилисто не было; иногда дома расставлялись по обеим сторонам речки, вероятно, для большего удобства в водопое скота. Улиц почти не было, а существовали какие-то закоулки, неровные и кривые, вроде лабиринтов»⁷⁴. Со слов местных жителей путешественник в своих дневниках записывает, что раньше дворы не было принято убирать, и по мере того, как засорялись хлева, дом и хозяйственные постройки переносили на новое место. Небольшие размеры поселений способствовали относительно свободному размещению жилищ и подсобных строений, исключали затруднения при выборе места для новой усадьбы.

Вместе с тем на планах деревень, снятых картографами в начале 40-х годов XIX в. в юго-восточной Башкирии⁷⁵, заметно, что жилища объединены группами, составляя неровные прямоугольники. Как полагает Б. Г. Калимуллин, это своеобразные кварталы, включавшие усадьбы близких родственников. Поселения слегка растянута в меридиональном или близком к нему направлении. Планировка отдельных селений (например, дер. Бурангулово Абзелиловского р-на) напоминает полукольцевую схему. Жилища находятся

на некотором расстоянии от берега; у реки оставлено место для общественных сборищ.

Информаторы горно-лесной зоны и предгорий, ссылаясь на воспоминания отцов и дедов, утверждают, что до перестройки аулов дома в них ставили, как на летовках, вдоль опушки леса или у подножия горы, стараясь выстроить в ряд⁷⁶, но поскольку близкие родственники (отец с сыновьями, братья) стремились поселиться вместе, образовывались небольшие кучные группы жилищ с общающимися дворами — это и порождало кажущуюся бессистемность в расположении изб и усадеб в старых селениях.

О размерах аулов дают представление статистические данные, собранные ведомственными лицами накануне перестройки деревень. Можно сравнить цифры по нескольким районам, различным в природно-географическом и хозяйственном отношениях⁷⁷.

Из 30 населенных пунктов Осинского уезда (юг Пермской обл.) половина насчитывала от 15 до 40 дворов, в пяти деревнях было от 60 до 90 дворов, в одной — всего 7. В то же время здесь находилось немало деревень, в которых число дворов превышало 100: Султанаева (106), Куземьярова (103), Устунтурева (102), Елпачиха (145). Наиболее крупные пункты — Барда (243), Сараши (200), Красноярова (188). Таким образом, величина деревень северных башкир колебалась в значительных пределах.

Из 30 деревень Шадринского уезда (север Челябинской обл.) в 19 было от 20 до 40 дворов, в шести — от 40 до 60. Самыми крупными являлись деревни Исаева (63 двора) и Бурина (62). Три деревни были небольшими — 10—19 дворов.

Из девяти деревень Балакатайской волости Екатеринбургского уезда (современный Аргаяшский р-н Челябинской обл.) четыре насчитывали от 11 до 18 хозяйств, три — от 25 до 40 и только одна (Сарино) имела 56 дворов.

У восточных групп зауральских башкир (территория Курганской и восточной части Челябинской обл.) на 20 деревень приходилось десять с числом дворов от 15 до 40, четыре — до 15 дворов, пять — от 41 до 60. Единственной крупной была дер. Султанова (143 двора).

Сравнительно однородными являлись населенные пункты горной зоны и предгорий. В бассейне р. Инзер (Катайская волость Верхнеуральского уезда) из семи деревень пять имели от 30 до 45 дворов, одна — 25 и одна — 52 двора. Из восьми деревень современного Архангельского р-на в шести число дворов составляло от 32 до 36. В одной деревне было 16 хозяйств. Относительно многолюдной являлась лишь дер. Тереклы — 76 дворов. На территории современного Мелеузовского р-на из шести деревень в четырех было от 20 до 40 дворов, а в деревнях Сабашево и Юлдашево — 70 и 75 дворов.

Приведенные сведения характеризуют величину аулов северных, восточнозауральских и горных юго-восточных башкир. Заметны увеличение аулов к югу и востоку и выравнивание численности хозяйств в горных селениях. В северных районах, как видно, уже в первой трети XIX в. действовала тенденция стягивания населения в крупные пункты.

БАШКИРСКИЕ ДЕРЕВНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.

Стабилизации деревень, развитию их архитектурно-планировочного устройства способствовал переход населения к оседлости. Этот процесс, как показывают исследования последних лет, начавшийся несколько веков назад, завершился в основном к концу XIX столетия⁷⁸. К указанному времени наряду со скотоводством значительную роль в хозяйстве башкир заняло земледелие. Аулы в подавляющем большинстве случаев стали не только постоянным, но и единственным видом поселений.

На протяжении XIX и даже в первые десятилетия XX в. новые, прогрессивные тенденции в развитии башкирских деревень уживались с некоторыми старыми традициями, находившими аналогии в устройстве кочевнических поселений.

Особенностью, связанной с условиями ведения скотоводческого хозяйства, было основание аулов вблизи надежных водных источников (рис. 1). На картах XVIII в. обращает на себя внимание расположение башкирских деревень «цепочками» по берегам рек — западному Ику, притоку Камы, по левым притокам нижней Белой, по Деме, Инзеру, правым притокам средней Белой. В горной области поселения редки; они обозначены по берегам мелких рек, впадающих в Белую. В дальнейшем с переходом к оседлости долины рек южной Башкирии оказались освоенными довольно интенсивно. Принцип расположения аулов вблизи рек и озер и определил современную карту расселения башкир. Колодцы в прошлом на улицах башкирских деревень были редкостью.

В «Списках населенных мест Уфимской губернии», изданных в 70-е и 90-е годы XIX в., в особой графе отмечалось местоположение деревень⁷⁹. Они находились вблизи рек, речек, озер. На берегах полноводных рек располагались десятки аулов, мельницы, хутора, промысловые поселки. В верхнем течении р. Юрюзани (в пределах современного Салаватского р-на) насчитывалось до 15 башкирских деревень, по берегам р. Ай — около 35 аулов, среди гор в узкой долине р. Инзер — 12. Около 10 аулов и несколько хуторов при мельницах встречалось на берегах р. Селеук, притоке средней Белой, 10 деревень — в предгорной части р. Нугуш. В стороне от больших рек башкирские деревни даже на равнине основывались редко. В то же время русские, украинские и другие инонациональные населенные пункты гораздо чаще были расположены в междуречье при маленьких речушках, родниках или даже не имели открытых водных источников. Теряя вотчинные владения, башкиры старались оставить за собой выход к реке, сохранить удобные для скотоводства речные поймы и луга. В западной Башкирии, в Челябинской и Курганской областях башкирские селения нередко были сосредоточены вокруг больших и малых озер.

Рис. 1. Расселение по берегам небольшой речки. Дер. Кулгунино Ишимбайского р-на. МЭЭ 1976 г. Фото М. Г. Муллагулова

Рис. 2. Горное селение. Дер. Бретьяк Бурзянского р-на. МЭЭ 1976 г. Фото Т. К. Новиковой

Расположение поселения осуществлялось с учетом многих естественных факторов, среди которых большое значение придавалось рельефу, микроклиматическим и почвенным условиям, наличию дополнительных питьевых источников — ключей, родников. В передаваемых от поколения к поколению устных историях деревень повест-

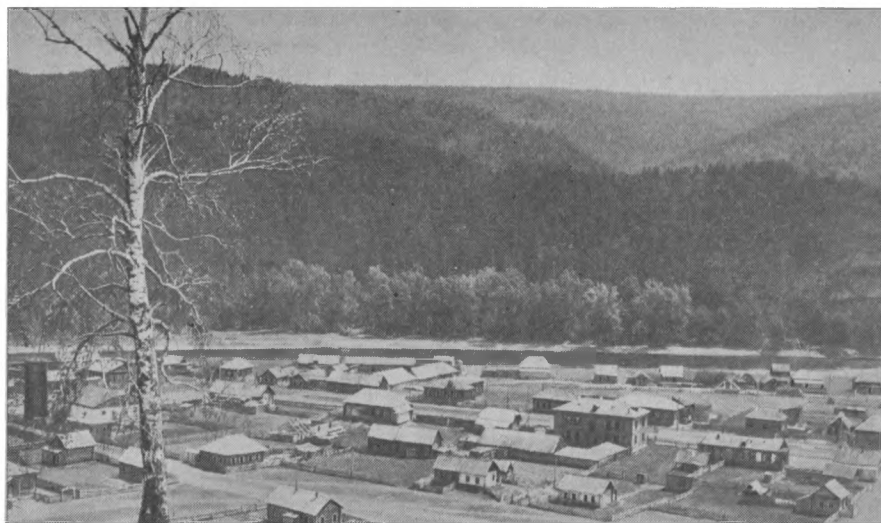

Рис. 3. Квартальная планировка. Райцентр Старосубхангулово Бурзянского р-на. 1955 г. Фото Б. Г. Калимуллина

вуется, как тщательно основатели их выбирали место: старались пронаблюдать, не затопляется ли оно во время сильных паводков и ливней, не сыро ли там из-за близости подпочвенных вод, не сильно ли продувается ветрами, не глубок ли снежный покров. Просчет, неожиданное изменение рекой русла могли повлечь за собой перенос аула. В ряде случаев деревня вырастала на месте прежнего зимовочного хутора или летовки, т. е. в условиях, многократно проверенных жизненной практикой.

Обычно аул располагался на возвышенной надпойменной террасе (рис. 2), на одном берегу ее; пойменные луга на противоположной стороне использовались как пастбище. В глубине Уральских гор селения устраивались над береговой кручей: это гарантировало безопасность на случай неожиданного подъема уровня воды в горных реках. Предпочитали селиться не вытянутой полосой вдоль берега реки, а несколько скученно, от реки к лесу. В гористой местности аулы находились у подножия холма, разрастание их вверх по склону у башкир практиковалось сравнительно редко.

Тенденция к укрупнению деревень, наметившаяся задолго до их перестройки, продолжала действовать и во второй половине XIX в. В южных и юго-восточных районах этот процесс был несколько замедленным. По официальным данным, в 60-е годы XIX в. в башкирских деревнях степного Оренбуржья насчитывалось в среднем по 30 дворов⁸⁰. Напротив, в северных районах уже в первой трети XIX в. наряду с мелкими селениями (до 20 дворов) встречалось немало пунктов с числом хозяйств более 100.

Х. Ф. Усманов⁸¹ проанализировал статистические материалы начала XX в., касающиеся численности дворов в башкирских деревнях

Уфимской губ.⁸² Обобщены сведения по вотчинным и смешанным аулам, где вотчинники проживали вместе с припущенниками: башкирами, татарами, мишарями, реже — представителями других национальностей. Смешанные деревни находились главным образом в западной и северо-западной Башкирии (Мензелинский, Белебеевский, Бирский уезды), и из общего числа деревень они составляли немногим менее половины. В Уфимском уезде смешанных деревень было около $\frac{1}{5}$. Гораздо меньше — около $\frac{1}{10}$ — насчитывалось их в Стерлитамакском и Златоустовском уездах. Во всех смешанных деревнях среднее число дворов приближалось к 100 (Златоустовский уезд) или выходило за этот предел. Наиболее крупные деревни находились в Мензелинском, Белебеевском уездах (в среднем по 174 и 167 дворов) и в Стерлитамакском (в среднем 144 двора).

Деревни башкир вотчинников были меньших размеров. Как и в предыдущей группе, Мензелинский и Белебеевский уезды отличались относительно крупными селениями (в среднем 110 и 97 дворов). Более 80 дворов приходилось на аул в Бирском и Уфимском уездах. Малонаселенными были деревни в Стерлитамакском и Златоустовском уездах (в среднем 70 дворов).

Согласно выводам Х. Ф. Усманова, в Уфимской губ. в начале XX в. в крупных деревнях с числом дворов 100 и более проживала значительная часть башкирского населения: в Мензелинском уезде — 71%, в Белебеевском — 67, в Уфимском и Бирском — около 60%⁸³. Вместе с тем из статистических таблиц следует, что число мелких деревень все еще было значительным, в Златоустовском, Стерлитамакском уездах в них жило около 60% населения. Даже в Бирском уезде, где в деревнях, насчитывавших менее 100 дворов, проживало только 40% населения, из 182 селений в 78 число дворов не превышало 50; деревни, насчитывавшие до 100 дворов, составляли 71,5%. В Стерлитамакском уезде из 183 деревень в 149 число дворов не превышало 100 (81,4%), среди них на долю деревень с числом дворов менее 50 приходилось 42,6%.

Еще более мелкими были аулы в восточных и южных районах. По данным конца XIX в.⁸⁴, в среднем по 61 двору приходилось на башкирскую деревню в Челябинском уезде, 49 — в Верхнеуральском, 42 — в Орском уездах Оренбургской губ. Аулов с числом дворов до 50 в Орском уезде было 73,1, в Верхнеуральском — 64,4, Челябинском — 54,4%. Селения с числом хозяйств, превышавшим 100, были единичны.

Следовательно, в течение второй половины XIX в. произошло заметное укрупнение деревень, особенно в северной и западной Башкирии. И все же в южных и восточных районах, где аулы образовались несколько позже, где население в социально-правовом (земельном) отношении было сравнительно однородным, сохранялись многие родо-племенные традиции и образ жизни отличался некоторой замкнутостью, большие селения считались явлением исключительным. Напротив, нарушение тесных родственных связей, распад вотчинных владений, приток пришлого населения, ранний переход от полукочевого скотоводства к земледелию, а позже — к промыслам

и мелкой торговле способствовали росту населенных пунктов в западных и северо-западных районах Башкирии. Особенно много крупных деревень располагалось вдоль почтовых трактов и гужевых дорог. Вдоль тракта из Мензелинска в Бирск в 1870 г. находились деревни Ирсаево (114 дворов), Толбазы (120), Аккузово (105), Старосултанбеково (132), Казы-Елдяково (134), Уртаево (131), Исемметово (213), Яркоево (132). По дороге из Бирска в Осу по левым притокам Таныша располагались деревни Челкакова (160 дворов), Кулаево (110), Старобикметово (175), Токраново (122), Бирлячево (100), Бол. Бадраково (120) и др.⁸⁵ К началу XX в. число дворов во многих из этих деревень приблизилось к 200; в разряд крупных перешли селения, имевшие в 1870 г. менее 100 хозяйств.

Тенденция к укрупнению селений четко выявляется при сопоставлении материалов переписей 1870, 1896 и 1914 гг. «Списки деревень» учитывают национальный состав, число дворов и населения, административное подчинение, местоположение относительно основных водных источников, характеристику занятий жителей, перечень общественных и торговых заведений.

Рост числа хозяйств в большинстве деревень прослеживается от переписи к переписи. Чаще это увеличение размеренное и объясняется естественным приростом населения. Иногда значительное увеличение числа дворов к 1896 г. (по сравнению с 1870 г.) совершалось при незначительном повышении или даже уменьшении численности населения, разгадку чего, по-видимому, надо искать в распаде семей и выделении женатых сыновей в самостоятельные хозяйства в связи с посемейным разделом вотчинных земель. Такие факты особенно характерны для Мелеузовского, отчасти Ишимбайского и некоторых других, в основном южных, районов. Бурный рост и числа жителей, и хозяйств происходил в случае притока пришлого, подчас инонационального — татарского, мишарского, удмуртского, марийского — населения. Принявшие пришельцев села разрастались в течение одного — двух лет.

В «Списках деревень» отражено и образование новых населенных пунктов. В переписи 1896 г. многие из них названы выселками. В Аскинском р-не появились деревни Альягиш (15 дворов), Кшпау-Елга (35), Улу-Елга (25), в Татышлинском — Буадыбашево (21 двор), Бургынбаш (26), Кумалак (9), Катки-Елга (35), в Янаульском — Асылбай (16 дворов), Кисяк-Каин (16), в Дюртюлинском — Баргата (15 дворов). В центральных и южных районах подобные случаи были единичными.

К 40-м годам прошлого столетия относится начало нового этапа в организации башкирских аулов, связанного с перестройкой их по уличным планам. В 1843 г. вышел указ оренбургского генерал-губернатора, предписывавший перестроить деревни, расположив улицы «прямыми и правильными линиями, одна от другой от 10 до 15 сажень». Между домами должны были быть оставлены промежутки около 12 сажень. Бани и кузницы во избежание пожаров переносились за усадьбы — на берег реки, озера или в склон оврага⁸⁶. На основании губернаторского постановления местное кантон-

ное начальство отдавало свои распоряжения. В частности, сотник 17-го кантона Манашев приказал перенести все строения на план, снести старые дома, выступающие за уличный ряд, устроить ворота и ограды⁸⁷. В сущности меры царской администрации привели не только к перестройке, но и к обновлению деревень. В 1846 г. в кантонах башкиро-мещеряцкого войска было выстроено 3622 дома, в 1847 г. — 13 950, в 1848 г. — 9395, в 1849 г. — 2625⁸⁸. По сведениям П. Небольсина, в начале 50-х годов в башкирских и мещеряцких селениях насчитывалось около 90 тыс. домов⁸⁹. Следовательно, в 40-е годы жилой фонд обновился почти на $\frac{1}{3}$.

Перестройка деревень по уличному плану завершилась в основном к 60-м годам, но отдельные селения с «бессистемным» расположением изб сохранились кое-где до конца прошлого столетия. Старожилы дер. Колошбай Кунашакского р-на Челябинской обл. еще в 50-е годы нашего века могли показать место, где деревня находилась до перестройки по уличному плану; еле заметные ямы от фундаментов домов оставляли впечатление беспорядочной застройки. Поле с остатками прежнего поселения находилось также вблизи дер. Кердеуш Татышлинского р-на БАССР⁹⁰. Встречались заброшенные старые деревни в горах и предгорьях.

Уличная планировка по мере увеличения численности населения постепенно перерастала в квартальную (рис. 3). Развитие деревни начиналось с появления параллельной улицы. Глухие боковые проулки прерывали ряды домов и выводили к реке или на луг за деревню. Поперечные улицы возникали редко — лишь в тех случаях, когда между основными улицами из-за естественных преград получался значительный разрыв. Сложная уличная система чаще встречалась на севере Башкирии, где аулы были многодворными.

Застройка больших деревень являлась по существу результатом усий многих поколений. В любой деревне жители могут назвать первую, наиболее старую улицу. Остальные появились в результате разрастания населенного пункта — отделения взрослых сыновей в самостоятельные хозяйства или в связи с приходом переселенцев из других мест. Последним обстоятельством объясняется некоторая обособленность «концов» той или иной деревни.

Селения, организованные в виде улицы с двусторонней застройкой, вытянутые вдоль реки, Б. Г. Калимуллин считал для XIX в. наиболее характерными и повсеместно распространенными. Производными от них, по его мнению, были аулы с несколькими параллельными улицами⁹¹. Вместе с тем существовали и другие схемы планировочного устройства: одна улица, расположенная под углом к реке, и двухлучевая система, когда улица вдоль берега сходилась с перпендикулярной или наискось расположенной улицей. Из последнего варианта развились сложные планировки больших селений на северо-востоке Башкирии (деревни Дуван-Мечетлино, Лемез-Тамак, Сулейманово, Кызылбаево и др.) и в горах Южного Урала (деревни Нижнесерменево, Байназарово, Старосубхангулово). Лучевой план приближался к традиционному кучевому, исключал растянутость, нехарактерную для башкирских деревень.

В узком регионе — в бассейне рек Уфы и Юрюзани — небольшие селения состояли из усадеб, расположенных в один ряд на берегу реки. И сейчас по берегам р. Уфы встречаются отдельные мелкие деревни с однорядовой застройкой: Карыш-Елга, Дюртили, Агирзя и др. Аулы, расположенные по обоим берегам, с фасадами домов, обращенными друг к другу, можно увидеть, проплывая по Инзеру в Уральских горах (дер. Зуяково и др.). Сообщение между частями деревни осуществлялось с помощью лодок.

Уличная планировка редко была строго прямой. Очертания улиц подчинялись линии холмов, оврагов, побережья озера или реки. Иногда дома ставили по обоим сторонам проезжей дороги.

Строгих правил в ориентации улиц по частям света (отчасти в силу подчиненности застройки природному рельефу) не существовало. Тем не менее предпочтение отдавалось «срединной» планировке: поселение размещалось с северо-запада на юго-восток, реже — с юго-запада на северо-восток. В лучевой композиции сочетались оба направления.

Общее впечатление от поселения складывалось из многочисленных компонентов: организации улиц, положения домов по отношению к улице и друг к другу, взаимосвязи усадеб, состава хозяйственных сооружений, их размещения. Немалую роль играл внешний вид построек, который во многом определяли строительные материалы. На благоустроенность жилищ в прошлом накладывала отпечаток степень оседлости населения.

Говоря о состоянии хозяйства и образе жизни башкир в середине XIX в. (1851 г.), командующий башкиро-мещеряцкого войска Н. Балкашин отмечал, что «пространство земли, занимаемой... войском от юго-востока к северо-западу, представляет постепенность перехода от кочевой жизни и скотоводства к оседлости и земледелию». Он указывал, что башкиры северо-западного угла Оренбургской, а также Пермской и Вятской губерний (северо-западных и северных районов) «обитают в хорошо устроенных селениях». Жители Уральских гор и Зауралья летом кочуют, но для зимнего жительства имеют устроенные деревни. В то же время в Верхнеуральском, Оренбургском, Стерлитамакском уездах, по свидетельству другого командующего — Жуковского, деревни не имеют «никакого устройства, дома без дворов, разбросаны в совершенном беспорядке»⁹².

Очевидцы писали об отсутствии «домовитости, преданности к своему жилищу» у башкир, сохранявших обычай выезжать на летовки, и объясняли это следствием «кочевых привычек»⁹³. У горнолесных башкир (бассейн р. Инзер), со слов Д. П. Никольского, на летние пастбища «выезжает вся деревня, в ней никто не остается, и деревня как бы вымирает, зарастая крапивой и конопляником»⁹⁴.

Разницу во внешнем виде горных и степных аулов отмечали многие авторы второй половины XIX в. Д. П. Никольский, сравнивая те и другие, писал, что в горах деревни небольшие, «в несколько десятков домов», «расположены обыкновенно или в долинах, с одной

стороны защищенных какой-нибудь горой с прекрасными хвойными лесами, с другой омываемых рекой, или же раскинуты по склонам гор»⁹⁵. Степные аулы лишены растительности, дома вытянуты в одну улицу, перед ними — зеленые просторные лужайки⁹⁶. Ученый подметил особенность расположения жилищ, характерную в первую очередь для степной местности: дома поставлены на значительном расстоянии, «которое кажется еще больше благодаря отсутствию у большинства башкир дворов и хозяйственных построек». Заборов часто нет; если же они существуют, то зимой сжигаются на дрова. Не ограниченные забором, не завершенные в организационном плане усадьбы с минимальным числом надворных сооружений (сарай и открытый загон) — характерная черта поселений южных башкир конца XIX в., оставшаяся от патриархального скотоводческого быта. В противоположность этому усадьбы в северных районах отличались собранностью надворных строений. Дом часто ставили за оградой. На некотором расстоянии от него, почти около сеней, располагали клетки-амбары, летние кухни, сараи, бани и другие хозяйственные постройки. Поселений с мусульманским типом глухих усадеб (сплошная линия плотных высоких заборов) у башкир существовало немного. Чаще избы длинной стороной выходили непосредственно на улицу.

Изучая хозяйство, декоративное творчество и материальную культуру башкир, исследователи выделили этнографические группы с присущей им традиционной культурой (рис. 4). Каждая из групп ограничена территориально⁹⁷. Материал по поселениям не позволяет определить четкие границы между такими районами. Как видно, местную специфику в устройстве поселений лишь отчасти можно объяснить культурным наследием; в большей степени она зависела от направления хозяйства и природно-географических зон. В ряде случаев зоны оказываются шире, чем этнографические районы; вместе с тем в их пределах выделяются микрорайоны со своими особенностями в использовании природных материалов, строительных приемов, расположении жилищ и т. д.

В поселениях и жилищах всех северных башкир (включая северо-западную группу, население айско-юрюзанского бассейна и верховьев р. Уфы, а также Пермской обл.) наблюдалось много общего. На всем севере, до параллели г. Уфы, единственным строительным материалом была древесина. Крыли дома дражкой, тесом, корой, в нижнем течении р. Белой — соломой. Избы имели двускатное или четырехскатное покрытие и обычно располагались к улице узким фасадом. Лишь в аулах Чипминского, Янаульского, Белокатайского, Мечетлинского районов дома иногда поворачивали к улице боковой стеной. Для севера были характерны вытянутые внутрь усадьбы, предполагавшие частую застройку: близко поставленные друг к другу дома соединялись в уличный ряд плотным забором с русскими или «столбовыми» воротами. В северо-восточном углу (Белокатайский р-н БАССР и соседняя территория Свердловской и Челябинской областей) и в Прикамье был распространен обычай ставить против дома, по другую сторону от ворот, клеть, которая могла вы-

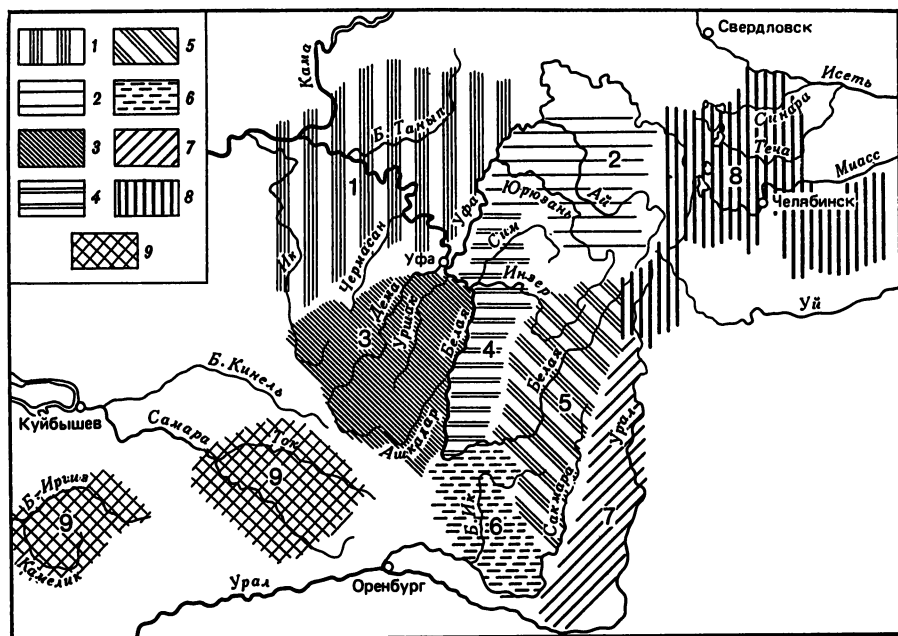

Рис. 4. Карта-схема расселения этнографических групп башкир

1 — северо-западная; 2 — северо-восточная; 3 — юго-западная; 4—7 — юго-восточная (подгруппы: 4 — приуральская; 5 — центральная горная; 6 — южная, в отрогах гор; 7 — юго-восточная зауральская); 8 — восточнозауральская; 9 — оренбургская и иргиз-камеликская

полнять функции летней кухни. Фасад дома прикрывали кустарниковые насаждения в палисаднике.

Северо-западным башкирам была свойственна компактность расселения. Улицы располагались в строгом порядке, одна за другой; в населенных пунктах пустырей и незастроенных пространств не встречалось. Ряды домов сближались, оставляя узкую проезжую часть. Вдоль улиц перед домами нередко сажали деревья. Среди распаханых, почти лишенных растительности полей северо-западные аулы казались застроенными оазисами (рис. 5).

Северные (пермские) и северо-восточные селения, напротив, имели просторные улицы. Свободная планировка была подчинена естественному рельефу. Искусственное озеленение отсутствовало, но поселение было вписано в окружающий пейзаж; рощицы или заросли кустарников украшали ту или иную часть деревни.

В юго-западной Башкирии (бассейн Демы, Уршака, Ашкадара) при постройке домов и особенно при сооружении хозяйственных помещений широко использовали плетень, обмазанный глиной. Местами можно было встретить постройки из камня (рис. 6). Материально обеспеченные семьи имели бревенчатые дома, но стены тонких срубов часто утепляли глиняной обмазкой. Четырехскатные,

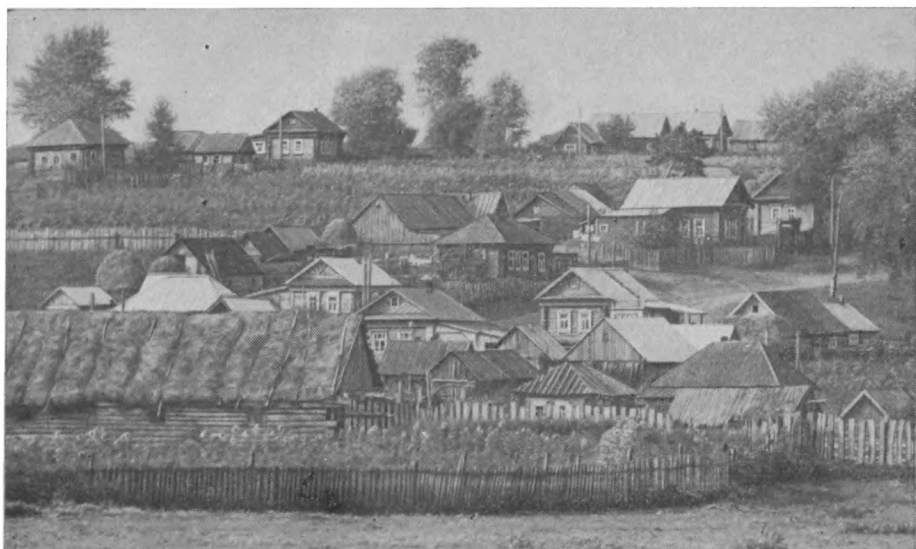

Рис. 5. Расселение по склону холма. Дер. Кузгарчино Калтасинского р-на. МЭЭ 1979 г. Фото Т. К. Новиковой

Рис. 6. Улица селения юго-западных лесостепных районов. Дер. Таймасово Курментауского р-на. МЭЭ 1970 г. Фото автора

реже двускатные или плоские крыши покрывали скрепленной глиной соломой; лишь изредка встречались тесовые и железные крыши. На этой территории дома, как правило, располагались за плотным — плетневым, дощатым или каменным — забором, за которым сажали ивы, тополя (рис. 7). Было распространено преимущественно по-

Рис. 7. Каменные ограды в придежских лесостепных селениях. Бижбулякский р-н. МЭЭ 1963 г. Фото автора

перечное (по отношению к улице) положение дома, хотя в отдельных деревнях в Стерлибашевском, Белебеевском, на юге Стерлитамакского и кое-где в Альшеевском районах срубы иногда разворачивали вдоль улицы. Юго-западные деревни имели просторные улицы, четко ограниченные сплошной линией заборов.

В горно-лесной местности единственным строительным материалом являлся лес; бревенчатые избы в большинстве своем имели двускатное тесовое или дранковое покрытие. Привычными для горных условий были открытые фронтоны. Дома — пятистенки и четырехстенки — нередко, особенно на юге Бурзянского р-на, ставились к улице длинной стеной (рис. 8). На широких улицах, окруженных богатой природой, почти не было древесной растительности, лишь изредка внутри усадьбы росли одинокие сосны, ели. При больших расстояниях между уличными рядами практиковалось частое расположение домов по отношению друг к другу. Особой плотностью отличалась застройка вблизи Белорецка и горнозаводских поселков: соседние дома разделяли лишь массивные ворота и узкая переборка. Как и в русских деревнях, здесь частым явлением были мощные, застроенные почти вплотную к дому частично крытые дворы (рис. 9).

По отрогам Южного Урала и в юго-восточном лесостепном и степном Зауралье строительными материалами, кроме леса, служили саман, плетень, камень-плитняк, дерн. Были приняты обмазка и побелка домов. На деревянных срубах глиной обмазывали углы и щели между бревнами. Практиковались плоское и покатое земляные покрытия. Плетневые мазанки имели соломенные крыши. Избы

Рис. 8. Улица горного селения. Бурзянский р-н. МЭЭ 1958 г. Фото Н. В. Бикбулатова

Рис. 9. Тесная застройка в приаводской зоне. Дер. Бердизулово Белорецкого р-на. МЭЭ 1977 г. Фото Н. В. Бикбулатова

ставили и перпендикулярно, и параллельно улице; в отдельных населенных пунктах последнее положение преобладало. Для юго-востока и юга характерны малозастроенные, неогражденные даже с лицевой стороны усадьбы. Широкие улицы почти не имели насаждений. Следствием прошлой беспорядочной застройки являлась некоторая свобода планировки: улица могла прерываться, чтобы продолжиться

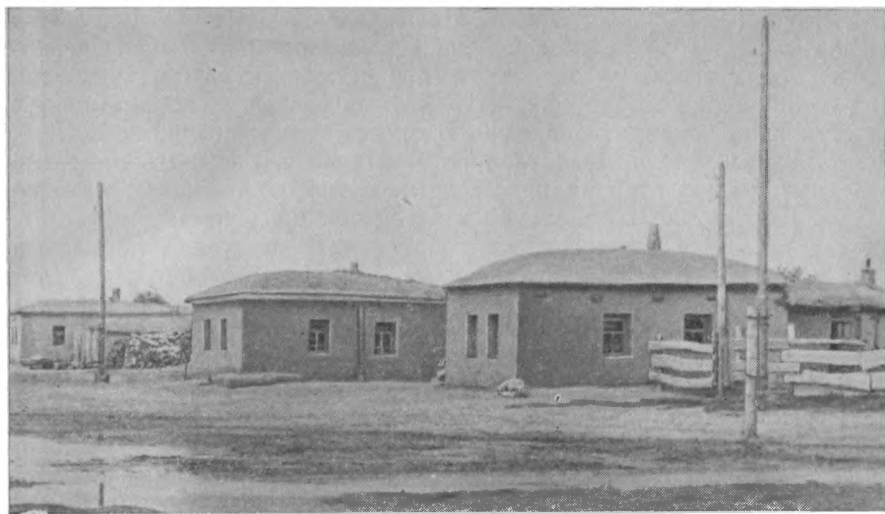

Рис. 10. Селение приволжских степей. Дер. Утекеево Большеглушицкого р-на Куйбышевской обл. МЭЭ 1963 г. Фото автора

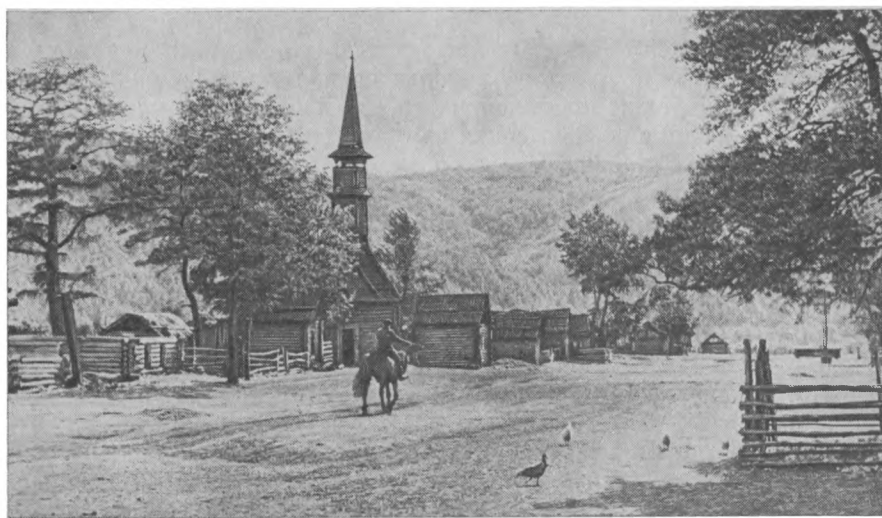

Рис. 11. Мечеть в дер. Ибраево Зианчуринского р-на. МЭЭ 1958 г. Фото Г. И. Мухаметшина

через несколько десятков метров, сместившись в сторону, могла внезапно изменить направление. Законченной поквартальной организации даже в крупных аулах здесь не существовало.

Особенности башкирских селений восточного Зауралья сформировались не только под влиянием природных условий, но и сосед-

них русских поселков и слобод. Последнее сказалось прежде всего на облике аулов Челябинской обл., где жилищем являлись бревенчатые дома с тесовыми двускатными и четырехскатными крышами. Для челябинских башкир привычной была частая застройка жилых рядов, близкая к горнозаводской. В окрестностях Челябинска, Уфалея и других городов был распространен обычай ставить напротив дома, по другую сторону ворот, летнюю избушку — клеть, летнюю кухню. На востоке Челябинской и в Курганской областях, в местах, бедных строевым лесом, рядом с бревенчатыми стояли каркасные избы с земляной засыпкой, плетневые, глинобитные, дерновые. Для крыш использовались не только тес, но и дерновые пласты. В целом для восточного Зауралья были характерны широкие улицы. В Сафакулевском р-не Курганской обл., как и у южных башкир, встречалось немало неогороженных усадеб.

Своеобразны башкирские селения оренбургских и саратовских степей (рис. 10). Побывав в этих местах в середине прошлого века, И. И. Железнов писал, что деревни здесь рабросаны как попало, в величайшем беспорядке, без улиц, без дворов, без ворот⁸⁸. Глина и дерн являлись в прошлом основными строительными материалами в этом районе; избы имели земляное покрытие. В бассейне Иргиза и Камелика хозяйственные постройки нередко примыкали к дому, составляя с ним единый комплекс. Изба могла быть повернута к улице и фасадом, и боком, но все хозяйственные сооружения выстраивались за ней. Неогороженные усадьбы незаметно переходили в улицу. Ощущение простора складывалось не только из-за отсутствия оград, широкой проезжей части, но и благодаря зрительному восприятию — слиянию невысоких земляных строений с серой окраской окружающих степей.

Обзор материала показывает, что не было признаков, характеризующих поселения только одного узкого региона. Как правило, те или иные особенности в устройстве поселений распространялись на территорию более широкую, чем этнографический район. Использование строительных материалов находилось в зависимости от природных условий. Постепенно с северо-запада на юг и восток происходила смена строительных материалов, совершался переход от тесной к «свободной» планировке, от узких улиц к широким, от часто расположенных изб и замкнутых плотно застроенных усадеб к открытым просторным дворам, от перпендикулярного улице построения жилого ансамбля к продольному. Концентрированный тип расселения на севере и западе (когда аулы оказываются один от другого «так близко, что промежуток между ними не занимает и полуверсты»⁸⁹) к югу сменяется свободным, разреженным, и поселения даже в долинах рек разделяет расстояние до десятка и более километров. В силу того что смена культурно-бытовых традиций, связанных с жилищем, зависела от конкретных условий, в жилом комплексе каждого из этнографических районов сочетались разнохарактерные и разновременные признаки. Наибольшую полярность в качественной характеристике обнаруживали поселения северо-западных и юго-восточных районов.

Кроме жилищ и подсобных приусадебных помещений, во многих деревнях имелись общественные постройки. Архитектурным и планировочным центром башкирских аулов являлась мечеть. Ее устанавливали в центральной части селения или на открытом возвышенном месте, в стороне от домов. В некоторых населенных пунктах северной и центральной Башкирии с числом жителей 1 тыс. и более было по две и даже по три мечети. Строительство мечетей особенно активно осуществлялось во второй половине XIX в. Между переписями 1870 и 1896 гг. вторые мечети возвели в деревнях Кубиязы Аскинского р-на, Иткинеево и Верхнекудашево Татышлинского р-на, Исмаилово Дюртюлинского р-на, Новокулашево Нуримановского р-на, Утяково, Янгискаин Саитбаба, Коварды Гафурийского р-на и в др. В деревнях Карманово Янаульского и Москова Дюртюлинского р-на выстроили по третьей мечети. В дер. Старые Казанчи Аскинского р-на появились две дополнительные мечети¹⁰⁰. Вместе с тем в южной и юго-восточной Башкирии масса небольших деревень не имела своих мечетей и население в праздничные дни для совершения молитвы отправлялось в соседние, более крупные населенные пункты. Л. Бергхольц, побывавший на р. Инзере, обратил внимание на то, что «мечети составляют редкое явление в катaysких деревнях»¹⁰¹. В то же время, согласно официальным данным, в Оренбургской губ. уже в 1850 г. было 1925 деревянных мечетей и 7 каменных¹⁰². О каменной мечети упоминает М. Баишев при описании дер. Зянчуриной Орского уезда Оренбургской губ.¹⁰³

Большинство сельских мечетей представляли собой удлиненный сруб с двускатной тесовой крышей и устремленным ввысь шпилем минарета. Архитектура мечетей вносила характерный штрих в облик башкирских селений (рис. 11). В оренбургских и поволжских степях встречались мечети с дерновым покрытием или с земляными (саманными) стенами¹⁰⁴.

Из других заведений общественного значения были распространены водяные мельницы. В некоторых крупных предгорных аулах их было по две-три, а иногда и более. В 1862 г. на территории башкиро-мещеряцкого войска действовали около 1,5 тыс. мельниц¹⁰⁵.

Во второй половине XIX в. после длительного запрета у башкир начало развиваться кузнечное дело. В 1857 г. в башкиро-мещеряцком войске было около 400 кузниц, в 1862 г. их число приблизилось к 500¹⁰⁶. Однако и в конце XIX в. кузницы в башкирских аулах были сравнительно редким явлением¹⁰⁷.

В целях поощрения занятий земледелием во второй трети XIX в. правительство во многих аулах устроило хлебозапасные амбары и магазины «для снабжения зерновым хлебом кочевых башкир Оренбургской губернии, нуждающихся в посеве»¹⁰⁸. Добротно срубленные из сосновых бревен массивные строения сохранились кое-где в южной Башкирии по сей день. Были такие «магазины» и в Уфимской губ. В «Полном списке населенных мест» за 1896 г. они зарегистрированы во многих аулах, в некоторых по два-три.

В волостных городах на центральной площади располагалось административное здание — волостное правление. В отдельном доме,

построенном на средства аульной общины, находились мусульманские школы (мәктәп, мәзрәсә). В последние десятилетия XIX в. число общественных и других зданий увеличилось. В крупных башкирских аулах появились торговые лавки — бакалейные, мелочные, винные, мануфактурные, были построены торговые ряды для проведения в определенные дни недели базаров, кое-где открылись ободное, дегтярное, мыловаренное и другие мелкие предприятия. В некоторых волостных центрах возникли земские начальные училища и больницы. Все это нашло отражение в переписи 1896 г. К примеру, в конце XIX в. в дер. Кулляррово (современный Кармаскалинский р-н) находились мечеть, волостное правление, хлебозапасный магазин, две бакалейные лавки, два кирпичных завода; в дер. Имендяшево (Гафурийский р-н) — мечеть, хлебозапасный магазин, бакалейная лавка, ободное заведение, дегтярный завод; в дер. Бургаджино (Мечетлинский р-н) — мечеть, медресе, две бакалейные и мануфактурная лавки; в дер. Дуван-Мечетлино (тот же район) — мечеть, школа, волостное правление, три торговые лавки, по воскресеньям проводились базары; в дер. Лагерево (Салаватский р-н) — две мечети, медресе, хлебозапасный магазин, четыре торговые лавки, по субботам базары; в дер. Аркаул (тот же район) — мечеть, три мельницы, кузница, по вторникам устраивались базары. В малонаселенной дер. Зириково (Мелеузовский р-н), состоявшей всего из 19 дворов, были хлебозапасный магазин и три ободные заведения; в дер. Верхнеташево (тот же район) — мечеть, хлебозапасный магазин и четыре ободные предприятия.

По сравнению с северными и центральными районами в южных, особенно в горно-лесных, районах предприятий и общественных заведений было меньше. В условиях бездорожья жители горной местности в теплое время года спускались по рекам на лодках и плотах, чтобы в ближайших торговых центрах на равнине купить необходимые продукты и товары.

Заканчивая характеристику аулов, следует сказать о внешнем облике кладбищ. Как правило, они располагались на возвышенном месте в нескольких сотнях метрах от деревни. В обширной сельской панораме кладбище оказывалось довольно выразительным объектом. В открытой местности хоронили на пологом склоне ближайшего холма. Издали были видны вкопанные в изголовье могил грубо-стесанные каменные плиты. Совершенно лишённые древесной растительности, кладбища степных деревень просматривались с большого расстояния. В северных, центральных и восточных районах сохранялся обычай устраивать кладбища на опушке леса или сажать на могилах деревья. Старые кладбища с могучими березами, осинами выглядят сейчас как вековые рощи. Плиты-стелы, кольцевая обкладка камнем групп могил, намогильные срубики из нескольких бревен были характерны для башкирских кладбищ горного Урала. Случалось, что прежние родовые подразделения, жившие в ауле в разных «концах», хоронили умерших отдельно; тогда деревня могла иметь два и даже три кладбища.

В начале XX в. башкирский аул представлял собой территориальную общину, во главе которой стоял выборный администратор — сельский староста, подчинявшийся волостному правлению. Несколько аулов объединялись в волость. Вотчинная земля давно была распределена между аулами. Пахотные и сенокосные угодья находились во владении отдельных семей, периодически совершались переделы. Процесс глубокого социального расслоения, сопровождавший развитие капитализма в России на рубеже XIX—XX вв., захватил и башкирское общество, о чем свидетельствовала, в частности, неравномерность в распределении наделных земель, в обеспечении хозяйств скотом, сельскохозяйственным инвентарем и пр. Далеко зашедшая имущественная дифференциация отражалась и во внешнем состоянии жилых изб и усадеб. Один из экономистов, посетивший в 1907 г. башкирскую деревню Кара-Якупово (Чишминский р-н), писал, что население ее «в отношении богатства не равно; напротив стоит полуразрушенная изба, у хозяина нет ни одной головы скота, земли он не сеет... А на другом конце улицы стоит большой дом, крытый железом, хозяин этого дома доит 10 кобыл, имеет, кроме того, 7—8 коров, около 40 штук овец и коз»¹⁰⁹.

Исследователи отмечают, что процесс социального расслоения среди башкир на юго-востоке и юге проявлялся слабее, чем в других районах Башкирии¹¹⁰. Здесь ощутимо сохранялись патриархально-родовые пережитки: соблюдались обычаи взаимопомощи (в том числе при постройке изб), традиции коллективного выпаса скота, содержания обедневших родственников (за фактические отработки) и т. д.

Определенные аспекты бывших родо-племенных связей нашли отражение и во внешней организации аулов, почти заново отстроенных во второй трети XIX в. Прежде всего мы имеем в виду расселение родственных семей группами, составлявшими в башкирских деревнях своеобразные кварталы или «концы» (ос). Эти группы семей в конце XIX — начале XX в. являлись остатками бывших ара, аймак, нәсел (назывались они по-разному) — низшего звена в сложной системе родо-племенной структуры. Население аулов рубежа последних веков в отличие от зимовок XVI—XVII вв. состояло из нескольких (от двух до семи, реже — девяти) родственных групп, которые обособились с сегментацией рода или появились с принятием в аул пришельцев из других мест.

Дер. Якутово Куюргазинского р-на, принадлежавшая в прошлом к племени бурзян, делилась на три части: в середине были расселены потомки родового подразделения Рәмәй, по концам — Юшем и Янсыкай; последнее появилось в этих краях позже остальных¹¹¹.

В дер. Азнаево Бижбулякского р-на, по родовой принадлежности илькульминской (племя мин), было пять семейно-родственных групп. Наиболее древними считались представители группы Иштәй, в начале XX в. в ней насчитывалось 12 домов. Кроме того, были подразделения Йәмәт (22 дома), Сирвай (10), Бузан (4), Замбулат (3) и Суаш (12). Происхождение последнего связывали с принятием на

воспитание чувашского ребенка («суаш» — башкирское произношение этнонима «чуваш»).

В кубелякской деревне Баимово (Абзелиловский р-н) было четыре основных подразделения: Баим (20 домов), Сандыр (20), Суат (30), Сарт (10). Старой частью деревни являлся «конец», занятый потомками основателя деревни Баима. В дер. Тикеево Иглинского р-на потомки подразделения Казаяк (урман-кудейского рода) носили также наименование Искелэр, т. е. «старые». Они жили несколько обособленно от пришельцев Янылар (буквально «новые»).

До перестройки поселений по уличной системе родственные группы были более обособлены, разделены естественными преградами: ручьем, заливом, оврагом, рощицей. Позже четкое расселение осталось главным образом в северо-восточных аулах. В других местах, сохраняя компактность, аймаки приблизились друг к другу: в уличном ряду усадьбы одних подразделений соседствовали с другими, не всегда разграничиваясь даже проулком. Социально-этническое понятие «кварталы», «концы» в башкирских селениях в конце XIX — начале XX в. до некоторой степени было условным. Тем не менее на большей части Башкирии сознание принадлежности к тому или иному родственному клану оставалось сильным; оно предполагало определенные обязательства и соблюдение ряда обычаев и правил. Лишь на северо-западе совместное поселение родственников уже в прошлом веке не практиковалось, поскольку самородовое подразделение давно потеряло значение в социально-экономической жизни населения ¹¹².

Выше указывалось, что в тех районах Башкирии, где скотоводство оставалось ведущей отраслью хозяйства, при разрастании аула часть семей отделялась в новое поселение. Этим обстоятельством объясняется существование одинаковых аймаков в соседних деревнях. Изучение этнического состава дает возможность установить взаимосвязь деревень в прошлом. В дер. Гумерово (Мечетлинский р-н) проживают потомки аймаков Кылысбай и Шаим. Те же аймаки были в соседней дер. Дуван-Мечетлино, откуда выселились основатели дер. Гумерово.

Аймак Мэтэй имелся в деревнях Мелекасово, Лемез-Тамак, Сабанакново Мечетлинского р-на. Аймак Тугыз — в Мелекасове и Лемез-Тамак. Аймаки Колсакай и Калмак — в Мелекасове и Бургаджине. Общность объясняется тем, что дер. Мелекасово была наиболее старой; остальные своим происхождением связаны с ней.

В южной группе тангаурских деревень одно из родовых подразделений Кукмис (или Максют) проживало не только в деревне старейшины рода — Максютово, но и в соседних — Староякупово, Новоякупово, Верхнее Салимово, Нижнее Салимово, основателями которых стали его сыновья и внуки.

Деревни Алатау-Айры и Калыу-Айры в XIX в. выделились из дер. Ташбукан Гафурийского р-на БАССР. Шаухёйэк — основной аймак этих деревень — часть того же аймака в Ташбукане. Аймаки Шаухёйэк и Тау встречаются также в дер. Кулгунино Ишимбайского р-на, что подтверждает сведения о переселении части ташбу-

канцев в горы. Эту группу деревень населяли башкиры кипчаки. Подразделения Богмаш и Кушек были общими в другом «кусте» кипчакских деревень: Верхнетагирово, Темирово, Халилово и др.

В иных случаях при оседании род мог основать одновременно несколько поселений. Старые аймаки часто имели тотемические названия. Родовое подразделение Сыскан («мышь») сохранилось в бурзянских деревнях Гаделгареево, Максотово, Кутаново; Кёзэн («хорёк») — в деревнях Второе Иткулово, Атиково и далеко от них, в дер. Четей-Бурзян на Деме. Последнее название родовых подразделений было популярно и у башкир тамьянцев (деревни Ташбулатово, Аюсазово, Азнагулово). Широко распространены среди бурзян и тамьянцев также аймаки Тау, Таулы (горные) — в деревнях Темясово, Первое Иткулово, Тавлыкаево, Буранбаево, Второе Иткулово, Кульчурово, Ярлыкапово, Ташбулатово и др. В более северных районах и в восточном Зауралье приняты патронимические названия аймаков, а при смешанном этническом составе широко употреблялась родовая и племенная номенклатура.

Сохранение групп деревень, связанных в прошлом общностью происхождения, — еще одно пережиточное явление, которое в начале нашего века прослеживалось главным образом в «кустовом» типе расселения. В народной памяти сохранились генеалогия основателей аулов, их родственные взаимосвязи в прошлом. В южных и особенно в юго-восточных районах Башкирии группы родственных деревень нередко составляли волость, а древние аулы становились волостными центрами.

Остатком прежних общественных отношений являлось сохранение патронимического принципа обозначения деревень. При распространенной вплоть до середины XIX в. сегментации родовых подразделений и практике выселков, разраставшихся впоследствии в самостоятельные аулы, поселению редко давалось название «отцовского» аула. Прибавление к основному названию определений «Верхний», «Средний», «Нижний», «Старый», «Новый», «Малый», «Большой», стало встречаться только в XIX в. чаще в северной и западной Башкирии. Случалось, что таким способом официальные власти разграничивали не выселок и основной аул, а вотчинную и припущенническую деревни. Старые башкирские деревни обозначались именем непосредственного основателя. Кроме того, за деревней сохранялось и наименование крупного родового подразделения или рода, к которому население себя относил. Этот обычай, как мы уже говорили, сохранился с XVI—XVII вв. До сих пор некоторые башкирские деревни называются двояко. В восточном Зауралье родовое название Сыррян сохранилось в наименовании деревень Зырянка, Чокурово (второе название Сокор-Сыррян), Биктимирово (Айгу-Сыррян). Терсяк применялось в качестве второго названия деревень Ильчигулово, Моисеево, Халитово, Аракаево. Бурзян — народное название дер. Старосубхангулово, райцентра Бурзянского р-на. К названиям деревень нередко прибавляются «Тамьян», «Кыпчак», «Табын», «Тангаур» и др. Наименование рода или племени становилось названием поселения особенно часто в тех случаях, когда

поселение основывалось переселенцами. Так случилось у тамьянцев в Мелеузовском р-не (дер. Смаково-Тамьян), в Миякинском р-не (дер. Тамьян-Таймасово), на р. Ток в Оренбургской обл. (дер. Тамьянкино). Можно привести немало других примеров.

ХУТОРА (утар)

Утар у башкир — поселения-зимовья из двух-трех, реже — большего числа жилищ. Такие поселения являлись традиционными также и у целой группы бывших скотоводов-кочевников: ногайцев, киргизов, казахов и др.¹¹³ С. Ш. Гаджиева при описании однодворных поселений (отар) на зимних пастбищах ногайцев подчеркнула их тождество с монгольскими айлами¹¹⁴. Зимнее кочевание в составе двух-трех юрт отмечено у монголов Б. Я. Владимирцовым¹¹⁵.

У башкир подобные поселения могли появиться в эпоху монголо-татарского владычества, когда в процессе разложения родо-племенных устоев и развития феодальных отношений выделилась своеобразная иерархическая верхушка, особое положение которой было закреплено юридически: появились тарханы, получившие официальное право на единоличное владение землей в пределах родовой (общинной) вотчины. Позднее, после присоединения Башкирии к Русскому государству, многие башкирские бии, представители бывшей родо-племенной аристократии, получили от царского правительства тарханные грамоты с признанием их привилегий и прав. Эти акты еще не означали признания частной собственности на землю, но в конечном счете могли привести к ее оформлению¹¹⁶. Много времени спустя, в конце XIX в.— начале XX в., зимовья превратились в самостоятельные усадьбы.

Существование отдельных зимовьев зафиксировано по западным склонам Уральских гор в среднем Забелье, кое-где в горных ущельях (Белорецкий р-н) и в юго-восточном лесном Зауралье¹¹⁷. Возможно, прежде они были распространены и севернее. В одном из документов XVIII в. (1765 г.) упоминаются хутора башкирского старшины Бекташа Кидрясева в Кара-Табынской волости (Исетская провинция)¹¹⁸.

О том, насколько эта форма поселений (в целях содержания скота) была распространена среди башкир в прошлом, говорит тот факт, что в 1834 г. военный губернатор В. А. Перовский обратил на нее особое внимание: дабы облегчить полицейский надзор за населением, выход на хутора семьями был запрещен¹¹⁹. Тем не менее утары на сравнительно большой территории Башкирии сохраняли значение не только в конце прошлого, но и в начале нашего века.

Осенью, когда по возвращении с летовок вблизи аула собиралась масса скота, самостоятельные семьи перегоняли свои стада на специальные зимовки, где луга в урочищах или на пологих южных склонах гор были защищены от снежных заносов, а людей ожидали утепленные жилища. На утаре объединялись семьи близких родственников (отец с сыновьями или несколько братьев), с ними выезжали нанятые работники, пастухи. На зимовье переселялась обычно

часть семьи, например женатые сыновья с невестками, при этом дети оставались в ауле под присмотром стариков родителей. Иногда мужчина, имевший несколько жен, поселялся на утаре с младшей женой¹²⁰. Выехавшие на зимовье вели общее хозяйство. Если объединялось несколько братьев, одна из невесток (обычно младшая) брала на себя заботы по приготовлению пищи, другая ухаживала за скотом, третья занималась обработкой пряжи, вязаньем, ткачеством, шитьем одежды. Иногда семьи размещались в разных домах, но это не меняло общепринятого порядка ведения хозяйства.

Жилищем служили однокомнатные срубы на мху с двускатной корьевой крышей и деревянным полом-настилом. Вдоль передней стены очага устраивали широкие нары, где спали и сидели, принимая пищу. Обогревались избушки глинобитными печами типа каминов (сыуал). Котел для приготовления пищи укрепляли на каменном очажке, имевшем с основной печью общий дымоход.

На утарах — поселениях временного характера — четко оформленных усадеб не было. Из хозяйственных строений здесь сооружались лишь утепленные землянки или отапливаемые домики для ягнят, козлят и телят. Существовали загоны для овец и коров. Около жилищ стояли стога заготовленного с лета сена.

На утары переправлялись с первыми заморозками и жили там с ноября по май. Если выезд на летовку по каким-либо причинам затягивался, утары заменяли весеннюю стоянку.

ЛЕТНИЕ СТОЙБИЩА

В начале XX в. в научных поездках по Башкирии С. И. Руденко застал на отрогах Уральских гор немало кочевьев. В беседах с людьми старшего поколения им были получены сведения об особенностях кочевания и составлена карта распространения кочевков в конце XIX в.¹²¹ Северная граница проходила от озера Аслы-Куль, пересекала на этой широте реки Дему и Белую и от р. Инзер поворачивала на северо-восток; в зоне интенсивного кочевания находились горная область и восточное Зауралье. Собранный нами в экспедициях материал помог установить последовательность исчезновения кочевьев на очерченной территории¹²². К 1870 г. перестало выезжать на летние пастбища население Чишминского, Кармаскалинского, Аургазинского районов. На средней Деме (Альшеевский, Давлекановский районы) кочевали до конца 90-х годов. В верхнем течении Демы (Бижбулякский р-н) отдельные группы семей продолжали кочевать с табунами в первые годы XX в.

Начало нашего века завершило историю полукочевой жизни большей части восточного Зауралья — в первую очередь населения современной Челябинской обл.

До 1921—1922 гг. еще выезжали на летние пастбища башкиры Предуралья (Гафурийский, Ишимбайский районы)¹²³, южных и юго-восточных лесостепных и степных районов (Баймакский, Хайбуллинский, Зианчуринский, отчасти Кугарчинский, Мелеузовский) БАССР, а также население Оренбуржья и Курганской обл. В горной

местности массовые выезды на летовки прекратились примерно в тот же период (хотя отдельные семьи продолжали эту традицию до коллективизации). В длительном сохранении кочевнических традиций у горно-лесных башкир сказалась не только хозяйственная заинтересованность, но и наличие готовых поселений: построенные бревенчатые домики ожидали своих хозяев, не требуя особых затрат, в течение 10—15 сезонов. Войлочные же юрты — основное летнее жилище степных башкир — из-за недостатка животного сырья с каждым годом стоили дороже и приобретение их становилось недоступным для массы населения. Замена войлока, которая совершалась через каждые 3—4 года, являлась весьма затруднительной процедурой¹²⁴.

Временные летние поселения башкир в конце XIX — начале XX в., в период, когда уже были нарушены кочевые традиции, хотя и сохраняли многие традиционные черты отличались от кочевков прошлого. Еще в XVIII в. — начале XIX в. в летнем поселении объединялись нередко члены одного аймака. «В летней кочевке... подразделяются они на семьи, так что кочевку составляют родственники», — отмечает И. Лепехин в третьей четверти XVIII в.¹²⁵. Во второй половине XIX в. — начале XX в. на летние пастбища выезжали прежде всего состоятельные семьи, а вместе с ними башкиры, взявшие на выпас скот или нанявшиеся на работу; при этом в пастбищно-кочевой группе могли объединяться люди, тесным родством не связанные¹²⁶. Новая социально-экономическая природа кочевых групп не могла не изменить облик летних поселений; это коснулось не только численности, но и внешнего вида жилищ. Во временном поселении башкир из дер. Ниязгуловой в отрогах Урала С. И. Руденко застал две крытые войлоком юрты, три срубные избушки, корьевой балаганчик и два конусообразных, крытых корой шалаша¹²⁷. Неоднородность жилищ была не только особенностью лесостепного района, но и отражением разной обеспеченности хозяйств, составлявших кочевку. «Кто побогаче, жили в юртах, остальные — в шалашах», — вспоминают информаторы из южных районов, в детстве видевшие кочевки. «В нашей деревне, — рассказывают старики из дер. Байдавлетово (Зианчуринский р-н), — было всего 5—6 юрт, остальные жили в корьевых балаганчиках (аласыках). У нас не было необходимого количества овец, чтобы делать войлок для юрт. Богатые покупали его у казахов»¹²⁸. На летних поселениях дер. Ярлыкапово (Абзелиловский р-н) в начале века из 60 домохозяев только у шести-семи были юрты; остальные сооружали конусообразные шалаша — чумы, крыли их корой, дранкой. Как и юрты, при перекочевках их разбирали и перевозили на новое место на лошадях.

В многонаселенных деревнях, объединявших разные родовые подразделения, было несколько кочевых групп.

Кочевые группы не только одной деревни, но и соседних родственных в течение лета поддерживали определенную связь. Долгое время этот обычай объяснялся необходимостью объединять силы в случае набега воинственных соседей, и, возможно, потому в первую очередь он сохранялся у башкир оренбургских степей и отрогов

Урала, имевших контакты с южными кочевниками¹²⁹. Обычно кочевые группы располагались в долине одной реки, на расстоянии видимости — в 1—2 км друг от друга. П. Небольсин, проезжая в середине прошлого века по южной окраине Башкирии, засвидетельствовал, что долина р. Белегуш (125 км от Оренбурга) была местом летовки 13 ближайших башкирских деревень¹³⁰. В нижнем течении Сакмары при впадении в нее р. Касмарки на сравнительно небольшом пространстве располагались летовки семи деревень: Абзаново, Юлдыбаево, Ниязгулово, Иткулово, Сунарчи, Рыскулово, Тирекле. Расселялись у подножия холмов и гор, вдоль реки, сохраняя деление по деревням, а внутри них — по семейно-родственным группам. На территории становища находились две деревянные мечети; в зимнее время они пустовали. В верхнем течении Демы в местности Чатра была летовка семи азнай-илькульминских деревень: Азнаево, Биккулово, Каскиново и др. Здесь стояла каменная мечеть¹³¹.

В горно-лесной местности обычай кочевать несколькими деревнями сохранялся слабее¹³², однако и здесь кочевые группы одной деревни, имея каждая свой маршрут, на определенных этапах собирались вместе. Совместной была первая весенняя стоянка на возвышенности вблизи деревни; в ряде случаев старожилы могут показать гору или холм, где устраивалось первое кочевое поселение и проходила весенняя тебеневка. В начале июня родовые подразделения расходились, чтобы снова собраться вблизи деревни в период жатвы. К сентябрю переселялись в дома, оставив скот пастись на стерне. Такой порядок кочевания был распространен в последней четверти XIX в.

Основание летних поселений находилось в тесной зависимости от системы ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства. С приближением теплых весенних дней скот самостоятельно отправляли на привычные места — йэйләү. Вначале присмотр за ним осуществлял какой-нибудь опытный старик, а тем временем в деревне завершали сев и готовились к отъезду: собирали имущество, чинили упряжь, приводили в порядок средства передвижения. В заранее назначенный день, навьючив лошадей или нагрузив телеги, выезжали на летовку. Кочевание было цикличным: цикл обеспечивал рациональное использование и дальних, и ближних пастбищ. К сожалению, кочевые маршруты башкир детально не изучены. Мы укажем на некоторые моменты в системе перекочевки, интересные с точки зрения описываемой темы. В этнографической литературе неоднократно упоминалось вертикальное кочевание населения деревень, расположенных вблизи Уральских гор. «Целая башкирская деревня была оставлена в пусте... а жители со своими стадами убралась в прохладнейшие горы», — отмечает П. Паллас, проехав одну из крупных деревень (Таймас-аул) Зауралья. Ту же картину он наблюдал и в Исетской провинции: «Они для пастбы своих стад избирают летом по большей части горы и около оных лежащие места»¹³³. Многочисленные данные, собранные в полевых условиях, дополняют этот источник¹³⁴. Жители дер. Кусеево Баймакского р-на уходили на лето к подножию хребта Иркендык. Летовки дер. Ишбулдино

Абзелиловского р-на располагались в верховьях р. Бетери на Урале. Из дер. Ташбулатово (того же района) скот перегоняли за р. Малый Кизил в глубь гор, к дер. Кызыл-Таш. Башкиры дер. Ярлыкапово двигались в горы за 35—40 км, в сторону дер. Кулганино. Население деревень Верхне- Нижне- и Среднесерменево Белорецкого р-на переходило на лето по ущельям в бассейн Инзера.

Долины Уральских гор и близлежащие плато в жаркое время года становились пристанищем скотоводов не только ближних деревень, но и обширных лесостепных пространств Зауралья. Башкиры Сибирской дороги в 1737 г. сообщали: «Кочуют наши башкирцы с женами, и с детьми, и со скотом по Увельке-реке, и по Аю, и в горах Уральских...»¹³⁵. В начале XIX в. Н. Попов, описывая хозяйство и быт екатеринбургских башкир, сообщает: «...кто имеет скот, выезжает весною для кочевья в Уральские горы, на 30 и 70 верст расстояния от своего жилища; там строят они свои летние юрты... В июле откочевывают к своим жилищам, дабы поставить сено и снять поспевший хлеб, продолжая свое кочевание на земле, каждому принадлежащей, до сентября»¹³⁶.

На лето кочевые группы перебирались со скотом в горы, а к осени спускались в долину и постепенно продвигались по направлению к деревне, стараясь ближайшую пастбища сохранить для зимней тебеневки. В степи и лесостепи первоначально селились на дальних лугах; по мере того как скот съедал траву, переходили все ближе к деревне с тем, чтобы к началу июля подойти к сенокосным угодьям и заняться заготовкой сена, а позже, в августе, уборкой урожая. В лесу кочевание шло по замкнутой линии, охватывая далеко расположенные пастбища.

Число перекочевков зависело от количества скота, размеров земельных владений и качества пастбищных угодий. Обычно было не менее трех перекочевков. В юго-восточном Зауралье, по свидетельству П. С. Назарова, еще в конце XIX в. кочевые группы совершали за лето до пяти-шести переходов¹³⁷. По мере того как скотоводство теряло ведущую роль в хозяйстве, летние переселения приближались к деревне, число их сокращалось до одного-двух. «С урезкой свободных земель... юрту приходилось ставить в двух-трех верстах от зимовки, переселялись туда скорее ради удовольствия вспомнить старый обычай, чем ради необходимости для скота», — писал в 1899 г. А. Калачев, посетивший ряд уездов Уфимской губ.¹³⁸

В восточном Зауралье (Сафакулевский, Альменевский районы Курганской обл.) уже в 60-е годы прошлого столетия, хотя по традиции и совершали два-три перехода за лето, расстояние их было предельно коротким. Башкиры дер. Султаново откочевывали сначала за 12 км, затем селились в 7 км, а ближе к осени — в 4 км от деревни. В большинстве случаев кочевание проходило в окружности в 3—4 версты в разных направлениях от деревни¹³⁹.

Места стойбищ в течение ряда лет оставались традиционными. Основные стоянки назывались последовательно язгы йорт (весенняя), йэйләү (летняя), и кезге йорт (осенняя). В каждой местности они имели и собственные обозначения. Население дер. Мурадымово

кочевало в направлении Юрматау. В начале лета селились на берегах р. Нугуш, затем, повернув в сторону аула, располагались на летовке Алюшка-йорт; после этого на одном из холмов в нескольких километрах от деревни жили до наступления холодов. Жители дер. Ярлыкапово Абзелиловского р-на с середины мая селились в долине р. Кэркебар, а дней через 15, когда пастбища истощались, переходили в долину р. Сукракты (в 2—3 км от первой стоянки), через две недели перекочевывали на р. Кэбэк-айры, затем поворачивали в сторону Ирендыкского хребта и там, в местности Калкуйорт (по р. Ташты-елга, в 20 км от Кэбэк-айры), занимались заготовкой сена. В конце августа переходили в урочище Тулыбай в 4—5 км от деревни; затем останавливались на берегах Кызыла в местности Суктай и жили там до холодов¹⁴⁰. Кочевки дер. Билалово Баймакского р-на назывались последовательно Оло һәүнәк (место, где жили до сенокоса), кандыбил (сенокосные луга), Бэләкәй һәүнәк (здесь жили в августе), Ташты-йорт-көзләү (осенняя, у подножия Ирендыкского хребта)¹⁴¹.

В ряде случаев, особенно там, где переходы были длинными, первую стоянку устраивали, как отмечалось выше, на возвышенном, рано освободившемся от снега месте недалеко от деревни и лишь спустя неделю-другую отправлялись в дальний путь. Эта первая стоянка часто располагалась на краю поля и на ней жили, пока не завершали сев.

Одним из важных условий при выборе места для стойбища было наличие воды — речки, родника (рис. 12—13); в степной и лесостепной местности стоянки устраивали на берегу озера, а при отсутствии чистых водоемов (в Курганской обл.) — болота. Иногда долина реки или окрестности озера оказывались в жаркую пору местом обитания нескольких кочевых групп. Например, побережье озера Маян (север Челябинской обл.) издавна служило местом летовок нескольких пастбищных коллективов. Как свидетельствует документ конца XVII в., на его берегах в летнее время находились «башкирцы Маметко с товарищи в 10 юртах», «Югутлычко с товарищи в 7 юртах», да «башкирцы Юмагузин племянник Смайлко Аляхманов в 4 юртах»¹⁴². В засушливых оренбургских степях жарким летом прохладные воды рек притягивали к себе кочующих скотоводов. В долине даже небольшой речушки собиралось до 10 и более летовок, основателями которых были жители разных деревень. В горах же при обилии ключей, родников и естественных оборонительных укреплений летние поселения горно-лесных башкир располагались более свободно, равномерно, на значительном расстоянии одно от другого.

В горах и в лесостепном Зауралье в XVII—XVIII в. кочевые группы не были многочисленными; в них редко насчитывалось более 10 семей. В документе 1665 г. упоминаются кочевки Разсла-бека на Миясе-реке («а юрт-де в том месте было с 10») и Усеин-бека «на другой стороне реки у Желтого озера» («а в том-де месте юрт только 5—6») ¹⁴³. Из 17 летовок на территории Катайского и Колчеданского острогов в 1695 г. только в двух число жилищ было несколько большим — 15 и 20¹⁴⁴. При разрастании пастбищного кол-

*Рис. 12—13. Питевой
родник в окрестностях
дер. Ильчигулово Мия-
кинского р-на. МЭЭ
1963 г. Фото автора*

*Рис. 14. Летовка в степи.
Начало XX в. Из фото-
архива С. И. Руденко*

лектива в целях лучшего выпаса стад от основной кочевой группы со временем отделялась часть семей, она определяла для себя новые места летовок, вырабатывая маршрут с согласия родового подразделения. В изобилующих пастбищами степях Оренбуржья и Среднего Поволжья число объединившихся для кочевки хозяйств могло быть большим, до 20. Эта традиция сохранялась еще в конце прошлого века ¹⁴⁵. Сравнительно большие кочевые группы могли появиться с исчезновением древнего обычая жить родовым коллективом.

Единого типа летних поселений, характерного для всей Башкирии, по-видимому, не существовало. Разделение схем планировочного устройства на треугольные, прямоугольные и кольцеобразные, принятое некоторыми исследователями ¹⁴⁶, умозрительно, а установление их исторической преемственности не соответствует действительности: единая линия развития планировки при разнообразии жилищ у башкир вряд ли могла быть. Трудно представить, например, поставленные в круг срубные избушки. Летовка была поселением

сложной организации, где, кроме жилищ, находились хозяйственные сооружения: печи, навесы, помещения для продовольственных припасов, упряжи и пр. Состоятельные башкирские семьи имели на летовках несколько жилищ; иногда устанавливалась отдельная юрта для приема гостей (кунак тирмәһе). Этим отчасти объясняется кажущаяся беспорядочность в расположении построек на некоторых топографических планах летовок середины прошлого столетия ¹⁴⁷.

Как показывают этнографические материалы, в расположении жилищ на летних поселениях проявлялись две тенденции. В открытой местности их устанавливали на берегу реки или озера в ряд, поворачивая входом в сторону степи, где пасся скот (рис. 14). «Вдали от кибиток, разбитых длинными рядами», — начал путевую запись П. Небольсин, находясь среди башкир в Оренбургской степи ¹⁴⁸. Ту же схему расположения жилых построек застал П. Назаров в юго-восточной Башкирии: «Как кибитки, так и домики — все располагаются в ряд, дверями в одну сторону. Впереди их стоят косяки кобыл» ¹⁴⁹. В один ряд устанавливали юрты и башкиры восточного Зауралья ¹⁵⁰. В горах и лесистых предгорьях преобладала планировка, которую можно назвать кучевой. Для поселения обычно выбирали просторную, относительно ровную поляну на пологом склоне или у подножия горы. Красочное описание подобной летовки мы находим у Д. П. Никольского: «К вечеру мы доехали до кочевки Зуяк, находящейся на одной из вершин отрогов Ильмерзяка. Местность здесь крайне живописная; на вершине горы, со всех сторон окруженной прекрасным хвойным лесом, среди зелени и цветов, раскинулись в живописном беспорядке кочевки (избушки. — С. III.) башкир. Одне из них приютились между стволами громадных столетних сосен, другие — где-нибудь у пригорка, третьи — посередине луга. Внизу под горой слышен шум горного ручья» ¹⁵¹.

Во второй половине XIX в. эти две планировочные схемы (линейная в степи и кучевая в горно-лесной зоне) летовок башкир были основными. Однако вплоть до начала нашего столетия в пережиточной форме сохранялся еще один, по-видимому, более древний среди кочевников-скотоводов порядок расстановки жилищ — полукольцом, напоминавшим подкову. Этот порядок имел место в тех случаях, когда кучевая группа была немногочисленной, и главное — социально сравнительно однородной. Но существовало и еще одно решающее обстоятельство: кольцевой план оказывался возможным при наличии одинаковых круглых в плане жилищ — кибиток или конических шалашей. Одно из таких башкирских поселений встретил П. Небольсин в 50-х годах прошлого столетия в нижнем течении р. Сакмары: «Башкирские кибитки раскинуты были полукругом» ¹⁵². Расположение жилищ-шалашей полукольцом отмечалось и в некоторых горных районах.

Наиболее завершенное планировочное устройство летовок имели поселения последнего типа. Все стойбище обносилось жердевой изгородью, в центре площадки ставили очаги для приготовления пищи. Над очагом устраивали навес, который прикрывал печи от дождя и служил местом хранения некоторых съестных припасов и молочной

посуды. На нем раскладывали для сушки сырки, под крышей вялили куски мяса. На той же поляне, на некотором расстоянии от жилищ, был отгорожен дворик для телят, ягнят и дойных кобылиц.

В конце XIX в. поселения, объединенные кольцевым планом (и единым хозяйством), встречались редко, особенно в лесных районах. Здесь основным жилищем являлись избушки. Д. П. Никольский, описавший кочевку инзер-катайцев Зуяк, сообщает, что необходимости в печах общего пользования здесь не было, так как каждая избушка имела легкие сени, где находился очаг для приготовления пищи. Не было и общих загонов: «почти около каждой кочевки (избушки.— С. III.) находится дворик, обнесенный изгородью, куда на ночь загоняется скот»¹⁵³. Редко огораживались летние поселения и в степи: обычно ограничивались общей коновязью и небольшим открытым загонем для молодняка.

Блпоть до начала нашего века на большой территории, где встречались летовки, в качестве пережиточного явления сохранялся один из элементов родового быта — общественные печи для выпечки хлеба (ялан мейесе, таш мейес). Это были сложенные из камня или сплетенные из лозы и обмазанные глиной небольшие закрытые очаги, в которых по очереди пекли лепешки семьи, жившие в стойбище. Остальную пищу каждая семья готовила на собственном очаге — в котле, поставленном на треногу или установленном на камнях. Воспоминание о хлебных печах сохранилось в восточном и юго-восточном Зауралье, в южных районах и в среднем Забелье, а также кое-где на юго-западе. Слабее эта традиция прослеживалась у горнолесных башкир.

Иногда на летовках существовали отдельные помещения для приготовления пищи. У состоятельных башкир в степи это была небольшая, покрытая войлоком кибитка; она же считалась женской юртой. В Приуралье (за средней Белой) перед жилым аласыком сооружали из коры летнюю кухню, где на очажке варили в котле пищу, на нарах ели, отдыхали; хлеб же пекли в печи на улице¹⁵⁴.

Для хранения мясных и молочных продуктов на летовках сооружали небольшие полуземляночные постройки, иногда врытые в берег реки. Такие помещения строили для совместного пользования семьи стойбища. Общественные погреба-полуземлянки существовали, в частности, в Гафурийском р-не БАССР: они были узкими (1 м) и длинными (3—4 м), напоминали земляную щель. В юго-восточном Зауралье для хранения молока вырывали неглубокие (25—30 см) ямы, огораживая их частоколом.

ПОСЕЛЕНИЯ НА СЕНОКОСАХ И ОСЕННИЕ СТОЙБИЩА

Логично предположить, что в хозяйственной жизни кочевников-скотоводов сенокосение явилось сравнительно поздним видом деятельности. Практически же заготовка сена, хотя бы в незначительных масштабах, могла начаться уже с появлением постоянных зимовок.

О развитии сенокосения у башкир говорят свидетельства современников и документальные источники. П. Паллас в 70-х годах XVIII в. писал, что «от других степных народов башкиры разнятся тем, что зимою живут в избах, на корм скоту косят сено и вяют стоги около больших деревьев»¹⁵⁵. Характеризуя хозяйство населения Сибирской дороги, И. Лепехин отмечал: «...сколь башкирцы нерадивы еще к пашне, столь ныне прилежат к сенокосу». Башкиры Ногайской дороги перекочевывают в начале лета на дальние луга, чтобы ближайшие от аула поля остались нетронутыми для осеннего сенокоса»¹⁵⁶.

В 1726 г. кунгурский бургомистр Юхнев, побывав среди башкир Сибирской дороги, докладывал, что в тех местах «сенных покосов множество». Корм готовили для молодняка, большого скота и лошадей, использовавшихся для хозяйственных работ; основные стада и табуны кормились на тебеневках. Ту же картину Юхнев застал и у башкир Ногайской дороги, но особенно — у населения Казанской («сенных покосов довольно имеют») и Осинской («сена косят много») дорог¹⁵⁷.

Данные о заготовке сена содержатся в письмах и актах, связанных с восстаниями XVIII в. Башкиры на Синаре-реке «сено ставят и хлеб жнут», — докладывал в 1682 г. приказчик Арамильской слободы Т. Плотцов¹⁵⁸. Тобольский воевода И. А. Хилков сообщал (1663 г.), что «ратные люди» пожгли у башкир на Иредяше-озере заготовленное сено¹⁵⁹. Сохранявшиеся в архивах деловые бумаги конца XVII — начала XVIII в. содержат данные о степени развития сенокосения у башкир. В многочисленных припускных договорах, зафиксировавших сдачу во временное владение земли в вотчинах, нередко сенные покосы оговаривались особо. Мировые записи отражали споры, возникавшие из-за владения сенокосными лугами. В записях должники обязывались в счет взятых денег отработать во владениях кредитора на сенокосе¹⁶⁰.

В некоторых договорах подчеркивалось коллективное владение лугами. Споры из-за права пользования сенокосными участками, как правило, вели не отдельные лица, а группы сельчан¹⁶¹. В договорах и полюбовных мировых записях говорилось о коллективном использовании сенокосных угодьев, о владении «с товарищи и с родственники». В мировой записи башкир Бнейской волости Казанской дороги записано: «...те наши вышеописанные покосы, не деленные истари, мы те сенные покосы в тех урочищах косим воцпе»¹⁶². Вплоть до последних десятилетий на юго-востоке и юге Башкирии сенокосные угодья делили на большие участки в расчете на 10—12 семей (обычно близких родственников), а те распределяли луга между отдельными хозяйствами согласно жеребьевке¹⁶³. Коллективный характер владения лугами располагал к коллективным поселениям на сенокосах.

В местах, где долгое время сохранялся полукочевой характер скотоводства и практиковались летние перекочевки, сенокосная страда не нарушала традиционного ритма хозяйственной деятельности. На сенокосные угодья редко переселялись всей кочевой груп-

пой. Летовка оставалась на привычном месте, старики следили за скотом, поддерживали хозяйство; на сенокос выходили наиболее работоспособные члены семьи: женатые сыновья, невестки, взрослые дети. Жили в легких, крытых травой шалашах, питались совместно.

На давнее появление сенокосных поселений у башкир указывает тот факт, что именно в их организации проявлялись иногда наиболее древние черты. Это касается, в частности, сенокосных стойбищ населения горно-лесной зоны Южного Урала. Летовки здесь, как правило, состояли из бревенчатых избышек и корьевых прямоугольных аласыков, расположенных разбросанно. Для сенокосных стойбищ из конусообразных шалашей в этом районе избирался кольцевой план. Такие стойбища на сенокосах сохранились кое-где до наших дней, в то время как кочевки исчезли еще в 30-е годы. Этнографическими экспедициями 1971 и 1976 гг. зафиксированы, например, сенокосные поселения среди катайцев Белорецкого р-на (рис. 15). Жилищем служили высокие (до 4,5 м) крытые травой шалаш-чумы, поставленные вытянутым полукольцом. Их число не превышало десяти. Одна из построек, более низкая, служила складом упряжи и инвентаря. Невдалеке находился загон для жеребят и кобылиц. В центре поселения располагались очаги (усак) с котлами, над ними сооружался корьевого навес (ылаш). В каждом шалаше размещалась отдельная семья; в стойбище были в основном родственники. В шалашах две трети площади занимали низкие нары, около входа стояли сундучки с посудой и припасами. У стен на нарах складывали одеяла и подушки.

Конические шалашы характерны для горных и восточных районов. В центральной Башкирии, а также на севере и западе на сенокосах (иногда и около поля на жатве) возводили двускатные шалашы; их крыли сеном, соломой. Однако эти постройки в начале нашего века редко составляли целостное поселение.

В горно-лесной Башкирии и кое-где в лесостепном юго-восточном Зауралье поселения из шалашей-чумов, возведенные для сенокоса или жатвы, могли стать и осенней кочевкой. Жилища устраивали основательно в расчете на сырую погоду: под траву настилали полосы коры, с внешней стороны у основания остов обкладывали пластами дерна. В таких стойбищах жили до самых холодов.

Особенности традиционных поселений башкир находят объяснение в специфике ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства. Виды поселений (летовки, утары, зимовки или аулы) были продиктованы системой выпаса стад. Необходимость содержания скота вынуждала селиться вблизи водных источников и пастбищ. В тех местах, где скотоводство оставалось ведущей отраслью и в XIX в. (юго-восточные, южные районы, бассейн Демы), для поселений долгое время были характерны малочисленность хозяйств, родственный состав семей, обособление внутри по группам. В этом же регионе наряду с аулами вплоть до начала нашего столетия существовали хутора и летовки.

Рис. 15. Поселение на сенокосе в горах. Дер. Серменево Белорецкого р-на. МЭЭ 1971 г. Фото Н. В. Вихулатова

Вопрос о переходе к оседлости решает проблему возникновения постоянных поселений лишь отчасти. Как показывают материалы по истории башкир и других в прошлом кочевых народов, уже зимовки скотоводов могли иметь относительно постоянный характер. Виды зимних жилищ у башкир (кроме юрт, бревенчатые, шедневые, каменные, пластовые и другие избушки, а также землянки) наводят на мысль, что зимники должны были сооружаться не на один сезон. Однако для развития селений имело значение и то обстоятельство, являлись они постоянным или только временным местом обитания. С переходом к оседлости и, следовательно, исчезновением летовок зимние жилища и усадьбы стали благоустраивать. Во многих случаях это совпало с перестройкой деревень по уличному плану. Переход к выгонно-стойловому скотоводству исключил летовки — традиционный вид поселений, идущий из древности. Изменение характера поселений у башкир происходило одновременно. В XVIII в., когда на северо-западе существовали сравнительно крупные деревни, в юго-восточных и южных районах они носили отпечаток полукочевых. Процесс преобразования шел с северо-запада на юг и восток, захватывая с каждым десятилетием все новые территории.

К середине XIX в. в общих чертах сложилась карта народонаселения Башкирии, установился основной состав башкирских аулов. Завершающим моментом явилась перестройка деревень по новой системе. Начало этого процесса относится к периоду вхождения башкирских земель в состав Русского государства, когда закончились междоусобицы и за местными племенами и родами были признаны

вотчинные земельные права. Однако длительное земельное устройство, урезка владений в связи с припущенничеством, а также строительством крепостей, заводов, продажей земель, еще не раз вызывали перенос отдельных поселений на другое место. Возникали новые пункты и в связи с естественным приростом населения. С переходом к оседлости превращались в деревни бывшие утары.

Генеральное межевание и переписи населения закрепили сложившееся к этому времени размещение населения по территории. После этого началось более интенсивное внутреннее развитие населенных пунктов.

- ¹ Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— Материалы по этнографии / Географическое общество СССР. Л., 1961, вып. 1, с. 3—4; Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Алмата, 1971, с. 401—403 и др.
- ² Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов..., с. 521.
- ³ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1966, т. III, с. 280.
- ⁴ Башкирские шежере. Уфа, 1960, с. 27—28.
- ⁵ Более подробно см.: Шитова С. Н. Постройки типа землянок у башкир.— В кн.: Культура и быт башкир. Уфа, 1978, с. 37—52.
- ⁶ МЭЭ 1972 г., дневники автора.
- ⁷ Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии.— Сов. этнография, 1976, № 4, с. 45—46.
- ⁸ Дэзлет М. А. Большая Боярская писаница.— Сов. археология, 1965, № 3, с. 134, 136—140.
- ⁹ Рубрук (де) Гильом. Путешествие в восточные страны.— В кн.: Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 122.
- ¹⁰ Цит. по: Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах.— Журнал Мин-ва народного просвещения, СПб., 1868, № 12, с. 669.
- ¹¹ МЭЭ 1972 г., дневники автора.
- ¹² Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936, ч. 1, с. 325—326.
- ¹³ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974, с. 65—66.
- ¹⁴ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культур-ные связи. Л., 1971, с. 114—115; По-ганов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, с. 114 и др.
- ¹⁵ Севортян Э. В. Этимологический словарь..., с. 65.
- ¹⁶ Материалы по истории..., ч. 1, с. 160, 162, 164, 171, 174, 186, 187, 325—326 и др.
- ¹⁷ Там же, с. 204.
- ¹⁸ Там же, с. 151. Видимо, это деревни башкир — телевцев и салкютов.
- ¹⁹ Там же, с. 191—193.
- ²⁰ Там же, с. 348.
- ²¹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786, ч. II, кн. 1, с. 69. Описание Палласа подтверждает, что термин «ауыл» у башкир, как и у некоторых других тюрков, мог применяться в отношении к зимнему кочевому поселению.
- ²² Там же, с. 94.
- ²³ Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960, с. 163; Усманов Х. Ф. Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству.— В кн.: Исследования по истории Башкирии XVII—XIX вв. Уфа, 1973, с. 72 и далее.
- ²⁴ ЦГВИА, ВУА, д. 20627.
- ²⁵ Там же, д. 20622.
- ²⁶ Там же, д. 20628.
- ²⁷ Паллас П. С. Путешествие..., ч. II, кн. 1, с. 57, 64, 69 и др.
- ²⁸ Материалы по истории..., ч. 1, с. 237.
- ²⁹ История северо-восточных деревень приводится на основании материалов экспедиций 1959, 1973, 1977 гг. Кроме записей автора, использованы полевые дневники Р. Г. Кузеева за 1959 г.
- ³⁰ Башкирские шежере, комм., с. 194.
- ³¹ Здесь и далее использованы полевые материалы Р. Г. Кузеева, 1957 г.

- ³² Башкирские шежере, с. 34.
- ³³ МЭЭ 1969, 1970, 1978 гг. дневники автора; полевые материалы Р. Г. Кузеева, 1957 г.
- ³⁴ МЭЭ 1958 г., дневники Р. Г. Кузеева.
- ³⁵ Там же; МЭЭ 1963, 1971 гг., дневники автора.
- ³⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956, т. II, ч. 1, с. 207.
- ³⁷ Материалы по истории... М.; Л., 1949, т. III, с. 68, 132—133 и др.; МЭЭ 1959 г., дневники Р. Г. Кузеева.
- ³⁸ Материалы по истории..., ч. 1, с. 93; МЭЭ 1958, 1959 гг., дневники Р. Г. Кузеева; МЭЭ 1972 г., дневники автора.
- ³⁹ *Нигматуллин С. Н.* О земельных отношениях и борьбе за землю в Башкирии.— В кн.: Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1975, вып. 3, с. 116—117.
- ⁴⁰ Полевые материалы Р. Г. Кузеева, 1957 г.
- ⁴¹ *Усманов Х. Ф.* Размежевание башкирских дач между вотчинниками и припущенниками по правилам 10 февраля 1869 г.— В кн.: Из истории сельского хозяйства Башкирии. Уфа, 1976, с. 33.
- ⁴² Материалы по истории..., т. III, с. 129.
- ⁴³ Там же, с. 378, 394.
- ⁴⁴ Там же, с. 396—397.
- ⁴⁵ Там же, М., 1956, т. IV, ч. 1, с. 146.
- ⁴⁶ Там же, т. III, с. 427. Имеется в виду р. Асава, приток Куганак, впадающего в Белую.
- ⁴⁷ Там же, т. IV, ч. 1, с. 349, 364—365.
- ⁴⁸ МЭЭ 1958, дневники Р. Г. Кузеева.
- ⁴⁹ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. 1, с. 240.
- ⁵⁰ *Разматуллин У. Х.* К вопросу о припуске на башкирские земли в первой половине XVIII в.— В кн.: Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974, с. 10.
- ⁵¹ *Васильев С. М.* К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения Башкирии в конце XVII — начале XVIII в.— В кн.: Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958, с. 129—131.
- ⁵² *Усманов Х. Ф.* Крестьянская колонизация Башкирии в пореформенный период.— В кн.: Страницы истории Башкирии; *Он же.* Размежевание башкирских дач...; *Он же.* Землевание в Башкирии в пореформенный период.— В кн.: Исследования по истории Башкирии. XVII—XVIII вв. Уфа, 1973; *Нигматуллин С. Н.* О земельных отношениях...; и др.
- ⁵³ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959, т. I, ч. 2, с. 60.
- ⁵⁴ *Усманов Х. Ф.* Крестьянское хозяйство Башкирии во второй половине XIX — начале XX в.— В кн.: Страницы истории Башкирии, с. 82—83.
- ⁵⁵ Там же, с. 83, 84.
- ⁵⁶ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. 2, с. 49.
- ⁵⁷ *Усманов Х. Ф.* Размежевание башкирских дач..., с. 37—38.
- ⁵⁸ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. 2, с. 54.
- ⁵⁹ *Усманов Х. Ф.* Размежевание башкирских дач..., с. 33.
- ⁶⁰ *Усманов Х. Ф.* Размежевание башкирских дач..., с. 33, 40, 41.
- ⁶¹ Научный архив БФ АН СССР, оп. 12, д. 77, л. 381.
- ⁶² Там же, л. 319, 349 и др.
- ⁶³ *Кузеев Р. Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, ч. 1, с. 68, 91, 113—114, 142—143; *Разматуллин У. Х.* К вопросу о припуске..., с. 4—126; *Чулошников А. П.* Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в.— В кн.: Материалы по истории..., ч. 1, с. 9—10 и др.
- ⁶⁴ Списки населенных мест Российской империи. Т. XLV. Уфимская губерния. СПб., 1877; Полный список населенных мест Уфимской губернии с подразделением на волости, участки... с указанием числа дворов... ярмарок, базаров / Под ред. Н. А. Озерова. Уфа, 1896; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись. 1912—13 г. Уфа, 1914, ч. 2, и др.
- ⁶⁵ *Асфандияров А. З.* Введение кантонной системы управления в Башкирии.— В кн.: Из истории Башкирии. Уфа, 1968, с. 164.
- ⁶⁶ Материалы по истории..., ч. 1, с. 172.
- ⁶⁷ Там же, с. 348.
- ⁶⁸ Там же, т. III, с. 486—487, 527.
- ⁶⁹ *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799, ч. 2, с. 89.
- ⁷⁰ *Усманов А. Н.* Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII в.— В кн.: Из истории фео-

- дализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971, с. 59, 60.
- ⁷¹ Паллас П. С. Путешествие... СПб., 1788, ч. III, кн. 2, с. 21.
 - ⁷² ЦГВИА, ф. 414, д. 314, л. 137—146.
 - ⁷³ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. СПб., 1813, ч. 3, с. 8.
 - ⁷⁴ Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854, с. 250—251.
 - ⁷⁵ Материалы извлечены Б. Г. Калимуллин из архива НИИ полеводческой станции (инв. № 1351, 1619 и др.). Частично опубликованы в кн.: Калимуллин В. Г. Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978, с. 17.
 - ⁷⁶ МЭЭ 1971, 1976 г., дневники автора.
 - ⁷⁷ Использованы данные из работ: Янгужин Р. З. Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX в.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973, т. V, с. 141, 145; Он же. Земледелие у зауральских башкир в первой половине XIX в.— Учен. зап. Башкирского гос. ун-та, Уфа, 1968, вып. 35, с. 167—168, 171—172; Мурзабулатов М. В. Архивные источники по этнографии зауральских башкир.— В кн.: Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1976, вып. 2, с. 131.
 - ⁷⁸ Усманов Х. Ф. Переход башкир к оседлости..., с. 88, 109.
 - ⁷⁹ Списки населенных мест Российской империи, т. XLV; Полный список населенных мест Уфимской губернии...
 - ⁸⁰ Железнов И. И. Полн. собр. соч.: В 2-х т. 3-е изд. СПб., 1910, т. I, с. 247.
 - ⁸¹ Усманов Х. Ф. Переход башкир к оседлости..., с. 71—109.
 - ⁸² Материалы опубликованы в кн.: Алфавит волостей и селений Уфимской губернии. Уфа, 1902.
 - ⁸³ Усманов Х. Ф. Переход башкир к оседлости..., с. 106.
 - ⁸⁴ Там же, с. 107—108.
 - ⁸⁵ Списки населенных мест Российской империи..., т. XLV.
 - ⁸⁶ Научный архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 77, л. 275.
 - ⁸⁷ Асфандияров А. З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в.— В кн.: Страницы истории Башкирии, с. 42.
 - ⁸⁸ Научный архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 77, л. 283, 319, 350.

- ⁸⁹ Небольсин П. Рассказы проезжего, с. 248.
- ⁹⁰ МЭЭ 1959 г., дневники автора.
- ⁹¹ Калимуллин В. Г. Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959, с. 20.
- ⁹² Асфандияров А. З. Хозяйство башкир..., с. 39—42.
- ⁹³ Малазов М. В. Башкиры.— Зап. УОЛЕ, Екатеринбург, 1887, т. XI, вып. 1, с. 80.
- ⁹⁴ Никольский Д. П. Из поездки к лесным башкирам.— В кн.: Земледелие. М., 1895, т. II, кн. 4, с. 50.
- ⁹⁵ Там же, с. 54.
- ⁹⁶ Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899, с. 34—35.
- ⁹⁷ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955, с. 344—347; Шитова С. Н. Башкирские костюмные комплексы XIX—начала XX в. и районы их распространения.— В кн.: Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 г. Уфа, 1966, с. 80—84; Кузеев Р. Г. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968, т. 3, с. 387 (карта).
- ⁹⁸ Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. М., 1858, ч. 1, с. 252.
- ⁹⁹ Литуневский Н. Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1878, с. 105.
- ¹⁰⁰ Полный список населенных мест Уфимской губернии...
- ¹⁰¹ Берггольц Л. Горные башкиры — катаяйцы.— Этнографическое обозрение, 1893, вып. 3, с. 82.
- ¹⁰² Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859, с. 123.
- ¹⁰³ Баишев М. Деревня Зиянчурина Орского уезда Оренбургской губернии.— Изв. Оренбургского отдела РГО, 1895, вып. 7, с. 2.
- ¹⁰⁴ Железнов И. И. Уральцы..., с. 248, 252.
- ¹⁰⁵ Асфандияров А. З. Хозяйство башкир..., с. 43.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Руденко С. И. Башкиры..., 1955, с. 136.

- ¹⁰⁸ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание, т. XVII, № 15985.
- ¹⁰⁹ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. 2, с. 289.
- ¹¹⁰ Там же, с. 302.
- ¹¹¹ Здесь и далее использованы МЭЭ 1963, 1969, 1970, 1971 гг., дневники автора; полевые материалы Р. Г. Кузеева, 1957, 1958 гг.
- ¹¹² Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир, ч. 1, с. 102.
- ¹¹³ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976, с. 22—23; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 73; Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов..., с. 536 и др.
- ¹¹⁴ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев..., с. 23.
- ¹¹⁵ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 36.
- ¹¹⁶ Акманов И. Г. Башкирское восстание 1704—1711 гг. — В кн.: Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968, с. 43.
- ¹¹⁷ МЭЭ 1970, 1971, 1976, 1978 гг., дневники автора.
- ¹¹⁸ Материалы по истории..., т. IV, ч. 1, с. 315.
- ¹¹⁹ Асфандияров А. З. Хозяйство башкир..., с. 42.
- ¹²⁰ В начале нашего века старшина 1-й Бурзянской волости Х. Сайтагафаров, имевший несколько жен, расселил их по отдельным хуторам (МЭЭ 1958 г.).
- ¹²¹ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир. — Зап. Географического об-ва СССР, 1925, т. 43, вып. 2, прил. (карта 1).
- ¹²² МЭЭ 1969, 1970, 1971, 1972, 1975, 1978 гг., дневники автора.
- ¹²³ Отдельные кочевые поселения этих районов вошли в перепись населения 1896 г., в частности Аралтау, — временная башкирская кочевка «при овраге речки Аралтау и Такаты» в Кситабынской волости Стерлитамакского уезда, состоявшая из 10 хозяйств, в которых проживало 18 человек — 10 мужчин и 8 женщин (Полный список населенных мест Уфимской губернии..., с. 455).
- ¹²⁴ Никольский Д. П. Башкиры..., с. 49.
- ¹²⁵ Лелехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. 3. — Полн. собр. ученых путешествий по России. СПб., 1822, т. IV, с. 59.
- ¹²⁶ Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир, с. 100, 167—169.
- ¹²⁷ Руденко С. И. Башкиры..., 1925, с. 187.
- ¹²⁸ МЭЭ 1958 г., дневники Р. Г. Кузеева.
- ¹²⁹ Материалы по истории..., ч. 1, с. 326.
- ¹³⁰ Небольсин П. Рассказы проезжего, с. 224.
- ¹³¹ МЭЭ 1958 г., дневники Р. Г. Кузеева. В связи с этим вспоминается раскопанное археологами на берегу Нугуша (приток р. Белой) Бережковское поселение (XIII—XIV вв.), которое, как предполагается, было кратковременным (летним?) местом обитания какого-то кочечевого коллектива. На берегу вдоль дюн обнаружено 80 округлых углублений от жилищ, объединенных в группы по три-четыре. Размещение впадин отражает, по всей вероятности, обычай селиться родственными (семейными) группами (Викторова В. Д. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии. — В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962, вып. 4, с. 163, 172.
- ¹³² Пережитком этого обычая можно считать тот факт, что жители деревень Ярлыкапово, Калкасово, Казмашево Абзелиловского р-на и Кулганино Бурзянского р-на на весенней стоянке на р. Кәркебар собирались вместе, а затем шли каждая по своему маршруту и к осени подходили к своим деревням (МЭЭ 1958 г., дневники Р. Г. Кузеева).
- ¹³³ Паллас П. С. Путешествие..., ч. II, кн. 1, с. 8, 157.
- ¹³⁴ МЭЭ 1962, 1971, 1976 гг., дневники автора.
- ¹³⁵ Материалы по истории..., ч. 1, с. 325—326.
- ¹³⁶ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии..., ч. 3, с. 16.
- ¹³⁷ Наваров П. С. К этнографии башкир. — Этнографическое обозрение, 1890, вып. 1—2, с. 179.
- ¹³⁸ Калачев А. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии. — Живая старина, 1899, вып. 3, с. 317.
- ¹³⁹ Мурзабулатов М. В. Хозяйство башкир Екатеринбургского и Шадрин-

- ского уездов Пермской губернии во второй половине XIX — начале XX в.— В кн.: Из истории сельского хозяйства Башкирии, с. 92.
- ¹⁴⁰ МЭЭ 1958 г., дневники Р. Г. Кузеева.
- ¹⁴¹ МЭЭ 1971 г., дневники автора.
- ¹⁴² Материалы по истории..., ч. 1, с. 85.
- ¹⁴³ Там же, с. 196—197.
- ¹⁴⁴ Там же, с. 85—86.
- ¹⁴⁵ В 80-х годах XIX в. в кочевом поселении из 20 юрт на берегу р. Каралык жили английские путешественники Мэкензи и Уоллес: *Мэкензи, Уоллес*. Башкиры.— В кн.: Россия. СПб., 1881—1882, т. 2, с. 60.
- ¹⁴⁶ *Калимуллин Б. Г.* Планировка и застройка..., с. 19—21.
- ¹⁴⁷ Там же, с. 21—23 (рис. 3, 4, 6).
- ¹⁴⁸ *Небольсин П.* Рассказы проезжего, с. 230.
- ¹⁴⁹ *Назаров П.* К этнографии башкир, с. 180.
- ¹⁵⁰ МЭЭ 1972 г., дневники автора.
- ¹⁵¹ *Никольский Д. П.* Из поездки к лесным башкирам, с. 50.
- ¹⁵² *Небольсин П.* Рассказы проезжего, с. 219.
- ¹⁵³ *Никольский Д. П.* Из поездки к лесным башкирам, с. 50.
- ¹⁵⁴ Здесь и далее использованы МЭЭ 1969, 1970, 1971, 1972, 1976, 1978 гг., дневники автора.
- ¹⁵⁵ *Паллас П. С.* Путешествие... СПб., 1809, ч. I, с. 649.
- ¹⁵⁶ *Лепезин И. И.* Дневные записки... СПб., 1802, ч. 2, с. 36—37.
- ¹⁵⁷ Материалы по истории..., т. III, с. 486, 487.
- ¹⁵⁸ Там же, ч. 1, с. 208.
- ¹⁵⁹ Там же, с. 160.
- ¹⁶⁰ Там же, т. III, с. 17, 19, 23, 26—30, 33, 49, 54, 65—66, 68 и др.
- ¹⁶¹ Например: «Арык Акбулатов с товарищами» из Кыр-Унларовской волости Сибирской дороги; «Иликей Исембетов с товарищами» из Кыр-Таныпской волости и т. д. (Материалы по истории..., т. III, с. 65—66).
- ¹⁶² Там же, с. 27—28.
- ¹⁶³ МЭЭ 1971, 1976 гг., дневники автора.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СЕЛЬСКИЕ ЖИЛИЩА

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. ТЕХНИКА СООРУЖЕНИЯ ЖИЛИЩ

Территория, на которой расселились башкиры, обширна. Она включает Башкирию, соседние районы Татарии, Пермской, Свердловской, Челябинской, Оренбургской областей. Башкирские аулы имеются в Курганской, Куйбышевской и Саратовской областях. На огромном пространстве, раскинувшемся от Волги до Тобола, от Камы до Урала, можно встретиться с самыми разнообразными природными условиями: побывать в таежных северных чащах и ощутить безбрежный простор южных степей, оказаться на высокогорных лугах и в горных долинах, где берут начало реки Южного Урала, и увидеть эти реки в полном разливе на равнине. Сама Башкирия неоднородна в природном отношении. Она находится на стыке двух континентов. Для ее восточной части характерен возвышенный рельеф. Близость гор ощутима уже на северо-востоке. Однако настоящее горное царство начинается на широте г. Уфы и распространяется на огромные пространства юго-восточной Башкирии. Отроги Уральских гор доходят до южной границы — с Оренбургской обл. Горные склоны покрыты лесами. Специалисты подсчитали, что 38% территории Башкирии занято лесами и $\frac{2}{3}$ лесных богатств приходится на горную зону¹. В глубине гор преобладают хвойные леса, среди которых первое место занимает сосна, по Инзеру и в верховьях Белой к ней присоединяются ель и пихта, к югу появляется лиственница. На западных хребтах произрастают лиственные породы деревьев: береза, липа, осина, дуб, клен, ильм. На востоке хвойные леса перемежаются с березовыми. За Уралом располагается сравнительно узкая полоса лесостепи, переходящая на юге в завожско-казахстанские степи.

Почти так же внезапно начинается лесостепь в Предуралье. Протянутая географами граница между горным и лесостепным ландшафтами проходит в меридиональном направлении примерно от верховьев Сима вдоль Уральских гор, оставляя узкую полосу в правобережье средней Белой. Большая часть западной Башкирии — лесостепь с преобладанием то лесной (на Белебеевской возвышенности), то степной (по Чермасану, средней Деме и Ашкадару) растительности. Из деревьев произрастают дуб, липа, береза, осина, клен, ильм. Это в основном небольшие рощицы, разделенные распаханными полями и лугами. Долины рек заняты зарослями черемухи, тальника, ольхи и других приречных деревьев и кустарников. Власть степи усиливается к югу.

От нижней Белой и Камы, вдоль северных границ Башкирии, включая Аскинскую возвышенность и Уфимское плато, простирается таежная зона, в прошлом сплошь покрытая лесами. Здесь преобладают так называемые темнохвойные породы (ель, пихта), встречается сосна; из широколиственных — береза, липа, дуб, клен. Значительные массивы березы, осины, дуба встречаются среди распаханых полей в междуречье Белой и Уфы. Богат лесом также пригородный округ на крайнем северо-востоке Республики. Лесостепь в бассейне Ая соседствует с северной прикамской тайгой и лесистыми склонами гор.

Как типичная лесостепь с преобладанием в Курганской обл. степи характеризуется восточное Зауралье. В степях разместились башкирские аулы в Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областях.

Природные условия во многом способствовали появлению на той или другой территории определенных видов постоянных жилищ. Если бы мы наложили схему распространения у башкир строительных материалов на физико-географическую карту Южного Урала и сопредельных территорий, где отражался бы и ландшафт, то получили бы значительное совмещение этнографических районов с природно-географическими зонами. Зная разновидности жилых построек у башкир и проанализировав природные компоненты (климат, рельеф, растительный покров), можно почти безошибочно предсказать территорию распространения каждого из видов. Сейчас мы говорим об этом уверенно, так как уже изучен многолетний полевой материал по постройкам башкир в разных природно-географических зонах.

На строительство жилищ употребляли лес, кустарники, дерн, камень, глину, песок, солому, камыш, траву. Допускали разное их сочетание. Максимально использовали лесные материалы: древесину, кору, лыко. Из кустарников и камыша научились делать плетеные стены. Из глины, песка и соломы производили своего рода строительные «заготовки» — «воздушный» кирпич, или саман. Существовали и другие способы сооружения жилищ из подручных строительных материалов: глины, песка и камня. Население по-разному относилось к этим материалам, различался и опыт обращения с ними. Во всем этом чувствовалось, помимо объективных исходных данных (в первую очередь имеется в виду определенный ландшафтный комплекс), влияние разных по происхождению этнических традиций.

На значительной части Башкирии, включая северные районы почти до широты г. Уфы, горно-лесную область, юго-восточное Зауралье, а также юг Пермской, Свердловской и северо-запад Челябинской областей, лес оставался единственным строительным материалом. Из бревен возводили стены, корой, тесом, дранкой покрывали крышу. Лишь на северо-западе — в левобережье Белой и бассейне Ика — для покрытия изб использовали солому, хотя жилища оставались бревенчатыми.

Особенно ценились хвойные породы. Чаще строили из сосны, на севере, кроме того, употребляли ель и пихту, на Южном Урале — лиственницу. Из лиственных пород на постройку шли осина и бе-

реза. Осина оказалась главным материалом на западных хребтах Уральских гор и в Предуралье; береза преобладала в постройках восточного Зауралья.

Предпочтительное отношение башкир к лесу как к наиболее удобному в эксплуатации материалу, способному создать оптимальный режим существования, заметно по всей территории. Употребление камня, дерна, глины и прочих материалов было в известной степени вынужденным явлением там, где отсутствовал лес. Однако и в лесостепи значительная часть жилищ строилась из бревен, и даже в степных деревнях наряду с массой саманных, глинобитных и прочих изб можно было увидеть добротные бревенчатые дома зажиточной верхушки. И все же, подходя к прошлому аналитически, мы вынуждены признать удивительное изобретательство народа в сооружении жилищ из самых обычных природных материалов — жилищ непритязательных, непрестижных. Особенно разнообразны жилища сооружения в лесостепи.

Как сказано выше, лесостепной ландшафт был характерен и для юго-западной, и для юго-восточной Башкирии, а также для восточного (челябинского и курганского) Зауралья. Небольшая площадь лесостепи имела на северо-востоке в бассейне Ая. В каждой из местностей при наличии, казалось бы, однотипных условий строительные традиции складывались по-своему. В айском бассейне в непосредственном соседстве с лесами избы, как и на всем севере, строили из бревен. На юго-западе, по Деме и Ашкадару, типичным жилищем были плетневые мазанки. Распространенным покрытием в этих местах, даже на бревенчатых домах, являлась пропитанная глиняной смазкой солома. Ближе к горам, в среднем Забелье, в строительстве широко использовалась кора. В юго-восточном Зауралье, особенно в Баймакском и на юге Абзелиловского районов, встречалось немало домов из камня-плитняка. В восточном Зауралье получила развитие техника сооружения глинобитных и каркасных построек с земляной засыпкой. Избы, в том числе и бревенчатые, часто крыли пластами дерна.

Мы назвали для каждой местности наиболее характерные виды жилищ. В действительности же наблюдалось самое неожиданное их сочетание. Особенно разнообразны жилища за Уралом на территории Западной Сибири. Здесь зафиксированы редкие случаи использования в качестве жилья землянок. В степной полосе техника сооружения построек была более однородной: преобладали избы из самана и из пластов дерна.

Ниже мы остановимся на приемах подготовки строительных материалов, основных конструктивных узлах и способах возведения стен и крыши в различных по своей природе жилищах.

БРЕВЕНЧАТЫЕ ИЗБЫ

Постройка бревенчатой избы начиналась с заготовки строительного материала. В лесных районах башкирские семьи, решившие поставить новый дом, обычно сами участвовали во всех подготовитель-

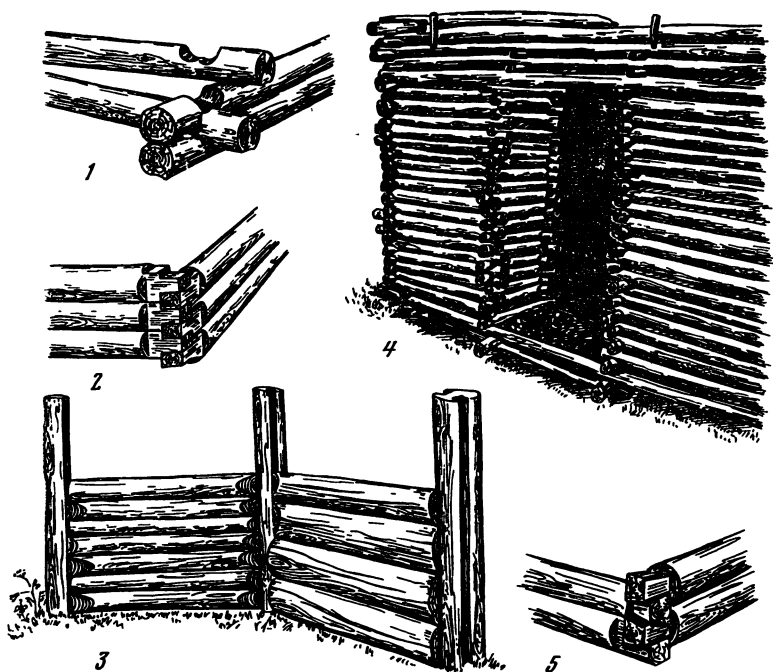

Рис. 16. Способы рубки бревен при сооружении домов и хозяйственных построек

1 — рубка «в чашку» с выступом на дне; 2 — рубка «в лапу»; 3 — рубка «в паз»; 4 — двойной сруб с земляной засышкой; 5 — рубка «ласточкин хвост». Рис. М. Д. Кузнецова и Н. А. Червор

ных процессах — от валки леса до его обработки. Деревья старались спилить в зимний период; такой лес оказывался более сухим, долго не подвергался гниению. Освобожденные от сучьев стволы распиливали на отрезки определенной длины в зависимости от размера будущего дома и перевозили в деревню. Здесь с них снимали кору и сортировали, наиболее прочный материал оставляли для нижних венцов, половых балок, матицы, опорных конструкций крыши.

Главным, а в большинстве случаев единственным способом сооружения бревенчатых стен была связка в сруб (рис. 16). Повсеместно распространенным приемом скрепления бревен являлось закладывание их в чашевидные выемки на нижнем бревне на расстоянии от концов — так называемая рубка «в чашку» или «в угол». Для того чтобы венцы ложились плотнее, на бревнах делали продольный срез. В домах, построенных в нашем веке, срезали нижнюю часть бревна. Срез был довольно глубоким, проходил во всю длину и на торце смотрелся как луновидная выемка; на дне «чаши» стали оставлять небольшой выступ, который плотно входил в паз верхнего венца. В отдельных старых постройках можно увидеть более ранний

способ рубки с продольными ложбинками сверху бревен и ровными полукруглыми «чапками». При таком способе попадающая в пазы влага ускоряла гниение древесины; видимо, поэтому он не нашел на Урале широкого распространения.

В конце XIX — начале XX в. башкирским мастерам были знакомы и другие приемы сцепления венцов. В разных уголках северной и центральной Башкирии, в Челябинской обл. встречались мечети и старые дома сложной планировки, построенные «в лапу», иногда с выпуском стесанных концов². Такие сооружения еще в середине XX в. стояли в дер. Туктубаево Сосновского р-на Челябинской обл., в дер. Муллагулово Мелеузовского р-на БАССР. Мечеть, построенная «в лапу», по рассказам старожилов, более 300 лет назад, была зафиксирована Б. Г. Калимуллиным в дер. Старотушкырово Балтачевского р-на БАССР³. В дер. Карталы Белорецкого р-на при сооружении мечети была применена сложная рубка «в замок», описанная у восточных славян под названием «рубка в канюки»⁴. Дома, срубленные способом, известным на Южном Урале как «ласточкин хвост», встречены нами в деревнях Аминово, Соркино Кунашакского р-на Челябинской обл., в Бишаулунгарове Кармаскалинского р-на, Верхнесанзяпове Кутарчинского р-на БАССР и др.⁵ Рубка венцов в край бревна и обшивка стен короткими дощечками (гонтом) в начале нашего века получили распространение по всему северу Башкирии.

В целом постройка дома была процессом длительным. Подготовив зимой лес, в апреле-мае собирали сруб «начерно». Делали это на ровном месте, в усадьбе или на улице. Для первых венцов использовали бревна большого диаметра из хвойного или просмоленного лиственного леса. Соединив нижние шесть-семь венцов, верхний ряд снимали и, уложив его на подставки-чурбаки на землю, продолжали рубить среднюю, затем точно так же — верхнюю часть избы.

Высота стен приближалась к 2,5 м. На севере Башкирии и в горно-лесной зоне дома были несколько выше по сравнению с южными лесостепными и степными аулами. Количество венцов зависело от толщины леса. Б. Г. Калимуллин в 50-е годы видел в северо-западной Башкирии старые дома, состоявшие из семи-восьми венцов; диаметр бревен равнялся 50 см и более⁶. Толстый лес иногда раскалывали пополам; плахи связывали в сруб, плоской стороной обращая внутрь жилища. На севере и северо-востоке сохранились дома дореволюционной постройки из сосновых бревен, срубленные в 14 венцов. Сруб был приподнят на каменных тумбах, пол врублен в первый венец, потолочная балка — в 13-й⁷. У башкир горного Бурзянского р-на срубы состояли из 15—17 венцов, причем половые балки врубались во второй или третий венец. На торцах сруб наращивали еще на 11—13 бревен, устраивая бревенчатые фронтоны. П. Небольсин, посетивший в середине прошлого века южное Приуралье (Зианчуринский р-н), отмечал, что башкирский дом в тех местах кладется в 13 венцов, при этом высота жилого помещения от пола до потолка составляет три аршина (около 2,1 м)⁸.

После полной сборки сруба стены и венцы нумеровали. По ходу работы вырубали в бревнах пазы для переводин*, матицы, потолочных досок, стоек крыши и стропил. В строго рассчитанных местах оставляли узкие отверстия в стенах для окон и дверей. Собранный сруб стоял лето: в жаркую пору дерево высыхало и давало усадку.

Следующий этап начинали с подготовки площадки для строительства: счищали дерн, утрамбовывали землю, готовили для сруба основание. Как сообщали информаторы, в старину сруб ставили на землю, в лучшем случае положив под углы каменные плиты. Отсутствие фундамента — обычное явление на юго-востоке Башкирии, в лесостепных юго-западных и южных районах. Однако в горно-лесных и северных районах уже в XIX в. вошло в практику под углы дома врывать сосновые, еловые, лиственничные, дубовые или просмоленные осиновые чурбаки и приподнимать сруб над землей. Иногда подземную часть свай, чтобы уберечь от гниения, обертывали берестой или обжигали. Устройство фундамента особенно важным делом было на севере и в восточном Зауралье — в зоне заболоченности и чрезмерной увлажненности почв. Один из сохранившихся байских домов в дер. Верхнекудашево Татышлинского р-на стоял на дубовых тумбах диаметром около 50 см, возвышавшихся над землей на 30—35 см. По утверждению старых людей, длина свай превышала 1 м. Другие дома дореволюционной постройки в этой деревне стояли на каменных плитах⁹. Использование каменных или деревянных тумб помогало регулировать уровень первого венца на неровной поверхности.

Поднятие сруба над землей требовало дополнительных мер для утепления жилища. Достигалось это разными способами (рис. 17, 18). Высокотехничным, конструктивно завершенным надо признать способ, распространенный в горах (Бурзянский р-н), в Приуралье и по южным отрогам: устройство сплошного фундамента из толстых бревен, врубленных в пазы вбитых в землю деревянных свай. На такое основание из бревен ставили сруб, половые балки врубались в первый венец. При другом способе, зафиксированном в Бурзянском р-не, значительный по диаметру нижний венец сруба имел прямоугольные отверстия, которыми насаживался на низкие, врытые в землю столбы; довольно толстыми были и два следующих венца, в третий врубалась половая балка.

В северных и центральных предгорных районах, где также существовал обычай ставить дома на деревянные врытые в землю тумбы и приподнимать сруб на 25—30 см, промежуток заполняли уложенными поперек стены короткими чурбаками. В тех случаях, когда сваи возвышались над землей значительно, чурбаки соответствующей длины устанавливали друг около друга вертикально. Со стороны подпола бревенчатую загородку приваливали землей. Внутренние завалинки (нигез, дингез) встречались в домах дореволюционной постройки на севере Башкирии и в Челябинской обл.

* Перекладыни, на которые настилается пол, кладется потолок.

Рис. 17. Дом с закладкой низа отрезками бревен. Дер. Ново-Кабаново Красноярского р-на. МЭЭ 1960 г.

Рис. 18. Дом на каменном основании. Дер. Асылгузино Кигинского р-на. МЭЭ 1968 г. Фото автора

В отдельных вариантах, устраивая завалинку, внутри четырехстенка устанавливали сруб в два-три венца размером на 60—70 см меньше, чем основной¹⁰. Посередине вырывали яму и землю выбрасывали в пространство между срубами, время от времени утрамбовывая. Краем завалинки могли служить также плахи, заложенные за столбики доски, жерди. Земляная засыпка не только утепляла жилище, но и уберегала от весенних паводков. Землей присыпали для сохранения тепла в доме первый венец поставленного на землю сруба и в юго-восточных районах Башкирии.

Там, где лес являлся дорогостоящим материалом, но была возможность организовать камнеразработку, для фундамента использовали камень-плитняк. В западных районах Башкирии, по южным отрогам гор (на границе со степью) и в Зауралье широкие плиты подкладывали под углы сруба, мелкими пластинами закладывали пространство до первого венца. Употребляли в строительстве камень и на северо-востоке — в бассейне Ая. Если дом стоял на склоне, фундамент с низменной стороны мог достигать 1 м и более. В некоторых деревнях сочетали каменную кладку с бревенчатыми сваями. В северо-западной Башкирии, в левобережье Белой, для основания дома использовали речные валуны, скрепляя их глиняным раствором.

Наружных завалинок в башкирских аулах не было. Информаторы объясняют это тем, что укрытые бревна подвергаются быстрому гниению. Земляная засыпка вокруг дома, укрепленная с внешней стороны заложенными за стойки плетневыми загородками или бревнами, врубленными в пазы низких столбиков, сооружалась лишь для укрепления прогнивших нижних венцов.

Устройство подпола на большей части территории относится к нововведениям нашего века. Во многих южных районах и в Зауралье, где пол врубался в первый-второй венцы или располагался непосредственно на земле, до последнего времени собственно подпола не существовало. С развитием огородничества здесь стали выкапывать яму для хранения картофеля. В северной Башкирии оборудование подпола, в некоторой степени обусловленное необходимостью сохранить в зимнее время пчел, было связано с устройством внутренней завалинки. Для хозяйственных целей использовались и земляные валы вдоль стен, и вырытая яма. Ее стены укрепляли досками или жердями, над ямой частично делали накат. Если жилище было двухкамерным, яма в одной половине дома служила для хранения картофеля, в другой оборудовали омшаник. Вход в это помещение устраивали непосредственно со двора, и улья можно было заносить, минуя комнаты. Кое-где в Приуралье встречались подпольные ямы до 2 м глубиной, стены их были выложены камнем-плитняком. Однако гораздо чаще в западных районах Башкирии припасы хранили в погребах, устроенных в усадьбе на некотором расстоянии от дома. Как будет сказано ниже, погреба-ямы существовали в старину и в усадьбах юго-восточных башкир. Возможно, этим и объясняется отсутствие у них в прошлом подпола. Следует заметить, что тщательным оборудованием подпола обычно занима-

Рис. 19. Помочи при постройке дома. Кигинский р-н. 1962 г. Фото Б. Г. Калимуллина

лись не по ходу сборки сруба, а несколько позже — после возведения крыши и даже частичной настилки пола.

Таким образом, одинаковых правил организации начального этапа строительства не существовало; даже в пределах небольшого района могли использоваться разные варианты сооружения основы будущего дома: тумбы, сваи, фундамент или просто утрамбованная площадка. Порой те или иные способы избирались в зависимости от материальных и иных возможностей хозяина, опыта строителей, традиций, поскольку делался выбор из числа методов, в этой местности апробированных.

Подготовив основание, начинали «поднимать на мох» сруб — собирали его на выбранном для дома месте, перекладывая венцы мхом, конопляной или льняной паклей. Для этой трудоемкой работы обычно собирали помочь (өмә; рис. 19). Мох заготавливали заранее. Различали болотный мох, полевой, который растет по весне на затопленных местах, и озерный; предпочтение отдавали двум последним. В северной Башкирии использовали отходы конопли и льна, где ввиду развития ткачества эти культуры в XIX в. занимали значительные площади.

Собирая сруб, в соответствующий венец врубали подготовленные половые балки (изэн урза). В однокамерном доме их было три-четыре. Они соединяли боковые стены — половые доски располагали от входа к передней стене. В юго-восточном Зауралье в избах без фундамента балки не врубались в венцы, а опирались на отрезки бревен, положенные на землю. Сохранились воспоминания о том, что в старину пол делали из расколотых бревен. Такие полы действительно мы встречали во время поездок по Башкирии. В дер. Каратавлы Салаватского р-на в доме, построенном в 1915 г., вытесанные топором сосновые половицы достигали в ширину 50–60 см.

Дубовые полы из обработанного вручную теса нередко в старых домах в Гафурийском р-не¹¹.

Половые доски обычно подгоняли друг к другу без закраин. Лишь в отдельных случаях, когда использовался двухдюймовый лес (толщиной 5 см и больше), края половиц имели прямоугольные выемки, одна доска слегка «входила» в другую. Там, где под домом была яма для хранения продуктов, в полу оставляли лаг — несколько неприбитых к балкам досок.

Потолочную балку, или матицу (ёске ерлек, үрзек, матса), встраивали в предпоследний, более толстый венец сруба. Ее концы врубали «в полдерева», не выпуская наружу. В жилом помещении обычно была одна матица. Она располагалась поперек сруба, являясь в интерьере гранью между «чистой», гостевой, частью дома и прихожей. Потолочные доски одним концом опирались на матицу — бревно, приближенное по форме к прямоугольному брусу, другим — на венец сруба, в котором заранее были сделаны прямоугольные выемки. Сверху доски придавливали еще одним венцом. Последний служил бортом для земляной засыпки, которой утепляли потолок; под землю, поверх потолочных досок, накладывали траву типа осоки (күрән), камыш или расстилали бересту; иногда щели замазывали глиной, смешанной с рубленой соломой.

Пожилые информаторы помнят, что прежде потолок делали из ручного теса. Такой потолок, к примеру, был в доме деда информатора Г. Хатыбова из дер. Верхнекудашево Татышлинского р-на. Поверх него на чердаке был насыпан слой земли 10—15 см. Подобные же потолки из разрубленных липовых или осиновых стволов делали в аулах Гафурийского р-на. В Челябинской и Курганской областях нам встречались потолки из разрубленных вдоль тонких березок или из жердей, обмазанных глиной¹². В старых домах потолки были слегка приподняты к матице; это напоминало постройки из глины, дерна и других материалов, в которых потолок являлся основой крыши.

Чердачное пространство для хозяйственных целей использовали ограниченно. Там могли сушить гроздья рябины, травы, березовые веники, хранить ткацкий инвентарь или утварь, но чаще чердаки, особенно в домах с открытыми фронтонами, пустовали.

В конце XIX—XX в. на бревенчатых избах встречались двускатные, четырехскатные, трехскатные, односкатные, покатые и плоские крыши. В зависимости от материала — теса, драмки, коры, луба, соломы, дерна — различалась техника покрытия. К началу XX в. стропильные конструкции в жилищном строительстве распространились повсеместно. Однако вместе с ними, а подчас и преобладая, существовали и иные приемы укрепления коньковой балки и слез: на столбиках-опорах, «самцах», «полусамцах». По-разному устанавливали стропила. Некоторые из этих различий относились к узколокальным приемам, другие отражали ступени в развитии строительной техники не только у башкир, но и в целом в крае.

Самым простым вариантом завершения строительства было устройство плоских земляных крыш, т. е. совмещение крыши с потол-

ком. В таком случае на потолок насыпали толстым слоем землю и прижимали пластами дерна, уложенными комлями вверх. В дожди на крышах прорастала трава. Дома с плоскими земляными крышами в силу тех или иных причин попадались в разных уголках Башкирии — даже в богатых лесом северных районах. Здесь их называли «домами без крыш» (башһыз йорт). Лишь на сравнительно небольшой территории, юго-восточном Зауралье, плоские крыши на бревенчатых избах были устойчивым явлением. В некоторых деревнях Баймакского р-на перед первой мировой войной большинство изб имели именно плоские крыши (тупак ей), а четырехскатные и двускатные крыши — лишь зажиточные дома¹³. Сооружая земляную крышу, для потолка в этих местах использовали расколотые пополам стволы деревьев, поверх них настилали бересту, затем землю. Чтобы прикрыть дом от воды и снега, на крыше укрепляли сколоченный из досок щит, одним концом упиравшийся в последний венец, другим лежавший на установленных посредине стен столбиках. Это явление наблюдал побывавший в Зауралье в конце прошлого века проф. Сомье: «В большинстве случаев они (башкирские избы. — С. Ш.) имеют двойную крышу, назначение которой я не мог понять; верхняя крыша поката, всегда наполовину раскрыта»¹⁴.

В лесных и лесостепных районах почти до конца XIX в. преобладало двускатное покрытие. В большинстве мест в сознании населения прочно удерживалось представление, что такие крыши у башкир — наиболее древняя форма, связанная с бревенчатыми постройками, не только зимними, но и летними. На рубеже XX в. встречались двускатные крыши на «самцах», «полусамцах», на столбиках-опорах и на стропилах (рис. 20). В так называемых самцовых крышах (бурама кыйык) продольные балки — основа покрытия — врубались в постепенно укорачивающиеся бревна фронтонов. «Самцовые» крыши сравнительно долго бытовали в районах, богатых лесом. К начальному периоду наших исследований они существовали на некоторых избах в горах (Белорецкий, Бурзянский р-ны) и в Зауралье (Абзелиловский р-п БАССР, Челябинская обл.).

Наряду с ними (местами даже в большей степени) были распространены «полусамцовые» крыши. В них слегка врубались неглубоко и между бревнами фронтонов оставались значительные промежутки. Условно эту конструкцию можно назвать «костровая». Описываемая техника повторяла устройство крыш на летних избушках горных башкир. Подобным образом сколачивались и надмогильные срубы. Упоминая об этом, мы хотим подчеркнуть традиционность данной конструкции в строительном деле башкирского народа.

В Челябинской и Курганской областях, где сказывался недостаток леса, сооружая фронтон, вместо бревен частично использовали короткие чурбаки; в середине фронтона оставались большие прогалы. При этом обеспечивалась необходимая в дерновых крышах (рис. 21) вентиляция чердачного пространства. В сплошных бревенчатых фронтонах с этой целью выпиливали часть бревна.

Информаторы иногда утверждают, что стропильные крыши пришли на смену старым конструкциям и быстро их вытеснили, по-

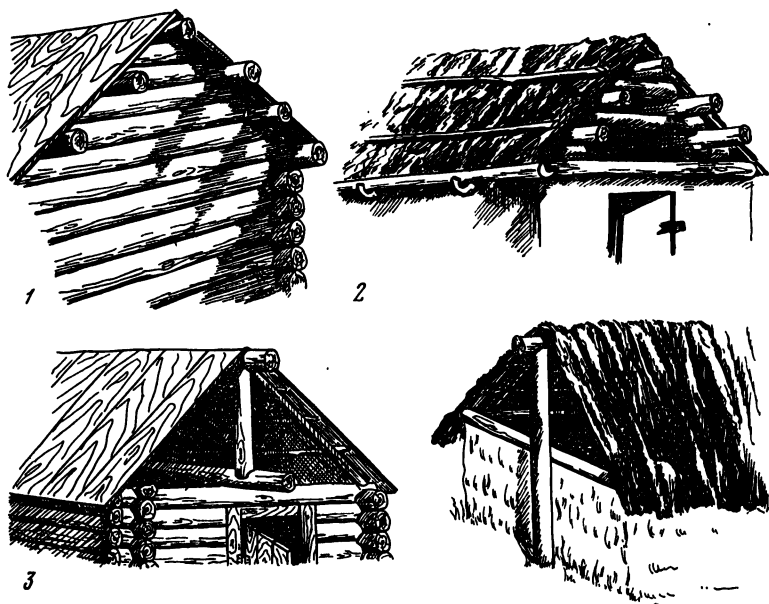

Рис. 20. Схемы устройства крыш

1 — «на самцах»; 2 — «на полусамцах» («ностроя» конструкция); 3 — на столбовых опорах. Рис. Н. А. Червор

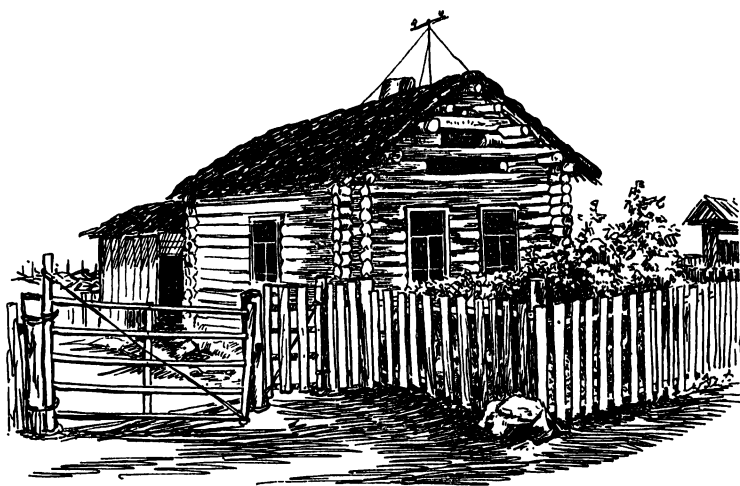

Рис. 21. Дерновая крыша. Челябинская обл. МЭЭ 1959 г. Рис. Г. И. Музаметшина

сколько требовали меньше леса. Отчасти это так, подтверждением чему служит распространение стропильных крыш в первую очередь в зоне, граничащей со степью, т. е. бедной лесом. Однако можно отметить их популярность и на севере Башкирии, среди лесных массивов; они существовали здесь повсюду уже во второй половине XIX в. Их ранней разновидностью являлись крыши, где конек покоился на укрепленном на верхнем венце столбике; коньковая балка служила опорой для стропил. Устройство напоминало остов двускатного шалаша, а шалаш в прошлом как временные жилища встречались на всем севере Башкирии. Другими словами, в практике башкирского строительства устройство стропил не было принципиально новым явлением; именно поэтому стропильная техника легко распространилась в аулах.

Вначале пары стропил (асамай) врубали в верхний венец сруба, так как специальные подстропильные балки — изобретение нашего века. Но и в 50—60-е годы нового столетия в башкирских деревнях еще встречалось немало домов без балок. Переkreшиваясь, концы стропил образовывали своеобразное ложе для конькового бревна, или князевой слегы (атлама). Две-три пары нижних слег (бастырык, бафрау) составляли обрешетку — основу кровли.

Со стропилами были в основном связаны и четырехскатные крыши (шатрун, бермэ баш). Лишь однажды, в 1959 г., на северо-востоке Башкирии мы столкнулись с четырехскатной «костровой» конструкцией: пирамидально уложенные, постепенно укорачивающиеся бревна были слегка врублены друг в друга; сооруженный таким образом остов предназначался для покрытия дерном.

При удлиненных срубах система стропил четырехскатных крыш обнаруживала много общего с двускатными. В середине сруба ставили две-три пары наклонных бревен, связанных наверху «в замок»; крайние пары укрепляли на венце, значительно отступая от углов дома. У их вершины сходились еще три наклонные бревна — поперечное и угловые. При постройке изб, близких к квадрату, средних парных стропил не было: две группы расходящихся веером балок соединялись короткой слегой, составлявшей верхнюю грань крыши.

В конце XIX в. четырехскатные крыши возводились в западных и северных районах Башкирии, в Челябинской обл. и в аулах, расположенных в зоне горнозаводского строительства (вокруг Белорецкого и Авзяно-Петровских заводов). В бассейне левых притоков средней и нижней Белой (западная Башкирия) их покрытием служила солома, на остальной территории — тес и дранка. Четырехскатная конструкция сооружалась также под железную кровлю. Обращает на себя внимание связь четырехскатных крыш прежде всего с домами-пятистенками.

Поздним надо признать покрытие изб на три ската в центральных районах Башкирии: Иглинском, Кармаскалинском, Аургазинском, Чишминском и др. Как видно, стремление подвести сени под общую с домом крышу натолкнуло строителей на мысль устроить дополнительный скат, используя веерообразное расположение стропил. На улицу же дома, как и прежде, выходили аккуратными

фронтами. Первые трехскатные крыши были соломенными; только в последние десятилетия стали появляться дома с дощатым, железным и шиферным покрытиями.

В целом же избирательность строительных материалов в зависимости от формы крыши была относительной. Ее можно установить для трехскатных и четырехскатных крыш. На двускатных же встречалось самое разнообразное покрытие: из теса, коры, луба, соломы, дранки, дерна. В течение длительного времени у населения складывались навыки технического обращения с этими материалами. В результате появились определенные традиции, в которых можно обнаружить немало общего с обычаями населяющих край народов.

Крыши из теса (разрубленных топором стволов деревьев) до нас не дошли. Появление продольной пилы в XIX в. привело к вытеснению такого теса досками. Пиленый тес на первых порах был недоступен массе башкирских семей, в башкирских аулах его производили редко. Тесовые крыши встречались лишь на домах зажиточных семей. Нередко это были пятистенки с четырехскатным покрытием. Говоря об особенностях тесовых крыш, надо учитывать немаловажное обстоятельство: состоятельные башкиры имели возможность привезти мастеров из дальних мест, другой национальности. Возможно поэтому, дошедшие до нас старые дома с тесовыми крышами почти не обнаруживают местного своеобразия: это добротные постройки со стропильными, реже — «самцовыми» конструкциями, зашитыми фронтонами, сбитыми из досок желобами, карнизными и подзорами. Кровля на них соответствует уровню строительной техники рубежа нашего века. Гораздо больше местного колорита можно встретить в покрытии изб подсобными лесными материалами — дранкой, корой.

Дранка — наиболее употребительный материал в горно-лесной зоне. Путем расщепления распаренных сосновых или еловых бревен специальным прямым топором получали тонкие дощечки. На Южном Урале производили дранку долгую — длиной до 2 м и более короткую — небольшие пластинки около 35 см длиной. Перед покрытием дранкой крышу выстилали лубом или берестой.

Крыши с дранкой (дранса кыйык) встречались до 70-х годов XX в. в разных уголках Белорецкого и Бурзянского районов БАССР. В 50-е годы их было довольно много также на западе Абзелиловского, северо-западе Баймакского районов. Они опирались как на стропила, так и на «самцы». Крыли долгой дранью в один, реже — в два яруса, в зависимости от длины материала. Верхние концы лежали на коньковой следе, нижние были заземлены в желобе бревна-водостока. Это бревно (һуҙрык) удерживалось с помощью деревянных крюков (ыҫрак), прикрепленных к концам переметин (тәғәрлек) в «самцовых» крышах, или стропильных балок; иногда водосток опирался на деревянные штыри (сөй). Пожилые люди утверждают, что подобным образом крыли и старинные тесовые крыши. Безгвоздевая конструкция двускатной укрепленной гнетами и желобом крыши была известна далеко за пределами Башкирии:

в частности, это один из характерных приемов строителей Русского Севера¹⁵. У башкир в деталях такой конструкции прослеживались свои особенности.

Для Белорецкого и особенно Бурзянского районов было характерно нависание одного ската над другим. Таким путем без дополнительных усилий прикрывали верхнюю щель в крыше. Сверху дранку придавливали жердями-гнетами, скрепляя их на концах со слегами. Верхние края скатов придавливали жердями, соединенными с князевой слегой. На северо-востоке Башкирии, в Челябинской обл. и в других местах, где скаты стыковались, наверху служило бревно с прямоугольным желобом или специальное покрытие из сбитых на ребро досок.

Короткой дранкой (в этнографической литературе ее называют лучинкой, щепой) крыли избы на территории Иглинского и Архангельского районов БАССР. Изготовление этого кровельного материала началось в России лишь в последнем десятилетии XIX в., но за сравнительно короткий период лучинка стала одним из самых популярных материалов в средней полосе и в Белоруссии¹⁶. Ее преимущества заключались уже в процессе производства — для нее было достаточно короткой чурки; в дело шли не только хвойные деревья, но и осина, что являлось немаловажным обстоятельством для территории Приуралья, где эта порода деревьев преобладала. Однако техника покрытия лучинкой была сложной, требовала не только определенных навыков, но и колоссальной выдержки. Лучинку прикрепили специальными гвоздями к ровной обрешетке из пиленого теса. Это были двускатные крыши на стропилах. Располагали пластинки горизонтальными рядами. Начинали работу с нижнего края крыши, так что каждый последующий ряд накладывался на предыдущий, перекрывая его. Работая, продвигались справа налево, лучинки заходили краем одна за другую. Обычно на скате крыши помещалось от 15 до 18 рядов — более 1 тыс. пластинок¹⁷. Трудоемкостью покрытия объясняется его ограниченное бытование по территории. Однако в башкирских аулах Иглинского и Архангельского районов этот способ, распространившийся, возможно, под влиянием расселившихся здесь белорусов, практиковался вплоть до 60-х годов XX в.

Липовая кора была традиционным покрытием изб в Приуралье, особенно в правобережье средней Белой (рис. 22). Избы с двускатными корьевыми крышами (кабык башты өй) встречались кое-где и в северных районах, а также в горных аулах по берегам Инзера. В Бурзянском р-не их было сравнительно немного, но по южным отрогам Урала число снова возрастало. Основой для коры служили частые (пять-семь штук на один скат) слеги. Они опирались на бревна фронтонов или на балки стропил. Подготовленные, заранее высушенные полосы коры укладывали друг около друга, вначале прикрывая нижнюю часть скатов. На этот ряд накладывалась кора, переброшенная на обе стороны через князевую слегу. Сверху покрытие прижимали горизонтальными жердями-гнетами. Часто обходились без гвоздей: слеги к стропильным балкам, так же как

Рис. 22. Корба — основное покрытие изб в Приуралье. Дер. Кулгунино Ишимбайского р-на. МЭЭ 1958 г. Фото Р. Г. Кузеева

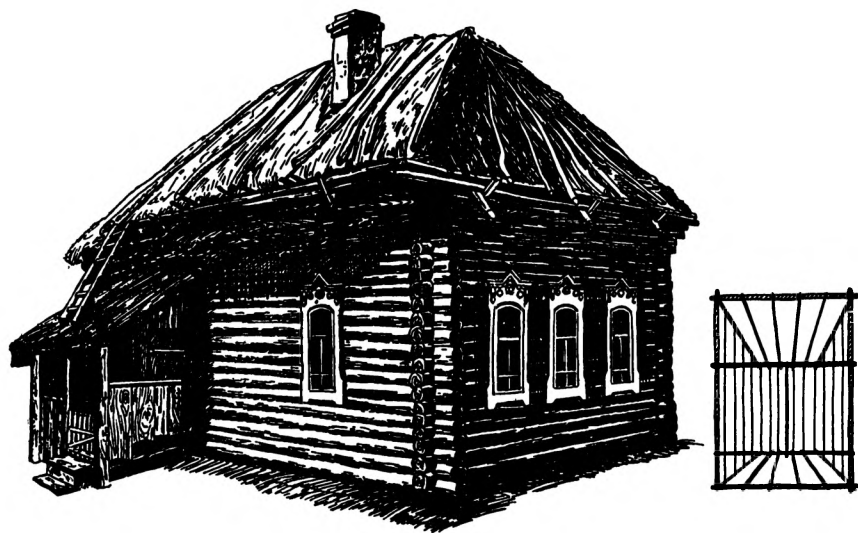

Рис. 23. Бревенчатый дом с четырехскатной соломенной крышей дореволюционной постройки. Дер. Старомусино Кармаскалинского р-на. МЭЭ 1970 г. Рис. М. Д. Кузнецова

и гнеты к слегам, привязывали мочальными связями. В Приуралье нижний край крыши нависал над стеной. В горных районах, используя опыт покрытия тесом и дранкой, нижний край корьевых крыш вправляли в щель бревна-водостока. По Инзеру и Лемезе с вековых сосен снимали полосы коры длиной во весь скат. Щель наверху прикрывали корьевым желобом. Желоб придавливали зажимами — врубленными попарно крест-накрест жердями. Подобными длинными «схватками» кое-где скрепляли и боковые гнеты.

Соломой бревенчатые избы крыли главным образом в юго-западной и западной Башкирии: в лесостепных районах, начиная от границ с Оренбургской обл. (Кумертауский, Бижбулякский районы), захватывая бассейн левых притоков Белой, до Камы. По правому берегу Белой соломенные крыши встречались лишь в Краснокамском р-не. Конструкция всюду была стропильной. Соломой крыли и на два, и на четыре ската с некоторым преобладанием по районам той или другой формы; в центральной полосе, как сказано выше, встречались трехскатные крыши.

При покрытии соломой на стропилах устраивали плотную обрешетку из дополнительных слег и досок. На них располагали ветки, а затем укладывали солому, скрепляя ее жидкой глиной. Чтобы удерживать соломенное покрытие, по краю крыши сооружали своеобразный барьер из двух-трех продольных жердей, опирающихся на деревянные стойки, вбитые в концы стропил; нередко жерди привязывали к обрешетке мочальными веревками или лыковыми полосами.

В граничащих со степью южных районах четырехскатные крыши имели пологую нечетко обозначенную форму (рис. 23). Они выглядели тяжелыми, приземистыми, поскольку из-за дующих со стороны степей ветров глиняная пропитка была значительной. Других приспособлений для удержания соломы здесь не требовалось. В более северных районах применялись гнеты, скрепленные попарно над коньком. На широте г. Уфы и севернее использовалась целая система гнетов и фиксирующих зажимов. При сооружении стропильной конструкции в балки над фронтоном вбивали спицы, на которые после укладки соломы насаживали брусья. Приспособление напоминало лестницы. Тяжелыми здесь были поперечные гнеты. Их скрепляющиеся концы удерживали коньковую жердь.

Как сказано выше, в большинстве случаев солому накладывали ровным слоем «внатруску». Однако в ряде мест зафиксировано покрытие изб рядами прикрепленных к обрешетке соломенных снопиков. Жерди-гнеты на таких крышах располагались горизонтально¹⁸.

Дерновое покрытие (касле ябыу, кыртыш) применялось главным образом в Челябинской и Курганской областях. Основой служили «самцовые» или «костровые» крыши. Если же использовалась система стропил, коньковую балку для прочности подпирали чурбаками, установленными на верхнем венце сруба. На настил из березовых жердей и веток накладывали ровные пласты дерна. По нижнему краю крыши дерн удерживали доской, закрепленной штырями

на концах переметин — поперечных слег. Чтобы уберечь покрытие от размывания дождем, высевали рожь или ячмень, которые, прорастая, скрепляли землю.

После возведения сруба и его покрытия начинался следующий этап строительства, включавший внутреннее устройство жилища, а затем его тщательную внешнюю отделку.

Специальным двуручным стругом (йышкы) и топором сравнивали поверхность стен. Работу начинали отступя от углов, за счет чего создавалась иллюзия скругленности. Одновременно настилали пол, устраивали нары, подготавливали глинобитное ограниченное срубной рамой опечье. Если пол находился высоко над землей, под печь врывали деревянные опоры.

Во время окончательной отделки углубляли на нужную длину оставленные в срубе щели для окон. В домах-четыrehстенках обычными были три-четыре окна: два — на улицу, одно-два — во двор. На север выходило окон меньше, чем на восток и юг. В юго-восточном Зауралье и Курганской обл. в прошлом дома ставили к улице глухой стеной и сенями. В сенях вырубали щель в ширину бревна, через которую проникал тусклый свет и выходил дым от самовара. Щель называли «төндөк», т. е. так же, как дымовое отверстие в куполе юрты.

В домах конца XIX — начала XX в. не только число окон, но и их размеры, конструктивное и декоративное решения различались даже в пределах узкой территории. Богатые дома сложной планировки насчитывали шесть-восемь оконных проемов. Рядом с ними, как описывают современные, стояли бедные избушки на два окна: одно на улицу, другое во двор¹⁹. В северо-восточной Башкирии и в Челябинской обл., где к этому времени распространились дома-пятистенки, окон было больше. Исследователи отмечали низкое расположение окон в башкирских жилищах. Узкие подоконники едва возвышались над нарами. По данным Д. П. Никольского, в аулах восточного Зауралья они находились на расстоянии около полуметра от пола²⁰.

Размеры окон колебались в значительных пределах, особенно в юго-восточных районах. В старых домах Бурзянского р-на ширина окон колебалась от 30 до 55 см, высота — от 55 до 70 см. Д. П. Никольский после поездки к башкирам Инзера и верховьев Белой, характеризуя их жилище, писал, что вышина окон не превышала 12—16 вершков (54—71 см), ширина — 8—12 вершков (35—54 см)²¹, т. е. отметил почти те же параметры.

В ряде северных и северо-западных районов Башкирии и в зауральских районах Челябинской обл. в старых жилых постройках была принята подквадратная форма оконных проемов. На крайнем северо-востоке Башкирии при значительном числе окон более распространенными являлись удлиненные проемы. В одном из байских домов в дер. Абдрашитово Мечетлинского р-на окна имели размеры 0,45×1,00 м²².

Декоративному оформлению окон посвящена специальная глава. Здесь мы остановимся на моментах, связанных с техникой строительства.

В 70-е годы XVIII в. И. Г. Георги упоминал о затягивании окон рыбьими кожами или «окунутыми в масло тряпицами»²³. Спустя век после академических экспедиций стали использовать стекла, однако еще в середине прошлого столетия встречались дома без стекол. Проехавший по южной окраине Башкирии П. Небольсин заметил, что в домах «людей небольшого достатка ни косяков, ни двойных рам в зимних жилищах не бывает и наиболее бедные вместо стекол «натягивают брюховицы или пузыри с рубцов»²⁴. Н. Казанцев, имея в виду полукочевых башкир, писал, что в небольшие окна их зимних жилищ вставлена выделанная брюховица. «Она видом похожа на масляную бумагу и по прозрачности своей пропускает в юрту (избу.— С. III.) свет, но сквозь нее на дворе ничего видеть нельзя. Она, впрочем, перед стеклом имеет ту выгоду, что зимою и в жестокие морозы не замерзает»²⁵. Единичные случаи употребления для окон растянутых бычьих пузырей С. И. Руденко отметил и в начале XX в. у катайцев и усерган в горах и в Зауралье²⁶. Нам рассказывали, что в конце XIX — начале XX в. и в южной Башкирии, и в Зауралье, как и повсюду, в окнах были стекла. Бычьи пузыри, брюшину (карындык) и промасленную бумагу вставляли лишь самые бедные башкиры, если не имели возможности заменить разбитое стекло. Но на юге Башкирии для затягивания на зиму узких щелей — «ночников» в стенах жилища брюшина использовалась до 30-х годов XX в.²⁷

Случаи, когда рамы закреплялись в проемах без косяков, для второй половины XIX в. нетипичны. Наличники же прибавляли не всегда. Особенно часто они отсутствовали в районах, где была принята глиняная обмазка сруба: на юго-западе, по южным отрогам Уральских гор и местами в Зауралье. Необязательными являлись и ставни. Это говорит не о низком уровне строительной культуры, а об иных бытовых традициях. В их многообразии можно увидеть развитие от волоковых оконцев (рис. 24) до широких, иногда сдвоенных рам с арочным верхом. В тот период, когда П. Небольсин писал о животных пузырях в окнах домов южных аулов, на севере, северо-западе и в центральных районах Башкирии существовали развитые навыки орнаментального обрамления застекленных оконных проемов.

О системе расположения дверей в башкирских избах мы расскажем подробно при описании интерьера. В большинстве случаев двери домов открывались наружу, дверь же с улицы в сени — внутрь и ее можно было, войдя, подпереть колом. Лишь в домах, где отсутствовали сени, дверь могла быть навешена со стороны комнаты. Дверной проем укреплялся брусками, сбитыми в коробку. Для сохранения тепла устраивали порог (тупһа). В старых домах дверные проемы были низкими и при входе приходилось сильно нагибать голову. Дверь сбивали в виде щита из досок с закраинами. Филенчатые двери встречались лишь во внутренних комнатах в домах сложной планировки.

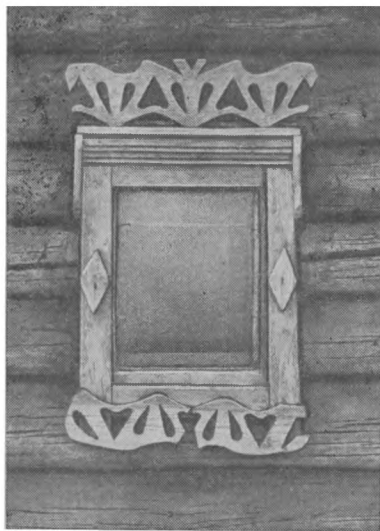

Рис. 24. Оконце, устроенное по типу волокового. Дер. Старотимбаево Архангельского р-на БАССР. МЭЭ 1961 г. Фото М. В. Суриной

К внешней отделке дома относилось не только его украшение (о нем будет сказано ниже), но и различные строительные работы, направленные на утепление жилища, предохранение дерева от гниения под влиянием влаги. Были распространены обмазка глиной и побелка выступающих концов сруба. Чем ближе к южным степям, тем чаще практиковалась обмазка щелей между бревнами и стен целиком.

Сооружение крыш на стропилах или на столбах-опорах заставляло задуматься над способом заделки фронтонов. Впрочем, во многих горных аулах крыши из коры и дранки до последних десятилетий оставались открытыми с обеих сторон: считалось, что усиленная вентиляция при влажном климате способствует высыханию и сбережению кровельного материала. В то же время в Приуралье, где дранка и кора также являлись распространенным покрытием,

фронтоны затягивали, хотя и неплотно, лубом, полосами коры, короткой дранкой, щепой. В западной Башкирии для заделки фронтонов соломенных крыш употребляли доски, связанные в снопики соломой, камыш. На севере Башкирии, в центральных районах и в Челябинском Зауралье — там, где преобладали тесовые крыши, — оформлению фронтонов уделяли большое внимание. Встречались два варианта заделки фронтона досками: а) вровень со стеной сруба; б) несколько отступя в глубь чердака, с напуском над фасадом наклонного козырька. Последний был характерен для аулов, контактировавших с русским населением, — на северо-востоке БАССР и в Челябинской обл. На отдельных домах козырек был настолько широким, что напоминал дополнительный скат.

ЖИЛИЩА С ДЕРЕВЯННЫМ КАРКАСОМ

На втором месте по степени распространения в башкирских аулах находится группа жилищ, конструкция которых предполагала частичное использование дерева. Деревянным был каркас стен, на столбах-опорах покоились балки потолка и крыши. Различалась техника сооружений построек: существовало несколько видов плетневых изб; из тонкого леса строили жилища с земляной засыпкой; деревянный каркас являлся основой некоторых глинобитных домов. Необходимо оговориться, что описываемые жилища в противоположность бревенчатым не были знакомы абсолютному большинству

башкир. Как и другие постройки из подручных материалов, они нашли распространение на территории, бедной лесом. Недостаток строевой древесины в лесостепи привел к необходимости комбинировать ее с другими более доступными материалами.

Плетневые избы (ситән ей) сооружались в юго-западной Башкирии, а также в восточном и юго-восточном Зауралье. Бесспорно преобладали жилища из плетня лишь в бассейне Демы, Уршака и Ашкадара. Для них употребляли приречный тальник и другие кустарники из семейства ивовых, отличавшиеся длинными гибкими ветвями (рис. 25).

Расчистив площадку, вдоль стен будущего жилища на расстоянии полуметра один от другого вкапывали колья. Их оплетали зелеными ветками. Техника непрерывного плетения без четкого обозначения углов придавала постройке округлую форму. За плетнем по углам и посередине стен были врыты массивные столбы — опора потолка и крыши. Столбы имели наверху развилки, куда вкладывались поперечные балки; средняя служила матицей. На балки настилали тес или расколотые пополам стволы деревцев — потолок избы. Продольные балки, слегка врубленные в поперечные, служили бортом крыши и опорой стропил. Встречались плетневые избы из одного ряда плетня и с двойными плетневыми стенками и земляной засыпкой между ними. Во втором случае столбы с развилками оказывались внутри стен, слегка возвышаясь. Избы из одинарного плетня сооружали в бассейне Демы и Ашкадара; двойные плетневые стенки были характерны для восточного и юго-восточного Зауралья. С внутренней стороны и снаружи плетневые жилища обмазывали слоем глины, стены сеней обмазкой не покрывали. Для оконных и дверных проемов между стойками оставляли ниши, в них впоследствии вставляли сбитые из брусьев коробики.

Крыша плетневых жилищ могла быть плоской, слегка покатою на две стороны, реже — двускатной или четырехскатной на стропилах. В первом случае на положенные на опоры поперечные балки настилали расщепленные жерди или кругляк, сверху прикрывали соломой или корой и придавливали дерном. В бассейне Демы некоторые семьи, не имевшие возможности приобрести лес, покрывали жилища плетнем, насыпая поверх него землю. Изнутри плетневый потолок обмазывали глиной. Покатой крыша получалась в том случае, когда посередине фасадных стен вкапывали стойки более высокие, чем угловые. На них опиралось коньковое бревно, служившее одновременно матицей; потолок, как и в первом случае, был совмещен с крышей. Жерди накладывали на две стороны. В остальном техника покрытия была тождественна описанной.

Двускатные и четырехскатные крыши на плетневых домах — явление позднее, присущее только юго-западной Башкирии. Система стропил располагалась над бревенчатой рамой, поднятой на столбах. Двускатными чаще были корьевые крыши, четырехскатными — соломенные. Четвертый скат соломенной крыши располагали над плетневыми сенями. Техника покрытия корой и соломой была такой же, как и на бревенчатых избах.

Рис. 25. Дом с плетневыми сенами. Дер. Таймасово Кумертауского р-на. МЭЭ 1970 г. Фото Н. В. Бикбулатова

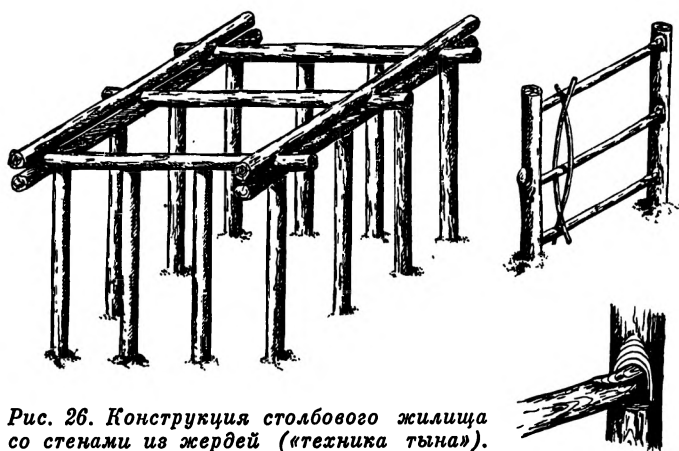

Рис. 26. Конструкция столбового жилища со стенами из жердей («техника тына»). Курганская обл. МЭЭ 1959 г. Рис. Н. А. Черзор (по зарисовкам автора)

Пол в плетневых жилищах несколько углубляли, так как при подготовке площадки под строительство снимали верхний слой дерна. Во многих случаях пол оставляли земляным, смазывая глиной; иногда делали настил из досок.

В восточном Зауралье наряду с обычными плетневыми нередко строили так называемые тезмэ ёй — избы из ивовых или березовых жердей, заложенных за горизонтальные планки («вертикальный плетень»). Строительство такого дома мы наблюдали в 1959 г. в дер. Большое Султаново Сафакулевского р-на Курганской обл. (рис. 26). На размеченной площадке были врыты 12 столбов: четыре

по углам и по два вдоль стен. Между собой они соединялись тремя рядами брусев; за них были заложены жерди, длина которых приближалась к высоте дома. После возведения каркаса стены обмазали. На столбы опиралась бревенчатая рама — основа крыши и потолка. Техника покрытия не отличалась от распространенной на других плетневых избах. Следует заметить, что населению лесостепных районов Башкирии техника сооружения «вертикального плетня» (текмә) также была известна, но таким способом жилища здесь не строили.

Преимущественно в восточном Зауралье существовали и другие виды каркасных жилищ. Почти до наших дней дожили дома с земляной засыпкой (тултырма ей). Столбы, поставленные, как и в предыдущем случае, по периметру будущей избы, с наружной и внутренней сторон обивали расколотыми пополам тонкими стволами березок. Работу начинали от пола и время от времени прерывали для того, чтобы образовавшееся между стенами пространство заполнить землей. Дерновая крыша, как и в описанных выше жилищах, опиралась на каркасные столбы. Стены обмазывали. Пол был глинобитным.

По такому же принципу сооружали глинобитные постройки (кәртә ей, тултырма ей). Их заполнением служила замешанная с мелкой соломой красная глина (туйын). Обивка жердями была менее плотной, чем при земляной засыпке. Периодически, возводя стены, глину утрамбовывали. Соорудив жилище, его обмазывали. Крыша и пол были земляными.

Только в Альменевском р-не Курганской обл. строили засыпные дома из жердей, врубленных в два ряда способом «в чашку» (күмендекте ей). Срубный каркас стал практиковаться лишь с начала XX в. Наши информаторы утверждали, что для него достаточно иметь 200 жердей. Собрать его можно в течение одного дня²⁸. У такого дома имелось преимущество: довольно устойчивые стены становились основой для потолочных балок и крыши. Здесь не нужны были опорные столбы, и всю постройку можно было соорудить из тонкого осинового или березового леса. В качестве забутовки использовали землю и солому. Внешняя обмазка стен практиковалась не всегда. Во время полевых работ 1972 г. мы встретили несколько таких домов в дер. Аскарново. В отличие от других каркасных изб они имели двускатное стропильное покрытие. Наклонные балки стропил врубались в верхний венец трехрядного сруба, установленного на насыпанном землей каркасе стен. Доски пола опирались на брусья, положенные на землю. Дома были построены во второй половине 40-х годов, сразу после окончания войны.

Тщательное изучение материала позволяет заключить, что первоначально жилища с деревянным каркасом имели утолщенную крышу и лишь позже над земляным покрытием стали возводить второе — двускатное или четырехскатное из более легких материалов (коры, соломы и пр.). Со временем изменились габариты жилищ. В восточном Зауралье, например, дома с двойным срубом из жердей часто являлись пятистенками.

ИЗБЫ ИЗ ГЛИНЫ, ДЕРНА, КАМНЯ

Если группа жилищ с деревянным каркасом была характерна для местности, переходной от лесов к степям, то избы из глины, камня и дерна можно назвать постройками степной зоны. В последних лес применялся главным образом для потолочного настила, реже — для опор крыши. Крыли жилища землей и дерном, пол утрамбовывали и смазывали глиной.

Подготавливая глину для строительных работ, ее размачивали и тщательно перемешивали с рубленой соломой. При постройке глинобитных изб использовали вязкий раствор. Саманные избы складывали из сырцовых кирпичей, сформованных и заранее высушенных на воздухе.

Глинобитные избы (балсык өй) зафиксированы у башкирского населения Курганской обл. В процессе их строительства пользовались деревянными формами — сколоченными из досок длинными коробками без дна. Их устанавливали на земле по линии будущей стены, набивали глиняным раствором, утрамбовывая его деревянными колотушками. По мере высыхания глины форму поднимали, пока не достигали желаемой высоты стен. Углы укрепляли столбами, на которых держались балки — основа жердевого настила потолка. Для окон в стены вставляли деревянные коробки, для двери — сбитую из досок раму.

Саманные дома (саман өй) преобладали в Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областях. В Башкирии они были распространены в южных районах — Хайбуллинском (Зауралье) и Кумертауском (Предуралье). Отдельные саманные избы встречались в 40—50-х годах нашего века в аулах по Деме и Ашкадару; появление их здесь связывают с поздним периодом — с войной и послевоенной разрухой.

Саманный кирпич делали крупным. Ширина его колебалась от 24 до 30 см; длина — от 48 до 60; высота была различной — 16, 18 и даже 25 см. Соотношение ширины и длины выражалось как 1:2, что позволяло укладывать саман и вдоль, и поперек ряда. Толщина стен чаще всего соответствовала длине кирпича; лишь в последние десятилетия в аулах Оренбургской и Саратовской областей саманные дома стали делать более основательно, сооружая стены в полтора кирпича (два кирпича рядом поперек стены и один перпендикулярно им; рис. 27). Снаружи у основания дома или только около углов иногда делали выступ, напоминающий завалинку. Это укрепляло стены, утепляло жилище. Четкая форма кирпичей позволяла оставлять аккуратные оконные проемы; их верхнюю часть ограничивали доской, на которую опирался следующий ряд самана. Для потолочного перекрытия при небольших размерах постройки достаточно было одного-двух бревен для матиц, на них опирались поперечные жерди или доски. Потолок приподнимался по средней линии. На деревянный настил накладывали солому или хворост и придавливали землей. Иногда фасадные стены завершали конусом, сохраняя уступчатый край. На уступы опирались продольные слег.

Рис. 27. Постройка дома из самана. Сорочинский р-н Оренбургской обл. МЭЭ 1963 г. Фото автора

Рис. 28. Дом из самана. Дер. Абдулово Люксембургского р-на Оренбургской обл. 1960 г. Фото Р. И. Салихова

Расположенные на разном уровне, они являлись основанием двускатной крыши. В Куйбышевской и Саратовской областях, где саманные дома являлись основным жилищем, крыша их была плоской или слегка покатой и располагалась на два-три самана выше, чем настил потолка. В районах, находившихся на незначительном рас-

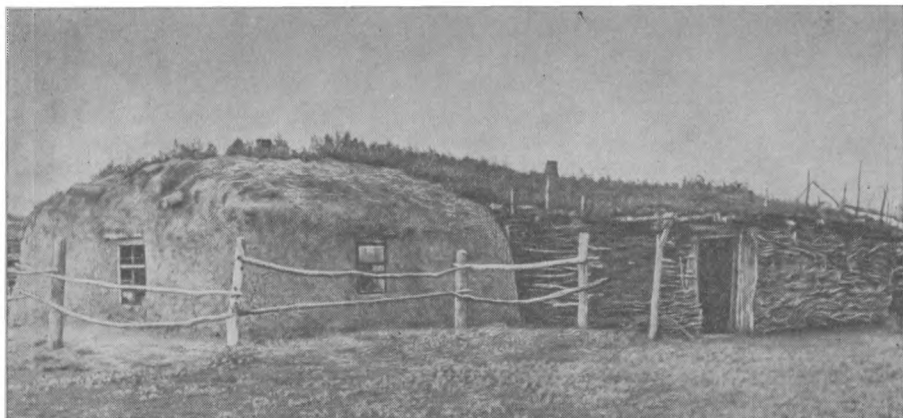

Рис. 29. Заброшенная дерновая изба с сенами из плетня. Сафакулевский р-н Курганской обл. МЭЭ 1959 г. Фото автора

стоянии от гор и лесов (оренбургские аулы в бассейне р. Урал, юго-запад Башкирии), на саманных домах старались делать высокую крышу на стропильном каркасе. Стропильные балки встраивали в бревна, связанные в двухрядный сруб по верху саманных стен. Покрытием служила пропитанная глиной солома (рис. 28). В Башкирии были приняты, как и на бревенчатых избах, четырехскатные крыши, в Оренбуржье — двускатные. При стропильных крышах внутри помещения нередко устанавливали столбы, поддерживающие матицу.

Пластовые или дерновые избы (кәс өй) — жилища самых бедных семей (рис. 29) — встречались в некоторых аулах Курганской и Саратовской областей. Техника возведения стен была сходна с саманными, но вместо сырцовых кирпичей использовали вырубленные в форме прямоугольника куски дерна. Их складывали рядами, переворачивая травой вниз, чтобы не осыпалась земля. Ширина стен была различной — от 45 до 70 см. В Курганской обл., чтобы укрепить постройку, предохранить ее от оседания, через каждые пять-шесть рядов дерна вдоль стены укладывали по три длинные жерди, ряды жердей приходились на верх и низ оконных проемов. Боковая часть окон ограничивалась дощечками. Матица опиралась на столбы внутри помещения. Потолочный настил из жердей опирался на нее и на брусья, положенные по верху длинных стен постройки. Сверху укладывали ровным слоем траву или солому и прижимали дерном. Те, кто в молодости строил пластовые избы, утверждали, что дерн был прочным кровельным материалом, особенно в тех случаях, когда на крыше сеяли овес, рожь или пшеницу. Дерновая крыша могла надежно защищать жилище в течение трех лет. Стены и потолок в избах обмазывали глиной. Глинобитным был и слегка углубленный пол. Характерно, что в некоторых случаях недостаток леса вынуждал людей делать в таких жилищах земляные нары

(ер урындык). Они были приподняты всего на 20—25 см, застланы травой или соломой, циновками, а затем уже войлоком и паласами.

Каменные жилые постройки (таш ёй) строили крайне редко. Лишь в одном месте — у подножия каменистых восточных отрогов Южного Урала (Баймакский и юг Абзелиловского р-на БАССР) — кладка стен из плитняка вошла в практику жилищного строительства. Каменные избы, как и дерновые, были небольшими, с одним-двумя маленькими оконцами. Их стены из подобранных по ширине каменных плит связывали глиняным раствором. Особенно тщательно выкладывали углы, стараясь придать постройке прямоугольную форму.

Фасадные стены в середине были несколько выше; на это возвышение опиралась матица, она же служила коньковым бревном. Два других бревна — опору края крыши — клали на боковые стены. Жердевой или дощатый настил прикрывали корой или слоем травы, поверх накладывали перемешанную с соломой глину. Пол застилали досками или плахами. В редких случаях он оставался глинобитным.

ЖИЛИЩА-ЗЕМЛЯНКИ

В южных лесостепных районах Башкирии, кое-где в бассейне Демы и у башкирского населения Курганской обл. нами были собраны сведения, подтверждающие, что в наиболее неблагоприятные периоды истории лишённые крова, разоренные семьи поселялись в землянках. В шежере племени юрматы, где упоминаются события, связанные с монголо-татарским нашествием, приводится важная для нас бытовая подробность: после одного из жестоких набегов завоевателей оставшиеся в живых башкиры переправились через реку и вырыли здесь себе жилища²⁹. О постройках земляночного типа у башкир автором написана специальная статья³⁰. В землянках жили некоторые семьи в аулах Курганской обл. в годы первой мировой войны. Пожилые информаторы по памяти описывали эти жилища.

Уже дерновые избы, углубленные на 60—80 см (до глины), называли в народе землянками (ер ёй). Однако в отличие от дерновых изб собственно землянки имели деревянный каркас из столбов, врытых в пол жилища. Иногда при глубокой яме весь каркас оказывался под землей; в других случаях он приподнимался над уровнем земли на высоту до 1 м.

Основой крыши служила срубленная из бревен рама, положенная на две пары столбов. Рама была меньше ямы, иногда она занимала лишь центральную часть. На нее опирались поставленные наклонно жерди, образующие настил покрытия, которое получало форму усеченной пирамиды. Поверх жердей настилали бересту или траву, укладывали пластами дерн, затем делали земляную насыпь. К входу вели вырытые в земле ступени. Узкая земляная щель сверху стен, перекрытая застекленной рамой, давала доступ дневному свету. Стены помещения обмазывали светлой глиной. Описанное жилище было характерно для курганских степей.

В Приуралье землянки имели возвышающуюся над ямой двускатную крышу из коры, а стены их состояли из плах, заложённых за стойки. Средние бревна, на которых покоилась коньковая балка, были выше остальных и имели на концах развилки. Нижние края скатов опирались на плахи, вложенные в пазы коротких чурбаков, укрепленных по краю ямы. В устройстве этих жилищ отразились строительные традиции, несколько отличные от зауральских.

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ АРХИТЕКТУРЫ В СВЯЗИ С УСЛОЖНЕНИЕМ ПЛАНИРОВКИ ЖИЛИЩ

Во все века у любого народа общая конструкция жилого строения находилась в зависимости от организации интерьера. Для кочевого и полукочевого быта башкир было характерно просторное в центре жилье, разграниченное на функциональные части условно: перегородившие помещение занавеси при необходимости легко раздвигались, расширяя внутреннее пространство. Задвинутый занавес отделял хозяйственный угол, давал убежище женщинам и детям при посторонних мужчинах. Эти обычаи закрепились и в деревенских домах. Подвижность интерьера до некоторой степени тормозила развитие архитектурной планировки. Вследствие этого в начале XX в., как и много десятилетий назад, типичным, наиболее массовым жилищем в башкирских селениях оставалась однокомнатная изба. Среди башкир ее называли *һыңар йорт* — «одинарный дом», *дүрт мейеш ей*, *дүрт почмак ей* — «изба на четыре угла»; так говорили для того, чтобы противопоставить это жилище появившимся постройкам сложного плана. Чаще же избу, как и жилые комнаты в домах любой планировки, обозначали словом *ей* — «дом».

В районах, где лес был в изобилии, четырехстенная изба имела прируб — бревенчатые сени (солан; рис. 30). При сооружении сеней нередко применялась древняя техника закладки жердей и тонких бревен в вертикальные пазы врытых в землю столбов. Недостаток древесины в лесостепи и степи вынуждал употреблять для сеней и менее прочные материалы: кору, луб, плетень, жерди, даже камыш; иногда их стены складывали из самана или камня-плитняка. Для жилищ лесостепных и степных аулов было характерно сочетание разных по своей природе материалов. В то же время даже в начале XX в., как отмечал С. И. Руденко³¹, встречались избы, не имевшие перед входом даже легкого пристроя, в частности дерновые и каменные. Не всегда были сени у плетневых, саманных изб. Неблагоустроенность жилищ в каждом отдельном случае объяснялась объективными причинами: низким материальным достатком хозяев, дефицитом стройматериалов, отсутствием в семье рабочих рук и пр.

Многочисленные факты говорят о том, что сени служили не только для сохранения в жилище тепла. Даже там, где они сооружались из редкого плетня или жердей, за ними закреплялись опре-

деленные бытовые функции. Тем более это было характерно для северных аулов, где бревенчатые утепленные сени имели высоко расположенный пол. Они становились прежде всего хранилищем утвари и продуктов. С этой целью во многих районах (прежде всего на севере Башкирии) в глубине сеней отгораживали досками кладовку (эске солан, келэт, бүлмә, кәзәнкә и др.). В лесостепных и степных жилищах в сенях с земляным полом складывали очажок для приготовления пищи в летнюю пору. Для ряда районов Башкирии, особенно там, где не было летних кухонь, сени становились жилым помещением. Именно это обстоятельство в дальнейшем, в пору массового жилищного строительства, способствовало развитию планировки башкирских жилищ: сени превращали в полноценную жилую комнату, к ним пристраивали застекленную веранду и крыльцо. Однако в дореволюционный период отдельные усовершенствования двухраздельного (изба и сени) плана еще не вылились в тенденцию. Многовариантность жилищ создавалась за счет механического соединения привычных форм.

Материально обеспеченные семьи обычно ставили две избы (кушйорт, кара-каршы ей) — два четырехстенка входом один к другому, соединяя их сенями. Количество таких домов в ауле обычно зависело от зажиточности населения, иногда их было от 10 до 25²². Сдваивали главным образом бревенчатые избы. Только в юго-восточном Зауралье (Хайбуллинский р-н БАССР) по такому плану строили и саманные дома. Строительство жилых помещений часто осуществлялось не только самостоятельно, но и в разное время. Именно потому за их частями порой закреплялись названия эске ей — «старый дом», яңы ей — «новый дом». Чаще же они воспринимались как «чистая» и «хозяйственная» половины. Техника сооружения соединительных стен — стен сеней — была различной. Иногда бревна встраивали в пазы столбов, врытых возле углов срубов. В других случаях их помещали между венцами и укрепляли вертикальными брусками. Для крепления использовались также железные скобы. Там, где позволял лес, срубы собирали так, что длинные, преднамеренно выпущенные с обеих сторон концы бревен, стыкуясь, составляли стены сеней; соединение бревен могло произойти и не на одной линии.

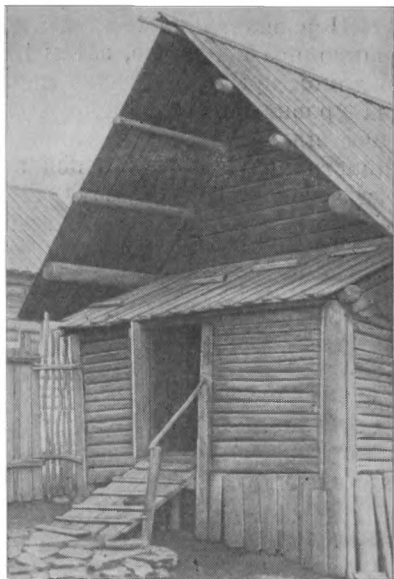

Рис. 30. Сени, построенные пазовой техникой, и крыльцо-сходни. Дер. Миндышево Салаватского р-на. МЭЭ 1968 г. Фото автора

Первоначально сени имели самостоятельное плоское или слегка наклонное покрытие, затем их все чаще стали подводить под общую с домом крышу. Потолка над сенями часто не было. Пол настилали на уровне полового покрытия в жилых помещениях. Дома вытянутого плана стояли к улице чаще всего узким фасадом. К сеням пристраивали крыльцо под навесом, иногда наполовину (от земли) закрытое.

В некоторых случаях планировку трехраздельных домов усложняли, увеличивая площадь кладовки за счет прямоугольного пристроя за домом. Дом с перпендикулярным прибором начала XX в. сохранялся до последнего времени в дер. Гумерово Мечетлинского р-на³³ (рис. 31). Выступающий сруб-отсек с наклонной крышей, расположенный на одной линии с крыльцом с противоположной стороны здания, зрительно уравнивал чрезмерно вытянутый план. Впечатление собранности, завершенности строения достигалось благодаря высокой четырехскатной крыше на подстропильных балках. Такие крыши были приняты в северных районах Башкирии. Южнее параллели г. Уфы трехраздельные избы, как и большинство одинарных, имели двускатные крыши, обращенные фронтоном к улице.

С конца XIX в. с двойными избами стали конкурировать пятистенки (алты почмак ей, алты мейеш ей — буквально «дом с шестью углами») — жилища, разделенные на два помещения бревенчатой стеной, встроенной поперек сруба. Исследователи считают, что пятистенные жилища изобретены народными строителями сравнительно поздно; они получили распространение лишь во второй половине прошлого столетия³⁴. Их могли строить там, где был в достатке высокий строевой лес и можно было подобрать бревна необходимого размера. Территория их распространения включала среднюю полосу России, в том числе Поволжье. В Башкирии они появились прежде всего в северных районах, а также в зоне горнозаводского строительства. Встречались пятистенки и у башкирского населения Пермской, Свердловской и Челябинской областей. Сохранилось немало воспоминаний о том, как первые пятистенные дома (их называли иногда «двойные», «парные» — ике өйле, парйорт) покупали в соседних русских деревнях. Выбирали постройки с длинными сенями и с отдельными выходами из комнат. В бассейне Таныша, где и в начале XX в. было принято устраивать одно жилое помещение, вторую половину пятистенка использовали в качестве сеней. Во многих аулах южной части Башкирии, особенно в лесостепной зоне, первые пятистенки появились лишь в советское время. Их крыли обычно тесом или железом на четыре ската. Они могли быть развернуты к улице и торцом, и длинной стороной. Последнее встречалось чаще, поскольку со стороны двора, за жилыми комнатами, пристраивали длинные сени. Иногда, огибая пятистенки, сени выходили на улицу; здесь устраивался парадный вход. Однако в целом парадные подъезды для башкирских жилищ нехарактерны и являлись, по-видимому, подражанием городским особнякам.

Башкирские мастера научились сами собирать пятистенные дома и при постройке приспособляли новый тип избы к своему быту.

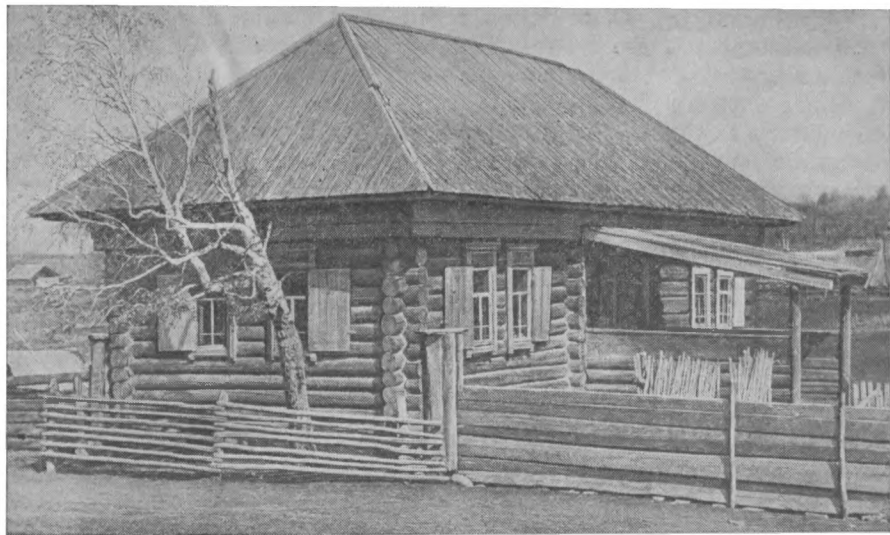

Рис. 31. Дом сложной планировки (две избы, соединенные сенями) дореволюционной постройки. Дер. Гумерово Мечетлинского р-на. МЭЭ 1959 г. Фото автора

Достаточно сказать, что именно пятистенки и повторяющий его внутренней планировкой четырехстенки с прирубом стали основой для развития сельского жилища в современных условиях.

Различные варианты усложнения планировки с использованием пятистенного сруба наблюдались уже в домах дореволюционной постройки, особенно у челябинских башкир. В дер. Якупово Красноармейского р-на сохранился старый дом, напоминающий крестовик. По существу это был пятистенок с прирубом во всю ширину и поперечной бревенчатой стеной в прирубе; меньшую его часть пристроили со двора позднее. Следует отметить, что настоящие крестовики — постройки с пересекающимися врубленными друг в друга внутренними стенами — в башкирских деревнях нам не встречались. Другой дом старой постройки в дер. Якупово состоял из трех расположенных вдоль улицы жилых комнат и бревенчатых сеней за ними. В основе этого сложного строения был пятистенок; к его торцу с помощью пазовой техники присоединялся бревенчатый прируб. Вначале жилище использовалось как обычная трехраздельная изба с сенями посередине, позже сени стали жилой комнатой, а за домом появился небольшой бревенчатый пристрой — новые сени.

Типичным для особняков наиболее зажиточных башкирских семей был вариант, когда два пятистенка, поставленные близко один к другому, торцами к улице, соединялись бревенчатыми перемычками, т. е. повторялся опыт соединения двух изб в одну конструкцию

через общие сени. Сени часто были сквозными: имели двери на улицу и во двор. Один из таких домов под железной четырехскатной крышей, из-за большой площади дома несколько уплощенной, был нами встречен в дер. Дербишево Аргаяшского р-на Челябинской обл. Эти дома, в целом редкие в башкирских деревнях, обращали на себя внимание не только размерами и сложной планировкой, но и богатым архитектурным декором. Их строителями могли быть и местные, и приглашенные (чаще русские) мастера.

В целом попытки видоизменить традиции интерьера, до недавнего времени связанного главным образом с однокомнатным жилищем, имели прогрессивное значение, хотя более определенные тенденции развития внутренней планировки наметились позднее — в советские годы.

О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В УСТРОЙСТВЕ СЕЛЬСКИХ ЖИЛИЩ

При характеристике жилища из разных природных материалов и описании технических приемов возведения стен и крыши мы говорили о преимущественном распространении их по территории.

Учитывая наиболее показательные признаки (форму жилища, материал стен и крыши, форму крыши, основные конструктивные приемы, устройство пола), можно получить четкую картину сочетания общего и особенного в пределах этнографических районов, выделенных исследователями на основании анализа хозяйства, декоративного искусства, народного костюма и других аспектов традиционной культуры. Однако народное жилище, как видно, обнаруживает и свои закономерности развития. Исходя из имеющегося в нашем распоряжении материала, кроме основных областей (северо-запад, северо-восток, юго-запад, юго-восток, восточное Зауралье), можно выделить в их пределах некоторые микротерритории со специфическим сочетанием тех или иных признаков. На северо-западе обособляются районы, расположенные в междуречье Белой и Уфы, а также Белой и Ика (левобережье нижней Белой). На юго-востоке выделяются горная область, Приуралье, южные отроги гор и юго-восточное Зауралье. Самостоятельно развивалось жилище в аулах степного Оренбуржья, Куйбышевской и Саратовской областей.

В северных районах, на обширном слегка всхолмленном пространстве между реками Уфой и Белой, жилые постройки в башкирских аулах отличались сравнительной однотипностью. Массивы широколиственных и хвойных лесов Прикамья представляли для строительства материал высокого качества. Бревенчатые, крытые тесом, дранкой, реже липовой корой избы различались размерами, формой крыши, некоторыми деталями отделки и декоративного убранства; отличия были скорее социального, чем этнокультурного плана.

До середины настоящего столетия в северных районах были распространены однокамерные жилища, чаще сруб-четырехстенки с

бревенчатым пристроен-сенями. В тех случаях, когда ставили дом-пятистенок, вторую его половину оставляли неотапливаемой: она выполняла роль сеней, в которых отгораживали кладовку, чтобы летом ее использовать в качестве дополнительного жилья.

Как и повсюду в Башкирии, на севере избы рубили «в чашку». Прокладкой между бревнами служили мох и отходы конопля.

В начале XX в., когда под влиянием градостроительства кое-где появилась фигурная обшивка стен короткими дощечками и стала практиковаться связка бревен на концах — в северные деревни проникла новая рубка «в лапу». Однако в общей массе такие дома составляли незначительную часть.

Междуречье Белой и Уфы — область повышенной почвенной влажности. Большие разливы рек, длительные паводки, заболоченность некоторых мест заставляли население принимать меры к сохранению сруба от гниения: бревна нижних венцов старались просмолить, сруб приподнимали на сосновых тумбах, пространство между срубом и землей закрывали уложенными в ряд сосновыми чурбаками. С внутренней стороны сруба устраивали широкую (до 0,5 м) завалинку из утрамбованной земли.

Пол поднимали на значительную высоту, иногда до 1 м и более. Соответственно высоким в домах северных башкир было и крыльцо. Ступени в сенях устраивали редко. Более привычным было наружное крыльцо — с крышей-навесом, перилами, дощатыми загородами.

Подпольное пространство использовалось для различных хозяйственных целей. Когда развилось огородничество, в яме посередине подпола стали хранить картофель. Многие оборудовали подпол как омшаник.

На рубеже XX в. в северных аулах были одинаково распространены и двускатные, и четырехскатные крыши. В народе сохранилось представление, что в прошлом, когда кровельным материалом были не только тес, но также дранница и кора, традиционным являлось покрытие на два ската, причем конек крыши поднимался на небольшую высоту и фронтоны часто оставались открытыми. Современное поколение уже не застало таких жилищ. Дошедшие до нас старые дома, построенные в начале века, покрыты очень тщательно. В некоторых избах фасадная стена переходила в бревенчатый фронтон («самцовое» покрытие). Чаще дом с двускатной крышей имел нависающие скаты, козырек и дощатый фронтон. Верх дома опоясывал карниз.

Таким образом, к началу XX в. строительные традиции на севере Башкирии были довольно развитыми. Однако мы не можем не отметить тот факт, что информаторы — люди преклонного возраста — вспоминали, что жилища, которые существовали при их дедах, заметно отличались от увиденных нами. По сообщению Зарифа Хатыбова из дер. Верхнекудашево Татышлинского р-на, дом его деда (конец XIX в.) состоял из небольшого сруба на три окна, поставленного на землю и крытого на два ската корой. Фундамента не существовало, полая балка упиралась в первый венец. Суще-

Рис. 32. Способ покрытия соломой на северо-западе. Дер. Еней-Иткино Краснокамского р-на. МЭЭ 1960 г. Фото автора

вали в деревне и другие избы, с корьевыми крышами. Одно или два жилища имели земляное покрытие. Зажиточные семьи жили в двойных избах (кушйорт) с сенями посередине³⁵.

Изменения в массе башкирских жилищ (сложное оборудование подпола, распространение четырехскатных крыш, применение новых кровельных материалов, устройство карнизов и пр.) произошли главным образом в последние 100 лет и особенно активно осуществлялись они начиная с первых десятилетий нашего века.

На северо-западе, особенно в левобережье нижней Белой, жилые постройки по внешнему виду и планировке обнаруживали много общего с описанными выше. Здесь также строили избы-четырёхстенки с высоким полом, внутренними завалинками, развитым крыльцом. Как и в междуречье Белой и Уфы, встречались и двускатные, и четырехскатные крыши. Однако почти безлесная, распаханная равнина, простиравшаяся от берегов Белой до западного Ика, создала несколько иные условия для развития домового строительства. Его возможности ограничивались отсутствием собственного строевого леса. И хотя дерево оставалось единственным материалом при возведении стен, для кровли чаще употребляли отходы земледельческого производства — солому. Мастера освоили и технику покрытия ею как двускатных, так и четырехскатных крыш (рис. 32). Конструкция их почти везде была стропильной. Лишь в Кушнаренковском р-не встречались крыши со слагами, опиравшимися на бревенчатые фронтоны. Солому накладывали ровным слоем и при-

давливали жердями-гнетами, соединенными попарно над коньком. Специальными деревянными «лестницами» укрепляли солому над фронтоном. Нередко встречались двускатные комбинированные крыши: от фронтона закрепляли несколько досок, а дальше крыли соломой. Можно отметить, что в левобережье Белой (Илишевский, Дюртюлинский, Кушнаренковский районы) заметно преимущественное бытование четырехскатных крыш. Западнее — по границе с Татарией, в Актанышском и особенно в Муслюмовском районах ТАССР — в большей степени были распространены двускатные крыши.

Недостатком леса на описываемой территории объясняются некоторые особенности в устройстве жилого дома. Более сухой климат позволял расположить пол ниже — переводины врубали во второй или третий венец сруба. Под углы подкладывали не только деревянные, но и каменные тумбы; обкатанными валунами, скрепляя глиной, закладывали пространство от земли до первого венца. Крыльцо было менее высоким. Сооружая сени, из бревен делали лишь часть стен (в основании), остальное пространство закрывали досками. Сени часто имели отдельную покатуку крышу.

Юго-западная Башкирия — значительная по площади территория, разместившая в настоящее время около 15 административных районов, — в прошлом выявила свой тип жилища, на сооружение которого употреблялась не древесина, а ветви деревьев и кустарников, образующих густые заросли в приречных поймах-уремах. В бассейнах Демы, Уршака и Ашкадара одной из наиболее распространенных построек стали плетневые мазанки. Подобные жилища появились в условиях плотно населенной лесостепи, где деревья главным образом лиственных нестроевых пород сохранились среди часто расположенных сел и сельскохозяйственных угодий небольшими островками. В зависимости от социального состава населения аулов и по мере удаленности пунктов от гор и лесов плетневые избы составляли в них в конце XIX — начале XX в. от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ жилых построек³⁶. Из бревен рубили избы лишь состоятельные семьи.

Недостаток леса приводил к тому, что население использовало разные возможности сооружения жилищ из подручных материалов. В трудные военные годы некоторые семьи оборудовали для себя землянки. Кое-где в юго-западной Башкирии, в первую очередь в Кумертауском р-не, граничившем со степным Оренбуржьем, встречались саманные избы.

Как и на севере Башкирии, на юго-западе были распространены однокамерные жилища с пристроем-сениями. Нередко дом и сени строили из разного материала: рядом с бревенчатым срубом можно было увидеть сени из досок, жердей, плетня, камня. У мазанок стены, как правило, были плетневые. Разносортность материалов не всегда обращала на себя внимание, поскольку юго-западные башкиры обмазывали избы, в том числе и бревенчатые, а затем белили их. В теплое время года сени становились наполовину жилым помещением, в котором устраивали нары для сна. Пищу готовили влетней избушке.

Техника сооружения плетневых изб на юго-западе была тщательно отработана. Снаружи и внутри плетень покрывали глиняной обмазкой. Основой крыши служили балки, положенные на столбы с развилками, врытые попарно за стенами дома. На балки накладывали слой жердей, веток или готовый плетень и сверху присыпали землей. Крышу утепляли слоем соломы.

Башкирские плетневые мазанки с плоскими соломенными крышами в одном из юго-западных башкирских аулов в 1914 г. сфотографировал М. А. Круковский³⁷. Плоское покрытие в прошлом веке было одним из распространенных. В начале нашего столетия такие избы имели лишь самые бедные семьи. Более привычными для башкирских аулов юго-западной Башкирии в ту пору стали четырехскатные стропильные конструкции. Местами (Ермекеевский р-н) избы покрывали на два ската. Самым распространенным кровельным материалом и двускатных, и четырехскатных крыш оставалась солома, которой было покрыто большинство плетневых, саманных и значительная часть бревенчатых домов. На срубных избах встречались также тесовые, железные крыши, а ближе к р. Белой — корьевые.

Пол в мазанках оставался земляным. Фундамент часто отсутствовал даже в бревенчатых домах. Лишь в последние полвека сруб стали ставить на камни или на просмоленные столбы из деревьев лиственных пород. Крыльцо заменяла широкая каменная плита или деревянный настил на двух бревнышках. Плетневые и саманные избы крыльца не имели.

В горных аулах (Бурзянский, Белорецкий р-ны), как и на севере Башкирии, жилища строили из бревен. Старые дома состояли из одного жилого помещения, к нему примыкали сени. Нередко вместо сеней во всю ширину сруба сооружали настил. Эта площадка могла иметь низкую бревенчатую загородку.

Пол в жилищах горных башкир оказывался приподнятым сравнительно высоко над землей, так как сруб ставили на деревянные сваи. В то же время крылец в принятом смысле слова здесь не существовало. К настилу или полу сеней примыкал трап-сходни или уложенные пирамидкой деревянные брусья.

В горных селениях при постройке жилищ использовалась старая техника соединения бревен «в паз». Иногда так сооружали низ дома, а на это основание ставили сруб, скрепленный «в чашку». Пазовая техника применялась также при постройке сеней. Если низ избы не был забран бревнами, промежутки между сваями закладывали камнем-плитняком. В прошлом наиболее распространенными материалами при сооружении крыш являлся тес, позже дранка, реже — кора. Дом покрывали на два ската. Долгое время крыши в селениях делали так же, как и в летних домиках на летовках: их основой служили тонкие бревна, уложенные пирамидкой «в кострище». Иногда середину крыши приподнимали на продольное бревно. Со второй половины XIX в. в горно-лесной местности все чаще использовались стропила. Полосы дранки или коры опирались на сляги. Поверх покрытия укладывали жерди-гнеты, скрепленные со

слегами мочальными веревками. Обычным явлением в селениях по берегам верхней Белой и на Инзере были крыши с нависающими один над другим скатами, что предохраняло чердак от дождя и не требовало дополнительного наверхия. Открытые фронтоны, способствовавшие вентиляции и быстрому высыханию крыши, вносили еще один характерный штрих во внешний вид горных аулов. Полосы коры, дранка, тес внизу закреплялись в желобе специального бревна; бревно удерживалось с помощью естественных деревянных крюков или штырей, врубленных в концы стропил.

В селениях, близко расположенных к русским заводским поселкам (Белорецкий р-н), уже в прошлом веке появились дома с четырехскатными тесовыми крышами. Обычно такие крыши встречались на пятистенках, срубленных русскими плотниками.

В Приуралье — в районах, расположенных вдоль Уральских хребтов по правому берегу средней Белой (Иглинском, Архангельском, Гафурийском, Ишимбайском, Мелеузовском) и несколько южнее (Кугарчинский р-н), прослеживались традиции горно-лесной области. При строительстве жилищ в аулах лес оставался основным материалом. И на этой территории распространялись избы-четырёхстенки. Много общего наблюдалось в строительной технике. Однако вместе с тем здесь уже было заметно влияние степей. В деревнях, расположенных в удалении от гор, вместе с бревенчатыми домами, составлявшими большинство, встречались избы плетневые (особенно в южных — Мелеузовском и Кугарчинском — районах). По словам С. Вагапова, 82 лет, до революции в дер. Сыртланово из 80 домов было 5—6 плетневых мазанок. Наиболее бедные семьи жили в постройках полуземляночного типа³⁸.

В предгорьях кора, отчасти луб использовались в строительстве гораздо шире, чем непосредственно в горной области. Еще в первой половине нашего века из этих материалов нередко сооружали сени бревенчатых изб или использовали их для покрытия. По воспоминаниям людей преклонного возраста, в дер. Бикбулатово, насчитывавшей около 70 хозяйств (Кугарчинский р-н), в 20-е годы всего один дом был покрыт железом, один — тесом, остальные стояли под корьевыми крышами³⁹. В архиве сектора этнографии ИИЯЛ имеются фотоматериалы научной поездки Н. В. Бикбулатова и венгерского антрополога Тибора Тота в Ишимбаевский р-н в 1962 г. Длинные ряды домов на улицах деревень Азнаево, Хазино, Уразбаево, Макарово, зафиксированные с помощью фотообъектива, еще 20 лет назад были в основном покрыты корой⁴⁰.

Для плетневых изб наряду с корой употребляли солому. Соломенные крыши в Мелеузовском, Кугарчинском районах можно было увидеть и на бревенчатых домах. Этнографической экспедицией 1971 г. было проведено статистическое обследование дер. Аптраково Мелеузовского р-на. Из 42 взятых на учет домов 5 было крыто шифером, 11 — железом, 26 — соломой⁴¹. Иногда под влиянием местных строительных традиций поверх соломы накладывали полосы коры.

Как и в горах, избы в Забелье крыли преимущественно на два ската, что во многом было связано с употреблением коры и дранки. Однако форма крыши не всегда зависела от материала: встречались и четырехскатные крыши с переброшенными полосами коры — сначала в продольном, затем в поперечном направлениях. На четыре ската покрывали избы соломой, но чаще — тесом, длинной дранкой.

Прежде в деревянных избах Приуралья сооружали самцовые крыши. В плетневых мазанках опорой им служили три-четыре поперечные бревна, поднятые на столбах, врытых за стенами дома.

В конце 50-х — начале 60-х годов XX в. на сохранившихся старых домах конструкция крыш была стропильной.

При возведении крыш из коры и дранки применялась система продольных слег и гнетов — способ, широко известный в горной области. Неровные полосы коры мягко свисали, прикрывая стены дома.

В Забелье в отличие от горных аулов фронтоны домов, в том числе с корьевым покрытием, редко оставляли открытыми. Их заделывали, хотя и не очень тщательно, вертикальными или горизонтальными рядами тесин, лубом, корой. Заделку нередко производили вровень с фасадной стеной. Вместе с тем в районах, расположенных близко к г. Уфе, уже в прошлом веке знали и глубокую заделку фронтонов. Иногда фронтон обрамляли резным узором.

Для фундамента использовали камень-плитняк; при неровной поверхности земли каменный фундамент достигал значительной высоты. Ближе к горам, как и в соседних Бурзянском и Белорецком р-нах, под срубы вкапывали сосновые тумбы.

Видимо, под влиянием плетневых мазанок углы и пазы срубов нередко покрывали глиняной обмазкой.

В бревенчатых жилищах предгорья характерным явлением был пристрой-сени из коры, луба, плетня. Иногда для сеной употребляли тонкие бревна, закладывая их в пазы угловых стоек.

Таким образом, узкая территория, едва достигающая 80—100 км в поперечнике, протянувшаяся полосой к западу от Уральских хребтов и ограниченная р. Белой, дает наглядный пример постепенной смены строительных традиций. Это можно заметить не только при продвижении с севера на юг, но и от гор к берегам р. Белой. Строительным материалом в Приуралье, как и в горах, осталось дерево, но вместе с некоторым ограничением в использовании леса, особенно хвойных пород, начинают применять кору, луб, осваивается техника сооружения стен из приречных кустарников. Под влиянием лесостепных и степных аулов появляется иной кровельный материал — солома.

Подобную картину можно наблюдать и по южным отрогам Уральских гор (Зианчуринский р-н, юг Зилаирского, юго-западная часть Хайбуллинского районов). Дома здесь возводили главным образом из леса, крыли корой, реже — тесом. Плетневые избы были только у самых бедных. Крыши даже на плетневых домах делали двускатными из переброшенных через коньковое бревно полос коры. Большинство жилищ представляло собой однокамерный сруб с пристроен-сеними. Сени, обычно бревенчатые, строили с помощью па-

зовой техники. Дома стояли на каменных опорах, их низ обкладывали плитняком.

Вызывает интерес то явление, что даже в небольшом удалении от гор, в пределах тех же районов, облик жилищ менялся. В дер. Утягулово на юге Зиянчурина р-на в начале нашего века, по воспоминаниям старожилов, бревенчатые дома имели только зажиточные башкиры. Основная масса населения жила в плетневых мазанках с корьевыми или соломенными крышами⁴².

Повсюду на крайнем юге Башкирии была принята глиняная обмазка. Бревенчатые стены покрывали тонким слоем глиняного раствора, так что была видна неровная поверхность сруба; иногда замазывали лишь щели между бревнами, углы. Обмазка сочеталась с распространенной здесь в прошлом пазовой техникой сооружения построек. С обеих сторон покрывали глиной также стены плетневых жилищ.

Юго-восточные (Зауральские) районы Башкирии (Хайбуллинский, Баймакский, Абзелиловский) характеризует стремительный переход от гор и лесов к ровной засушливой степи. Низкие каменные сопки в западной части описываемой территории почти лишены древесной растительности. Однако здесь, вблизи гор, еще существовала возможность доставки и даже некоторого выбора леса. Восточнее и южнее этих мест более доступными строительными материалами становились камень, глина, песок. Население умело сооружать плетень. Разница в природе используемых материалов порождала контраст в облике пригорных и степных аулов. К первым можно отнести населенные пункты, расположенные по верхнему течению рек Сакмара и Большой Кизил. Типично степными являлись селения на юге Абзелиловского, востоке Баймакского, на большей части Хайбуллинского районов.

В формах жилищ, даже бревенчатых, в Зауралье обнаруживались черты, отличающие этот регион от других областей Башкирии. Здесь редко выкладывали фундамент: сруб ставили на разровненную площадку, присыпая венцы изнутри землей. Половые балки врубались во второе, редко — в третье бревно. Случалось, что пол существовал конструктивно обособленно, поскольку балка могла опираться на отрезки бревен, положенные на землю с внутренней стороны сруба. Жилище было невысоким — 2—2,5 м. Потолок часто служил и крышей. На накат настилали бересту или солому и накладывали дерн. Дома с плоскими крышами — характерное явление для башкирского Зауралья (рис. 33). Двускатные и четырехскатные тесовые крыши встречались лишь на домах зажиточных башкир. Даже в дер. Второе Иткулово Баймакского р-на, расположенной сравнительно недалеко от горно-лесной зоны, в 1912—1914 гг. из 140 домов всего 14—15 имели тесовые крыши⁴³.

Сени, как и в большинстве других районов Башкирии, сооружали отдельно от сруба из леса низкого качества или из плетня. Иногда сенями объединяли два четырехстенка — «чистую» и хозяйственную избы. Такой жилой комплекс стоял обычно под одной двускатной крышей.

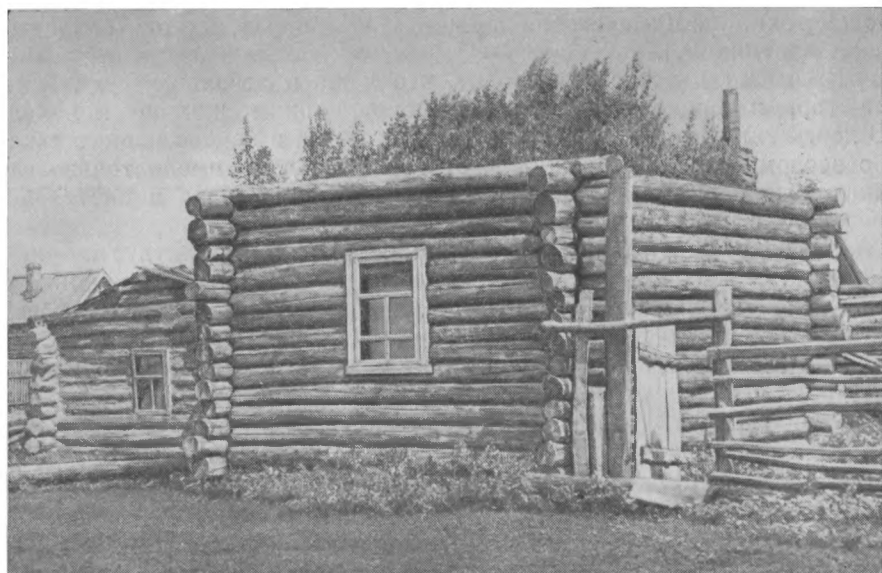

Рис. 33. Старая изба с плоской земляной крышей. Баймакский р-н. МЭЭ 1971 г. Фото автора

Рис. 34. Дом из самана с плоской крышей. Дер. Утекеево Большезлушницкого р-на Куйбышевской обл. МЭЭ 1963 г. Фото автора

Во многих селениях, особенно в степной части Баймакского р-на, дома были повернуты к улице глухой боковой стеной. Отсутствие лицевых окон — частое явление в тех случаях, когда уличный ряд располагался в широтном направлении; глухая стена выходила на север. Окна прорубали во двор — на юг и восток. С целью охраны

дома дверь делали так, чтобы она открывалась внутрь помещения; войдя в жилье, ее подпирали колом.

Башкирское Зауралье — единственный регион, где имелись прочные традиции сооружения жилищ из природного материала — плитняка. Каменные избы существовали в зауральских аулах еще в первые десятилетия нашего века. В дер. Татлыбаево Баймакского р-на, по словам информаторов, в 20-е годы из 30 домов 20 было каменных, обмазанных изнутри и снаружи глиной⁴⁴. Сложенные во время Великой Отечественной войны каменные избы можно было встретить в деревнях в 50-е годы, в период первых наших этнографических выездов в Башкирию.

Южнее, на территории равнинного Хайбуллинского р-на, использовался сырцовый кирпич — саман, столь же здесь популярный, как камень в Баймакском р-не. Саманные строения с плоскими или слегка покатыми глиняными крышами придавали особый, степной, колорит селениям Хайбуллинского р-на. Типы жилищ выявляли много общего с распространенными в Оренбуржье, Куйбышевской и Саратовской областях. Саман в Хайбуллинском р-не делали крупным, до 0,5 м длиной. В вязкую темно-серую глинистую массу добавляли большое количество соломы; поверхность получалась шершавой, зернистой, саман напоминал кизяк. Стены покрывали толстой обмазкой из глины и песка и белили. Половые доски настилали на балки, положенные на землю.

Избы из плетня на юго-востоке можно было встретить лишь в аулах, расположенных поблизости от уральских казачьих станиц. Крыша плетневых мазанок, так же как на каменных и саманных избах, была почти плоской, из земли, укрепленной глиняной смазкой. Основой крыши служил настил тонких бревен, являвшийся одновременно потолком.

Следует подчеркнуть, что в юго-восточном Зауралье даже в зоне степи не было деревень, сплошь состоявших из каменных, саманных, плетневых изб. Наряду с ними порой в значительном количестве встречались срубные жилища. Их становилось все больше по мере продвижения в сторону гор. В Абзелиловском р-не бревенчатые дома преобладали. Техника их сооружения переключалась с традициями горно-лесной зоны. Кровельным материалом служили тес и длинная дранка. В 50—60-е годы еще сохранялось немало старых домов с «самцовыми» крышами, крюками и бревном-желобом, защемлявшим нижний край покрытия. В фототеке Венгерского этнографического музея сохранился снимок дер. Тупаково Абзелиловского р-на, сделанный в 1909 г. М. Дьюлой⁴⁵. На нем одну сторону улицы занимают добротные пятистенки под двускатными и четырехскатными тесовыми крышами, выполненными на уровне строительной техники того времени, с карнизами и причелинами. На другой стороне — длинный ряд домов-четырёхстенков с двускатными крышами. На некоторых жилищах низкие скаты лишь слегка приподняты посередине; опорой конькового бревна служат чурбаки, лежащие на верхнем венце сруба.

В Абзелиловском р-не, особенно в его южной части, были приняты частичная обмазка и побелка срубных домов. Но особенно часто глиняная обмазка практиковалась в степной части Баймакского и в Хайбуллинском районах.

Башкиры, поселившиеся в оренбургских и приволжских степях, выработали свои традиции в устройстве жилого комплекса. В незначительном удалении от гор, по р. Сакмаре, лес оставался распространенным строительным материалом. Бревенчатые дома, обмазанные и побеленные, с виду мало отличались от стоящих рядом плетневых и саманных мазанок. Для их покрытия использовали солому.

По мере удаления от Уральских отрогов на юго-запад в сторону Волги дерево уступало место неорганическим материалам. Уже в бассейне рек Ток и Уран основная масса жилищ была построена из самана и имела плоское земляное покрытие (рис. 34). Даже плетневые сооружения здесь встречались редко, поскольку требовали значительного количества леса для каркаса стен и основания крыши. Двускатные и четырехскатные соломенные крыши на строениях имели возможность построить лишь материально обеспеченные башкиры. Единственным способом укрепления соломы являлась глиняная пропитка. Там, где имелся камень, саманные дома старались поставить на широкое каменное основание. Фундамент, как и саманные стены, обмазывали глиной. Пол слегка углубляли; во многих случаях его делали глинобитным.

Саманные кирпичи и дерновые пласты становились самым распространенным материалом в аулах, расположенных по берегам Большого Иргиза и Камелика (Куйбышевская и Саратовская области). И. И. Железнов, описавший быт башкирских казаков в середине прошлого века, отмечал, что «зиму они проводят в сырых, холодных дерновых или глиняных избах»⁴⁶. Пользуясь сведениями из отчета командующего башкирским отделением Оренбургского казачьего войска, И. И. Железнов подсчитал, что в середине XIX в. у приволжских башкир $\frac{3}{4}$ домов и многие мечети были сложены из дерна и воздушного кирпича. Но и бревенчатые избы представляли собой всего лишь «невысокие срубы, покрытые дерном»⁴⁷. Основанием крыши служил жердевой или плетневый настил. Внутри домов глиняными были не только полы, но и нары, помосты для самоваров и утвари. В этих местах хозяйственные постройки соединялись с жилым домом.

На северо-востоке Башкирии природные условия отличались неоднородностью. Обширные таежные чащи на левобережье Уфы и Юрюзани по мере продвижения на восток переходили в засушливую лесостепь; последняя сменялась возвышенным предгорным ландшафтом, изобилующим березовыми, осиновыми рощами, хвойными лесами.

В работе, написанной в 1959 г. после поездки по северным районам Башкирии, мы отмечали сходство жилищ северо-восточных башкир и населения пританьского района⁴⁸. В последующие годы на север республики было организовано еще пять экспедиций⁴⁹.

Полученный материал подтвердил сделанный ранее вывод. Вся северная Башкирия, от дельты Белой до границ Челябинской обл., обнаружила общее не только в выборе строительных материалов, но и в строительных традициях.

Население северо-востока, в том числе и приайской лесостепи, располагало достаточным количеством строевого леса. Полноводные Ай и Юрюзань, берущие начало в глубине гор, по весне использовались для лесосплава. В башкирских аулах, как среди лесных массивов, так и в лесостепи, избы строили из сосновых, еловых, реже — осиновых бревен. Рубка стен «в чашку» была традиционной. Крыли дома в прошлом тесом, дранкой, корой. Самый распространенный способ покрытия в начале века — устройство стропил; стропильные балки опирались на верхний венец сруба. Так выглядели и двускатные, и четырехскатные кровли. Однако существовали, как видно, и другие приемы; некоторые из них дожили до наших дней. На северо-востоке Белокатайского р-на еще в 50-е годы мы видели дома с двускатными крышами, опиравшимися на бревенчатые фронтоны. В дер. Старохашилово Дуванского р-на сохранились избы с коньковым бревном на столбиках, укрепленных на верхнем венце сруба. Конструкция такой крыши была ранее отмечена нами в дер. Тукбаево Мечетлинского р-на. Важно заметить, что подобные крыши встречались также по другую сторону Урала — у башкирского населения Челябинской обл. В конце 50-х годов в дер. Новомещерово Мечетлинского р-на зафиксирована «костровая» четырехскатная крыша⁵⁰.

В начале XX в. избы с дранковыми или корьевыми крышами имели открытые фронтоны. По внешнему виду они напоминали постройки горного Белорецкого р-на, расположенного южнее, за заводской полосой преимущественно с русским населением. Такие избы еще в 50—60-е годы встречались в деревнях Асылгузино, Кулбаково, Нижний Лопас Кигинского р-на, Хайбатово Белокатайского р-на⁵¹. В домах с тесовыми крышами фронтоны закрывали горизонтально прибитыми досками; иногда обшивка располагалась вровень с фасадной стеной. В то же время в деревнях по Юрюзани и среднему Аю устраивали широкий «козырек». Дома с «козырьками», построенные в 20-е годы, стояли до 50-х, а кое-где — и до 70-х в деревнях Ясын, Гумерово, Абдрахимово, Лемез-Тамак Мечетлинского р-на, Старохашилово Дуванского р-на, Миндышево, Терменево, Идельбаево Салаватского р-на и в др.⁵² Далеко за фасадную стену выступали и скаты крыши.

Нам не удалось установить закономерности в распространении по территории северо-востока двускатных и четырехскатных крыш. В первые годы настоящего столетия даже в пределах небольшого района существовали те и другие. На севере Салаватского района (дер. Ташаул) встречались обе формы крыш, в средней его части (деревни Каратавлы, Терменево) большинство домов имело четырехскатные крыши, а на юге (дер. Миндышево) их вообще не сооружали. На среднем Ае в дер. Старохашилово считались традиционными двускатные крыши, а рядом, в деревнях Ариево, Маржамгу-

лово, Мелькет, строили в основном четырехскатные, поскольку существовало убеждение, что при широких срубах, принятых в этих местах, четырехскатная форма дает экономию в кровельном материале на 25% ⁵³; последнее в условиях лесостепи нельзя было не учитывать.

Констатируя факты, мы хотим высказать предположение, что на северо-востоке обе формы крыши использовались, как видно, и до появления стропил. Это подтверждается существованием здесь в прошлом реликтовых конструкций, в том числе пирамидальной «костровой».

Сруб с просмоленными нижними бревнами обычно ставили непосредственно на землю; пол врубался во второй-третий венец. Вместе с тем в предреволюционных деревнях существовало немало построек, приподнятых на каменном фундаменте; использовали природный камень-плитняк. В таких случаях половую балку врубали в нижний венец. Под домом выкапывали яму для хранения молочных продуктов летом и содержания пчел зимой. В целом подпол редко оборудовали капитально.

В отличие от северных и северо-западных сел в северо-восточных аулах почти не встречалось высоких крылец. Вместо них устраивали площадку со спуском в две-три ступени; иногда ходили по наклонному щиту с перекладами. Это сооружение напоминало «трапы» в аулах башкир горных районов.

Как и в других районах Башкирии, четырехстенная изба с пристроен-сенями на северо-востоке была исходной формой аульного жилища. Для сеней использовали менее качественный лес; бревна соединяли рубкой «в чашку» или вкладывали в пазы столбов. Сени имели отдельное односкатное покрытие; в последние десятилетия их все чаще стали подводить под одну, общую с домом крышу.

Наряду с четырехстенными в башкирских аулах северо-востока во второй половине XIX в. встречалось немало пятистенных изб. Иногда, стремясь иметь двухкомнатное жилище, посередине длинных стен сверху и снизу врубали по два-три поперечных бревна, заделывая расстояние между ними досками. Такой прием использовался особенно часто в лесостепных деревнях по берегам Ая. Делению помещения на две комнаты способствовало положение печи посередине противоположной входу длинной стены дома, характерное для северо-восточных районов.

Особенностью пятистенных срубов в этих местах явилось наличие выходов из комнат в общие сени, пристроенные с длинной стороны сруба.

Встречались на северо-востоке Башкирии и дома усложненного плана. Обычно это были постройки из двух жилых помещений, разделенных сенями. Изредка состоятельные башкиры имели двухэтажные дома с полуподвальным первым этажом.

Почти на той же широте, на территории современных Челябинской и Курганской областей, башкирское население жило в иных природных условиях, во многом определивших их материальную культуру, в первую очередь жилище.

Западно-Сибирская равнина представляла собою лесостепь, густо заселенную и к концу XIX в. в значительной мере распаханную. Березовые или березово-осиновые колки и перелески, поля — характерный пейзаж восточного Зауралья. Лишь на западе Челябинской обл., в непосредственной близости Уральских гор, можно было увидеть хвойные боры. Они располагались узкой полосой, сменяясь березовыми рощицами. В целом по мере продвижения на восток Челябинской и юг Курганской областей деревьев становилось все меньше. Недостаток древесины, как мы уже говорили, привел к необходимости изыскания экономичных способов возведения жилищ с использованием глины, дерна и других подручных материалов. Разнообразны варианты сочетания их с деревом.

Характеристика жилища восточных башкир является иллюстрацией тесной зависимости этой формы материальной культуры от природно-географических условий. На западе Челябинской обл., в районе Миасса, Каслей, Уфалея, дома в башкирских аулах были бревенчатыми с тесовыми крышами. В средней части области, хотя и преобладали срубные избы, появлялись каркасные постройки из тонкого леса с земляной засыпкой, плетневые мазанки и даже землянки. Крыши на всех видах жилищ сооружали дерновые. Ближе к Курганской обл. и на ее территории избы из дерна, самана, плетня, из жердей с земляной засыпкой были обычным явлением. Однако и в Курганской обл. состоятельные семьи старались ставить бревенчатые избы, привозя лес за сотни километров с Урала или из северных районов Сибири. В некоторых крупных деревнях, особенно в волостных и торговых центрах, перед революцией более половины домов было из дерева. В дер. Мурзабаево Сафакулевского р-на Курганской обл. в 20-х годах нашего века на 100 домов приходилось 80 бревенчатых, в дер. Аскарново Альменевского р-на на 100—70³⁴.

Для бревенчатых домов использовалась наиболее распространенная в Зауралье порода деревьев — береза; реже применялась осина. Вблизи гор богатые башкиры строили дома из сосны, лиственницы. В других случаях из хвойных пород рубили венцы в основании. Основным способом соединения бревна была рубка «в чашку», в отдельных жилых постройках применялась техника закладки бревен «в паз».

Большинство срубов ставили на землю без опор: на территории Челябинской и Курганской областей было мало камня. Лишь в районе Миасса, Уфалея под углы срубов подкладывались плиты, а оставшееся пространство закладывали землей. Кое-где для утепления внутри жилища помещали сруб поменьше, в два венца, и пространство между стенами забивали землей. Это сооружение напоминало внутренние завалинки севера Башкирии. В Зауралье оно не получило большого распространения, поскольку здесь не принято было поднимать пол высоко над землей. Половые балки врубали в первый-второй венцы, иногда их укрепляли на низких столбах-стульях, врытых внутри у стен. В Курганской обл. в избах наиболее бедных семей пол мог оставаться глинобитным.

Форма крыш, устройство, материал покрытия в восточном Зауралье отличались редким разнообразием. Наиболее распространены на бревенчатых избах в конце XIX — начале XX в. были двускатные крыши, часто встречались «самцовые» и «полусамцовые» конструкции, когда фронтоны складывали из коротких отрезков бревен с промежутками посередине. К последним близка конструкция, при которой слези и бревна фронтона последовательно накладывали друг на друга. Нередко коньковое бревно опиралось на столбики, поставленные на верхний венец сруба. В большей части Челябинской и Курганской областей двускатные крыши имели приземистую форму, поскольку их покрывали дерном.

Стропильные крыши появились в Зауралье сравнительно поздно, в первую очередь в зоне горнозаводского строительства. Покрытием служили дранка, тес, железо. Фронтоны закрывали досками; козырьки над фасадами устраивали сравнительно редко.

В малолесных местах крышу иногда совмещали с потолком, застилая потолочные жерди травой и покрывая пластами дерна.

Д. П. Никольский, обследовав в 90-х годах прошлого века дер. Старособолево Саринской волости Екатеринбургского уезда, из 22 жилых строений обнаружил крытых только половину, причем «те избы, которые считаются крытыми, покрыты или соломой, или драньем и в двух дворах только тесом»⁵⁵. В дер. Якупово Красноармейского р-на Челябинской обл. в начале 20-х годов большинство домов имели дерновые и глиняные крыши и только 2—3 (из 50) тесовые, около 8 — железные. До революции в дер. Шарипово Альменевского р-на Курганской обл. было только 5 тесовых крыш и 4 железных, остальные дерновые⁵⁶. Главной причиной преимущественного употребления на востоке Челябинской и юге Курганской областей дерна являлось отсутствие более качественных строительных материалов. Лишь в лесистой северо-западной части региона большинство изб было крыто дранкой, корой и тесом.

Четырехскатная кровля встречалась на домах главным образом сложной планировки и прежде всего — на пятистенках, которые нередко покупали в русских деревнях. Особенно много таких домов встречалось в аулах, расположенных вокруг заводских поселков и городков, в том числе в окрестностях Челябинска. Еще недавно дома дореволюционной постройки с шатровой крышей можно было увидеть в деревнях Новособолево, Дербишево, Байрамгулово, Мухаметкулево и др.

Одинарный дом с пристроенными сенями — распространенное жилище основной массы населения. Богатые семьи имели дома более сложного устройства. По данным Д. П. Никольского, в 90-х годах прошлого века в трех башкирских волостях Екатеринбургского уезда 75% общего числа жилых строений составляли однокомнатные дома, 19% — пятистенные, 6% — шестистенные и др.⁵⁷ При почти повсеместном преобладании однокамерных домов соотношение других типов в зависимости от местных условий могло меняться. До революции в дер. Суряково Аргаяшского р-на Челябинской обл. из 60 домов $\frac{2}{3}$ были четырехстенками, 6 — пятистенками, около 10 пред-

ставляли собой две избы, соединенные сениями. В дер. Шарипово Альменевского р-на Курганской обл. из 95 домов около 10 было пятистенков, 5—6 — шестистенков ⁵⁸.

Жилища сложной планировки строили из бревен. Глинобитные, дерновые, саманные и прочие избы состояли, как правило, из одного жилого помещения; к нему пристраивали сени.

Ни один район Башкирии, даже бедное лесом юго-восточное Зауралье, не дал такого многообразия жилых сооружений из самых, казалось бы, обычных материалов, с каким мы встретились в аулах Челябинской и особенно Курганской областей.

Глинобитные избы строили здесь с жердевым каркасом и без него. Когда деревянный каркас отсутствовал, при возведении стен употребляли сколоченную из досок раму. Оригинальным, нигде больше у башкир не зарегистрированным строительным приемом было использование в качестве каркаса двойного сруба из березовых жердей. Каркас засыпали сухой землей.

В восточном Зауралье существовало несколько видов плетневых мазанок. Кроме изб из обычного плетня, обмазанного глиной, соорудили жилища из двойного плетня с земляной засыпкой. Были распространены дома из вертикального плетня — тонких жердей, заложённых в определенном порядке за перекладины.

Для саманных изб изготавливали с помощью деревянной формы самодельные кирпичи. Сырьем служила глина, смешанная с соломой.

В восточной части Зауралья были широко распространены избы из пластов дерна.

Крыши каркасных, плетневых и саманных жилищ имели двускатную или уплощенную форму, слегка покатую на две стороны. Покрытием служил дерн. В дерновых и саманных домах крыша совмещалась с потолком и жерди опирались непосредственно на стены дома. Сверху и снизу их обмазывали глиной и придавливали кусками дерна. В остальных случаях конек опирался на столбы, врытые за стенами дома, или на деревянные подпорки, поставленные на продольную балку (когда существовал столбовой каркас). На коньковое бревно накладывали рядами надрубленные в середине жерди. Их покрывали травой и дерновыми пластами. Пол в описываемых жилищах часто оставался глинобитным; если употреблялись доски, они настилались на балки, положенные непосредственно на землю или на столбики у стен.

Кое-где в Курганской и Челябинской областях зафиксированы факты использования в качестве жилищ почти полностью углубленных в материк землянок ⁵⁹.

Соотношение различных построек в ауле зависело не только от местных традиций, но и от социальных причин. В дер. Туктубаево Сосновского р-на Челябинской обл. в начале нашего века, кроме бревенчатых (их было большинство), имелось 13—14 плетневых изб, 12—14 построенных из дерна и 6—8 глинобитных с каркасом из жердей ⁶⁰ (последние жилища обедневших семей). Плетневые, дерновые и каркасные жилища встречались повсюду на востоке Челябинской и в Курганской обл. Иногда в одной постройке соче-

талась разная техника. На фотографиях С. И. Руденко можно увидеть у зауральских катайцев дерновую избу с камышовыми сенями⁶¹. Плетневые сени пристраивались к дерновой, саманной, каркасной глинобитной, бревенчатой избам⁶². В иных случаях по-разному были построены части жилого дома.

Распространение жилищ с глинобитным или низко расположенным над землей полом во многих случаях исключало устройство крыльца. Делали две-три ступени, укрепленные на отрезках бревен. Однако богатые башкиры старались перенять некоторые детали архитектуры городских особняков. В окрестностях Челябинска сохранились старинные башкирские дома с парадным входом под крышей на ажурных металлических кронштейнах.

Изучение жилища на значительной по площади территории дает представление об использовании строительных материалов в конкретной обстановке, показывает разное отношение населения к тем или иным постройкам в зависимости от природных условий и локальных культурных традиций. Башкирское жилище, подтверждая существование этнографических районов, выявляет свои особенности территориального деления. Как правило, характеристика жилища в пределах того или иного этнографического района цельна, когда однотипны природно-географические условия. В противном случае в пределах локальной территории можно обнаружить несколько достаточно своеобразных микрорайонов.

Мы рассмотрели жилые постройки ряда областей. Можно заметить, что территория распространения отдельных типов жилищ, тем более конструкций, не очерчивается их пределами. Горные районы (Белорецкий и Бураятский) показали один из наиболее завершенных в техническом отношении вариантов. По ряду признаков к оседлому жилищу этих мест близки приуральские избы, отчасти постройки юга Кигинского и Белокатайского района (северо-восток БАССР).

Обращает на себя внимание однотипность жилищ в зоне гор. То же наблюдается в северных районах, близких к Прикамью.

Сходство жилых построек на большом пространстве, от нижней Белой до хребтов Урала, во многом объясняется тем, что лес здесь являлся основным строительным материалом. По другую сторону гор, в Западной Сибири, переход от гористой лесной местности к лесостепи и затем к степи (в Курганской обл.) обусловил появление наряду с бревенчатыми разнообразных жилищ с умеренным использованием дерева (каркасных с земляной засыпкой, двойных плетневых) или даже глинобитных, дерновых. Нарастание новых признаков шло в восточном направлении, между западом и востоком в пределах Челябинской и Курганской областей существовала разница.

Довольно разнообразны постройки и в юго-западных районах Башкирии. Жилища на берегах Демы и Ашкадара в значительной мере отличались от распространенных севернее — по рекам Кармасану, Сюню, Базе. Южный Кумертауский р-н по типу жилищ

приближался уже к оренбургским станицам. Общее с Оренбуржьем наблюдалось также у аулов на юге Хайбуллинского (юго-восточное Зауралье) и Зианчуринского (южные отроги Урала) районов. Можно привести и другие примеры.

Иными словами, описание жилищ по зонам еще раз подтвердило мысль о существовании тесной зависимости построек от наличия определенных строительных материалов. В поймах рек на смену лесу приходили кустарниковые породы, в безлесной засушливой степи — саман и дерн; бревенчатые избы уступали место плетневым мазанкам, глинобитным и саманным хатам. В зоне, переходной от леса к степи, появились избы с земляной засыпкой и другие разновидности каркасных построек. На этой территории возникли разнообразные традиции.

Сопоставляя жилища разных районов, мы обратили внимание на то, что некоторые из локальных признаков (наличие фундамента, высота пола, устройство крыльца, способы заделки фронтонов и др.) относятся к явлениям сравнительно поздним. Ранние аульные жилища — четырехстенные наземные срубы с двускатными корьевыми крышами и полуоткрытыми фронтонами — были однотипными во всей лесной зоне, включая горно-лесную область и север Башкирии. Возможно, это жилище в зоне лесов и гор — наиболее ранняя стационарная форма; в дальнейшем в пределах этнографических районов оно претерпело некоторые изменения — сложились локальные варианты.

В целом процесс развития постоянных форм жилища у башкир имеет, как видно, многовековую протяженность. Его начальный этап, по всей вероятности, находится за гранью формирования культуры современного этноса и связан с историей жилища не только пришедших кочевых племен, но и раннего оседлого населения Южного Урала и Прикамья.

¹ *Абдулов М. Х., Кулагин Ю. Э.* Леса и их охрана. — В кн.: Природные ресурсы Башкирии и их охрана. Уфа, 1975, с. 125—126.

² МЭЭ 1971, 1972 гг., дневники автора.

³ *Калимуллин Б. Г.* Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978, с. 102.

⁴ МЭЭ 1971; *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — Труды ИЭ, 1956, т. 31, с. 69.

⁵ МЭЭ 1970, 1972 гг., дневники автора. В других областях у русских и украинцев этот способ назывался «рыбий хвост», «немецкий замок» (*Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки..., с. 69).

⁶ *Калимуллин Б. Г.* Башкирское народное зодчество, с. 70.

⁷ МЭЭ 1959 г., дневники автора.

⁸ *Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб., 1854, с. 251.

⁹ МЭЭ 1959 г., дневники автора.

¹⁰ Его называли «кара бура» (буквально «черный сруб»). МЭЭ 1972 г.

¹¹ МЭЭ 1977 г., дневники автора.

¹² МЭЭ 1959, 1970 гг., дневники автора.

¹³ Например, в дер. Второе Иткулово из 140 домов более 100 имели плоские земляные крыши (МЭЭ 1971 г., дневники автора).

¹⁴ *Проф. Сомье.* О башкирах. — Зап. УОЛЕ, Екатеринбург, 1891—92 гг., т. XIII, вып. 1., с. 30—31.

¹⁵ *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки..., с. 105—106.

¹⁶ Там же, с. 108—109.

¹⁷ МЭЭ 1971, 1975 гг., дневники автора.

- ¹⁸ Такая четырехскатная крыша зафиксирована в дер. Кадырово Давлекановского р-на (1969 г.), двухскатная — в дер. Иске-Еней Краснокамского р-на БАССР (1960 г.) и в других местах.
- ¹⁹ Крашенинников Н. Угасающая Башкирия. М., 1907, с. 12.
- ²⁰ Никольский Д. П. Опыт санитарно-статистического исследования дер. Старо-Соболевой Саринской волости Екатеринбургского уезда. — Пермские губ. ведомости, 1883, № 85.
- ²¹ Никольский Д. П. Из поездки к лесным башкирам. — В кн.: Землеведение. М., 1895, т. II, кн. 4, с. 55.
- ²² МЭЭ 1977 г., дневники автора.
- ²³ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799, ч. 2, с. 89.
- ²⁴ Небольсин П. Рассказы проезжего, с. 251.
- ²⁵ Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1867, с. 32.
- ²⁶ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир. — Зап. Географического об-ва СССР, 1925, т. 43, вып. 2, с. 208.
- ²⁷ МЭЭ 1971, 1981 гг., дневники автора.
- ²⁸ МЭЭ 1959 г., дневники автора.
- ²⁹ Башкирские шежере. Уфа, 1960, с. 27—28.
- ³⁰ Шитова С. Н. Постройки типа землянок у башкир. — В кн.: Культура и быт башкир. Уфа, 1978, с. 37—52.
- ³¹ Руденко С. И. Башкиры..., с. 207.
- ³² МЭЭ 1969, 1970, 1972 гг., дневники автора.
- ³³ МЭЭ 1977 г., дневники автора.
- ³⁴ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки..., с. 148.
- ³⁵ МЭЭ 1960 г., дневники автора.
- ³⁶ МЭЭ 1963, 1969, 1970 гг., дневники автора.
- ³⁷ Фотоматериалы М. А. Круковского хранятся в Гос. музее этнографии народов СССР в г. Ленинграде (Фототека, № 5472).
- ³⁸ МЭЭ 1970 г., дневники автора.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Фототека сектора этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР.
- ⁴¹ МЭЭ 1971 г., дневники Р. М. Султанова.
- ⁴² МЭЭ 1971 г., дневники автора.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ МЭЭ 1971 г., дневники Р. М. Султанова.
- ⁴⁵ ВЭМ, фототека, № 11232.
- ⁴⁶ Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910, с. 250.
- ⁴⁷ Там же, с. 229, 252.
- ⁴⁸ Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Современное колхозное жилище северных башкир. — В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962, т. 1, с. 269.
- ⁴⁹ Этнографические экспедиции 1963, 1965, 1968, 1977, 1979 гг. Материал автора.
- ⁵⁰ МЭЭ 1959, 1977 гг., дневники автора.
- ⁵¹ МЭЭ 1968 г., дневники автора.
- ⁵² МЭЭ 1959, 1977 гг., дневники автора; Архитектурная экспедиция Б. Г. Калимуллина, 1954 г. (Фототека сектора этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР).
- ⁵³ МЭЭ 1959, 1968, 1977 гг., дневники автора.
- ⁵⁴ МЭЭ 1972 г., дневники Р. М. Султанова.
- ⁵⁵ Никольский Д. П. Опыт санитарно-статистического исследования... — Пермские губ. ведомости, 1883, № 85.
- ⁵⁶ МЭЭ 1972 г., дневники автора.
- ⁵⁷ Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899, с. 40.
- ⁵⁸ МЭЭ 1972 г., дневники Р. М. Султанова.
- ⁵⁹ Сведения записаны в деревнях Шарипово Альменевского р-на Курганской обл., Сурыково Аргаяшского и Туктубаево Сосновского р-на Челябинской обл., МЭЭ 1972 г.
- ⁶⁰ МЭЭ 1972 г., дневники Р. М. Султанова.
- ⁶¹ Руденко С. И. Башкиры..., с. 212.
- ⁶² МЭЭ 1972 г., дневники автора.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВРЕМЕННЫЕ ЛЕТНИЕ ЖИЛИЩА

Люди старшего поколения в качестве основных жилищ на летовках в большинстве случаев называют юрту или бревенчатые домики. Можно обозначить два обширных региона, где то или другое из названных жилищ преобладало: в степи это была юрта, в горах — избышки. На стыке природных зон разные типы жилищ сосуществовали.

Во второй половине XIX в. на временных поселениях башкир, кроме войлочных решетчатых юрт — распространенного жилища средневековых кочевников — и срубных построек, можно было обнаружить разнообразные по устройству сооружения: юртообразные строения столбовой конструкции, конические, сферические и двускатные шалаши, постройки прямоугольные и в форме усеченной пирамиды. Для их покрытия иногда употребляли войлок, но гораздо чаще — природные материалы: кору, луб, дерево, траву, в степной местности — лозу и даже дерн. В предпочтении того или иного строительного материала влияние природной среды оказывалось бесспорным. В выборе же формы жилища этот фактор не всегда был решающим. Большую роль играли, как видно, культурные традиции племен, влившихся в состав башкирской народности.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ВРЕМЕННЫХ ЖИЛИЩ

ЮРТЫ

Под названием «тирмэ ей», «тирмэ» у кочующих башкир существовало несколько круглых в плане строений, различавшихся конструктивно. По принципу возведения стен башкирские юрты можно разделить на две группы: решетчатые и столбовые. Среди решетчатых по устройству купола выделялись две формы, получившие в этнографической литературе известность как тюркская и монгольская¹. Столбовые юрты также обнаруживали некоторые местные особенности, хотя классификации поддавались слабо.

Решетчатые юрты тюркского типа, распространенные в прошлом не только у башкир, но и у казахов, части киргизов, каракалпаков, кочевых узбеков, описаны во многих этнографических работах прошлого и настоящего столетий. Наиболее систематизированные сведения можно найти у Б. А. Куфтина². На фотографиях, помещенных в его книге, зафиксированы процесс установки юрты, общий вид в собранном состоянии, интерьер. В нашем распоряжении находится идентичный материал, касающийся башкир: мы имеем редкую фотоколлекцию венгерского ученого Месароша Дьюлы, посе-

тившего в начале века кочевья лесостепных башкир³. Снимки запечатлели летние поселения, отдельные моменты сборки юрт, их устройство. Сравнивая эти фотографии с материалами Б. А. Куфтина, можно прийти к заключению, что юрты, распространенные в южных башкир, в основных частях проявляли сходство с казахскими.

Стены юрт (кирэгэ, тирэс) состояли из звеньев — решеток вытянутой прямоугольной формы (канат — буквально «крыло»), связанных из узких, слегка выгнутых планок (шыта). По числу звеньев («крыльев») определялась величина юрты. В начале XX в., когда кочевья доживали свой век, существовали юрты главным образом из пяти-шести решеток. Прежде такие жилища считались маленькими, у состоятельных башкир были юрты из семи-восьми «крыльев». В преданиях повествуется о грандиозных сооружениях из 10—12 звеньев⁴.

В тюркских юртах планки решеток скреплялись друг с другом ремешками. Ремешки продевались в дырочки, просверленные в местах соединения планок; на концах ремешков завязывались узелки. При сборке юрты решетка легко складывалась, при установке — растягивалась до уровня среднего человеческого роста; ширина решетки достигала 2—2,5 м⁵ (рис. 35).

Устанавливая юрту, решетки скрепляли последовательно: ремешками или веревками из жил связывали, слегка совместив сторонами, первые два «крыла», к ним по кругу подсоединяли третье, затем четвертое и т. д. Между последней и первой решетками оставляли прогал для входа, куда помещали дверную коробку. В верхней части остов стягивали веревкой и украшали специально вытканной узорной шерстяной тесьмой (башкор). После этого принимались за устройство купола. Центральной, связывающей его частью был деревянный обод (сагарак, сагырак, тагарак) диаметром около 1,4 м, редко больше. Обычно он состоял из двух половинок. В ободе под небольшим углом сверлили отверстия, куда вставляли уплощенные жерди свода — ук (буквально «стрела»). Количество жердей зависело от размеров жилища; в юртах средней величины их было около 100. Выструганные из ивы или березы жерди имели длину около 2 м, с нижнего конца они были слегка выгнуты. За счет этой особенности, характерной для тюркских юрт, приподнимался и выравнивался свод, увеличивалось внутреннее пространство юрты.

Форму купола завершали дуги, вставленные в обод сверху. Они располагались двумя группами (на юго-востоке — по пять-шесть штук, кое-где на юге — по три-четыре), перекрещиваясь по центру.

При сооружении купола один или двое мужчин, стоя внутри юрты, поднимали на длинных шестах с развилками (бакан, Һыргауыл) готовый сагарак, остальные участники сборки юрты (обычно женщины) вставляли в него с разных сторон несколько ук, прикрепляя их нижний конец к развилкам планок на решетках. Вслед за тем устанавливали остальные жерди. В нижней части жердей были просверлены отверстия и заранее протянуты ремешки, поэтому сборка не занимала много времени. В выпуклой части, чуть выше ре-

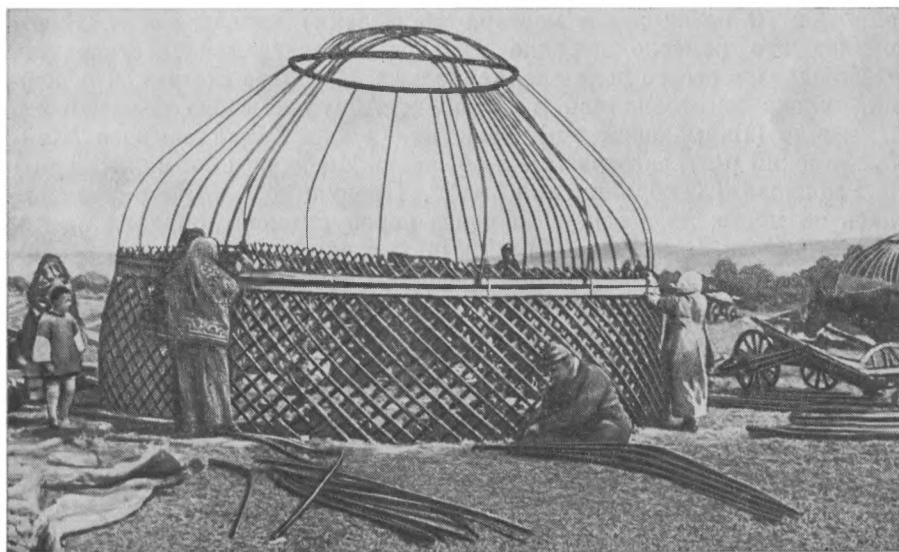
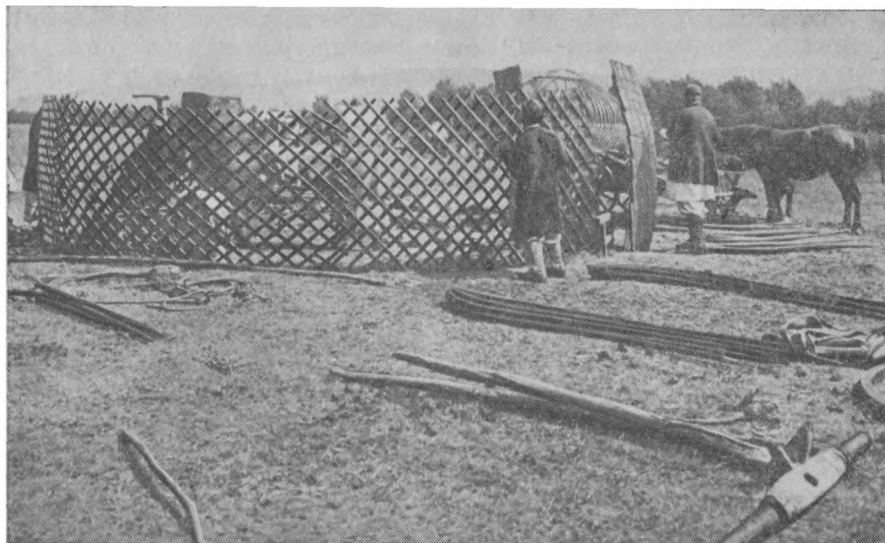

Рис. 35. Установка юрты. Юго-восточное Зауралье. ВЭМ, фототека, № 11204—11205. 1909 г. Материалы Месароша Дьюлы

шеток, жерди купола скрепляли волосяной веревкой, оборачивая ее один раз вокруг каждой из них.

Деревянный каркас покрывали кошмами. На стены шестиканатной юрты обычно шло четыре прямоугольных войлока (кирэгэ кейезе), на купол — три, каждый в форме трапеции (түбэ кейезе,

тэбер). Кошмы сверху перетягивали волосяными веревками (аркан), которыми опоясывали стены.⁴ Затем, перекрестив на куполе, концы веревок закрепляли на колышках (сөй), вбитых около стен в землю.

Центральный круг в куполе юрты был предназначен для ее освещения и выхода дыма. Его закрывали только в непогоду. Для этой цели служил квадратный кошомный полог (төндөк).

Наиболее торжественными считались белые юрты (ак тирмә). Белыми кошмами покрывали жилье для приема гостей. Такие юрты любовно описывают сказители, повествуя о значительных событиях прошлого. В XIX в. жилище, покрытое светлым войлоком, свидетельствовало о состоятельности семьи, вызывало почет и признание со стороны соплеменников. Юрты основной массы башкир имели темное покрытие в цвет овечьей шерсти (кара кейез, кызыл кейез).

Дверь тюркской юрты была деревянной, одно- или двустворчатой. Иногда, как и весь остов, ее красили в красно-коричневый цвет.

В конце XIX в. тюркские юрты существовали в юго-восточной степной и лесостепной Башкирии, по южным отрогам Урала и в оренбургских степях. Вместе с другими видами построек их можно было увидеть в восточном Зауралье, а немногим раньше — и на юго-западе Башкирии. В аулах юго-востока (в современном Хайбуллинском, Баймакском районах, а также на юге Абзелиловского) еще лет 70 назад жили мастера по выделке каркасов юрт. В тот период это ремесло нередко являлось средством существования. Наблюдалась своего рода специализация. И сейчас помнят, что жерди купола изготавливались в деревнях Абдулкаримово, Куватово и Янгазино (Баймакский р-н), решетки — в дер. Абдулнасырово (Хайбуллинский р-н), заготовки для обода — в Ишберде (Баймакский р-н) и Рафикове (Хайбуллинский р-н)⁶. Продукция частично расходилась на месте, но в основном через перекупщиков попадала на ярмарки в Орск, Оренбург, Тургай. Покупателями были казахи и башкиры; последние — из районов, расположенных по другую сторону Уральских гор и в оренбургских степях, где отсутствовал необходимый материал и почти исчезли навыки изготовления такого рода жилищ. Именно этим обстоятельством, а не только культурными традициями объясняется сравнительно широкое распространение тюркской юрты в Башкирии и за ее пределами.

Решетчатая юрта монгольского типа имела несколько меньшие размеры, чем тюркская. Она редко состояла более чем из пяти решеток. Планки решеток в местах пересечения связывались крест-накрест веревочками или ремешками. Количество жердей купола колебалось от 60 до 80. Жерди по всей длине были прямыми. Наиболее характерная форма крыши монгольской юрты — слегка усеченный конус с широким основанием.

Среди башкир встречалось несколько разновидностей монгольских юрт. В восточном Зауралье (Челябинская и Курганская области) прямые жерди вставляли наверху в обод. Решетки укрепляли врытыми внутри помещения по кругу столбами. Юрты, сходные с восточнозауральскими, наблюдались также у некоторых южных башкир (на территории Кутарчинского и Зиянчурского районов БАССР),

Информаторы отмечают, что юрты с прямыми жердями купола существовали здесь наряду с тюркскими, но считались жилищем малосостоятельных башкир. Двери в таких постройках были из войлока.

В Зианчуринском р-не, по воспоминаниям старых людей, остов юрты скреплялся тремя деревянными брусьями-ободами. Два больших обода привязывались к вкопанным по кругу столбам: один у земли, другой на высоте около 1,3 м. В них вставляли планки решето, располагали их крест-накрест. В верхний круг упирались жерди купола. На их верхние концы насаживали сравнительно небольшой обод, завершающий свод⁷.

В бассейне Демы кошомные юрты имели несколько иное устройство. Здесь в центре помещения вкапывали столб (ныклык, урта багана) и от него протягивали к решеткам толстые веревки (канат). Их привязывали к планкам остова, оставляя длинный конец, который выводили наружу и закрепляли кольшками, врытыми на некотором расстоянии от стен постройки. Такие юрты имели остроконечную крышу. Край войлока выступал за стены и удерживался в расправленном состоянии веревками, натянутыми с помощью кольшков (рис. 36). «Карниз» предохранял стены от намокания во время дождя. Такие юрты сооружали иногда из четырех решеток⁸. По внешнему виду четырехугольные юрты приближались к другой группе построек — прямоугольных в плане, особенно к тем из них, которые имели четырехскатную крышу (см. ниже).

Круглые в плане жилища со столбовым каркасом, покрытым кошмами, силуэтом напоминали демские решетчатые юрты. Они были распространены примерно в том же регионе — на юго-западе Башкирии, местами у южных отрогов Урала. Но даже на столь ограниченной территории встречалось несколько вариантов конструкций.

В среднем течении Демы (Альшеевский р-н) их остов состоял из 30—40 крепких жердей высотой около 2 м и центрального трехметрового столба. От жердей к вершине столба были протянуты крученые веревки из конского волоса. При необходимости можно было сравнительно быстро установить связанный заранее каркас жилища, врыв посередине центральный столб и закрепив в земле остальные жерди. Из кошм делали не только покрытие, но и дверь. Такие же постройки встречались в прошлом кое-где на юго-востоке Башкирии⁹.

В демском бассейне существовали круглые столбовые жилища и иного устройства. Длинные жерди, образующие стены, на уровне 1,3 м надламывались и пригибались к центральному столбу. Вершины их связывались¹⁰. Подобные сооружения, но без центральной опоры встречал в горах у истоков р. Белой среди башкир катайцев С. И. Руденко. В отличие от демских эти постройки (называемые здесь «аласык») крыли берестой (рис. 37). С. И. Руденко детально описывает их: «В земле по кругу вбиваются от 20 до 30 жердей; на высоте около 1 м жерди эти подсекаются снаружи и надламываются; их вершины соединяются вместе у центра и связываются. Снаружи аласык покрывается большими кусками бересты, поверх

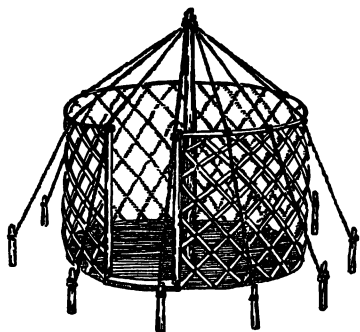

Рис. 36. Юртообразные жилища с веревочными стропами — основой крыши. Рис. Н. А. Черзор (по сведениям, собранным автором в экспедиции 1969 г.)

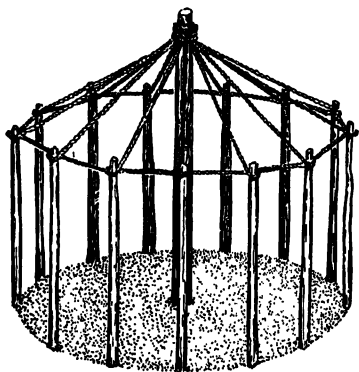
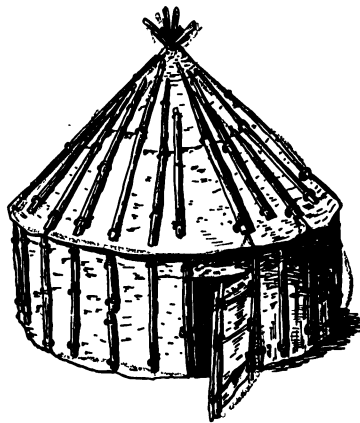
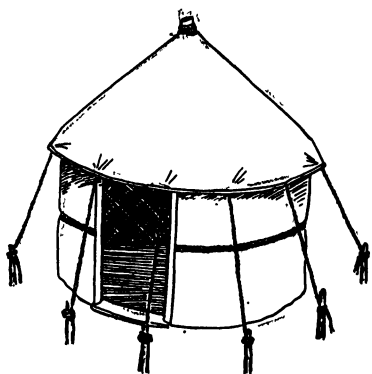
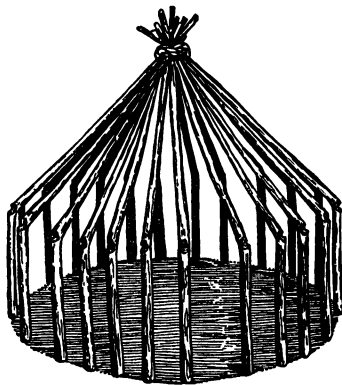

Рис. 37. Берестяная юрта. Рис. М. Д. Кузнецова (по данным С. И. Руденко)

которых над каждой жердью накладываются легкие и длинные жердочки; последние сквозь отверстия, проделанные в бересте, связываются лыком с жердями остова, благодаря чему получается прочное сооружение. Между двумя жердями цилиндрической части алаык оставляется отверстие, закрываемое дверью, сделанной также из кусков бересты, укрепленной на легкой раме. При перекочевках береста перевозится, а остов остается на месте»¹¹.

В конце XIX в.— начале XX в. на летовках башкир юго-восточного степного Зауралья среди прочих жилищ можно было увидеть шести- и восьмигранные складные постройки, напоминающие юрты. Они составлялись из дощатых щитов, образующих стены, и пирамидальной крыши. Части соединялись друг с другом железными крючьями и зажимами. В центре крыши оставалось небольшое отверстие для дыма. С. И. Руденко отмечал, что такие сооружения появились у башкир на рубеже нашего века и изготовлялись по большей части русскими плотниками¹². Многоугольные жилища, заменившие в Троицком уезде Оренбургской губ. решетчатые юрты, для башкир в целом не характерны.

Все описанные постройки юртообразного типа были переносными. Их остов легко разбирали и, переправив на новое место летнего поселения, за короткое время восстанавливали. Поставив жилище, без особых усилий создавали интерьер. Существовали определенные правила в расположении предметов внутри помещения. Особенно это касалось решетчатой юрты — временного жилища с наиболее сложным внутренним убранством. Обычно вещи располагали вдоль стен, оставляя свободной середину. В центре постройки находилось место для очага. Под отверстием в куполе вырывали в земле неглубокую лунку и над ней устанавливали треножник для котла. В юго-восточном Зауралье лунку обкладывали камнем; котел опирался на каменное основание в форме незамкнутого кольца.

Пол в юрте устилали сухой травой. Жилое пространство организовывалось относительно центра. На дальней половине юрты за очагом находилось почетное место (түр як, түр баш). Поверх травы здесь расстилали кошмы и паласы. В этой части принимали гостей и устраивали домашние трапезы. В расстановке вещей и утвари наблюдался определенный порядок. Правая от входа сторона юрты считалась женской. Здесь стояли посудные шкафчики и лавки, находились турсуки с кумысом, кадочки с айраном и медовой, короба и корзины с сырами, хранились посуда и пищевые припасы. В левой части юрты, более парадной, стояли на деревянных подставках кованые сундуки с имуществом, на них была сложена постель: одеяла, подушки, нашитые на войлок цветные паласы. По стенам развешивали выездную упряжь, седла, оружие, нарядную одежду. Некоторые авторы прошлого столетия в противоположность правой, женской, стороне юрты считали эту часть помещения мужской¹³. Практически такого понятия в народе не существовало, поскольку выделение женской половины было в некоторой мере условным. Занавес, разделяющий части жилища, задергивали лишь при гостях или на ночь. За ним могли спать взрослые дети или женатый сын с невесткой. В юртах некоторых состоятельных башкир можно было встретить низкие кровати с резными деревянными спинками.

Внутреннее убранство юрты зависело от степени обеспеченности семьи: чем она была богаче, тем многочисленнее и роскошнее предметы обихода, красочнее интерьер. Традиционное внутреннее убранство сохраняли юрты юго-восточных зауральских и южных оренбургских башкир еще во второй половине XIX в. Описание такого жи-

лица мы встречаем в путевых очерках П. Небольсина: «Мы часто ходили в гости к башкирцам и заметили, что внутреннее убранство кибиток почти у всех у них одинаково. У одной стены приставляется кровать с щегольской постелью и с ситцевым или выбойчатым стеганом не на вате, а на верблюжьей шерсти одеялом, запрятываемом на день под войлоки, под ковры; по сторонам расставляются разные кадочки, сундуки, сундучки, скамейки, самовар, чайные приборы, кумганы, или особого рисунка чугунные рукомойки в ярко вычищенных больших медных тазах, ведра и лохани для кумыса, небольшие «турсуки» и огромные «сабо», сделанные из цельной шкуры, снятой с конской ноги: в них приготавливается и хранится кумыс; красные деревянные чашки и прелестные ковши, «черпаки», выточенные весьма затейливо и искусно из дерева, липы или березы; ведра, сшитые из коньевой кожи, «челяки», высокие узенькие кадочки, большие чугунные котлы с ушами и прочая утварь. Самым лучшим украшением кибиток бывают мужские и женские ярких цветов платья, развешенные на жердочках; оружие, конская сбруя и разные принадлежности охоты и, наконец, ковры, разостланные по земляному полу поверх войлоков, по скамьям и по сундукам»¹⁴.

Роскошным было убранство специальных гостевых юрт, сохранившихся кое-где на юго-востоке еще в конце прошлого столетия. Коврами здесь устилали весь пол, украшали стены. Поверх них раскладывали стеганные постилки и подушки. На подставке у входа стоял сосуд с кумысом, висели резные ковши для угощения. В таких юртах принимали приезжих гостей, отмечали семейные торжества.

КОНИЧЕСКИЕ И ПОЛУСФЕРИЧЕСКИЕ ШАЛАШИ

Особую группу круглых в плане жилищ составляли конические шалаши (кыуыш). Их остов состоял из прямых скрепленных вершинами жердей. Конические шалаши встречались в горно-лесной зоне, в Приуралье (среднем Забелье), кое-где по южным отрогам, в лесостепном юго-восточном, реже — восточном Зауралье. В качестве жилища на летовках шалаши ставили горные и лесостепные юго-восточные башкиры. Постройки крыли корой (рис. 38), берестой, дранкой или войлоком. В большинстве же случаев шалаши сооружали на сенокосах и покрывали травой (рис. 39); низ обкладывали дерном.

Наблюдался локальный различия в конструкции шалашей. По западным склонам Урала и в среднем течении р. Белой основу сооружения составляли три связанные вершинами жерди (ес таган). К ним приставляли еще 10—15 жердей и покрывали травой, придавливая покрытие гнетами. Высота постройки была сравнительно небольшой — около 2,5 м.

В горах и в Зауралье каркас опирался на четыре жерди: сначала устанавливали две, вставляя одну из них в развилку на конце другой, между ними располагали другую пару; к ним приставляли до 30 и более тонких жердей. Высота шалашей достигала 3,5—4 м, диаметр приближался к размерам высоты. Остов опоясывали мочальными веревками или лозой, сверху обкладывали корой или дранкой.

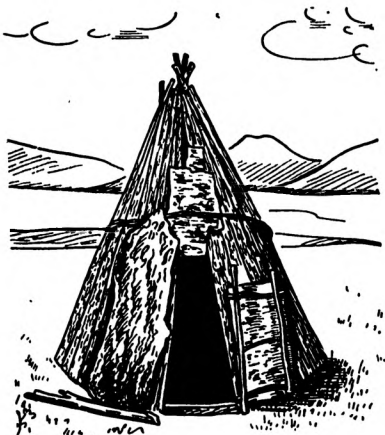

Рис. 38. Корьевой шалаш. Рис. Н. А. Черзор (с фотографий С. И. Руденко)

Рис. 39. Шалаш, крытый сеном. Дер. Серменево Белорецкого р-на. МЭЭ 1976 г. Фото автора

В тех случаях, когда покрытием служили войлок или береста, на каркас надевалось несколько деревянных обручей.

В горах такие же пропорции имели шалаши, крытые слоем веток и травой. В юго-восточном лесостепном Зауралье под траву или войлок подкладывали циновки из камыша. Там, где в шалашах жили на жатве, их утепляли соломенными снопами. Вход покрывали войлоком, деревянным щитом или натянутой на раму берестой.

С переходом к оседлости конические шалаши устанавливали во дворах и жили в них в жаркое время, а зимой, набросив на жерди кошму, держали в таких укрытиях слабый скот, новорожденных ягнят и телят.

У башкирского населения юго-восточного и восточного Зауралья было принято сооружать жилища из жердей купола юрты, связывая их наверху веревкой или вставляя в деревянный обод колеса. Такие постройки назывались «укбаш» или «кыуш». Их возводили, останавливаясь на короткий привал в пути или поселяясь на непродолжительное время на сенокосном лугу. В начале XX в. в таких шалашах на летовках жили некоторые обедневшие башкиры. Жилище оказывалось вместительным: хотя диаметр его основания был небольшим (остов состоял всего из 10—12 жердей), высота достигала 2 м. Каркас покрывали кошмами, оставляя между двумя жердями промежуток для входа. Иногда подобные постройки сооружали для хозяйственных целей — приготовления пищи, хранения утвари и продуктов. Ночью в них могли спать некоторые члены семьи, обычно подростки, дети.

По характеру к таким постройкам близки шалаши с гибким каркасом. Для них подбирали несколько десятков молодых стволов

березы или ивы одинаковой длины, освобождали от мелких ветвей и листьев. При сооружении шалаша устанавливали по кругу семь-восемь жердей, втыкая их заостренным концом в землю, вершины пригибали к центру и связывали мочальной веревкой, веткой тальника или ремешком. Между ними располагали остальные жерди. Остов опоясывали веревкой (билбау) и покрывали тремя-четырьмя кошмами или паласами. Вход прикрывали свисающим войлоком или иногда из лозы сплетали легкую дверь. Получалась своеобразная постройка с округлым каркасом, близким к полусфере. В таких сооружениях жили на сенокосах, иногда на летних стойбищах. Они служили жильем на крайнем юге Башкирии по границе со степью. О подобных жилищах вспоминают старые люди Хайбуллинского, Зианчуринского, Кумертауского, Бижбулякского районов БАССР.

Шире использовались подобные сооружения в качестве подсобных. Нередко на летовках на юге Башкирии устанавливали полусферические шалашы в качестве бань (тал мунса). Предварительно на берегу реки разводили костер, разогревая камни. Затем над камнями устанавливали гибкий каркас, покрывали его кошмами или паласами и, получая пар, мылись.

Внутреннее устройство конических и полусферических шалашей по сравнению с юртами было менее сложным. Огонь в шалашах разводили в исключительных случаях: место для очага особым образом не было оборудовано. Планировка жилища, как и в юрте, осуществлялась относительно центральной линии. В глубине помещения против входа находилось почетное место. Здесь пол поверх вороха травы устилали кошмами и паласами. Иногда сооружали приподнятый помост из досок (урындык), где днем, постелив скатерть, питались, а ночью спали. По стенам жилища на подвесных жердочках и крючьях располагались одежда и упряжь. У входа на отдельном невысоком помосте стояли чайная посуда и сундучок со съестными припасами.

Небольшая площадь временного жилища предусматривала четкое расположение предметов, регламентировала состав вещей. Среди них первое место отводилось постели, второе — утвари. Набор посуды строго ограничивался. Запасов одежды почти не было, исключение делали лишь для парадного платья и украшений, но и эти вещи имели далеко не всегда. Разорение семей вело не только к обеднению костюма, но и к упрощению жилища, хотя закономерность в расположении основных точек интерьера независимо от состоятельности жильцов оставалась.

БРЕВЕНЧАТЫЕ ИЗБУШКИ

Территория, на которой в начале XX в. в качестве летнего жилья использовались бревенчатые домики (бура аласык, бурама; рис. 40), была относительно небольшой: бассейн Инзера и Белой до выхода ее из гор. Этот вид жилья местами встречался и на западных склонах Урала, однако здесь в большей степени были распространены каркасные жилища, крытые корой. Можно предположить, что преж-

Рис. 40. Бревенчатая летняя избушка. Рис. Н. А. Черзор (с фотографий С. И. Руденко)

де (полтора-два века назад и ранее) бревенчатые летние жилища знали башкиры и некоторых северных районов. По словам С. И. Руденко, бурама были известны населению центральной полосы Башкирии — табынцам и кудейцам. Заслуживает внимания также свидетельство Н. Попова о том, что перешедшие к оседлости пермские башкиры с наступлением лета перебираются в вежи — избушки, «наподобие немшоновых амбаров», с крышей из дранки, имеющей отверстие для дыма¹⁵.

Бревна при постройке бурама врубались «в чашку» — способом, широко распространенным не только у башкир, но и у соседних народов. Передняя и задняя более узкие стены делались на три-четыре бревна выше остальных; они завершались углом и служили опорой конька и слег крыши. Плоского внутреннего перекрытия — потолка — в таких жилищах не было. Пол оставался земляным. На покрытие летних избушек шли полубина, кора, дранка из сосновых бревен. Длинные полосы перебрасывали через конек на обе стороны, так что крыша приобретала сглаженную форму. Сверху покрытие придавливали горизонтальными жердями, скрепляя их со слегами. Свет в помещение проникал через дверной проем и щели между неплотно пригнанными бревнами: окон в избушках не было. Иногда под кору настилали слой бересты, чтобы в помещении было светлее.

Дверной проем устраивали с торца. Его завешивали кошмой или закрывали легкой дверью с натянутой на раму корой или лубом. Поскольку слегы выходили далеко за стену постройки, образовывался навес, прикрывавший вход от дождя.

Внутри помещения, справа или слева от входа, у двери, располагался очаг с котлом, на котором в холод и непогоду готовили пи-

щу. Угол крыши над очагом оставался неплотно покрытым, однако дым не уходил сразу наружу, распространяясь внутри помещения. Против очага, у передней и боковой стен, устраивали дощатый помост, где принимали пищу и отдыхали. С. И. Руденко отмечал наличие в летних избушках и обогревательных печей типа каминов (сыуал)¹⁶. Однако это не было общепринятым явлением. В некоторых случаях такая печь с прямой трубой могла выполнять не столько функцию обогревательного очага, сколько дымоотвода: очажок с котлом объединялся с ней в одну систему. Этот факт подтверждают и литературные источники второй половины XIX в. Обычно же авторы указывают на отсутствие очагов в летних избушках, вынесении их за пределы жилого помещения¹⁷. В последнем случае котел устанавливали вблизи входа в жилище, обносили заслоном из коры или плетня. Нередко загородка примыкала к стене домика, образуя своего рода сени.

КАРКАСНЫЕ ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ В ПЛАНЕ ПОСТРОЙКИ

Домики с деревянным каркасным остовом, со стенками из коры, бересты, луба, досок или из плетня были распространены в предгорьях, по южным отрогам Урала, реже — на юго-западе, в междуречье Белой и Демы; отдельные их виды встречались в восточном Зауралье. В таких постройках жили на летних стойбищах, иногда их сооружали на лесных и рудных разработках.

Корьевые жилища (кабык аласык) были распространены по западным склонам Уральских гор и в Приуралье: на территории Архангельского, Гафурийского, Ишимбайского, Мелеузовского, Кугарчинского районов, а также в меньшей степени по южным отрогам — в Хайбуллинском, Зилаирском, Зианчуринском районах. Изредка их можно было увидеть на летовках в западной части Бурзянского р-на, но более основательным жильем здесь считались бревенчатые избушки. С. И. Руденко называл корьевые балаганчики в числе летних жилищ также тамьян-тангауров, кубеляк-телевцев и некоторых других групп по Инзеру и в верховьях р. Белой, хотя и отмечал, что для этих мест подобные постройки малохарактерны.

Корьевые жилища были постоянными и переносными. Наибольшее распространение имели первые. Сооружая их, по углам будущей постройки вкапывали столбы с развилками наверху, куда вкладывали балки — опору крыши. В Гафурийском и Архангельском районах крыша была плоской, слегка приподнятой к широкой передней стене — ко входу (рис. 41). На остальной территории корьевые домики имели двускатное покрытие (рис. 42). Существовали две разновидности таких крыш. Для одних коньковая жердь укреплялась на столбах, врытых в землю посередине узких стен постройки; вход в торце был смещен от центра влево или вправо. Другие корьевые крыши опирались на балки, поднятые на двух парах столбов, вкопанных около узких стен; вход располагался между столбами. Несколько столбов устанавливали также по линии боковых стен. К ним

Рис. 41. Корьево аласык, в прошлом — жилище на летовках. Архангельский р-н БАССР. МЭЭ 1975 г. Фото автора

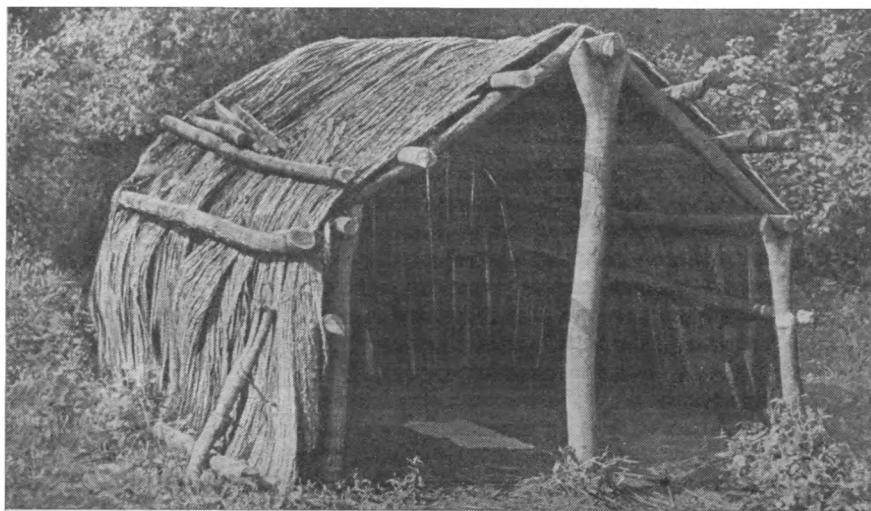

Рис. 42. Каркасный корьево шалаш — временное укрытие рыбаков и охотников. Ишимбайский р-н. МЭЭ 1978 г. Фото Т. К. Новиковой

прикрепляли горизонтальные жерди. Иногда остов перед покрытием обтягивали полотнищем бересты. Закрывая стены, кору или луб приставляли вертикально и придавливали горизонтальными жердями, скрепляя последние с каркасом веревками из конского волоса, лыком или ветками черемухи. На юге Башкирии (Кутарчинский р-н) горизонтальные полосы коры или луба защепляли между двумя

слоями коры, прикрепленными с внешней и внутренней сторон к столбам-стойкам. Внешне это напоминало пазовую технику, широко распространенную в прошлом в строительной практике населения этих мест. Корой, располагая ее рядами или перебрасывая через среднюю перекладину (при двускатной форме), покрывали и крышу.

Преимущественное использование для балаганчиков тех или иных строительных материалов было связано со спецификой лесной растительности зон. Согласно наблюдениям С. И. Руденко, по западным склонам Урала чаще употребляли луб и полубину — липовую кору, оставшуюся после выработки мочала. Аласыки, крытые сосновой или лиственничной корой, встречались только в верховьях р. Белой. Берестяные балаганчики строили больше во внутренних районах Урала (Главный Уральский хребет, хребет Кыркты)¹⁸.

В местности, граничащей со степью и бедной лесом, строили переносные аласыки. Их стены составляли из готовых рам: полосы коры натягивали между деревянными планками и придавливали рейками. Одна из разновидностей подобных аласыков описана П. Небольсиным: «Там, где проезд с места на место удобен для телег, как, например, по степи, аласык делается из четырех частей или сторон. Части эти состоят из лубков, сшиваемых вместе веревками и нашиваемых на планки. Эти четыре стенки при остановке семьи вместе складываются в четырехугольный балаган, концы которого склиниваются; верхние части этого рода лубочных рамок загибаются отовсюду к общему центру и таким манером образуют закругленную крышу и — дом готов; он уже не покрывается ни кошмами, ничем. Для двери с одной стороны выделяется узкое пространство; оно обшивается тоненькими жердочками, составляющими рамку, и к ней привешиваются лубочные лоскуты»¹⁹.

Прежде чем установить щиты, иногда вкапывали угловые стойки. На врытые посередине узких стен бревна с развилками опиралась в таких случаях центральная жердь-матица. Крышу составляли переброшенные полосы коры. О таком усложненном варианте рамочных домиков сохранилось воспоминание в лесостепной части Хайбуллинского р-на (дер. Большеабишево)²⁰. При изготовлении щитов для стен полосы коры располагали здесь горизонтальными рядами; верхний край рамы был ограничен и предусматривал самостоятельное развитие крыши.

В конце XIX в. в низовьях р. Уфы (Иглинский, Нуримановский р-ны) и на запад от р. Белой (Кармаскалинский, Аургазинский, Федоровский р-ны) для стен аласыка стали использовать доски. Дощатые аласыки сохраняли принцип устройства корьевых. В Нуримановском, Иглинском и Кармаскалинском районах их передняя широкая стена была выше остальных (в ней располагался вход), плоская крыша наклонена назад. Южнее, в Аургазинском и Федоровском районах, аласыки имели двускатную крышу, вход устраивали в боковой стене постройки. Каркас делали из бревен и поперечных жердей. Иногда угловые столбы имели развилки для опорных балок крыши. Доски, как прежде в большинстве случаев полосы коры, прикрепляли к остоу вертикально. Коревой оставалась крыша.

Столбовая конструкция — основа корьевых и дощатых аласыков — использовалась также и в тех случаях, когда стены домиков делали из плетня. Временные плетневые постройки сооружались на юге БАССР в местности, бедной лесом. Как летние жилища плетневые аласыки зафиксированы на юге Зилаирского и в Хайбуллинском р-не. В Кумертауском их устанавливали около юрт в качестве кухонь; нередко в них жил на летовке сын с женой. Обычно для таких аласыков на место летнего поселения привозили сплетенные из тальника или черемуховых веток щиты. Вкопав столбы по углам будущей постройки, к ним прикрепляли плетневые стены. На эти столбы и на стойки, врытые посередине торцовых сторон, опиралась балка крыши. Покрытие (траву или солому) накладывали на плотный настил из жердей и веток. Иногда обходились без угловых опор, скрепляя щиты-стены друг с другом.

В Зилаирском р-не стенки плетневых аласыков делали одинаковой величины; крыша из вороха травы или соломы имела пирамидальную форму (дер. Староякупово)²¹. Такая постройка со смяченными гранями и углами отдаленно напоминала юрту.

Прежде плетневые постройки использовались на временных поселениях и на юго-западе Башкирии — по берегам рек Демы и Апкадара. По сей день плетневые летние кухни с соломенной или дерновой крышей, сооруженные по подобию временных жилищ, можно увидеть в усадьбах Федоровского, Стерлибашевского, Аургазинского районов. Большинство таких построек имеет двускатную, слегка приподнятую по коньку крышу. По берегам средней Демы (Альшеевский, Давлекановский р-ны) встречаются плетневые кухни-аласыки близкой к квадрату формы с округленными углами, с пирамидальной соломенной крышей.

Характеризуя прямоугольные каркасные жилища с вертикальными стенками, следует сказать о постройках с покрытием из кошм (көймә). Их основой являлась деревянная рама, поднятая на столбах на высоту человеческого роста. Покрытие поддерживала положенная вдоль рамы перекладина. Войлок предварительно сшивали в полосы такой длины, чтобы можно было, перекинув его через каркас, закрыть противоположные стены. Дверей не было: входили в помещение с торца, приподняв край кошмы. Такие летние балаганы зафиксированы у башкир в окрестностях озера Аслыкуль и в низовьях Демы²². Н. Харузин со ссылкой на Г. Аваньева сообщает о существовании «куй-мә» — особых передвижных кибиток, установленных на арбах у ногайцев, замечая при этом, что ногайцы, «насколько нам... известно, представляют единственный пример народности из числа живущих в пределах России тюрков или монголов, которые сохранили еще подвижные перевозимые целиком жилища»²³. Несколько веков назад — и это было известно Н. Харузину — такие жилища использовались кочевниками довольно широко.

У башкир в конце XIX — начале XX в. о древних жилищах на колесах напоминали не только вышеописанные жилища, но и балаганчики, сооружаемые кое-где над телегами. М. А. Круковский, путешествуя по Южному Уралу в начале нашего столетия, на одной

из башкирских кочевков, кроме «постоянных кошей» (т. е. юрт или шалашей.— *С. III.*) видел передвижные кибитки. «Это были холщовые палатки, раскинутые над самой телегой, к которой для этого прикрепляются палки в виде подпорок... Такие передвижные коши,— замечает М. А. Круковский,— устраивают более бедные башкиры»²⁴. В начале 60-х годов нам удалось видеть телегу с холщовым покрытием у перегонщиков скота на горных дорогах Ишимбайского р-на²⁵.

В отдельных пунктах восточного Зауралья в качестве летних жилищ использовали шатры (сатыр). В их основе лежала конструкция из двух пар стоек; за счет мягкого покрытия характерной склоненной по углам формы получались наклонные стенки, значительно увеличивалась внутренняя площадь. Богатые башкиры устанавливали шатры около юрт и аласыков, а с прекращением кочевья — у себя на усадьбе. Временное укрытие от летнего зноя покрывалось чехлом, спитым из полос фабричной ткани, иногда — из плотного шелка. Натянув на каркас покрывку, углы растягивали в стороны и закрепляли у земли колышками.

Силуэт шатра повторялся в каркасных постройках в форме усеченной пирамиды. Их опорой являлись угловые столбы и бревенчатая рама. К ней приставляли наклонно жерди, разрубленные бревна, доски: плоский накат из жердей покрывал верхнюю плоскую часть сооружения. В восточном Зауралье такие постройки служили жильем обедневших семей на кочевках. Покрытые пластами дерна (ер кыуыш, кэс кыуыш), они могли использоваться в течение нескольких сезонов. Сооружения подобной конструкции знали и в районах Башкирии. В Татышлинском р-не сохранилось воспоминание о том, что в подобных постройках жили основавшие аул первые поселенцы. Костер чаще разводили у входа снаружи. Позже дерновые балаганы с деревянным каркасом строили рабочие на лесоразработках (дер. Верхнекудашево). Временные жилища с плоской крышей и наклонными стенками сооружали пастухи, отгонявшие на лето скот в горы (Архангельский р-н); здесь их крыли корой. В 20—30-е годы такие постройки можно было увидеть кое-где в забельских усадьбах²⁶.

В иных случаях деревянный каркас внушительных размеров покрывали ворохом травы, оставляя место для двери. Получался вместительный шалап высотой 3—4 м, напоминавший продолговатый стог сена. В прошлом такие шалапы ставили на сенокосах. Их можно было встретить в непосредственной близости и на запад, и на восток от Уральских гор. В 50—60-е годы приходилось наблюдать, как подобные сооружения иногда использовались колхозниками в качестве подсобных производственных помещений, в частности кумысоферм²⁷.

Из числа временных летних построек лишь один тип — двускатный шалап — никогда не встречался на кочевых поселениях. Он мог быть жилищем на сенокосе, на поле во время жатвы, иногда в нем укрывались на ночь рыболовы или охотники. В двускатных шалапах на дальних пастбищах жили пастухи. На большей части Башкирии этой постройки вообще не существовало. Ее можно было увидеть в западных и северных районах, главным образом до

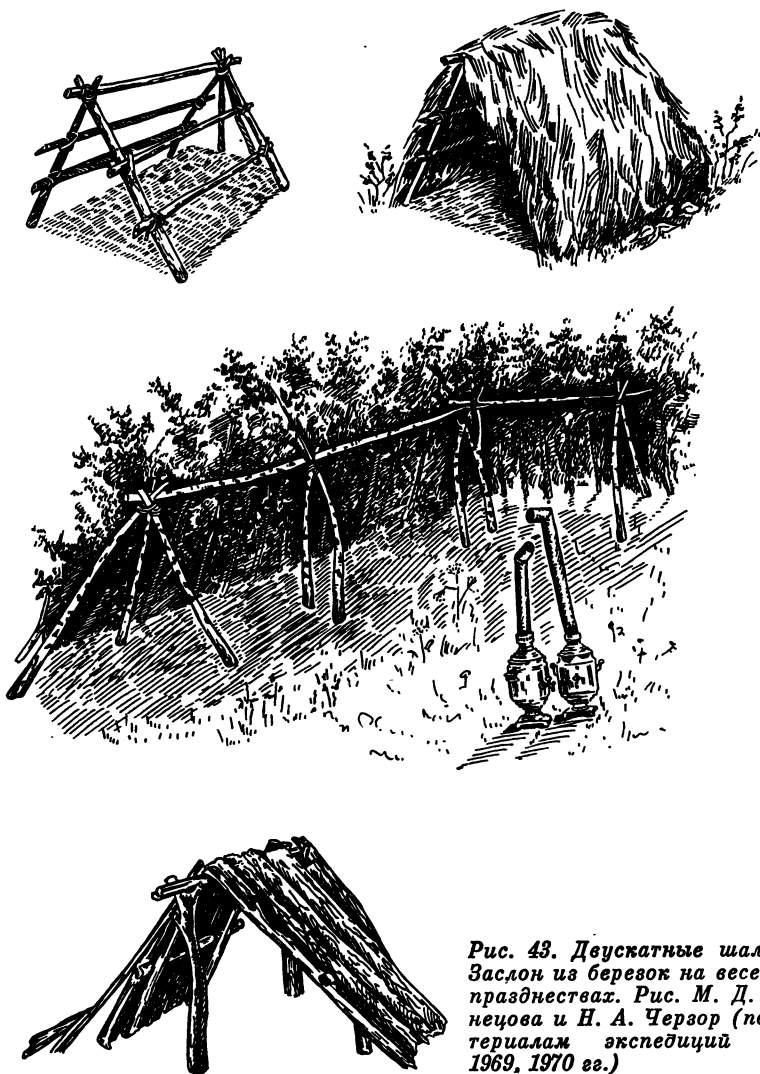

Рис. 43. Двускатные шалаши. Заслон из березок на весенних празднествах. Рис. М. Д. Кузнецова и Н. А. Черзор (по материалам экспедиций 1959, 1969, 1970 гг.)

Уральских гор, редко — в отрогах Южного Урала (в горной зоне были распространены конические шалаши).

Основой двускатных шалашей (рис. 43) была жердь, положенная в развилки вкопанных в землю столбов. К ней приставляли две-три пары наклонных жердей и лыком или тальниковым прутом закрепляли горизонтальные следи. Покрытием служили ветки, трава, солома. Иногда низ шалашей, защищая их от дождевых потоков, обкладывали пластами дерна. Местами в предгорье такие шалаши крыли корой. В некоторых случаях на каркас натягивали войлок или плотную, сшитую полосами ткань.

Интерьер во временных жилых постройках был четко организован лишь в тех случаях, когда имелся очаг. Место для таганка с котлом оставляли в одном из углов у входа. Однако в описанной группе построек в конце XIX — начале XX в. огонь разводили редко, пищу предпочитали готовить под открытым небом. Деревянные же нары часто оставались и тогда, когда очаг выносили за пределы помещения. Лишь в шатрах, войлочных балаганах и в двускатных палашах кошмы предпочитали расстилать на полу поверх веток и травы.

О РАЗНОВИДНОСТЯХ ВРЕМЕННЫХ ЖИЛИЩ В ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЗОНАХ

Среди большого числа разнообразных по устройству временных жилищ не отмечено таких, которые существовали бы на всей территории. Каждая из построек имела распространение на сравнительно ограниченном пространстве и была связана с однотипными природными условиями.

В то же время редко случалось, чтобы население сооружало лишь один вид жилища. При несомненной изобретательности, когда при благоприятных обстоятельствах предпочтение почти всегда отдавалось какой-либо из построек, практиковалась не только многовариантность внутри данного типа, но и возведение принципиально иных форм. Строительные традиции, сложившиеся постепенно, благодаря накоплению опыта многих поколений, отражают, как говорилось выше, и разнохарактерность этнокультурных пластов, легших в основу башкирской народной культуры.

Сочетание жилищ разного облика придавало свой колорит башкирским летним поселениям той или иной географической зоны. На территории, где кочевые формы в непосредственном или пережиточном виде продолжали существовать до начала XX в., можно выделить несколько относительно однородных в этом плане районов.

В горно-лесной зоне (у населения Бурзянского и Белорецкого районов) основным жилищем на летовках были крытые корой или дранкой бревенчатые избушки. На сенокосных поселениях жили в огромных конических палашах типа чумов, крытых травой. На кочевках в западной части Бурзянского р-на наряду с бревенчатыми можно было встретить корьевые аласыки, однако корьевые жилища по сравнению со срубными считались в этих местах «бедняцкими».

В Забелье — области, лежащей полосой между р. Белой и Уральскими хребтами (Архангельский, Гафурийский, Ишимбайский, Мелеузовский районы), основными летними постройками были корьевые, позже — дощатые аласыки. Кое-где в непосредственной близости гор можно было, хотя и редко, встретить бревенчатые домики. Двускатные палаша и постройки в форме усеченной пирамиды служили жильем пастухов, отгонявших скот на лето в горы, — в тех

случаях, когда жители деревни переходили к оседлому образу жизни (Архангельский р-н).

В южных районах (Кугарчинский, Зианчуринский, Зилаирский) вместе с корьевыми аласыками на летовках встречались крытые корой шалаши-чумы и юрты, реже — плетневые аласыки. На сенокосах и во время жатвы жили в двускатных шалахах, крытых корой, сеном, обложенных снопами. В этой же местности встречались полусферические постройки с войлочным покрытием.

В юго-восточном Зауралье (Баймакский, Абзелиловский, Хайбуллинский р-ны) — преимущественно в степной и лесостепной местности — основным кочевым жилищем были юрты. Для летних поселений в наибольшей степени характерны круглые в плане жилища. Кроме решетчатых юрт, встречались жилища из жердей купола юрты, конические и сферические шалахи; их покрытием нередко служил войлок. В конических шалахах жили и на сенокосах.

Как вынужденные формы (жилища бедных) в горно-лесной области воспринимались корьевые и плетневые прямоугольные постройки. Они были составными: готовые стенки (сплетенные из тальника или сделанные из натянутых на раму полос коры) при перекочевках перевозились на место нового поселения. Характерно, что прямоугольные жилища называли здесь, как и конические шалахи, «кыуыш»; слово «аласык» было малоупотребительно.

В восточном Зауралье (в Курганской и Челябинской областях и в Учалинском р-не БАССР) юрта на летних поселениях являлась не только основным, но часто и единственным жилищем. К началу XX в. в некоторых районах Челябинской обл. получили распространение многогранные дощатые юрты. Более простой формой был полусферический шалах из жердей купола юрты. На ограниченной территории (Альменевский р-н Курганской обл.) в исключительных случаях летним жилищем могли служить постройки в форме усеченной пирамиды — из жердей, обложенных дерном. На сенокосах вблизи гор сооружали такой же формы шалахи и крыли их травой.

На юго-западе (в бассейнах Демы, Уршака и Ашкадара) были приняты различной конструкции (чаще столбовые) войлочные юрты и прямоугольные аласыки с плетневыми, корьевыми, дощатыми, войлочными стенками. На сенокосах жили в двускатных шалахах. Ближе к р. Белой (в Кармаскалинском, Аургазинском, Стерлитамакском районах) сооружали небольших размеров конические шалахи, крытые камышом, войлоком или обложенные снопами соломы, сеном. При разнообразии временных жилищ на юго-западе трудно установить вид построек, бесспорно преобладающих: в конце прошлого столетия кочевание здесь сохранялось в пережиточной форме и организованных временных поселений уже не было.

Напротив, у оренбургских и иргиз-камеликских башкир при длительном сохранении выездов на летние пастбища кочевые поселения состояли из однородных жилищ — решетчатых юрт. Рядом с ними изредка можно было увидеть покрытые кошмой полусферические постройки из жердей купола юрты. Они служили жильем для бедных семей или выполняли функцию хозяйственных помещений.

Описанные комплексы построек на летних поселениях башкир могут служить одним из признаков при характеристике этнолокальных групп, тем более что во многих случаях они полностью или частично совпадают с районами, выделенными этнографами на основе изучения хозяйства и других аспектов материальной культуры народа.

Что касается обширной северной территории, где население сравнительно рано прекратило кочевание, установить все существовавшие здесь некогда формы временных жилищ представляется затруднительным. Архаичные постройки сохранялись здесь лишь в качестве жилищ на промыслах (балаганы) или как заслоны от ветра и зноя (двускатные шалаши, наклонные щиты-заслоны) на сенокосах, жатвах.

Немало черт, присущих временным жилищам, можно обнаружить в приусадебных хозяйственных постройках.

- ¹ Харузин Н. Н. История развития жилищ у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России.— Этнографическое обозрение, 1896, вып. 1—2, с. 24.
- ² Куфтин В. А. Киргиз-казаки. Культура и быт.— В кн.: Этнологические очерки. М., 1926, № 2, с. 19—34.
- ³ ВЭМ, фототека № 11202—11205, 11213, 11214 и др.
- ⁴ В эпосе «Зая-гуляк и Хыухылу» описывается кибитка из 12 звеньев, принадлежащая Самархану (Башкирское народное творчество. Уфа. 1959, т. 2, с. 28, на башк. яз.).
- ⁵ Например, решетки юрт юго-восточных (зауральских) башкир в растянутом виде достигали 2,2 м в ширину, 1,75 м — в высоту.
- ⁶ МЭЭ 1971 г., дневники автора и Р. М. Султанова.
- ⁷ МЭЭ 1970 г., дневники автора.
- ⁸ МЭЭ 1969 г., дневники автора. Существование у башкир куртообразных сооружений из четырех решеток не может быть объяснено отмиранием юрт как жилищ в связи со свертыванием кочевков. По мнению Э. Г. Гафферберг, описавшей древнемонгольскую юрту XIII в., она должна была иметь четырехугольную островершинную форму, как и усыпальница Чингисхана в Ордосе (Гафферберг Э. Г. Хазарейская юрта «Ханаи хырга». — В кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1953, т. XIV, с. 91—93).
- ⁹ МЭЭ 1969, 1970 гг., дневники автора.
- ¹⁰ МЭЭ 1969 г., дневники автора.
- ¹¹ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир.— Зап. Географического об-ва СССР, 1925, т. 43, вып. 2, с. 170.
- ¹² Там же, с. 171.
- ¹³ Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854, с. 249; Назаров П. С. К этнографии башкир.— Этнографическое обозрение, 1890, вып. 1—2, с. 179.
- ¹⁴ Небольсин П. Рассказы проезжего, с. 249.
- ¹⁵ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. СПб., 1813, ч. 3, с. 10.
- ¹⁶ Руденко С. И. Башкиры..., с. 182.
- ¹⁷ Небольсин П. Заметки о башкуртах.— Отечественные зап., 1850, т. 73, отд. 8, с. 4.
- ¹⁸ Руденко С. И. Башкиры..., с. 179.
- ¹⁹ Небольсин П. Заметки о башкуртах, с. 4.
- ²⁰ МЭЭ 1970 г., дневники автора.
- ²¹ Там же.
- ²² МЭЭ 1969 г., дневники Р. Г. Гаделгареевой.
- ²³ Харузин Н. Н. История развития жилищ..., с. 39—40.
- ²⁴ Крюковский М. А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909, с. 60.
- ²⁵ МЭЭ 1963 г., дневники автора.
- ²⁶ МЭЭ 1959, 1972, 1975 гг., дневники автора.
- ²⁷ МЭЭ 1962 г., дневники автора.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИНТЕРЬЕР

Внутренняя организация жилого пространства, размещение очага, кухни, спальных мест и других функционально значимых объектов, внутреннее убранство помещения зависели от бытового уклада и культурных традиций, присущих тому или иному народу. Именно потому интерьер жилища — один из наиболее ярких этнических показателей в характеристике народной культуры, в решении многих вопросов, связанных с историей ее формирования.

Известно, что у бывших скотоводов-кочевников переносные формы жилища исторически предшествовали постоянным. Юрта и другие круглые в плане постройки многих групп башкир, особенно в лесостепных и степных районах, были основными жилыми сооружениями на летовках еще в прошлом столетии. Не случайно во внутреннем устройстве башкирских изб вплоть до конца 50-х годов XX в. (период массового жилищного строительства) ощутимо влияние интерьера кочевых жилищ. Это проявлялось в определенном функциональном разделении жилой площади, характерном наборе бытовых вещей, их размещении, в отдельных связанных непосредственно с интерьером конструктивных деталях. В конечном итоге все перечисленное и составляло национальный колорит, которым башкирские избы отличались от русских, марийских, татарских жилищ соседних деревень.

В отличие от юрты в избах появился приподнятый над полом дощатый настил — нары, очаг постепенно превратился в громоздкое сооружение и был значительно смещен от центральной линии, но продольное и отчасти поперечное деление помещения на функциональные части, соблюдавшееся и во временных жилищах, в домах сохранялось еще в первой половине настоящего столетия.

Начало складывания интерьера оседлого жилища у башкир следует, по-видимому, связывать с устройством избушек типа бурама, служивших летним жильем населения горных районов Южного Урала. Очаг у входа и деревянный помост против него, занимавший большую часть помещения, являлись характерными элементами ограниченного четырьмя стенами жилого пространства.

Как свидетельствуют литературные источники, в конце XIX — начале XX в. по той же традиции устраивались и избы — особенно у малосостоятельных башкир, не имевших возможности приобрести мебель. Еще дольше, вплоть до наших дней, традиционные черты сохранялись в летних кухнях и летних домиках, поставленных в башкирских усадьбах.

ГЛАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРЬЕРА

В путевых заметках М. А. Крукковского мы находим описание одного из башкирских домов начала XX в.: «Направо от входной двери стоит небольшая печь; чаще всего она стоит, не примыкая к стенам... а отдельно, так что между печью и стенами образуется проход... От печи до передней стены протянут полог, вышитый разноцветными узорами, разделяющий комнату на две половины, а вдоль всей передней стены тянутся широкие, низкие нары»¹. Печь и нары — основные объекты, которые привлекали внимание ученых и путешественников, впервые оказавшихся в обстановке башкирского жилища.

Там, где длительное время сохранялся кочевой быт (в южных и юго-восточных районах, особенно в степи), нары занимали значительную площадь: они встраивались между двумя стенами, ширина их колебалась от 1,5 до 2 м (рис. 44). Кроме основных нар, у входа устраивали короткие, дополнительные. Иногда в горах (в Белорецком, Бурзянском р-нах) сооружали сплошной угловой помост вдоль соседних стен. О таком случае писал В. М. Флоринский: «...меблировку избы составляют нары, расположенные вокруг стен и покрытые войлоками»².

Опорой дощатого настила нары служили две балки, врубленные в противоположные стены дома. Они подпирались столбиками. Лицевая часть нар оставалась открытой: под ними хранили пищевые припасы, поэтому была необходима вентиляция воздуха. Искусные резчики украшали нары долбленным или пропиленным орнаментом, прибивая по верхнему краю узорный наличник (ширлек, яңкырык). Часть пролетов прикрывалась фигурными дощечками — «шторками»; на стойки-столбики иногда наносился геометрический рисунок: комбинация уголков, ромбиков и пр. Однако богато украшенные нары были большой редкостью.

Доски нар устилали войлоками (кейез). Поверх войлоков помещались безворсовые домотканые ковры (балаҫ, буйлы балаҫ), стеганные постилки (көплә балаҫ, түшәк, һүзма). В Курганской обл. и кое-где на юго-востоке Башкирии под войлок подкладывали камышовые или мочальные циновки.

Сто лет назад башкирские жилища обогревались очагами двух типов — чувалами (сыуал) и печами (мейес, оло мейес): В то время районы распространения этих очагов не совпадали. По наблюдениям П. С. Назарова, чувалы были приняты «в центре Башкирии», а по крайним складывали печи, сходные с татарскими³. Сообщение П. С. Назарова не совсем точно. На карте распространения элементов традиционной культуры, составленной С. И. Руденко, область бытования очагов-чувалов в конце XIX в. значительная: горный Урал и восточное Зауралье⁴. По нашим сведениям, границу следует отодвинуть на запад, захватив районы среднего Завелья⁵. На рубеже XVIII—XIX вв. подобные печи Н. Попов встречал и у кочующих башкир Красноуфимского уезда Пермской губ.

Рис. 44. Интерьер с нарами на юго-востоке БАССР. Рис. Н. А. Черзор (по материалам экспедиции 1971 г.)

Рис. 45. Старинный чупал и очаг с котлом. Юго-восточное Зауралье. ВЭМ, фотоотека, № 11200. 1909 г. Материалы Месароша Дьюлы

В конце XIX — начале XX в. во многих горных аулах чумал являлся единственным очагом в зимнем жилище (рис. 45). Исключительно чумалами отапливались избы инзер-ка тайцев, тамьян-тангауров, многих кубеляк-телевцев, урман-кудейцев, калсир-табынцев, гирей-кыпчаков, карагай-кыпчаков, восточных бурзян⁷. В Предуралье, по южным отрогам Уральских гор и в восточном Зауралье чумалы существовали наряду с печами. Д. П. Никольский, обследовавший в 80-х годах прошлого века санитарное состояние дер. Старособолево Екатеринбургского уезда (ныне Аргаяшского р-на Челябинской обл.), заметил, что из 13 взятых на учет изб в восьми были сложены чумалы, в пяти — печи⁸. Всего в Екатеринбургском уезде Д. П. Никольским было учтено 871 хозяйство, обнаружены 880 чумалов и 582 печи. В пятистенках, распространенных среди зауральских башкир, находились и печи, и чумалы. Доля таких хозяйств в общем числе составляла $\frac{1}{3}$ ⁹. В начале нашего века, по словам С. И. Руденко, в восточном Зауралье на одну деревню приходилось всего два-три чумала; встречались аулы, где чумалы исчезли и их заменили печи¹⁰. В горах же чумалы встречались в отдельных домах даже в 50-е годы XX в.¹¹

Начало вытеснения традиционных очагов печами информаторы, со слов дедов, связывают с перестройкой башкирских аулов по новым административным планам. В архивах сохранились распоряжения местной администрации с запрещением сооружать чумалы; считалось, что открытые «первобытные» очаги способствуют возникновению пожаров¹². Однако версия пожаров оказалась, как видно, не очень обоснованной¹³, обычаи же, связанные со старым очагом, — более сильными. В силу этого чумалы просуществовали кое-где до недавнего времени. Неодобрительное отношение народа к официальным запретам строить чумалы образно передано в книге очерков Н. Крашенинникова «Угасающая Башкирия» (М., 1907, с. 90). У старых очагов были и свои преимущества, которые подметил П. Небольсин: «Башкирский чумал, имеющий разные формы, вещь прекрасная, благодаря которой комната... всегда просторна, воздух в ней всегда свеж, теплота от топки распространяется во все концы одинаково»¹⁴.

Устройство башкирских чумалов неоднократно описывалось в этнографической литературе. По внешнему виду этот очаг напоминал простейший камин. Для него в одном из углов избы у входа делали утрамбованную приподнятую площадку — основание очага. С этой целью на земле устанавливали бревенчатую раму или плетневую загородку и набивали их глиной. Корпус очага составляли поставленные в незамкнутый круг жерди, переплетенные лозой или связанные лыком и обмазанные с обеих сторон глиной. Плетневые чумалы были распространены в Приуралье, а также у инзерских и зауральских кат айцев, жердевые — в горах у бурзян и кое-где в восточном Зауралье. Описание бурзянских очагов удачно сделано А. Игнатовичем: «...чумалы — это суть подобие каминов, с прямой трубой, с огромным отверстием для дров, у иных совершенно не бывает свода и вся печь похожа на желоб, установленный с пола до

потолка; у редких, и то у достаточных, строят чувалы из кирпича, а то большею частью они делаются из плотно составленных кольев, обмазанных весьма толстою глиною»¹⁵.

Полуцилиндрический корпус чувалов, постепенно сужаясь, переходил в прямую возвышающуюся над крышей трубу. Очаг не имел вьюшек; когда не топили, трубу закрывали мешочком с сеном, или «рогожным мячиком, приперши двумя колышками», или трезубыми вилами¹⁶. Зев печи был высоким; поленья, длиной до 1 м, ставили вертикально. Камин не только обогревал, но и освещал жилище.

В горных аулах сохранились воспоминания, будто в старину в трубе чувала находилась особая перекладина, к которой подвешивался на цепях котел¹⁷. В современном языке есть выражение «казан асыу» — «варить пищу в подвешенном котле». Очаг с «висящею для котлов цепью» видел в Уральских горах И. Георги¹⁸. Чаше в чувале устанавливали металлическую подставку-треногу для котла. Со слов некоторых информаторов, в поду чувала было углубление, в котором пекли, загребая горячей золой и углями, пресные лепешки. В конце XIX — начале XX в. в чувале уже не готовили. На глинобитной площадке рядом с ним сооружали низкий очажок с вмазанным котлом (усак, казанас). Его дымоход соединялся с трубой камина. В некоторых случаях очаг не имел дымохода и разворачивался топкой к чувалу; дым уходил в общую трубу над шестом. Со временем стали пристраивать и небольшую печь для испечения хлебов. Ее устье располагалось в задней стенке чувала. Свод печи сооружали из гибких веток: установив их в две линии, вершины пригибали друг к другу, остов с обеих сторон обмазывали глиной. Большинство чувалов, встреченных С. И. Руденко в начале века, сочеталось и с низкими очажками, и с хлебными печами¹⁹.

О домовых печах иного вида (оло мейес), распространенных в северной Башкирии, в прилежащих районах Татарии и Пермской обл., в бассейне Демы, по южным отрогам Уральских гор и в Оренбуржье, в литературе сведений по существу нет. Некоторые авторы ограничивались тем, что указывали на их сходство с татарскими печами²⁰, другие называли их русскими²¹. Многие, в том числе и С. И. Руденко, признавая чувал исконно башкирским очагом, считали печи заимствованными в недавнем прошлом от соседей²². Возможно, на рубеже последних веков и наблюдалось некоторое культурное влияние соседних народов, но касалось это прежде всего мест, где издавна существовали чувалы, т. е. горных районов и Зауралья. В северной и западной Башкирии современные печи явились, как видно, результатом развития в оседлых условиях так называемых кочевых очагов, приспособленных к новому быту. В этом плане имеет значение сведение П. С. Назарова о том, что сами башкиры заимствование печей отрицают²³. С. И. Руденко, называя печи русскими, уточняет, что по сравнению с последними они видоизменены. Далее ученый замечает: «На описании этих типов мы не останавливаемся главным образом потому, что они довольно неопределенны... в каждой деревне встречается несколько различных форм этих печей в зависимости от того, какие печники их делали»²⁴.

В то же время в многообразии печей нетрудно подметить общую основу.

Башкирские печи явились следствием соединения в одно целое хлебной печи и очага для приготовления в котле пищи. Для старых печей характерно отсутствие сложной системы дымоходов и в силу этого небольшие размеры. Основными материалами были глина, камень-плитняк. Глинобитным было основание; из сырцовых кирпичей или камня складывали корпус. Позже, уже в нашем веке, для печей стали применять заводской обожженный кирпич. Во многих башкирских домах, особенно в южной Башкирии, основание печи, ограниченное невысоким срубом, покоилось на земле. Там же, где пол был поднят на значительную высоту (северные районы БАССР, Пермская обл.), печь опиралась на укрепленные столбами переводины пола.

Встреченные нами за время поездок по Башкирии печи по степени сложности можно представить в следующем порядке:

а. Объединенные в одном корпусе очаг с котлом и хлебная печь имеют параллельные, расположенные на одном уровне топки и отдельные прямые дымоходы, соединяющиеся в общую трубу под потолком или на чердаке дома (рис. 46). Такие печи существовали на юге БАССР (Хайбуллинский р-н), и кое-где в восточном Зауралье. Мало связанная в единое целое система двух рядом поставленных очагов часто встречалась также в домах айских башкир;

б. Очаг и хлебная печь развернуты устьем под прямым углом друг к другу. Труба нависает над шестком. Дым поступает в трубу из устьев обоих очагов. Описанные печи сохранились в некоторых аулах демских и айских башкир;

в. Усовершенствованный предыдущий вариант: дымоотвод отходит от задней стенки хлебной печи; его соединяют с прямой трубой над шестком. Таким путем достигается лучший обогрев помещения. Дым от очага с котлом выходит, как и в предыдущем случае, через устье, свободно;

г. При сохранении прямой трубы перед хлебной печью практикуется усложненная система дымоходов очага с котлом. Отвод устраивается от его задней стенки и располагается над хлебной печью; выше ее уровня он соединяется с трубой. Обогрев помещения производится одновременно с приготовлением пищи;

д. Независимо от взаиморасположения очагов (они могут быть параллельны или перпендикулярны) вывод дыма осуществляется через общую систему дымоходов, начинающуюся от задних стенок. Эти печи обеспечивают хорошую теплоотдачу и долго удерживают тепло. Массивный корпус с карнизами, выемками, выступами, небольшими лежанками оставляет впечатление сложного агрегата. В зависимости от размеров жилища (следовательно, и размеров печи) дымоход имеет от трех до двенадцати колен.

В соединении очагов, устройстве дымоходов, в силуэте корпуса обнаруживалось много местных различий. Печи клали не только башкирские печники, но и мастера из соседних татарских, мишарских, русских деревень, использовавшие как традиции, так и личный

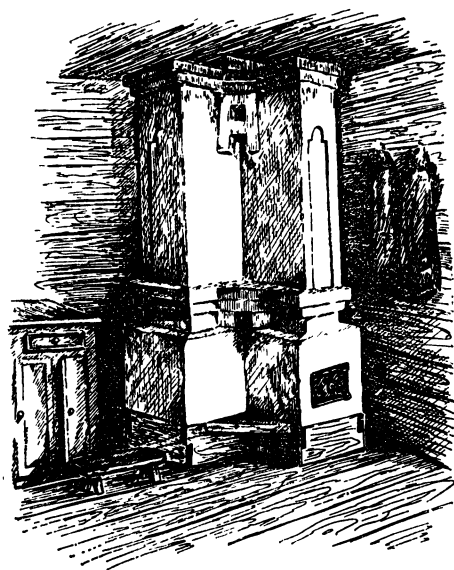

Рис. 46. Объединенные хлебная печь и очаг с котлом. Дер. Сагитово Хайбуллинского р-на. МЭЭ 1970 г. Рис. Н. А. Черзор (по зарисовкам М. Д. Кузнецова)

Рис. 47. Печь-голландка. Дер. Бурангулово Абзелиловского р-на. МЭЭ 1971 г. Рис. Н. А. Черзор (по зарисовкам Н. Александрова)

опыт. В силу этого печи обнаруживали общее то с татарскими, то русскими очагами. Однако башкирские печи редко имели монолитный корпус: в них явственно вырисовывались объединенные в одно целое разные по назначению очаги. Их особенностью по сравнению с русскими был вмазанный котел. Иногда на печах делали небольшую лежанку, которая использовалась главным образом, для сушки дров, обуви и одежды.

В самом конце прошлого века в башкирском быту появились печи типа голландок. В домах сложной планировки они обогревали «чистые» комнаты. Поначалу голландки появились у населения южных степей и Зауралья, несколько десятилетий спустя — в центральных и северных районах. Печниками на первых порах были русские мастера из соседних казацких станиц, где голландки распространились гораздо раньше²⁵; постепенно их научились делать и башкирские мастера (рис. 47). Обогревательные очаги (галанка), были прямоугольные или состояли из двух поставленных под углом колонок. В наиболее состоятельных домах встречались обитые жстью круглые печи. Особенно нарядно выглядели сложные голландки Абзелиловского, Баймакского и Хайбуллинского районов — с фигурными нишами для самовара, чайной посуды, кумгана, с массой карнизов

и выступов, иногда с рельефно выложенным на стенках узором из завитков. Во внешней форме отопительной печи можно было угадать контуры традиционных каминов-чувалов. Сохранялся даже вытянутый кверху полуовальный зев топки.

Таким образом, на рубеже последних веков в башкирских жилищах встречались очаги трех типов: чувалы, печи и голландки. Практически же существовало множество вариантов очагов каждого типа — разных комбинаций обогревательной системы с приспособлениями для приготовления пищи. В некоторых случаях в одно целое соединялись системы разных типов. Отчасти это наблюдалось и прежде: с древним чувалом объединяли очаги с котлом и хлебные печи. В XX в. нововведением стали печи-плиты, встроенные в комбинированную печь или в голландку. Особенно популярной была плита, сооруженная в углублении Г-образной голландки. Практиковалось сочетание плиты с хлебной печью и с очагом для котла. Иногда отдельный очаг с плитой (эсэк) складывали рядом с хлебной печью, почти не оставляя промежутка и объединяя дымоходы в одну трубу. В других случаях плита становилась частью печи, будучи встроена в опечек или подсоединена к очагу с котлом. На плите готовили каждодневно, в то время как котел использовали лишь для кипячения воды или для праздничного угощения. Постепенно к плите переходили и обогревательные функции, дымоход ее в связи с этим усложнялся. В наши дни соединение плиты, хлебной печи и котла стало обычным явлением. Заметна тенденция уменьшения размеров печи за счет исчезновения очага с котлом. Его оставляют лишь в летних кухнях.

РАЗНОВИДНОСТИ ПЛАНИРОВКИ ЖИЛИЩА

Изучение массового полевого материала, собранного в этнографических экспедициях, позволило сделать некоторые выводы относительно внутренней планировки башкирских жилищ. В центре нашего внимания был однокомнатный дом — тип, наиболее распространенный у башкир в прошлом. Дома сложного плана (две избы, разделенные сенями, и пятистенки) в своих частях во многом повторяли планировку четырехстенного жилища.

Отправным моментом в организации жилища являлся вход: в зависимости от того, где была дверь (в задней или боковой — относительно улицы — стене сруба), возникали разные варианты расположения печи и нар — главных объектов интерьера. Однако в целом размещение комплекса внутреннего оборудования и домашних вещей подчинялось местонахождению очага. Как показали наши наблюдения, у башкир направление устья печи в развитии планировки играло второстепенную роль. Возможно, это объяснялось тем, что раньше на значительной территории Башкирии существовали чувалы, устье которых было повернуто по диагонали к противоположному углу. Разнообразие вносило также характерное для башкирского жилища свободное (на расстоянии от стен) положение печи.

Планировочное устройство целесообразно рассмотреть в связи с жилищем историко-этнографических групп башкирского населения. Это даст конкретное представление об основных видах планировки, распространенности их по территории, о связи с теми или иными разными по сложности жилищами; одновременно это позволит выявить локальное своеобразие башкирского интерьера.

В северо-западных и северных районах Башкирии были приняты главным образом избы-четырёхстенки, однако функциональное деление жилой площади выдерживалось четко. Оно было скорее условным, поскольку даже дощатые перегородки существовали редко. Дома, значительные по величине почти квадратные срубы, делились внутри занавесами и короткими подзорами. Вход в жилище располагался с тыльной стороны двора, т. е. против улицы. Печь была сложена справа (реже слева) от входа, на значительном расстоянии от стен, за нею оставался свободный проход. Под потолком от входа к передней стене прикреплялась длинная жердь для подвешивания занавеса, делившего помещение на основную жилую (түр як) и хозяйственную (шаршау як, шаршау эсе) части; короткие занавески у мантии отмечали границу «почетной» части дома и прихожей. Названия частей дома соответствовали принятым в кочевом жилище.

Печь, в большинстве случаев повернутая устьем к улице, была ориентиром в распределении главных элементов интерьера. Перед ее топкой через проход находились нары. В противоположном дальнем углу стояла деревянная кровать, у входа — сундук. Пространство между ним и кроватью занимали стол и длинные скамьи. Иногда стол и скамьи устанавливали по диагонали от печи в переднем углу, а кровать передвигали к входу. Такая расстановка мебели появилась сравнительно поздно и не без влияния со стороны русских. В традиционном местном интерьере в обоих передних углах существовали нары. В языке сохранились названия для нар против устья печи (шаршау сәке) и на «чистой» половине (түр сәке).

Вариантом той же планировки являлось полное отделение кухонной части путем разворота печи устьем от двери к боковой стене. При этом печь передвигали к средней линии; между ней и стеной сруба у входа встраивали полати. Такая планировка наблюдалась чаще в домах, поставленных к улице длинной стороной. Вход по-прежнему был в узкой стене, по отношению к улице он становился боковым, и кухонная часть оказывалась на дворовой стороне жилища.

В целом в планировке изб северных и северо-западных башкир, несмотря на ранний переход населения к оседлости, наблюдалось непосредственное влияние кочевого жилища. В этих районах были, в частности, представлены интерьеры со свободным, мало зависимым от стен положением очага. Следует отметить, что традиция однокомнатного жилища являлась на севере настолько сильной, что и в пятистенках основным жильем оказывалась лишь дальняя от входа часть: первая половина выполняла функцию сеней, в ней могли жить лишь в жаркое время года. Таким образом, в пятистенках здесь переносилась привычная планировка четырехстенки.

Башкирские избы-четырёхстенки Пермской обл. разгораживали легкой перегородкой на две комнаты. Особенностью этой территории было расположение дома узким фасадом и глухой стеной сеней на улицу. При этом лицевой считалась длинная стена, выходившая в усадьбу и имевшая от трех до пяти окон. Вход в помещение находился напротив окон. У входа, посередине смежной стены с сенями, боком к двери, стояла печь; за нею, в глубине, была «чистая» половина (арткы бүлмә), отгороженная занавесом или досками. Часть жилища против устья печи воспринималась как почетная; здесь у окон и находились нары. В дальней половине дома они занимали всю стену, в прихожей — только угол по диагонали от печи, рядом с ними стоял стол. В наше время нары на «чистой» половине стали заменяться кроватями.

В некоторых избах, слегка вытянутых вдоль улиц, печь ставили на расстоянии от входа, у внутренней дворовой стены, но и тогда придерживались правила поворачивать ее устьем от двери. Перед топкой оставляли небольшое пространство для кухонного стола и посудной полки. Другой передний угол занимали короткие нары или кровать со сложенной горкой постелью.

В юго-западных районах (бассейны Демы, Уршака и Ашкадара), как и на севере, печь находилась слева или справа у входа, устьем повернута к противоположной стене — к улице. Когда-то всю переднюю стену занимали нары. До нашего времени дошли короткие помосты против топки печи или по диагонали от нее. Около нар на стороне улицы помещали стол с лавками, вдоль боковой стены — кровать, ближе к двери — сундук.

Далеко не всегда устье печи было ориентировано относительно парадной части жилища. В окрестностях озера Аслы-Куль (дер. Курятмасово Давлекановского р-на) в домах, поставленных вдоль улиц, печь была отодвинута в глубь помещения и, примыкая к дворовой боковой стене, устьем развернута в сторону входа. У двери находился кухонный угол. В теплый простенок между очагом и узкой стеной, напротив улицы, встраивали нары.

Значительно реже, главным образом в прибельских районах (Кармаскалинском, Стерлитамакском, Стерлибашевском), при торцовом положении дома печь стояла к двери боком, топкой к длинной стене. Нары, встроенные, как и в предыдущем случае, за печью, оказывались около уличной стороны дома. Кухонный инвентарь и здесь размещался в промежутке между печью и дверью.

К началу нашего столетия наряду с четырехстенными однокомнатными домами на юго-западе получили распространение дома-пятистенки. В них использовали опыт устройства интерьера в однокамерных избах. Пятистенные дома устанавливали к улице боком, система входов была угловой. В первой комнате (алдагы як, алгы ей) печь, поставленная у двери, была повернута к нарам, устроенным против входа. Место на нарах, у окон на улицу, как и в четырехстенках, оставалось почетным. Вторая комната обставлялась мебелью на городской лад и отапливалась голландкой.

В последние десятилетия пятистенки все чаще стали разворачивать к улице узким фасадом и почетное место полностью переносилось в «чистую» половину (эске ей, оло як). В первой комнате печь ставили у смежной стены, против входа, устьем вбок; хозяйственный угол помещался у передней стены, рядом с печью. Вторая половина дома обогревалась небольшой прямоугольной голландкой, сложенной у входа, на расстоянии от стен. Нар в таких домах не было.

В 30-е годы, в период колхозного строительства, в некоторых поселках появились типовые пятистенки с не характерной для бапкирских жилищ системой входов по прямой. К улице дома были повернуты длинной стороной. Отопительная система находилась у противоположной глухой стены. Хлебная печь, примыкая к смежной стене пятистенка, устьем была обращена к сениям; это давало возможность разделить комнату продольной перегородкой, организовав небольшую кухню. Вдоль уличной стороны в первой комнате устраивали нары, во второй ставили стол, диван и скамьи.

На обширном пространстве юго-восточной Башкирии (в горных и зауральских районах) однокамерные жилища с легким пристроением сениями могли стоять к улице и фасадом, и боком; последнее в некоторых аулах преобладало. Внутренняя планировка в избах в целом осуществлялась относительно входа, положение дома по отношению к улице играло второстепенную роль. Это обстоятельство станет понятным, если учесть, что уличный порядок расселения начал внедряться на юго-востоке лишь с 30–40-х годов XIX в. Среди изб, построенных до революции, встречалось немало, обращенных к проезжей части глухой стеной.

Еще несколько десятилетий назад печь и нары занимали основную жилую площадь, оставляя свободной незначительную часть в середине избы. Почти по всему юго-востоку — и в горах, и в лесостепном Зауралье — печь ставили у входа. При одинаковом положении печи в жилище в направлении устья прослеживались по районам некоторые различия. Еще в конце 50-х годов XX в. в аулах горного Бурзянского р-на встречался старый интерьер с традиционным чувалом. Очаг обычно находился справа (реже — слева) от входа, в метре от задней стены; около двери располагалась загородка для ягнят, между печью и стеной под потолком была прикреплена решетка для сушки и копчения сырков. Топкой чувал был обращен в расположенный по диагонали угол, предпочтительно к улице. Напротив, занимая две стены, помещался дощатый настил — нары. Чувалы, являвшиеся традиционными очагами в горной зоне, уже в XIX в. стали вытесняться печами. Печь обычно поворачивали от входа к узкой передней стене. Вдоль улицы старались сохранить сплошные нары. Если дом был вытянут вдоль уличного ряда, длинные нары располагали сбоку от входа; напротив топки печи у передней стены находился небольшой помост, на котором держали столовую утварь, припасы, раздेलывали продукты, готовили пищу. Когда дом стоял к улице фасадом, нары занимали всю переднюю стену; кроме того, короткий помост оставался в углу около входа.

В любом случае «почетное место» находилось на больших нарах, ближе к углу, расположенному по диагонали от печи. Это — остаток старых обычаев, связанных с древним чувалом. От печи к передней стене был протянут занавес, которым в присутствии гостей отделяли кухню от жилого помещения.

В лесостепных и степных аулах юго-восточного Зауралья (Абзелиловский, Баймакский, Хайбуллинский р-ны), где дома стояли к улице торцом, как и в Бурзянском р-не, печь помещали справа или слева у входа*, разворачивая к передней стене, вдоль которой располагались нары. В то же время в некоторых аулах Абзелиловского и Зилаирского районов можно было встретить печи, повернутые к противоположной боковой стене. Они примыкали вплотную к углу избы, так что топка находилась у самого входа. Нары, как и в первом варианте, занимали дальнюю часть жилья, но на этот раз они оказывались за печью.

Разворот печи в жилище не всегда зависел от положения дома на улице; случалось, печь стояла к улице боком, при этом почетное место на нарах находилось против ее устья, т. е. у стены, выходящей на усадьбу.

Дома более сложной планировки составляли незначительную часть жилищ. Их интерьер складывался под влиянием однокамерных построек. В дер. Юлдыбаево Зилаирского р-на в 50-е годы существовал шестистенный дом из двух половин, разделенных сенями. Внутреннее устройство обеих комнат было традиционным. Даже в выходящей на улицу «чистой» избе большую часть площади занимали печь с котлом и нары. Во внутренней половине готовили пищу, держали кухонную утварь и пищевые припасы. Печи в обеих половинах были одинаковые, повернуты к двери, как и в четырехстенках этих мест. Нередко подобным же образом устраивали и вытнутые саманные дома Хайбуллинского р-на. Взаиморасположение печи и нар в обеих частях трехраздельного жилища было идентичным.

В пятистенках с длинными сенями и отдельными входами в комнаты устья стоявших у входа печей в зависимости от местных традиций разворачивали к передней или к боковой стене. Дальнюю часть помещения в обеих половинах занимали нары.

В пятистенках со смежными комнатами в первом помещении печь у входа была обращена к противостоящим нарам; вторая комната отапливалась угловой голландкой с топкой от входа. В тех случаях, когда и во второй комнате оставляли хлебную печь, ее поворачивали топкой к передней стене; против печи, у окон, выходящих в усадьбу, устраивали нары.

Чтобы иметь хозяйственную и «чистую» площади, на северо-

* Печь ставили у глухой стены, которая находилась обычно против входа со двора в сени (система входов была угловой). Положение очага справа или слева от дверей зависело от расположения дома в усадьбе: если дом стоял справа от ворот, печь была слева, и наоборот. Кое-где на юге Баймакского р-на этот принцип нарушался, так как глухой являлась стена, выходившая в собственный двор; около нее и складывали печь.

востоке Башкирии было принято ставить избы-пятистенки с сообщающимися комнатами или, как в Пермской обл., делить четырехстенок дощатой перегородкой. Общую планировку определяло принятое здесь положение дома узким фасадом к улице. Вход прорубали сбоку сруба, противоположная длинная стена часто оставалась глухой. Около нее и устанавливали печь, повернув к двери боком. В пятистенках печь находилась у смежной стены, в четырехстенках она была смещена к средней линии и от нее к двери шла поперечная перегородка. Перед топкой печи располагались нары, лавки для кадок и ведер, посудные полки. В «чистой» комнате обстановку составляли стол у передней стены, две-три кровати (за печью и в углу у двери), сундук, шкаф.

В небольших однокамерных жилищах долгое время сохранялась планировка с печью у входа, прорубленного в задней стене сруба. Устье было повернуто к улице. Перед печью находился кухонный угол, а по диагонали, занимая около $\frac{2}{3}$ фасадной стены, — нары. Часто печь отодвигали от стены и в образовавшийся теплый закуток между печью и дверью в холод помещали новорожденных ягнят. Позже в новых четырехстенных домах печь стали отодвигать еще дальше вглубь, развернув устьем к двери. За ней оставалась «чистая» жилая комната, а перед топкой — небольшая кухня. В прихожей по другую сторону от входа ставили кровать, которая заменила существовавшие здесь некогда вторые нары.

Развитие планировки в последние десятилетия осуществлялось путем разделения дома перегородками от печи, поставленной в середине жилья, боком ко входу. По существу это был вариант традиционного плана с печью против двери. Передвинув очаг ближе к центру, получали не только гостиную, кухню и прихожую, но и небольшую теплую комнатку за печью, где устраивали спальню или детскую; иногда там жили престарелые родители. В домах нового образца получила развитие традиционная особенность северо-восточного жилища — обогрев всей площади одним очагом.

Башкирские районы Курганской и особенно Челябинской областей дали разнообразные варианты устройства интерьера в пятистенных избах. Двухкамерные срубы с сообщающимися комнатами — типичный образец жилища этих мест конца XIX — начала XX в. В первой комнате находилась хлебная печь с котлом, вторая обогревалась голландкой. Дома обычно стояли к улице длинной стороной, вдоль которой устраивали нары. Обе печи, расположенные у входа, были повернуты устьем к нарам; поставленные в углу, они вплотную примыкали к стенам. В прихожей топка печи была направлена в глубь жилища, в основной комнате повернута к двери. В некоторых домах «чистую» часть старались обставить на городской лад; нары прятали за печь, устраивая лишь небольшой помост для отдыха и сна.

В отдельных деревнях Аргаяшского р-на Челябинской обл. планировка пятистенных домов повторяла традиционный интерьер четырехстенков, характерный в прошлом для обширной примыкавшей к Уральским горам территории. Обе комнаты пятистенка выглядели

одинаково: печи повернуты устьем к противоположной входу стене; в первой комнате это была уличная сторона, вдоль которой располагались нары, во второй — дворовая. В дальней части жилища находилось двое нар: небольшие — против печи и длинные — по другую сторону двери, на стороне, выходящей на улицу.

Обстановку четырехстенной избы стремились воссоздать и в избах с прирубом, встречающихся в Курганской обл. Здесь дома выходили на улицу фасадом. В обеих частях дома печи находились у входа, но не всегда (как в предыдущих вариантах) на одной линии. Дальняя от улицы часть избы была жилой лишь в летний период, здесь долгое время наряду с хлебной печью сохранялся чувал.

В некоторых аулах на севере Челябинской обл. (Кунашакский р-н) в первой комнате развернутого к улице узким фасадом пятистенка печь устанавливали в дальнем углу, к двери боком. Против ее устья, по другую сторону от входа, занимая выходящую во двор узкую стену сруба, находились нары.

Дома-четыrehстенки — вытянутые вдоль улицы срубы — делили на комнаты внутренними перегородками. Центром планировочного устройства становилась печь. Она могла оставаться у входа (против улицы), и тогда легкой дощатой перегородкой от печи к передней стене отделяли небольшую хозяйственную комнатку с нарами. Когда же печь передвигали в центр помещения, менялся весь интерьер. Дощатая стенка устанавливалась от середины печи до передней стены. Топка печи и котел выходили к входу; здесь и организовывалась кухня. В правом переднем углу, ближе к улице, помещались нары, у окна во двор — стол и лавки. Другая часть избы становилась «чистой» половиной. Основной мебелью здесь были кровати, стол и лавки, нары отсутствовали. В общей массе жилищ дома с центральным положением печи составляли в восточном Зауралье незначительную часть.

В домах старой постройки, особенно плетневых, саманных, дерновых и других, сохранялся традиционный интерьер с очагом у двери (устьем к передней стене), нарами против топки печи и вдоль боковой стены дома.

Обобщение приведенного материала дало следующую классификационную схему, отражающую варианты планировки башкирских сельских жилищ:

I. Вход в задней стене избы (против улицы).

1. Печь-чувал в углу у входа. Топка обращена в угол по диагонали (к улице). 2. Печь в углу у двери, слева или справа. Устьем: а) к улице; б) к входу. 3. Печь слева или справа от входа на расстоянии от стен (за печью проход). Устьем к улице. 4. Печь посередине боковой стены. К входу: а) устьем; б) боком. 5. Печь приближена к центру помещения. К входу: а) боком; б) устьем.

II. Вход в избу по отношению к улице боковой.

1. Печь-чувал в углу у двери. Топка обращена в угол по диагонали: а) к улице; б) во внутренний двор. 2. Печь слева или справа

<i>Северо-запад</i>	<i>Пермская область</i>	<i>Юго-запад</i>	<i>Юго-восток</i>	<i>Северо-восток</i>	<i>Восточное Зауралье</i>
		<i>Улицы</i>			
<i>I</i>					
<i>II</i>					
<i>III</i>					

Рис. 48. Варианты внутренней планировки изб (взаиморасположение печи и нар по районам)

I — основные; *II* — бывовавшие в отдельных домах; *III* — появившиеся в нашем веке

от входа. К улице: а) боком; б) устьем. 3. Печь в левом или правом углу против входа. К входу: а) устьем; б) боком. 4. Печь посередине противоположной входу стены. К входу боком, устьем во двор. 5. Печь на стороне входа посередине стены. Устьем к противоположной входу стене. 6. Печь посередине боковой (дворовой) стены

(четырехстенки слегка вытянут вдоль улицы). Устьем: а) к входу; б) от входа. 7. Печь приближена к центру помещения. Устьем обращена во внутренний двор.

На рис. 48 изображены все принятые варианты внутренней планировки жилищ северо-запада, юго-запада, юго-востока, северо-востока и восточного Зауралья. В пределах северо-западного этнографического района стоит особняком планировка жилищ Пермской обл. Обширный юго-восточный регион рассматривается в целом, хотя и выделены отдельные варианты, характерные для юго-восточного лесостепного Зауралья и горной Башкирии. Некоторые микролокальные территориальные особенности выявлены и в восточном Зауралье (в Курганской и Челябинской областях). В первую очередь представлены наиболее распространенные планы. Особо отмечены варианты, появившиеся в последние десятилетия. Результатом анализа имевшихся в нашем распоряжении данных явилась табл. 1.

Таблица 1. Варианты внутренней планировки изб

Классификация планировки (см. текст)	Северо-запад	Пермская обл.	Юго-запад	Юго-восток	Северо-восток	Восточное Зауралье	Классификация планировки (см. текст)	Северо-запад	Пермская обл.	Юго-запад	Юго-восток	Северо-восток	Восточное Зауралье
1							1а						
2а			О	О	В	О	16				О		В
26				В			2а				О		В
3	О		О				26						В
4а					Н		3а			Н			
46			В				36		Н			О	В
5а					Н		4					О	
56						Н	5		О				
							6а			В			
							66	В					
							7						

Условные обозначения: О — основная, наиболее часто распространенная планировка; В — изредка встречающаяся (в Восточном Зауралье во внутренней комнате пятистенка); Н — новая, появившаяся в нашем веке (на юго-западе во внутренней части пятистенка).

В каждом районе, кроме одной-двух основных схем планировочного устройства, существовали и другие варианты. Вместе с тем можно заметить, что в то время как на севере и северо-западе планировка являлась сравнительно однотипной (нами выделено здесь по одной основной и одной дополнительной схеме), на юго-востоке и юге Башкирии, в связи с тем что традиции, связанные с устройством аульного интерьера, были менее устоявшимися, взаиморасположение печей и нар, как и система входов, отличались большим

разнообразием. Кое-где сохранялись жилища со старинными чува-лами и сплошными угловыми нарами (варианты I—1 и II—1а, б).

Избы со входом в задней стене (относительно улицы) встреча-лись повсеместно; в большинстве этнографических районов (за исключением Пермской обл. и северо-востока Башкирии) они пре-обладали. Наиболее распространенным был вариант I—2а (печь в углу у двери, устьем обращена к улице) — основной в домах юго-запада, юго-востока. Это положение применялось в первой комнате пятистенков и в четырехстенках в восточном Зауралье, встречалось в старых избах на северо-востоке республики. Сходный вариант, но с печью, отодвинутой от углов (I—3), существовал повсеместно на северо-западе и юго-западе. Наряду с разворотом печи устьем от двери (к улице) на юге Башкирии сооружали печи топкой к вхо-ду (варианты I—2б; I—4б). В последние десятилетия на северо-востоке БАССР, в Челябинской и Курганской областях печь стали приближать к центру помещения (варианты I—4а; 5а, б).

Избы, включенные нами во второй тип (вход по отношению к улице — боковой), в наибольшей степени приняты на северо-восто-ке БАССР и в Пермской обл. Наряду с предыдущим типом они существовали и в других районах. Вариант с печью у входа с устьем, обращенным к передней стене (к улице боком, II—2а), применялся в числе основных планов в четырехстенках на юго-востоке Башки-рии и в пятистенках в восточном Зауралье. Вместе с ним существо-вал в пятистенках и вариант II—2б (с топкой, развернутой к входу, т. е. на сторону улицы). Против входа (варианты II—3а, б; II—4) печь помещалась в избах северо-восточных башкир. В восточном Зауралье это положение преобладало во второй половине пятистен-ков. На юго-западе одна из разновидностей данной планировки (II—3б) стала появляться в последние десятилетия.

У двери, посередине длинной стены сруба, устьем к входу (ва-риант II—5), ставили печь в домах Пермской обл. Планы с очагом, приближенным к центру, стоящим посреди помещения или у боко-вой стены, встречались в юго-западных, северо-западных, северных аулах в Башкирии и в Пермской обл. (варианты II—6а, б; 7).

С одной стороны, положение очага относительно улицы и входа, с другой — взаиморасположение печей и нар (в настоящей класси-фикации этот момент является второстепенным) в конечном счете определяли специфику местного интерьера.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И ДЕКОРАТИВНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРЬЕРА

Понятие «внутреннее устройство дома» многосоставное. Оно вклю-чает главные компоненты интерьера, дает их во взаимосвязи, пред-ставляет их с наиболее характерной стороны. Это понятие соединяет множество деталей в единое целое и в то же время показывает, что

творчески завершенное жилое пространство состоит из самостоятельно оформленных частей. Мы их называли «функциональными частями». В башкирском жилище четко выделялись «чистая» (гостевая) половина и кухня — место для приготовления пищи. В центре «чистой» части находились широкие нары; кухня же организовывалась относительно передней части очага.

Несмотря на влияние городского быта и появление в некоторых домах во второй половине XIX в. мебели, в большинстве районов «дощатый настил», как назвал нары Н. Литуновский, описывая быт населения Оренбургской губ., заменял кровати и лавки, стол и стулья; на нарах башкиры совершали молитву, пили чай, ели, а ночью спали²⁶.

Д. П. Никольский отмечал, что среди горных башкир ему «никогда не приходилось встречать, чтобы они ели на столе, а всегда на полу или на нарах», на которые расстилалась скатерть²⁷.

Расстановка вещей на нарах отражала глубокую традиционность, как видно, берущую начало в кочевом жилище. В правом углу нар, по соседству с кухонной частью, обычно стоял небольшой украшенный листочками жести или расписанный масляными красками сундук, в котором хранились дорогие для хозяйки дома вещи: украшения, свадебные подарки, платки, нагрудные повязки, платье, отрезки ткани, вытканые ею полотенца и пр. Поверх сундука складывали парадную постель: стеганые и сшитые из разноцветных клинышков одеяла, узорные кошмы. Под потолком на живописную горку умело уложенных вещей (каждая из них смотрелась с лица узкой декоративной полоской) помещали две-три пуховые подушки в ярких наволочках. Этот своеобразно обставленный уголок в прошлом нес не только декоративную нагрузку. Он демонстрировал ремесленные навыки женщины, ее художественный вкус, сноровку и, наконец, достаток семьи. Набор предметов не мог быть случайным: кроме одеял и войлочных подстилок, здесь находились домотканые паласы и суконные, украшенные аппликацией и тамбурной вышивкой чепраки-сергетыши, т. е. праздничные вещи, некогда выполнявшие определенную роль в свадебном ритуале. Комплекс сложенных на сундуке постельных принадлежностей (урын) настолько характерен для башкирского жилища, особенно в южных районах, что даже при отсутствии нар для него находили место в одном из передних углов дома. Это был уголок невестки — женщины, пришедшей в дом родителей мужа. На стене рядом с постелью висела ее парадная одежда: вышитые и украшенные галуном верхние халаты, камзолы, коралловые нагрудники, через перекладину под потолком были перекинута платья, платки, шали. На юго-востоке Башкирии (Белорецкий, Бурзянский, Абзелиловский, Баймакский районы) существовали специальные резные или раскрашенные подставки под сундук и постель (һандыҡ аяғы, каралды аяғы), сконструированные в форме низкого шкафчика со створками. В восточном Зауралье для постели делали в углу нар деревянный помост 50 см высотой. Поскольку нары часто занимали здесь боковую стену избы, постель

Рис. 49. Традиционно сложенные постельные принадлежности (урын). Абзелиловский р-н. Фото Б. Г. Калимуллина

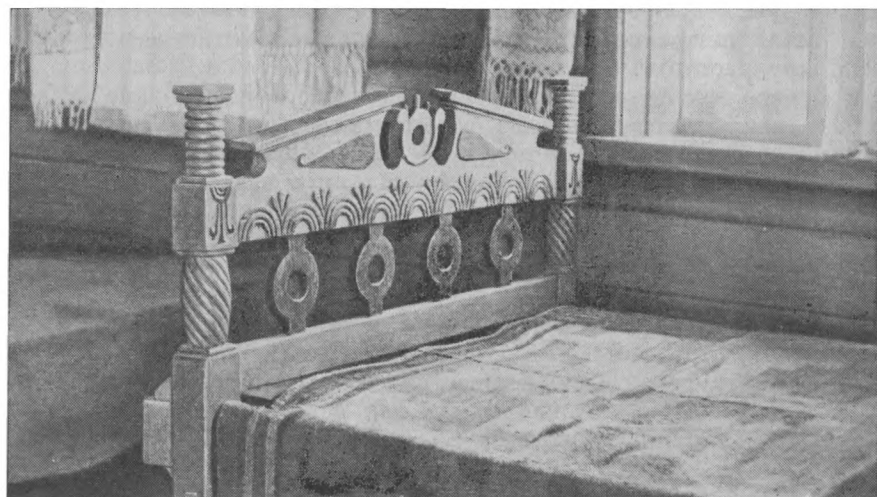

Рис. 50. Резная кровать, покрытая домотканым паласом. Дер. Тамьян Муслюмовского р-на ТАССР. МЭЭ 1960 г. Фото Г. И. Мухаметшина

оказывалась в переднем углу, сундук же устанавливали в другом конце нар — у двери (рис. 49).

Характерной для юго-востока деталью являлись вышитые лепты около 1,5 м длиной (урын тарткы, түшәк тартмаһы), которые перебрасывали через сложенную горкой постель. В кочевом быту такая

лента или узорная тесьма предназначалась для перетягивания, поддержки постельных принадлежностей.

Если нары располагались против устья печи и входили составной частью в кухонный угол, у сундучка, непосредственно на нарах или на полке на стене, могла помещаться столовая посуда: деревянные чаши, подносы, чайные чашки с блюдами.

Большая часть нар на «чистой» половине жилища была свободна от объемных вещей; здесь и предусматривалось место для повседневных и праздничных трапез. Вдоль окон была положена узкая стеганая постилка (тур юрган) 2—2,5 м длиной, украшенная аппликацией из разноцветных клинышков (корама) — кусочков тканей. Две другие постилки (һырма, буй юрган), более короткие, ограничивали почетное место (тур) с боков. На них рассаживались члены семьи и гости соответственно возрастному и социальному рангам. Посередине расстилали клетчатую или однотонную (чаще красную) скатерть и подавали угощение.

Шерстяные домотканые паласы для нар имели характерный рисунок из полос, заходящих уступами одна в другую. На большей части территории предпочитали сочетание естественных цветов шерсти — белого с черным или коричневым. Только юго-восточные паласы отличались насыщенной гаммой красок с преобладанием желто-оранжевого тона.

Над нарами по стенам висели парадная мужская одежда, головные уборы. Украшением жилища, особенно в северной и центральной Башкирии, могли быть также вышитые и тканые полотенца, салфетки, растянутые на стене молитвенные коврики. В бассейне Ая, где браное ткачество процветало еще в первой половине XX в., в 60-х годах встречались дома, в которых верх стен над нарами был сплошь завешан узорными полотенцами. То же наблюдал М. А. Крюковский в центральных районах Башкирии в начале века. В своих путевых заметках он писал: «...со стен и с потолка спускается множество полотенец, концы которых вышиты узором. Полотенца эти бывают очень красивы, узоры никогда не повторяются»²⁸.

В давние времена, как свидетельствуют авторы XIX в., украшением стен дальней, гостевой, части дома служило оружие: ружья, сабли, лук, стрелы в колчане и пр.²⁹ Н. Крашенинников встретил в одной башкирской избе висящее на самом видном месте старинное седло, «тут же развешаны были в ряд уздечки и прочая конская сбруя»³⁰.

Под потолком над нарами на небольшом расстоянии от боковой стены закреплялась горизонтальная жердь для подвешивания скатертей, столовых полотенец, легкой одежды.

Место на нарах, где спали молодые, отгораживали занавесом. Чаще же для молодоженов ставили в доме отдельную кровать под пологом.

Простая мебель кустарного изготовления постепенно входила в башкирский быт, внося новшества в привычную домашнюю обстановку (рис. 50). Д. П. Никольский в приинзерских селениях видел,

как, снимая несколько досок, в нары встраивали стол³¹. Комбинация нар со столом встречалась еще в 50-е годы нашего столетия в Зауралье (Абзелиловский р-н БАССР). Авторы конца XIX в. нередко отмечали, что принадлежностью зажиточных домов были не только кровати и столы, но и шкафы, стулья³².

В 50-е годы, во время наших первых экспедиционных выездов, в северо-западных, северных районах Башкирии и в Пермской обл. уже исчез обычай принимать пищу на нарах. Небольшие помосты в одном из углов у входа использовались главным образом для хозяйственных целей. Иногда на них спали дети. Уже в XIX в. нары в северных аулах стали вытесняться столом и кроватями. Длинный стол и лавки помещали вдоль одной из стен у окон. Иногда их устанавливали в углу, противоположном входу, хотя понятие «красный угол», характерное для русских, у башкир отсутствовало.

С исчезновением нар в башкирских домах стали устраивать несколько спальных мест. Обычны в наши дни три-четыре кровати, обилие постельных принадлежностей. Одежда, теплые войлоки, перинки, подушки сложены стопками на небольших помостах, на кроватях у спинки, на сундуке, даже на шифоньере. Кровати застилают паласами. Над кроватями у потолка прикреплены жерди, через которые переброшены тканевые ковры, полотенца, шали.

Часть комнаты перед устьем печи издавна отводили для приготовления пищи (рис. 51). В быту этот уголок обособляли («аш як», «казан як», «казанлык», «кашыяк як»), отделяли от остального жилого пространства занавесом. Если главные нары не доходили до кухонной части, в уголке против устья печи устраивали небольшой помост из досок. На нем разделявали пищу, в узком семейном кругу пили чай, под ним держали жернова, крупу, муку в деревянных кадочках. На нарах стоял сундучок с чаем, сахаром, сладостями. Перед печью под потолком была укреплена жердь для полотенец, салфеток, фартуков, скатерти. По стенам на гвоздях и крюках висели ковши, разливательные ложки, решето и другая кухонная утварь. Для столовых ложек и пожей к стене прикрепляли деревянные резные перекладины (калак кыстыргыс). На скамье у печи стояли ведра с водой, квашни, маслобойки. Рядом на припечье находился самовар. Чашки и блюда, вазочки и прочую мелкую посуду ставили в специально подвешенный шкафчик. Пристрастие народа к нарядной чайной посуде отмечал в середине прошлого столетия П. Небольсин. Передавая впечатление от башкирской избы, он подметил, что на стенах «навешаны полочки для посуды, которою народ любит хвастаться, потому что обилие ее, рекомендуя зажиточность хозяев, указывает вместе с тем на их гостеприимность»³³.

В башкирских домах северных районов республики, Пермской и Свердловской областей, реже — в восточном Зауралье можно было

Рис. 51. Кухонная часть жилого дома. Дер. Кинзигеево Ишимбайского р-на. МЭЭ 1971 г. Рис. Н. Александрова

встретить над входом полати (сэдрэ, лаплат). Летом на них хранили теплые вещи, зимой укладывали спать детей. Некоторые хозяйки на лето доски полатей убирали.

Заднюю стену избы занимала висящая на гвоздях верхняя одежда для улицы: чекмени, бешметы, шубы, мужские головные уборы. У выхода из жилища можно было увидеть на стене художественно оформленную выдержку из корана или молитву. Здесь же мог висеть древний оберег — подкова.

Характерной деталью традиционного башкирского интерьера была подвешенная колыбель (бишек, сэнгелдэк; рис. 52). Она прикреплялась к гибкой, заложеной за матрицу жерди (һиртмә)

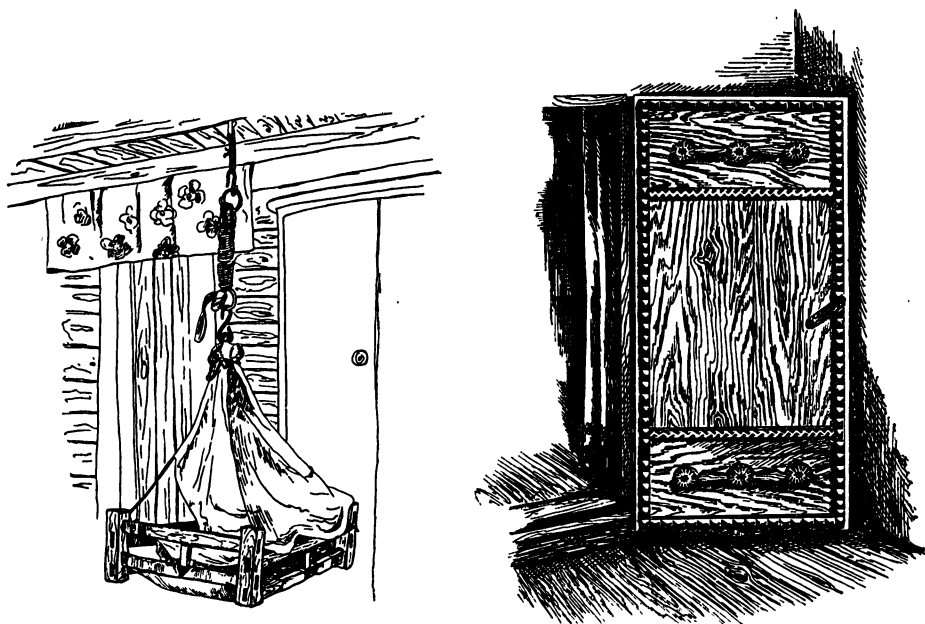

Рис. 52. Колыбель. Дер. Утеймуллино Аургазинского р-на. МЭЭ 1971 г. Рис. Н. Александрова

Рис. 53. Резная дверь между комнатами в доме-пятистенке. Дер. Бикбау Зианчуринского р-на. МЭЭ 1970 г. Рис. Н. А. Черзор (по зарисовкам М. Д. Кузнецова)

или к пружине и раскачивалась даже при легком прикосновении. Люлька обычно состояла из деревянной рамы со свободно натянутым на нее холстом; в некоторых районах встречались люльки из бересты или с лыковым переплетением на дне. Спящего ребенка прикрывали тонким пологом, наброшенным на веревочные стропы. Помещалась колыбель в глубине жилища, подальше от холода входной двери. Нередко она находилась у кровати или у места на нарах, где спали молодые.

Для старых башкирских изб привычно сглаживание углов, смягчение жестких линий внутреннего жилого пространства. Достигалось это разными способами. Как уже упоминалось, концы бревен внутри помещения затесывали округло, иногда углы обмазывали глиной. По стенам, над окнами, вдоль печи развешивались короткие и длинные занавеси, коврики, полотенца. Позже распространился обычай оклеивать стены цветной бумагой, обоями.

Яркие драпирующиеся ткани широко использовались не только для внутреннего убранства, но и для организации различных частей интерьера. Особым пологом (сымылдык, турпыша) отделяли место на нарах или кровать, где спали молодые. Длинный занавес (шар-

шау) был предназначен для разграничения «чистой» и кухонной частей дома. Узкие тканевые занавески под потолком (кашага) обозначали край нар, опоясывали печь. Дополнительный акцент в характер интерьера вносили развешенные на протянутых под потолком жердях одежда (платья, шали), скатерти и полотенца. Такие жерди или перекладыны (урза, кэртэ) находились на «чистой» половине над нарами, перед печью (для скатерти, полотенца), в углу у двери. Хранение вещей в подвешенном виде было привычкой, связанной с кочевым бытом. Иногда на жерди под потолок поднимали пуховые перинки, подушки; их спускали на нары, когда рассаживали гостей.

Для драпировок население охотно использовало хлопчатобумажные набойные материалы, особенно ситец. Предпочитали ткани с крупным растительным, цветочным узором; для прикроватных пологов, особенно в северных районах, выбирали ситцы с рисунком на белом фоне.

Красочно выглядели декоративные ткани домашнего изготовления: пестрядинные и бранные занавеси, скатерти, полотенца. Широко применяли для украшения дома вышивку и аппликацию. Вышитые коврики, намазлыки, полотенца, салфетки занимали плоскость стен, свешивались с жердей под потолком; короткие сборчатые занавески опоясывали беленый корпус печи. Дополнением декоративного ансамбля являлись развешенные в дальней части жилья украшения из кораллов и монет (нагрудники, ожерелья) и головные уборы.

Функциональное деление внутренней площади комнат было менее четким в домах со сложной планировкой. Здесь его заменяли комнаты разного назначения. «У чиновников и достаточных башкирцев,—отмечал в середине прошлого столетия Н. Казанцев,— всегда можно найти чистую и опрятную с отдельною перегородкою комнату с белой или изразцовой голландской печью»³⁴ (рис. 53). Башкиры, имевшие дома-шестистенки, выделяли комнаты для приема гостей и для приготовления пищи. Сени, расположенные в середине избы, становились складом разнообразных хозяйственных принадлежностей. «Здесь,—писал Н. Крашенинников,—я увидел бочки, бочонки и бочата, сундуки и ящики, челяки для меда и ягод»³⁵. Парадная половина, обычно выходящая на улицу, отапливалась голландкой или «чистой» плитой. Большую часть здесь занимали застланные коврами нары. По стенам висели праздничная одежда, вышитые и тканые вещи. В целом убранство комнаты демонстрировало достаток семьи, мастерство обитателей дома. В некоторых зажиточных хозяйствах на юге Башкирии и в восточном Зауралье гостевая комната была максимально приближена к кочевому жилищу. Нары отсутствовали. Вдоль задрапированной тканью боковой стены стояли сундуки с постелью. Перед выходящими на улицу окнами на полу было устроено почетное место: лежали войлоки, паласы, стеганые постилки для сидения. Простенки занимали вышитые полотенца, коврики; стены под потолком обрамляли цветастые сборчатые занавески.

вески. В одной из таких комнат в дер. Мухамет-Кулуево Аргаяшского кантона жил венгерский ученый М. Дьюла; она запечатлена на фотографии из архива этнографического музея в г. Будапеште³⁶.

Другая часть избы была, как правило, обставлена проще. Здесь много места занимала большая хлебная печь, рядом с которой находились кухонная посуда, кадки с тестом, ведра с водой и пр. В загородке за печью в зимнее время могли помещаться ягнята или теляенок. Над печью подвешивали для копчения колбасы и жир, на решетке раскладывали для сушки сырки. Однако именно в этой половине в большинстве случаев и проходила повседневная жизнь семьи, здесь же находились маленькие дети. Нередко в этой комнате жила молодая невестка с мужем, она выполняла по дому женские работы.

Один из характерных шестистенков с четким разделением на «чистую» и хозяйственную половины, сохранившийся в дер. Юлдыбаево Зилаирского р-на, описан нами выше. В 50-е годы такие дома встречались и в других районах Башкирии. Следует подчеркнуть, что при тождественном взаиморасположении печей и нар интерьер противоположных комнат выглядел неодинаково из-за разницы в составе домашней утвари, постельных принадлежностей и других бытовых вещей, подобранных и расставленных в зависимости от предназначения помещений.

¹ Круковский М. А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909, с. 48—49.

² Флоринский В. М. Башкирия и башкиры. Путевые заметки.— Вестник Европы, 1874, кн. 12, с. 747.

³ Назаров П. С. К этнографии башкир.— Этнографическое обозрение, 1890, вып. 1—2, с. 175.

⁴ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир.— Зап. Географического общества СССР. 1925, т. 43, вып. 2, прил.

⁵ МЭЭ 1975, 1978 гг., дневники автора.

⁶ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. СПб., 1813, ч. 3, с. 13—14.

⁷ Руденко С. И. Башкиры..., с. 218.

⁸ Никольский Д. П. Опыт санитарно-статистического исследования дер. Старо-Соболевой Саринской волости Екатеринбургского уезда.— Пермские губ. ведомости, 1883, № 86.

⁹ Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899, с. 39—40.

¹⁰ Руденко С. И. Башкиры..., с. 218.

¹¹ Материалы этнографического выез-

да автора 1957 г.

¹² Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 77, л. 275—276.

¹³ А. Игнатович приводит сведения, показывающие, что за 1857 г. в Бурзянской волости не было ни одного пожара (Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость.— В кн.: Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1863, кн. V, с. 59).

¹⁴ Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854, с. 251.

¹⁵ Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость, с. 59.

¹⁶ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1778, ч. III, кн. 1, с. 530.

¹⁷ МЭЭ 1971 г., дневники автора.

¹⁸ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799, ч. 2, с. 90.

¹⁹ Руденко С. И. Башкиры..., с. 215—216.

²⁰ Назаров П. С. К этнографии башкир, с. 175.

²¹ Проф. Сомье. О башкирах.— Зап. УОИЕ, Екатеринбург, 1891—1892 гг., т. XIII, вып. 1, с. 30—31; Руденко С. И. Башкиры..., с. 218.

²² Руденко С. И. Башкиры..., с. 218.

- ²³ Назаров П. С. К этнографии башкир, с. 175.
- ²⁴ Руденко С. И. Башкиры..., с. 218—219.
- ²⁵ Ф. М. Стариков обратил внимание на такие печи в домах уральских казаков: «В чистой комнате (горнице) налево в углу помещается белая белая, как снег, голландская печь с карнизами и украшениями» (Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890, с. 197).
- ²⁶ Литиновский П. Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1878, с. 89.
- ²⁷ Никольский Д. П. Башкиры..., с. 55.
- ²⁸ Круковский М. А. Южный Урал, с. 49.
- ²⁹ Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1867, с. 32; Литиновский Н. Медико-топографическое описание..., с. 90.
- ³⁰ Крашенинников Н. Угасающая Башкирия, с. 86.
- ³¹ Никольский Д. П. Из поездки к лесным башкирам.— В кн.: Землеведение. М., 1895, т. II, кн. 4, с. 55.
- ³² Пермские губ. ведомости, 1887, № 4.
- ³³ Небольсин П. Рассказы проезжего, с. 250.
- ³⁴ Казанцев Н. Описание башкирцев, с. 31.
- ³⁵ Крашенинников Н. Угасающая Башкирия, с. 86.
- ³⁶ ВЭМ, фототека, № 11243 (1909 г.). Ныне деревня находится в Аргаяшском р-не Челябинской обл.

ГЛАВА ПЯТАЯ

УСАДЬБА

В этнографических работах дореволюционного периода подчеркивается мысль о неразвитости башкирской усадьбы, малочисленности хозяйственных строений¹. Вместе с тем авторы называют летние кухни, клети, бани, сараи, навесы, помещения для молодняка, погребов, коптильни, овины и др. Большинство их существует по сей день. Надо отметить, что в прошлом эти сооружения сосредоточивались в одном хозяйстве нечасто. Некоторые из них встречались не по всей территории расселения башкир. Впечатление незастроенности усадеб складывалось также и в силу особенностей их внутреннего устройства: растянута́ости двора, относительно свободного взаиморазмещения дома и подсобных служб.

Под влиянием местных хозяйственных и строительных традиций рождалось территориальное многообразие в организации усадебного комплекса. Оно находило отражение и в облике построек. Их конструкция была обусловлена не только природными материалами, но и функциональным назначением того или иного сооружения, использованием его в течение всего года (что было возможно лишь при оседлой жизни) или посезонно.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

ЛЕТНИЕ КУХНИ

Так называемые «летние кухни» (аласык, ут яккыс, усаклык, аш-нак и др.) являлись наиболее типичными постройками в башкирской усадьбе. Появление их на территории двора было связано с переходом населения к оседлости. В большинстве случаев они предназначались не только для приготовления пищи. С наступлением теплых дней в них проводили большую часть суток: питались, в свободное время отдыхали, выполняли домашние работы. Здесь могли ночевать члены семьи — старики, взрослые дети, невестка с мужем. Двойственную функцию аласыков подчеркивали авторы прошлого века; они замечали сходство этих построек с некоторыми формами жилищ на кочевых поселениях и объясняли их появление в аулах намерением приблизить (в связи с сокращением свободных для кочевания земель) летние домики к избам. Еще в начале XIX в., описывая оседлых башкир Пермской губ., Н. Попов отмечал, что с наступлением теплых дней они перебираются в «вежи» — небольшие домики «наподобие немшениных амбаров, которые строятся поблизости юрт (изб.— С. III.)»². В конце прошлого века, разъезжая по Уфим-

ской губ., А. Калачев наблюдал, как «бедняки устраивали... алачик или около самой деревни, или даже у себя на дворе»³.

В пользу идеи появления в аулах кухонь как летних жилищ в начальный период оседлой жизни говорит ареал их распространения. Территория, где встречались эти постройки в конце XIX в., компактна, хотя и обширна. В нее входят западные, юго-западные, центральные районы Башкирии (включая Иглинский, Архангельский) и Челябинская обл. В этой полосе население в целом перешло к оседлости, но сохраняло в быту многие пережитки полукочевого быта. В то же время на севере — в Прикамье, в нижнем течении Ая и Юрюзани, где выезды на кочевки прекратились сравнительно рано, летних кухонь в усадьбах во второй половине XIX — начале XX в. не было: в течение всего года пищу готовили в избах, иногда очаг с котлом сооружали в сених. Вместе с тем в работе Н. Попова, написанной на рубеже XIX в., есть описание летних домиков пермских башкир (Осинский уезд). Отмечаются интересные детали их устройства: «В них нет ни полу, ни окон, ни потолка, но покрыты будучи одними дранницами в два ската, имеют посреди сей крыши для прохода дыму небольшое отверстие или окно. Посреди вежи (избушки.— С. III.) горит беспреостанно огонь, над которым навешиваются по большей части на деревянных крюках котлы для приготовления пищи»⁴. Подобное самобытное устройство очага ранее было отмечено И. Георги при описании бревенчатых жилищ на летовках в горах⁵. Факт существования приусадебных летних помещений у северных башкир, зафиксированный Н. Поповым, единственный. К тому же нет оснований думать, что сооружение летних домиков на усадьбах — явление, обязательное для всех случаев перехода населения к оседлости.

В степи, у южных и юго-восточных башкир, дольше других сохранявших систему летних кочеваний, приусадебные кухни стали строить лишь в нашем веке.

Конструкция надворных аласыков отличалась разнообразием, в их сооружениях использовались формы и строительные приемы, характерные для подобных жилищ на летовках. В зависимости от местных традиций возводили бревенчатые, корьевые (рис. 54), дощатые, плетневые, каменные, саманные постройки. Чаще они были прямоугольные, иногда — овальные или круглые в плане.

Бревенчатые срубные домики в качестве летних кухонь сооружало население горной зоны (Белорецкий, Бурзянский р-ны) и Приуралья (восточная часть Архангельского, Гафурийского, Ишимбайского, Мелеузовского районов). В последнее столетие они стали появляться на запад от р. Белой — в Аургазинском, Стерлибашевском, Миякинском районах. В горах в устройстве аласыков обнаруживалось немало общего с бревенчатыми жилищами на летовках. Как правило, это слегка вытянутые в плане избушки с входом в фасадной стене, с невысокой двускатной крышей из полос коры или дранки. Покрытие опиралось на продольные слезги, положенные на бревна фронтонов. Мелкая врубка слег приближала такую конструкцию к костровой. Далеко выступавший за фасадную стену

Рис. 54. Бревенчатый аласык с корьевой крышей, построенный наподобие летних жилищ. Дер. Коварды Гафурийского р-на. МЭЭ 1978 г. Фото Т. К. Новиковой

край крыши служил навесом, прикрывавшим вход от дождя. Такие постройки часто не имели окон, помещенный у входа очаг освещался через дверной проем. Потолка не было, и вентиляция осуществлялась через щели между бревнами фронтонов. В западной и юго-западной Башкирии бревенчатые аласыки строили лишь в наиболее обеспеченных хозяйствах. Как и другие хозяйственные постройки, они имели здесь соломенные крыши.

Сруб летних кухонь ставили на землю. Утрамбованный земляной пол покрывали деревянным настилом лишь в средней части помещения. Значительную часть кухни занимал дощатый помост — нары.

По отрогам Уральских гор на юг от излучины р. Белой аласыки строили с помощью пазовой техники, особенно в Кугарчинском, отчасти Зилаирском районах. Та же техника в нашем веке стала использоваться для кухонь в зауральских Баймакском, Хайбуллинском районах. Из тонких березовых жердей, вложенных концами в пазы стоек, сооружали помещения для приготовления пищи и в восточном Зауралье. В лесостепи названная техника сочеталась с полной или частичной глиняной обмазкой. Вход устраивали и с торца, и в боковой стене. Вблизи гор преобладал первый вариант. Как и срубные, пазовые аласыки крыли корой или дранкой, скрепляя слепи и гнеты лыком. Конструкция крыш была «самцовой», реже — столбовой; в последнем случае низкий фронтон закрывали полосами коры или луба. В аулах, близких к степи, на покрытие из жердей накладывали слой дерна.

В среднем течении р. Белой аласыки строили из коры. Они встречались в Забелье (Иглинский, Архангельский, Гафурийский районы) и кое-где в левобережье (Кармаскалинский, Кутарчинский районы). Сооружая стены, полосы коры прикрепляли вертикально к каркасу из жердей. Вход находился в широкой стене, на которой покоился приподнятый край односкатной корьевой крыши.

В конце XIX — начале XX в. для летних кухонь стали использовать доски. На указанной территории дощатые аласыки сохраняли форму корьевых. Южнее, в Федоровском, Кумертауском, Мелеузовском районах, над дощатыми кухнями устраивали двускатные крыши; конек их опирался на врытые внутри помещения столбы. Покрытием, кроме досок, служили камыш, сено, солома. Пол во многих случаях оставался земляным.

В лесостепи наиболее употребительным материалом для аласыков стал плетень. Плетневые кухни — обычное явление на юго-западе: в Чишминском, Давлекановском, Аургазинском, Стерлибашевском, Бижбулякском, Федоровском районах. Они зафиксированы также в южных Мелеузовском, Кумертауском, Зианчуринском районах и в пограничных аулах Оренбургской обл. (Тюльганский р-н). За пределами Башкирии такие кухни сооружались, кроме того, в Сафакулевском р-не Курганской обл. (рис. 55).

Встречались две разновидности плетневых аласыков: а) продолговатые строения с невысокой двускатной крышей с входом в боковой, реже — фасадной стене и б) постройки с почти одинаковыми стенами и четырехскатной, близкой к пирамидальной крышей.

Двускатное покрытие, опорой которого были продольные бревна, положенные на столбы, врытые по углам постройки и посередине фасадных стен, придавало аласыкам привычный вид избушки. Крылы их в зависимости от наличия природных материалов соломы, камышом, корой или землей. Основанием для соломы служил плетневый щит. Под землю делали жердевый накат. Такие постройки встречались во всех отмеченных районах.

Аласыки с одинаковыми стенами и пирамидальной соломенной крышей, распространенные в нижнем течении Демы, в левобережье Белой (Чишминский, Аургазинский районы) и кое-где на юге (Кумертауский р-н), напоминали силуэтом кочевые жилища (рис. 56). Среди них встречались овальные и круглые в плане. При описании усадеб дер. Кара-Якупово (современный Чишминский р-н) А. Изнасков останавливает внимание на «круглом шалаше» из плетня, крытом соломой; посреди помещения на камнях укрепляли котел для приготовления пищи⁶. Такой аласык зафиксирован и на одной из фотографий С. И. Руденко⁷. Для плетневых аласыков, как и для бревенчатых, характерно отсутствие потолка. Это увеличивало объем помещения, обеспечивало дымовую тягу, особенно необходимую при наличии открытого очага. Основа крыши, хорошо просматривающаяся изнутри помещения, представляла собой костровую или стропильную конструкцию, установленную на бревенчатой раме, поднятой на высоту стен на угловых столбовых опорах. Врубка бревен делала необязательным применение гвоздей.

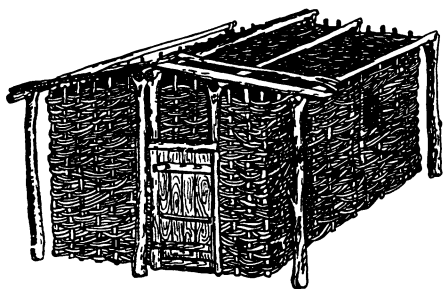

Рис. 55. Плетневый аласык с двускатной соломенной крышей. Дер. Чукраклы Чишминского р-на. МЭЭ 1969 г. Рис. М. Д. Кузнецова

Рис. 56. Летняя кухня-клеть с пирамидальной соломенной крышей. Дер. Старые Ябалакы Чишминского р-на. МЭЭ 1969 г. Рис. И. Ф. Кибальник

Рис. 57. Интерьер аласыка. Дер. Сеитово Федоровского р-на. МЭЭ 1970 г. Рис. М. Д. Кузнецова

По отрогам Южного Урала (Зианчуринский, Зилаирский районы) и среди башкир, кочевавших в XIX в. в окрестностях озера Аслы-Куль, можно было встретить аласыки со стенами из вертикально установленных жердей, заложённых за планки; их слегка обмазывали глиной. Крыша из коры или присыпанных землей тонких стволов деревьев чаще была двускатной. Коньковое бревно лежало на столбах, врытых снаружи стен. Нижний край крыши поддерживали слёги, вложенные в развилки угловых опор. В отдельных случаях на жердевых аласыках встречалось пирамидальное (стропильное) соломенное покрытие.

В некоторых южных районах республики (Бижбулякский, Стерлибашевский, Зилаирский) летние помещения для приготовления пищи сооружались из камня-плитняка. Невысокие двускатные или четырехскатные крыши покрывали соломой или пластами дерна; в последнем случае основанием был накат. Конструкция крыши удерживалась на каменных стенах.

Саманные аласыки (иногда в сочетании с клетью) были характерны в начале XX в. для усадеб саратовских, куйбышевских, оренбургских аулов. В Башкирии они встречались в Кумертауском и Стерлибашевском районах. Их стены в отдельных случаях выкладывали на каменном основании. Слегка покатые на две стороны крыши из тонкого жердевого наката, присыпанного землей, сверху обмазывали глиной. Слёги опирались на выложенные углом торцовые стены. Нижний край крыш поддерживали угловые столбы. Вход мог быть как с торца, так и в боковой стене; второй вариант преобладал, а в оренбургских и саратовских степях, где дом и все хозяйственные строения подводили под одну крышу, становился единственно возможным.

При разнообразии строительных материалов и внешних форм существовали черты, отличавшие кухни от других хозяйственных помещений. Прежде всего — наличие очага, открытого или с простейшей прямой системой дымоходов, — приспособления, предназначенного для приготовления пищи. Чаще это был котел с подтопком; иногда рядом с ним находилась небольшая закрытая печь для лепешек и хлебов. Ещё в 50-е годы XX в. в приусадебных аласыках горных районов и курганского Зауралья можно было встретить конструкцию чувалов — печей с жердевым каркасом, хотя сооружать такие печи в аласыках не было необходимости. За топкой чувала, как правило, находилось устье хлебной печи.

В аласыках отсутствовали потолки: на крюках и жердочках под крышей подвешивали продукты (мясо, колбасы, жир), подвергавшиеся сушке и копчению. В углу около печи находилась решетка из планок или жердочек, на которой раскладывали для сушки творожные сырки.

Широкие нары в аласыках до сих пор являются существенным элементом интерьера (рис. 57). На них отделено место для отдыха и приема пищи, разостланы паласы. На высоком помосте у печи или на лавке стоят ведра с водой, кадочки и горшки с продуктами, квашня, маслобойка и другая утварь. Под лавками и нарами можно

увидеть корзины с провизией, жаровню с углями для самовара; в прошлом там стояли жернова и другой хозяйственный инвентарь. Пол в аласыках лишь иногда покрывали досками, слегка приподнимая их на лежаках из тонких бревен. Стены летних кухонь были темными от копоти и паров; в узкие оконные щели едва пробивался дневной свет.

При стабильности внутренней организации кухонь, едином подходе к устройству интерьера (главное место в нем отводилось очагу, а относительно него располагали нары и лавки для утвари) существовали некоторые варианты его внутренней планировки. Наиболее устойчив был интерьер бревенчатых аласыков горно-лесной зоны (с входом в торцовой стене). Для него характерны очаг у входа и нары за ним, иногда занимавшие всю дальнюю стену. В предгорьях и в лесостепных юго-западных районах очаг мог находиться против входа, нары располагались в другом дальнем углу, лавки для посуды и ведер — около двери. Направление устья печи в аласыках не отличалось устойчивостью, что объясняется поздней трансформацией открытого очага в дымоотводную печь.

В последние годы планировка летних кухонь стала усложняться: очаг с котлом соединяют не только с хлебной печью, но и с плитой. Иногда перед входом в помещение устраивают легкие сени.

ОТКРЫТЫЕ ЛЕТНИЕ ОЧАГИ

Летние печи — еще один реликт кочевой жизни башкир (рис. 58). При описании летних поселений мы говорили о существовании на их территории очагов с котлами для приготовления пищи и общественных печей для лепешек и хлебов. В условиях оседлости эти сооружения переместились в аулы. Сложились местные традиции в использовании такого рода печей. На обширной территории, включая южные отроги гор, Зауралье, оренбургские и приволжские степи, в башкирских усадьбах имелись обе печи — очаг с котлом и хлебная печь; нередко они были сплочены в одну систему. Иногда вокруг них возводили саманную или каменную загородку, защищавшую от ветра; в прилесных районах сооружали навес на столбах. В отрогах гор для корпуса печей использовали камень-плитняк, обмазывая его глиной и основание очага слегка углубляя в землю. В степной местности печи складывали из сырцового кирпича — самана. Особенностью летних печей южных башкир являлись широкие котлы на два-три ведра, в которых можно было приготовить праздничное угощение, вскипятить воду, — обстоятельства немаловажные при сохранении на юге определенного уклада хозяйства с преобладанием скотоводства и некоторых обычаев, предусматривавших многолюдные сборы гостей. У задней стены печи имелся вертикальный отвод, обеспечивавший тягу. После протопки печи это отверстие, как и устье, закрывали железными заслонками или каменными плитами. Сохранению на юге хлебных печей способствовали традиции, связанные с приготовлением крупяных и мучных кушаний в золе на

Рис. 58. Летние печи для хлеба и приготовления пищи. Дер. Галиаэметово Хайбуллинского р-на. Фото М. Г. Муллагулова

полу разогретого очага или на его раскаленных стенках. Эту бытовую особенность в середине XIX в. подметил П. Небольсин: «Хлеб пекут... в особых печах, устраиваемых во дворах. Печи эти бывают без труб; тут же сушат и зерновой хлеб для круп; в этих же печах пекут и лепешки из полбенного теста. Когда тесто приготовят, то его налепливают на внутренние бока печи точно так же, как у всех восточных народов»⁸.

На юго-западе и западе Башкирии открытые очаги встречались редко. Комплекс «хлебная печь и печь с котлом» в этих местах был перенесен в аласыки. Как пережиток прежних обычаев кое-где сохранилось прежнее название

хлебной печи «ялан мейесе» (буквально «полевая печь»), хотя сооружалась она теперь в помещении.

В усадьбах горно-лесных районов печи ставили редко, поскольку еще в 20-е годы большинство жителей продолжало выезжать на летовки. Во временных же поселениях, как отмечалось выше, пищу готовили в жилище или в загородке около входа в него. При переходе к оседлости в аулах стали строить летние кухни; в кухнях или в избах пекли и хлеб. И все же иногда для приготовления праздничного угощения во дворе сооружали временный открытый очаг, установив котел на уложенные полукольцом камни.

В большей степени приусадебные печи были характерны для восточного Зауралья. «Хлебы пекут они в особо стоящих против избы во дворе битых из глины печах, которые огораживают жердьем», — писал Н. Попов о северной группе зауральских башкир⁹. В начале XIX в. здесь сохранялась традиция выпечки хлеба в общеаульных печах. «В каждой небольшой деревне имеют по одной, а в больших по две битые из глины печи на дворе, ничем не покрытые. В них пекут зимою... хлеб», — сообщал Н. Попов по поводу башкирского населения Екатеринбургского уезда¹⁰. Очаги в челябинских и курганских аулах имели характерную форму, поскольку труба устраивалась перед топкой. Для остова использовали стволы молодых березок; их оплетали прутьями, оббивая с обеих сторон глиной. Устье слегка вытянутой кверху формой напоминало зев традиционного чувала. Наряду с описанными очагами из камня, самана, позже кирпича здесь складывали и очаги с котлом. В отличие от южных районов их почти никогда не устанавливали рядом с хлебными печами,

В целом в районах, где население сравнительно поздно перешло к оседлости, приготовление пищи на открытом воздухе долгое время оставалось устойчивой привычкой. В южных степях система летних очагов превратилась в сложенный комплекс. Вместе с тем на северо-западе и севере Башкирии — на территории устойчивой оседлости, для которой были типичны завершённые в организационном плане усадьбы, — в XIX в. не было ни открытых, ни закрытых летних очагов. О пермских башкирах Н. Попов писал, что они «хлебы пекут и летом в юртах (избах.— С. III.)»¹¹. Одновременно, затопив очажок с котлом, готовили и пищу.

КЛЕТЫ

Клетки, или амбары (келэт), в конце XIX в. можно было встретить в аулах по всей территории расселения башкир. В то же время в качестве хозяйственной службы эта постройка не являлась обязательной. В психологии народа, в прошлом кочевника, оставалась сильной привычка наиболее ценное имущество, тем более продукты питания, хранить рядом с собой — в жилище или в непосредственной от него близости. Для этой цели максимально использовалось пространство под нарами. Утварью был наполнен хозяйственный угол около печи. К началу нашего века во многих районах распространилось огораживание кладовки в сених.

Особенно редко встречались клетки в степной местности, где остро ощущался недостаток строительных материалов. «Амбаров нет или очень мало», — отмечал П. Небольсин при описании аулов южных башкир¹². Но и в лесистых горах клетки сооружались далеко не во всех усадьбах. «У редких есть амбар», — свидетельствовал Л. Бергхольц, побывавший в бассейне Инзера у катайцев¹³. Многие информаторы, объясняя отсутствие клеток, замечали: «В клетях хранить было нечего». Но и в состоятельных хозяйствах охотнее строили избу сложного плана — с «хозяйственной» половиной, чем отдельную клетку, тем более что последняя никогда не использовалась под жилье.

С развитием в некоторых районах товарного земледелия потребность в помещениях для хранения хлебных излишков стала острее. Богатые для этой цели ставили в усадьбах специальные постройки, конструкцией повторявшие клетки русских, марийцев, амбары татар. Процент таких сооружений в расчете на количество дворов в ауле был в целом невелик: в самых зажиточных деревнях он не превышал 1/5 хозяйств, в большинстве же случаев цифра была еще более низкой¹⁴. В то же время баи на своих усадьбах имели по две, а то и по четыре клетки: отдельно содержали зерно и муку, мясо и жир, деревянную утварь, упряжь и конское снаряжение. Иногда под одной крышей объединяли две клетки или клетку и летнюю кухню.

Большое количество клеток встречалось в юго-западных и западных районах Башкирии. Относительно распространенной постройкой были клетки также в челябинском и курганском Зауралье. Стремились их иметь башкиры, продолжительное время контактировавшие с русским населением, в том числе с горнозаводским.

Главное требование, которое предъявлялось при конструкции клетей, — их прочность. Это были в целом небольшие сооружения без окон, с наглухо заделанной крышей и приподнятым над землей полом. Для стен использовали бревна или камень-плитняк, в редких случаях обмазанный плетень или саман. Выбор материала зависел от местных условий.

Бревенчатые срубные клетки — тип, наиболее распространенный (рис. 59). Преимущественно из бревен складывали клетки на северо-западе, севере, в среднем Забелье, в горно-лесных районах. Срубы были невысокими, из 10—12 венцов. Иногда их приподнимали над поверхностью земли на каменных подпорках или столбах. Небольшой дверной проем и порог располагались довольно высоко, хотя крыльцо отсутствовало. Для крыш клетей была характерна «самцовая» конструкция, кровельным материалом в пределах гор служили дранка и тес, в Приуралье и на юге Башкирии использовалась также кора; в таких клетях обязательно устраивали потолок и тщательно заделывали бревнами фронтоны. На юго-западе, в бассейнах Демы и Ашкадара, для покрытия употребляли солому. В курганском Зауралье легкий накат из жердей придавливали пластинами дерна. Четырехскатные дерновые крыши с костровой конструкцией встречались в бассейне Ая.

В отличие от аласыков вход в клеть в подавляющем большинстве случаев устраивали в широкой стене. Скат крыши, поддерживаемый бревнами-выпусками, выходил далеко за сруб, образуя над входом навес. В силу этого крыша клетей была асимметричной, а при одинаковых скатах коньковое бревно смещалось от центральной линии в сторону входа. Такая особенность характеризовала клетки на северо-востоке Башкирии, в челябинском и курганском Зауралье, кое-где в юго-западных районах. При устройстве входа в торцовой стене над входом нависали оба ската, далеко выступавшие за бревенчатый фасад.

В некоторых южных районах Башкирии (Кугарчинский, Зианчуринский) стены бревенчатых клетей строили более привычной в этих местах пазовой техникой. Для крыш употребляли кору. Характерно, что каркас таких клетей был укреплен на срубной бревенчатой раме, что давало возможность приподнять сооружение над землей, установив на тумбах.

В область распространения каменных клетей (рис. 60) входили юго-западные и крайние южные районы Башкирии. На восток от Уральских гор, в непосредственной близости от них, клетки из камня-плитняка сооружали в Баймакском р-не БАССР, в Уфалейском и Аргаяшском районах Челябинской обл. Невысокие прямоугольные постройки имели стены толщиной от 80 см до 1 м, с внутренней стороны камень обмазывали глиной. Фронтоны заканчивались выступом, на который накладывали слегу двускатной крыши. Густую обрешетку в придемских районах покрывали соломой. Для южных районов и Зауралья более привычным материалом при покрытии клетей была земля. На левобережье р. Белой и Ашкадаре (Стерлитамакский р-н БАССР) над амбарами сооружали соломенные крыши

*Рис. 59. Срубная клеть. Дер. Новомещерово Мечетлинского р-на. МЭЭ 1959 г.
Фото автора*

*Рис. 60. Каменная клеть. Дер. Кучербасово Стерлитамакского р-на. МЭЭ 1970 г.
Фото автора*

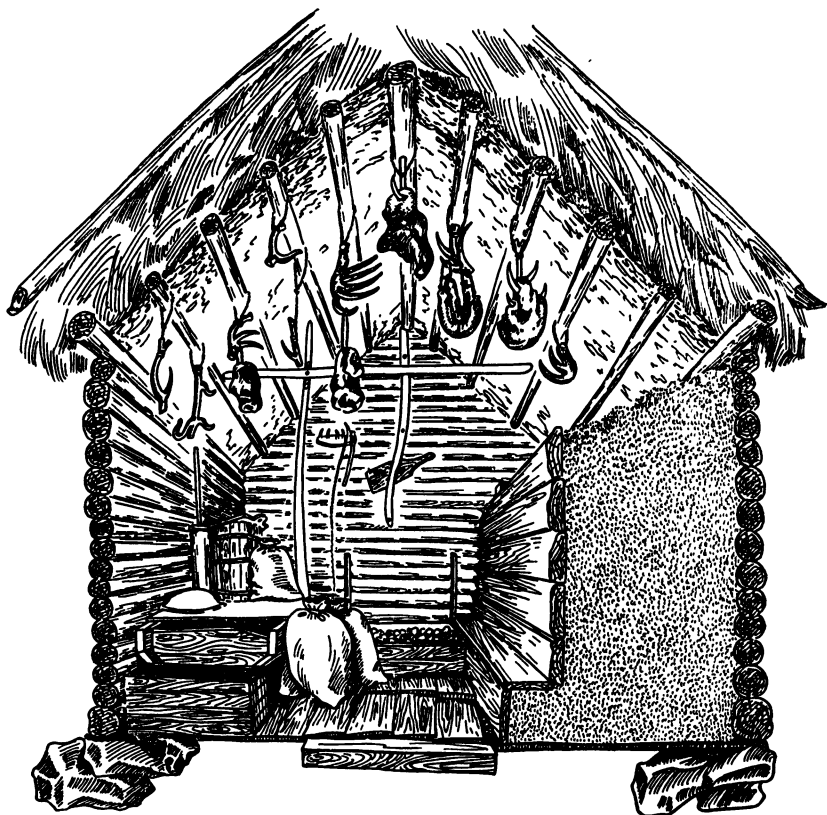

Рис. 61. Интерьер клетки. Дер. Юнаево Зиянчуриноского р-на. МЭЭ 1970 г. Рис. М. Д. Кузнецова

четырехскатной формы. Каменные клетки, как и бревенчатые, потолка не имели, но в отличие от бревенчатых у них часто не было и пола.

Клетки из плетня встречались у ашкадарских и демских башкир, а также в курганском Зауралье. Нередко они выполняли функцию и летних кухонь или подводились под общую с ними крышу. Их конструкция ничем не отличалась от других плетневых сооружений. В бассейне Ашкадара и Демы их покрывали соломой в четыре ската, в восточном Зауралье крыша была пологой, на два ската, из жердей, присыпанных землей; плетеные фронтоны служили продолжением стен. Пол и потолок обычно отсутствовали.

На востоке Челябинской, в Курганской областях и в некоторых южных районах сооружали саманные клетки. Земляное покрытие покоилось на «самцовой» бревенчатой конструкции, установленной поверх стен. Для поддержания крыши в углах постройки иногда устанавливали столбы.

Внутреннее оборудование клетей было связано с их прямым назначением (рис. 61). Вдоль боковых стен досками (редко — плетнем, обмазанным с внутренней стороны глиной) отгораживали отсеки для зерна. Пространство между отсеками занимали лари, мешки, большие деревянные кадки с мукой, отрубями. Для низких кадочек с жиром, соленым мясом, топленным маслом в одном из углов помещения сооружали специальный помост. К балкам крыши прикрепляли множество деревянных крюков для вяленого мяса, колбас, уток, гусей, гроздьев калины или рябины. В висячем положении находились лозовые плетенки или сетки с сухими сырками, корзины с яйцами. В зажиточных хозяйствах мясомолочные продукты старались держать отдельно от муки и зерна.

БАНИ

Бани (мунса) связаны у башкир с оседлой жизнью. В дореволюционных аулах бань было сравнительно немного: в поселениях, насчитывавших 70—80, а то и 100 дворов, — не более 5—6 бань (деревни Кучербаево Стерлитамакского, Чибинли Альшеевского, Утягулово Зианчуринского районов БАССР, Иткулово Уфалейского р-на Челябинской обл., Шарипово Альменевского р-на Курганской обл.). Иногда на деревню приходилось всего две-три бани (Старо-Якупово Зилаирского, Больше-Абишево Хайбуллинского районов БАССР). В крупной дер. Таймасово Кумертауского р-на имелась всего одна баня, в которой мылись по очереди не только члены семьи, но и родственники хозяина, и соседи. Больше бань было в селах Челябинской обл. (в среднем 10—12 на деревню)¹⁵.

В первой четверти XVIII в., на раннем этапе перехода башкир к оседлости, распространение бань в аулах сдерживалось тем фактом, что они, как и некоторые другие строения в башкирских деревнях, облагались налогами¹⁶. Этот акт вынуждал население использовать землянки, делать временные крытые кошмой каркасные сооружения и пр. По всей Башкирии, особенно в южной части, до последнего периода был распространен обычай коллективного пользования чьей-то баней. Каждая из семей, пользующихся баней зажиточного родственника, знала свой «банный» день, в который полагалось вымыть помещение, наносить воды, протопить, убрать за собой. Иногда баня не успевала остыть в течение всей недели. Тот же круг людей участвовал в постройке бани, ее ремонте. Особые функции бань — своего рода «общественных» построек — впервые отметил в конце XIX в. П. С. Назаров¹⁷. Несмотря на малочисленность бань в башкирских аулах, отношение населения к постройкам этого рода по крайней мере в конце XIX в. было положительным. Чтобы соорудить баню, использовали любые доступные материалы, иногда даже не вполне отвечающие санитарным нормам. В безлесной местности строили из самана, камня; известны случаи сооружения плетневых бань-полужемлянок.

Из соображений противопожарной безопасности баню ставили в отдалении от других хозяйственных служб. На первых порах ее

место на усадьбе не было строго определено. Серия указов правительства, направленных на осуществление мер по перестройке аулов по уличной системе, более четко регламентировала местоположение бань. Во избежание пожаров в 40-е годы прошлого столетия было предложено при перестройке деревень бани переносить за усадьбы — в склон реки или на берег озера¹⁸. В конце XIX в. П. С. Назаров писал, что бани южные башкиры строят во дворах «не так часто, как за деревней, на берегу реки»¹⁹. В настоящее время хозяйственных построек, расположенных за пределами усадьбы, почти не осталось. В северных районах и прежде баню охотнее ставили в собственном огороде за скотным двором.

Как было сказано выше, для бань, кроме леса, использовали плетень, саман, камень-плитняк. Постройки имели одинарное или двойное покрытие; в последнем случае над земляным потолком возводилась корьевая тесовая, дранковая или соломенная крыша. В постройках, где потолок и крыша совмещались, употреблялась преимущественно земля, насыпанная на жердевый накат.

Срубные бани — тип построек, распространенный на территории северной, центральной и горной Башкирии (рис. 62). Иногда такие бани встречались по южным отрогам и в Зауралье. Специфика местных условий отражалась в устройстве их крыш и предбанников. В большинстве районов над срубными банями возводили двускатное стропильное покрытие, при этом фронтоны оставляли открытыми; банное помещение имело засыпанный землей потолок из плах или толстых досок. Обрешетку стропил покрывали полосами коры, реже — дранкой, тесом. В единичных случаях в Бурзянском, Мелеузовском и некоторых соседних районах зафиксировано «самцовое» покрытие, но в целом врубка слег в бревна фронтонов применялась редко.

В центральной полосе и кое-где на северо-востоке Башкирии бани крыли на четыре ската. Стропильные шатровые соломенные крыши были распространены в центральной части Башкирии — от Ермакеевского до Кармаскалинского и Иглинского районов. В Кармаскалинском р-не четырехскатные крыши бань в наиболее состоятельных хозяйствах покрывали тесом.

На северо-востоке (Мечетлинский, Дуванский районы) на пирамидальные крыши накладывали пласты дерна; их основой была так называемая «костровая» бревенчатая конструкция, способная выдерживать тяжесть земли. Здесь же в степных аулах восточного Зауралья крышей срубных бань мог служить плоский накат с землей, насыпанной толстым (до 70 см) слоем.

Вход в баню располагался в торце сруба. В горных районах и на Уфимском плато, несмотря на обилие леса, встречалось немало построек без предбанника. Там, где предбанник сооружали из бревен, он являлся прирубом. В других случаях его стены состояли из полос коры или досок, укрепленных вертикальными рядами. В лесостепных юго-западных районах для предбанника использовали плетень или жерди, встроенные в пазы столбов или заложенные за горизонтальные планки. В редких случаях предбанник подводили

под общую с основной постройкой крышу, но потолка он не имел.

В некоторых южных и юго-восточных районах республики (Кумертауский, Кугарчинский, Зиянчуринский, Хайбуллинский, Баймакский) и на сопредельной территории Оренбургской обл. при постройке бань, как и других хозяйственных сооружений, использовали технику закладки бревен в паз. Крыши бань были земляными, плоскими или слегка приподнятыми посередине на балку.

В бассейне Уршака и Демы основным материалом для стен служили гибкие ветви деревьев. Техника сооружения плетневых бань мало отличалась от той, которая применялась для жилых строений. Оплетались врытые по контуру помещения жерди; плоская земляная крыша опиралась на балки, вложенные в развилки столбовых опор. Стены слегка возвышались над крышей, образуя загородку для земли. Внешнюю поверхность стен обмазывали глиной. У входа сооружали загородку из коры, горизонтального или вертикального плетня, выполнявшую роль предбанника.

В отличие от юго-запада Башкирии в Челябинской и Курганской областях крыши плетневых бань были двускатными на стропилах; они прикрывали потолок — засыпанный землей накат из жердей. Основные конструктивные узлы построек идентичны распространенным на Уршаке и Деме.

В восточной части Баймакского и в Хайбуллинском районах стены бань иногда складывали из каменных плит. Неровную поверхность снаружи обмазывали глиной (рис. 63). Плоское перекрытие из жердей придавливали дерном. Для дыма в стене у очага оставляли отверстие, которое после протопки прикрывали кляпом из тряпок и травы. При строительстве одновременно с моечным помещением возводили небольшой предбанник. Система входов была угловой (взаимно перпендикулярной), что способствовало сохранению тепла в продуваемых ветром степных местах.

Не только отсутствием древесных материалов, но и опасностью пожаров объясняется устройство в степи бань из саманных кирпичей. Такие бани встречались в Хайбуллинском р-не БАССР, в Оренбургской и Куйбышевской областях. Земляную крышу, слегка покатую от центра к краям, приподнимали на одной или двух балках. Всю постройку, включая крышу, обмазывали глиной. Особенностью саманных бань были две отдушины в потолке для отвода дыма: в основном помещении над очагом и в предбаннике. Вместе с тем бани оставались «черными», поскольку печь не имела дымоотводов.

Бани, углубленные в землю, имеют несколько разновидностей. В дер. Суряково Аргаяшского р-на Челябинской обл. нами была встречена срубная баня, наполовину углубленная в землю. Небольшой сруб в семь венцов, три из которых находились в земле, имел двускатный накат, продольные слуги покоились на бревенчатых фронтонах. При невысоких стенах внутреннее пространство увеличивалось благодаря отсутствию потолка²⁰.

В восточной части Оренбургской обл. по границе с Башкирией можно было увидеть бани, врытые в берег реки²¹. Их стены состояли из досок или разрубленных вдоль коротких бревен, вложенных

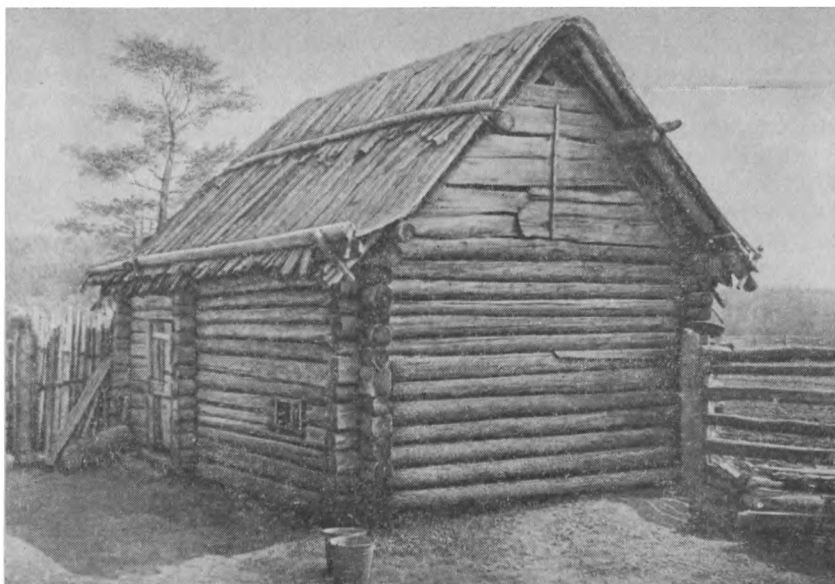

Рис. 62. Бани с двускатной корьевой крышей (дер. Ваньш Калтасинского р-на) и с четырехскатной соломенной (дер. Старомусино Кармаскалинского р-на). МЭЭ 1959, 1970 гг. Фото автора

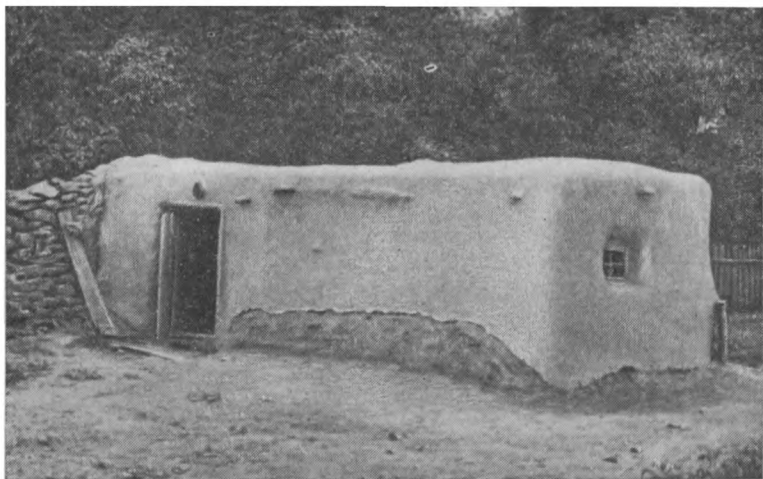

Рис. 63. Баня из камня, обмазанная глиной. Дер. Мамбетово Хайбуллинского р-на. МЭД 1970 г. Фото автора

Рис. 64. Интерьер бани. Дер. Старокалках Стерлибашевского р-на. МЭД 1970 г. Рис. М. Д. Кузнецова

в продольные выемки стоек. Крыша покатая на две стороны. Нередко вся постройка, включая крышу, обмазана толстым слоем глины. Одна из длинных сторон, высеченная в склоне, могла оставаться земляной. Предбанник был сконструирован так же основательно, как и главное помещение.

В лесостепной части Челябинской и в Курганской обл. нами были зафиксированы бани, целиком погруженные в землю. К ним вела пологая лесенка земляных ступеней; иногда вокруг входа воздвигнута загородка из досок — предбанник. В дер. Якупово Красноармейского р-на Челябинской обл. земляные стены были закрыты плетнем. В дер. Дербишево Аргаяшского р-на за угловые стойки заложены плахи. Иногда стены слегка затирали глиной. Средняя плоская часть крыши приподнималась на столбах (конструкция усеченной пирамиды)²². Накат из жердей имел в разрезе трапецевидную форму.

В районах Башкирии до наших дней бани-землянки не сохранились; однако литература упоминает существование подобных сооружений у юго-западных башкир: в начале века «баню в земле» встретил на р. Дема М. А. Круковский. Путешественник констатировал: «Выкапывают (башкиры, — С. III.) яму, стенки выкладывают хворостом и замазывают глиной; сверху потолок, засыпанный землей, а над ним такая же земляная крыша, на которой вырос целый цветник... Печь в бане — простая каменка, без трубы»²³.

Заканчивая описание бань, следует напомнить о сооружениях из жердей, которые иногда устраивали во дворах южные башкиры. Полусферический или слегка вытянутый в плане округлый каркас при надобности покрывали кошмами. Тепло получали от раскаленных заранее камней. О таких банях помнят старожилы Хайбуллинского, Зианчуринского районов. Традиция их устройства ведет в кочевой быт.

В конце XIX — начале XX в. большинство бань в башкирских аулах топили «по-черному»: их очаги не имели дымоотводов и труб (рис. 64). Банная печь была сложена из камня-плитняка, валунов. Под грудой камней оставляли пространство для дров, во вместительную топку закладывали крупные длинные поленья. Дым выходил через открытую дверь и отдушины в стене, в потолке. При удачном устройстве каменки и хорошо утепленной бане одной-двух охапок дров хватало, чтобы помещение смогло нагреться до необходимой температуры. Около камней или на них заранее ставили котел и ведра с водой. Когда дрова прогорали, дверь и отдушины закрывали и помещение некоторое время выдерживали. Холодную воду приносили с собой, когда приходили мыться.

При устройстве «черных» бань кажется естественным положение очага у входа; вход оставляли в узкой стене постройки. За каменной находился высокий помост для парения (своеобразные полунары-полуполати). Две другие стены были заняты низкими лавочками, на которые ставили таз с водой, когда мылись, или садились передохнуть. Вместе с тем в некоторых районах на юго-западе республики печь иногда передвигали в дальний угол, разворачивая топкой к входу. Нары занимали остаток торцевой стены, почти нависая над камнем. От них к входу вдоль стены тянулась узкая лавочка.

Одной из особенностей внутреннего устройства бань было наличие деревянного настила, покрывавшего землю от двери до «нар».

Под настилом находилась вырытая в земле канавка, через которую выходила вода.

Обращает на себя внимание внешнее сходство бань с аласыками. Вместе с тем несомненны те характерные признаки, которые отличали их от других построек. Прежде всего это очаг, топящийся «по-черному». Заметна тщательная заделка потолка и стен с применением обмазки, земляной насыпи на потолочном перекрытии и в нижней части стен. Обязателен деревянный настил на полу. Во многих постройках имелась загородка или холодное помещение — предбанник. Характерно отсутствие окон: крошечное световое отверстие в стене над лавками плохо освещало внутреннее пространство. Поскольку топили баню часто, в ней не было посторонних вещей. Предбанник же и чердак, если строение находилось в усадьбе, иногда становились вместителями хозяйственной утвари. На чердаке сохли березовые веники.

ДОМИКИ ДЛЯ ЗИМНЕГО СОДЕРЖАНИЯ ЯГНЯТ И ТЕЛЯТ

Утепленные домики для родившихся в зимнее время ягнят или телят (мал өйө, малуха, избүнкә) в XIX — начале XX в. были обычным явлением в усадьбах гор и предгорий. До сих пор они изредка встречаются в Кармаскалинском, Гафурийском, Мелеузовском, Кигинском, Мечетлинском районах; особенно характерны для Белорецкого и Бурзянского, более редки — в аулах демских и айских башкир. За пределами республики их знало население Курганской обл.

Как правило, это были бревенчатые избушки с приподнятым полом, утепленным потолком и двускатной крышей из коры или дранки. Вход располагался в торцевой стене. Крыша держалась на бревенчатых фронтонах или стропилах; в последней конструкции фронтоны могли оставаться открытыми. Срубы ставили на деревянные или каменные врытые в землю тумбы. Нижний венец утепляли, закладывая камнем, засыпая землей. Порог несколько приподнимали от земли, к входу прислоняли «трап» из досок. В стенах сруба прорубали одно-два небольших окна.

Помещение отапливалось печью. Это был по существу очаг с котлом, усложненный сооружением позади него прямого дымоотвода. В котле грели воду для приготовления пойла.

В зажиточных хозяйствах могло быть два домика — для ягнят и для телят отдельно. В летнее время эти помещения, тщательно вымытые, использовали для хранения утвари и инвентаря.

ЗЕМЛЯНКИ ДЛЯ НОВОРОЖДЕННЫХ ЯГНЯТ

В Уральских горах, в предгорьях (в среднем Забелье, на Уфимском плато) и во всем Зауралье для зимовки новорожденного скота, в первую очередь ягнят, было принято, помимо домиков, сооружать землянки (рис. 65). На названной территории они встречались во

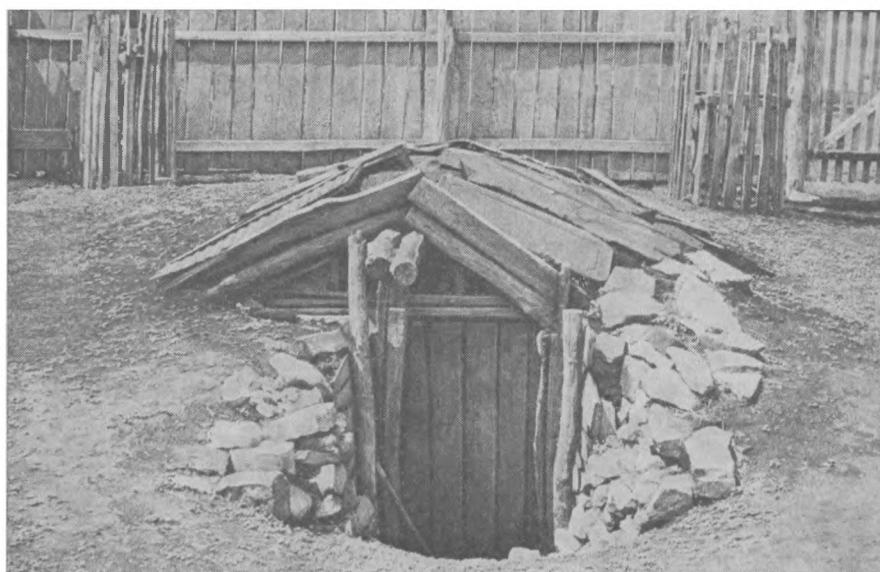

Рис. 65. Полуземлянки для зимовки язнят в дер. Большеабишево Хайбуллинского р-на и в дер. Кабыккушево Стерлибашевского р-на. МЭЭ 1970 г. Фото автора

многих усадьбах, отапливаемые избушки — только в самых зажиточных. Углубленные в землю постройки назывались «аран», «бетәү», «ер арбаз», «ер токон», «ер оя» (последнее буквально «земляное гнездо»). Разнообразна была не только терминология, но и устройство. В простейшем варианте это яма глубиной от 70 см до 2 м,

имевшая деревянное засыпанное землей покрытие и боковой прикрывающийся щитом лаз. Пол был устлан соломой. В других случаях ямы забирали досками или жердями. Иногда использовали бревенчатый сруб. По-разному решали устройство крыши, в основном используя деревянный каркас, слегка возвышавшийся над поверхностью земли. В зависимости от его конструкции различалась внешняя форма построек.

По западным склонам Уральских гор и в предгорьях коньковое бревно удерживалось на столбах, врытых посередине узких стен; оно служило опорой для жердевого настила, который другим концом упирался в землю или накладывался на бревна, положенные по краю ямы. Реже середина крыши была приподнята на двух-трех перекладинах, укрепленных на столбах, образующих дверной проем. В большинстве случаев, за исключением последнего, вход сдвигался вправо или влево от опорного столба. Стены оставляли земляными или укрепляли жердями, заложенными за угловые стойки. Крышу покрывали корой и засыпали землей.

В землянках другой конструкции опорой крыши служила поднятая на столбах бревенчатая рама. Когда она соответствовала размерам помещения, уплощенная крыша лишь слегка приподнималась в центре на коньковое бревно; стены состояли из вертикального ряда жердей. Чаше столбы отодвигались от боковых стен к центру и обложенный жердями каркас напоминал формой усеченную пирамиду. Центральная часть постройки имела плоское покрытие. Все сооружение закладывали дерном. Посередине передней стены находилась дверь, к которой вел наклонный спуск. Описанная конструкция была распространена в горах, особенно в восточном Зауралье.

На северо-востоке Башкирии, изредка в усадьбах горных башкир соорудили срубные землянки и полуземлянки. Иногда сруб опускали в яму, оставляя над поверхностью несколько венцов. Чаше он был невысоким и опирался на край ямы. Плоский бревенчатый накат, засыпанный землей, защищало от дождя двускатное корьевое или дощатое покрытие. В Белорецком и Бурзянском районах односкатная крыша опиралась на две пары столбов, врытых внутри сруба; первая от входа пара была несколько выше и располагалась у передней стены, вторая — чуть дальше центральной линии.

Помещения земляночного устройства нередко размещались внутри скотного двора или непосредственно за ним и имели лаз из сарая, особенно в горных аулах. В лесостепном восточном Зауралье земляночные овчарни ставили обособленно от остальных служб, ближе к дому.

ПОГРЕБА

Специальные сооружения для хранения молочных и мясных продуктов, а позже (с начала нашего века) — картофеля имелись во многих усадьбах северных и западных башкир. Они встречались также в среднем Забелье и по отрогам Уральских гор. В глубине

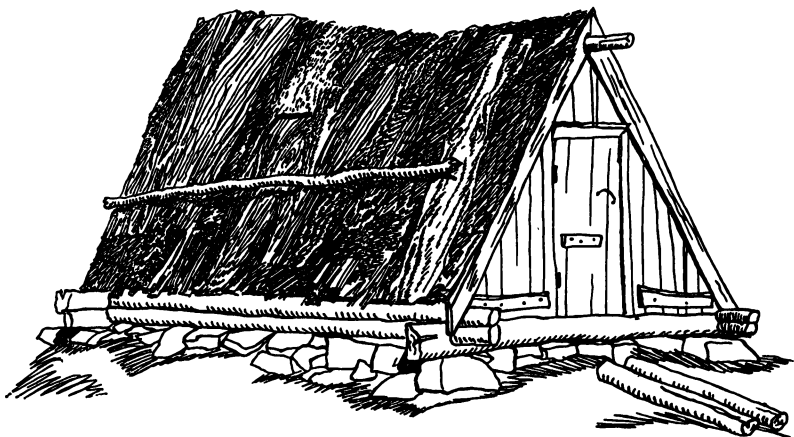

Рис. 66. Погреб с погребницей в виде двускатного шалаша. Дер. Нижние Бишинды Туймазинского р-на. МЭД 1969 г. Рис. Р. Сурвилло

гор и в восточном Зауралье погреба были редкостью. В оренбургских и приволжских степных аулах они отсутствовали еще в XIX в. и стали появляться здесь лишь в последние полвека.

Собственно погребом (баз, мөгэрәп) служила прямоугольная яма глубиной от 1,5 до 2 м. Внутри нее устанавливали столбовой каркас, поддерживавший балки перекрытия. Поверх плотного наката из бревен, застланного полосами коры, травой, сооружали земляную насыпь. В погреб можно было попасть через люк в потолочном перекрытии. Реже устраивали боковой спуск; открытую стену закладывали бревнами, навешивая дверь.

Над погребом для защиты его от дождя и снега во многих случаях сооружали навес или двускатную крышу, покрывая ее травой, соломой, корой, досками (рис. 66). Иногда напогребницы превращались в самостоятельные постройки типа шалашей или даже избышек и служили для хранения хозяйственных вещей, орудий земледелия, рыболовства, упряжи. Особенно тщательно их строили в северо-западных районах. В разновидностях напогребниц, способах их сооружения отразились, по-видимому, строительные традиции населения разных этнокультурных районов, особенности географических зон.

На запад от Уральских гор (в среднем Забелье и кое-где в левобережье Белой) над погребами сооружали корьевые двускатные шалашы. Каркас имел разные формы. В аулах по левому берегу р. Белой (Аургазинский р-н) устанавливали две-три пары наклонных жердей, в перекрестия вкладывали центральную слегу. Боковые слёги крепили лыком. Полосы коры перебрасывали через конек на две стороны и прижимали гнетами; торцы заделывали корой. В Забелье (Гафурийский, Ишимбайский, Мелеузовский районы) и южнее (Кугарчинский, Зианчуринский районы) конек шалашей покоился на естественных развилках вкопанных столбовых опор; к этой основе приставляли наклонные столбики, к которым крепили боковые слёги.

Первая конструкция остова шалашей-напогребниц была распространена в большинстве западных районов Башкирии, вплоть до нижней Белой и Камы. Для крыш на этой территории использовали солому или сено.

Прямоугольные погребницы со стенками из коры или досок и односкатной крышей можно было увидеть в некоторых северных районах (Янаульском, Татышлинском). Доски и кору закладывали горизонтальными рядами между вкопанными попарно столбами. Передние опоры были выше остальных. В высокой передней стенке находился вход.

Срубные погребницы встречались в западных районах по границе с Татарией. Обычно это был сруб в два-три венца с двускатной крышей и входом с фасада. Реже погребницы представляли собой небольшие избушки с двускатной крышей и заделанными досками фронтонами. Дверь располагалась в передней узкой стене.

Погребницы, сплетенные из тальника, были характерны для степных аулов Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областей. Иногда они имели форму полусферического шалаша. С внешней стороны плетный каркас обмазывали глиной. В Оренбургской обл. и в Кумертауском р-не БАССР встречались также саманные прямоугольные погребницы с земляной покатой крышей.

Кроме описанных погребов с плоским перекрытием на уровне земли, для хранения продуктов использовали полуземлянки. Погреб-полуземлянки были погружены в землю на высоту стен, возвышалась лишь конструкция крыши; двускатная крыша из коры или наполовину засыпанного землей наката из плах крепилась на опорных столбах, врытых по центру. В передней стене находилась дверь. К ней вел спуск, укрепленный камнем-плитняком. Стены землянок обкладывали досками или расколотыми вдоль бревнами. В некоторых случаях бревна вкладывали в пазы угловых стоек.

На крайнем юго-западе (Белебеевский р-н) были случаи приспособления под погреб полуземлянок с оплетенным лозой каркасом. Покрытую плетнем на два ската крышу засыпали соломой и землей.

СКОТНЫЕ ДВОРЫ И ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ СКОТА

Помещения для содержания дойных коров, овец и коз (азбар, арбаз, харай) в башкирских усадьбах в начале нашего века были в числе самых распространенных хозяйственных сооружений. Д. П. Никольский в монографии «Башкиры» привел данные Екатеринбургского статистического бюро, полученные в 1887 г. в результате хозяйственной переписи трех волостей губернии. Согласно этим данным, около половины служб (45,7%) составляли сараи и амбары²⁴. Степень оседлости населения оказывала влияние на тщательность устройства скотного двора. Во многих южных и юго-восточных районах Башкирии хлева и конюшни стали появляться лишь в конце XIX в., до этого времени для скота сооружали загоны. Усовершенствование скотного двора, как правило, начиналось с устройства над загонами крыш-навесов. Такое же явление можно обнаружить и

в развитии внутренней усадьбы у башкирского населения восточного Зауралья. «В отдалении от остальных хозяйственных построек — загонь для скота, — читаем мы в работе Н. Попова, — покрытые соломой или камышом, у некоторых лубьями»²⁵ (автор имел в виду башкир Шадринского и Екатеринбургского уездов Пермской губ. — *С. III*). В связи с этим в ряде мест Зауралья за скотными помещениями, прежде всего за овчарней, закрепился термин «аран» — буквально «стойло». Одновременно на севере Башкирии и в некоторых горных районах в числе построек для скота было немало основательных сооружений из бревен с утепленным потолком и сеновалом, представлявших собой часть сложного усадебного комплекса.

Внешний вид скотного двора, как и других служб, зависел от благосостояния хозяев. Л. Бергхольц, описывая дворы инзерских катайцев, отмечал, что у зажиточных семей есть амбары, в то время как в других хозяйствах «скот помещается в огороженном дворе под открытым небом»²⁶. Один из благоустроенных дворов в южной деревушке Тазларово описан Н. Крашенинниковым в путевом очерке «Хазрет Хайбулла». «На дворе хазрета все было пригнано, прилажено... тянулись сараи; лошади, коровы и козы выглядывали из-под навесов»²⁷. В социальном плане характерно и другое: в то время как малосостоятельные хозяева имели в лучшем случае одну постройку, не всегда разгороженную на стойла даже с помощью жердей, у богатых скотные дворы представляли собой несколько соединенных под одной крышей строений.

Выбор материалов для скотных помещений зависел от местных условий. Кроме бревенчатых хлевов, встречались постройки плетневые, каменные, саманные, каркасные с земляной забутовкой, со стенами из жердей, коры, позже — досок. Помещения для скота — единственный вид построек, для которых местами использовали камыш. При сооружении многокамерных сараев нередко употребляли несколько сортов материалов, применяли разную по уровню технику.

Срубные бревенчатые постройки для скота часто встречались в аулах, расположенных по берегам нижней Белой и в Прикамье, в районах, граничащих с Пермской и Свердловской областями, а также в зоне предгорий и гор. В большинстве случаев — это удлиненные сооружения, разделенные бревенчатыми перегородками на помещения для коров, овец, птицы и т. д. Каждое из них имело отдельный вход, а иногда и свой выход во внутренний двор, где находились открытые загонь. Над срубом настилали из жердей или бревен потолок и возводили двускатную крышу. Чердак использовали для хранения сена. Кровельным материалом на севере Башкирии и в предгорьях служила кора, в горах — кора и дранка; в зажиточных хозяйствах сараи, как и избы, имели тесовые крыши. В северо-западных районах на обрешетку крыш накладывали сено, которое при затянувшейся зиме могло быть скормлено скоту. К локальным традициям относится покрытие сараев короткой дранкой (щепой) в Иглинском и Архангельском районах.

Техника покрытия построек для скота не имела своих особенностей. В то же время в отличие от жилищ крыши сараев делали

менее тщательно, в их конструкции можно было обнаружить архаичные детали. Каркас крыши иногда сооружали без гвоздей — с помощью глубокой врубки стропил и слег или скрепления жердей мочальными связями. Для аулов горнозаводской зоны были характерны высокие тесовые крыши с объемными сеновалами и люком посередине одного из скатов для спуска сена.

Кроме срубной, применялась техника закладки бревен в пазы столбов (рис. 67). Этот способ, в прошлом распространенный в основном на Южном Урале и в Приуралье, в последнее столетие стал применяться повсеместно. В лесостепи такая рубка давала возможность употребить для стен тонкие стволы берез, осин, лип. Местные различия касались главным образом устройства крыш. На севере Башкирии и в пределах гор над сараями возводили двускатные крыши из коры, дранки, реже теса, в западной Башкирии и в среднем Забелье — соломенные с преобладанием к югу четырехскатных форм. Для южных районов и Зауралья более характерны плоские кровли с копной сена или соломы над ними, для восточного Зауралья — дерновые крыши, плоские или слегка приподнятые по коньку.

В юго-восточном Зауралье (Баймакский р-н) и кое-где у челябинских башкир иногда при сооружении построек для скота положенные друг на друга тонкие бревна закрепляли столбами, врытыми в землю по обе стороны стены. Эта техника, более примитивная, чем пазовая, в других случаях использовалась только для загонов или при огораживании усадьбы.

В местах, бедных лесом, стены хлевов и овчарен делали плетневыми. Обширную область с преобладанием плетневых построек составляли западные и юго-западные районы Башкирии. Крыши сараев были соломенными на стропильном каркасе, укрепленном на столбовых опорах. В большинстве районов было принято четырехскатное покрытие. Плетневые постройки для скота в юго-западных районах являлись довольно внушительными сооружениями, иногда до 10—12 м в длину; их высокая (до 2,5 м) крыша опиралась на четыре — шесть пар врытых за стенами столбов (рис. 68).

Из плетня наряду с другими вспомогательными материалами сооружали скотные дворы зауральские башкиры, как юго-восточные, так и восточные — челябинские, особенно курганские. О постройках такого рода упоминал при описании Оренбургской губ. Н. Литунский: «Надворное строение «кард» (правильно кэртэ — буквально «изгородь», «загон». — С. III.) представляет большую площадь земли, обнесенную, а также отчасти покрытую реденьким плетнем и разгороженную на несколько отделений для разного рода скота»²⁸. Для всего Зауралья были характерны плоские или покатые крыши, придавленные пластами дерна. Стены обмазывали слоем глины, перемешанной с соломой или навозом.

В некоторых аулах северо-востока (по среднему Аю), в Курганской обл., а также на крайнем юге Башкирии стены сараев могли сооружать из вертикального плетня — тына. Сверху постройки покрывали соломой или связками камыша, уложенного поверх жердей, реже — пластами дерна. В юго-западной Башкирии жердевую тех-

Рис. 67. Бревенчатые крытые корой сараи. Дер. Кулеунино Ишимбайского р-на. МЭЭ 1976 г. Фото Т. К. Новиковой

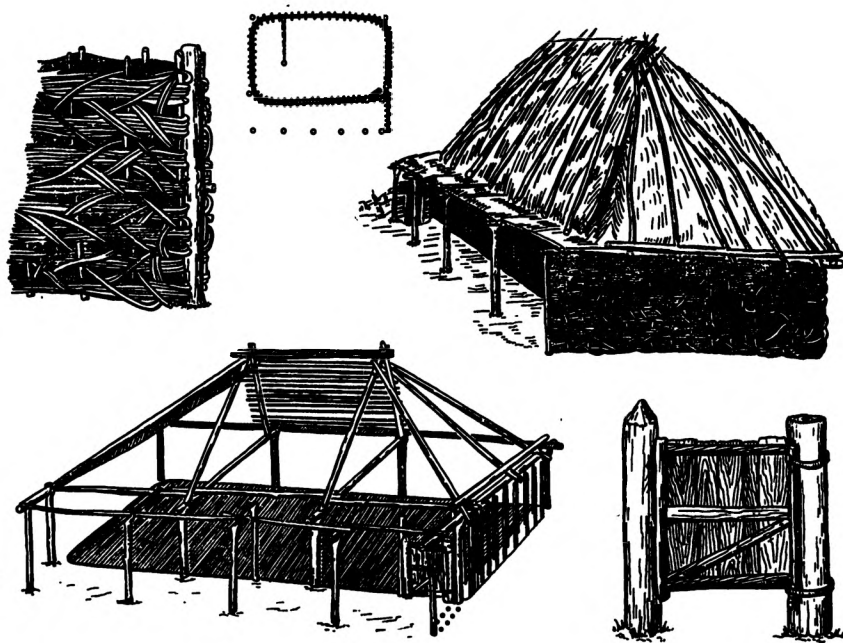

Рис. 68. Техника сооружения плетневых скотных помещений. Дер. Бишаулунгарово Кармаскалинского р-на. МЭЭ 1970 г. Рис. М. Д. Кузнецова

нику применяли только для закрытых загонов для овец. Крыша была плоской, жердевой, слегка присыпанной травой или соломой.

Для низких овчарен с плоской крышей использовали еще один своеобразный строительный материал — вязанки камыша. Об утеплении плетневых и жердевых стен скотных помещений «пучками» камыша, принятом среди башкир Екатеринбургского уезда, говорил еще в начале прошлого столетия Н. Попов²⁹. Мы встречали камышовые сараи в некоторых усадьбах курганских башкир в начале 70-х годов³⁰.

В предгорных аулах для сараев, как и других хозяйственных служб, использовались широкие полосы коры, целиком снятые со стволов деревьев. Обычно их устанавливали вертикально, привязывая к планкам каркаса лыком. С внешней стороны придавливали двумя горизонтальными жердями. Постройки были покрыты корой, переброшенной через балку, укрепленную на столбах. В отдельных случаях кору на стенках укладывали горизонтальными рядами и укрепляли поставленными в ряд жердями. Из коры, луба делали двери сараев, калитки загонов.

Разновидностью каркасных построек являлись сараи с двойными жердевыми стенами и земляной забутовкой. Они имели плоскую или приподнятую в середине дерновую или соломенную пропитанную глиной крышу на столбах. Встречались такие постройки в аулах курганских и челябинских башкир и кое-где в бассейне Ая. Тонкие стволы деревьев прикрепляли к столбам гвоздями. В XX в. курганские башкиры сооружали постройки с земляными стенами и двойным срубным каркасом. Об этой технике мы говорили при описании жилищ. Крыша из соломы покоилась на широких стенах. Подобные постройки с почти плоскими крышами и утепленными стенами предназначались главным образом для мелкого скота, в некоторых хозяйствах — исключительно для молодняка. Коровники же и копошники чаще были плетневыми или бревенчатыми с приподнятой двускатной или четырехскатной крышей.

В районах с традициями использования в строительстве камня (прежде всего в юго-западной Башкирии, меньше — на северо-востоке и в Челябинской обл.) стены сараев складывали из плитняка. Крыли постройки соломой, реже — тесом. При двускатной форме слуги лежали на каменных уступах фасадных стен. Стропила четырехскатных крыш упирались в бревна, положенные на каменные стены.

В степных аулах Хайбуллинского р-на, в Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областях постройки для скота, как и прочие жилые и хозяйственные строения, были из самана с пологой двускатной земляной крышей. Сооружения вытянутой формы разделяли внутренние перегородки. В целях вентиляции в крыше делали вытяжные трубы. Вблизи Уральских гор, там, где вели каменные разработки, саманные стены выкладывали на каменном фундаменте.

Несмотря на различия во внешнем облике и конструкции, обусловленные использованием разных строительных материалов, приусадебные помещения для скота имели общие для всех них осо-

бенности. В ряду хозяйственных служб они являлись самыми большими как по площади, так и по внешним габаритам. Внутри сараи были разгорожены на несколько отделений — в зависимости от видов содержащегося в хозяйстве скота. Потолок из редко положенных плах или жердей имелся лишь в той части помещения, где под крышей хранилось сено. Пол в сараях устраивали только в самых состоятельных усадьбах; доски пола накладывали непосредственно на землю. Неплотная дверь была сделана из луба, коры, камышовых связок или из грубо сколоченного дощатого щита. Около сараев обычно располагались летние загоны, навесы. К стенам постройки прикрепляли жердевые ясли, корьевые или дощатые кормушки. На полу стояли долбленные колоды-поилки.

ДРУГИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Кроме описанных построек — в какой-то мере обязательных, распространенных в массе усадеб, встречались и другие, специфичные по своему назначению. Большинство из них было связано с отдельными сторонами традиционного домашнего производства. Таковы копильни для кож, смолокурни, помещения для распаривания дерева при производстве транспортных средств и частей юрт, овины и др. Сведения об этих сооружениях, к сожалению, фрагментарны, поскольку к нашему времени они сохранились в единичных хозяйствах. Необходимость в них отпадала по мере перестройки домашнего быта башкир. Конструкция описываемых сооружений была разной степени сложности — от примитивной ямы до полуземлянки или даже наземной избушки.

П. С. Паллас и другие члены экспедиций XVII в. упоминали о ямах-копильнях (ыстык) в усадьбах башкир; в них кожаная посуда висела в верхней части на жердочках и закалялась от дыма, поднимающегося со дна от глеющих гнилушек³¹. С. И. Руденко описал сложные копильни восточнозауральских районов, состоявшие из двух низких срубов, поставленных на некотором расстоянии друг от друга: один из них, опущенный в яму, являлся помещением для курения, второй, в котором были развешаны кожи, сообщался с дымокурном деревянными желобами³².

Полуземляночное устройство имела парильня, в которой выдерживали заготовки при выделке санных полозьев и колес. В ней находилась печь-каменка, которую предварительно раскаляли, а затем поливали водой, чтобы получить пар. Вытяжное отверстие в крыше, протопив, плотно закрывали. В стене землянки имелся низкий вход³³.

В конце XIX в. П. С. Назаров видел яму-смолокурню (баз), выкопанную в склоне оврага³⁴.

Разнообразны приспособления для сушки снопов (эуен). В простейшем варианте это были жерди, поставленные над ямой, в которой разводили огонь. В некоторых деревнях челябинского Зауралья хлеб сушили в срубах, возведенных над прямоугольной ямой. Дым проникал в помещение через небрежно наставленные доски или жер-

ди³⁵. Надо заметить, что все перечисленные постройки могли и не находиться непосредственно на территории усадьбы; их старались соорудить ближе к реке, пруду, озеру.

Назовем некоторые нетипичные для рубежа XIX—XX вв. хозяйственные сооружения, в прошлом непосредственно связанные с бытовыми традициями народа. Кое-где по Деме старожилы вспоминают хлебопекарни — землянки с хлебной печью, топящейся «по-черному». Как отмечалось, они находились в общем пользовании небольшого круга родственных семей. Редкой приусадебной постройкой были конусовидные, крытые корой или берестой шалаши, в которых юго-восточные лесостепные башкиры в зимнее время содержали ягнят и козлят.

Заканчивая описание приусадебных построек в аулах башкир конца XIX — первой половины XX в., следует отметить, что, несмотря на определенную характерность их внешнего вида и особенности внутреннего устройства, заметно ступеневывание функций служебных помещений и связанных с ними понятий. В некоторых южных районах Башкирии (Хайбуллинский, Зилаирский, Зианчуринский) и в Оренбуржье наблюдалось сочетание летней кухни с клетью. Постройки под названием «аласык» с очагом для приготовления пищи служили в теплое время года кухней, зимой там хранили съестные припасы и утварь. Иногда с самого начала в них были предусмотрены два помещения с отдельными входами с улицы. Сдвоенные кухни-клетки особенно часто встречались на юге Хайбуллинского р-на. В других местах одна и та же постройка могла быть зимой убежищем для новорожденных ягнят и телят, летом — кухней или клетью. В то же время случалось, что один вид постройки преследовал разные цели. Плетневые полуземлянки могли быть и погребками, и банями. Полуземлянки с каркасом в виде усеченной пирамиды остались в памяти населения не только как жилища, но и овчарни; иногда они же выполняли функцию погребов-амбаров. Еще более разносторонне использовались бревенчатые — срубные и пазовые — строения. Неоднозначна применяемая к частям двора и к приусадебным службам терминология. Такое состояние, как видно, закономерно, так как связано с народом, совершившим переход от кочевий к оседлости.

О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В УСТРОЙСТВЕ УСАДЕБ

Массовый материал, собранный на обширной территории, дает представление о башкирских усадьбах с учетом локальных особенностей.

Отправным моментом в организации усадьбы являлось положение жилища. Застроенность двора зависела от числа и состава хозяйственных служб. Жилище и строения, объединенные в функциональные группы, были взаимосвязаны. И хотя строгих правил в раз-

мещении построек на усадьбе даже в пределах небольшого района не существовало, в многообразии вариантов соединения жилища и подсобных помещений в комплекс угадывались общие и локальные традиции. Облик усадеб определяло и преимущественное использование для дворовых строений материалов, характерных для тех или иных мест.

В северо-западных аулах дом выходил на улицу, занимая один из передних углов усадьбы. Хозяйственные постройки размещались обособленно от жилища, ближе к внутренней ограде, отделявшей «передний» двор от огорода. Была заметна тенденция сгруппировать их в углах; при этом если хлева занимали часть двора за домом, то клетки, бани находились по диагонали от него (реже случалось наоборот). Иногда помещения для скота располагались углом, захватывая заднюю и боковую стороны. Постройки, примыкавшие к боковой ограде, редко заходили за линию избы (рис. 69).

Так называемых «чистых» строений в этих местах встречалось немного. Летних кухонь не существовало. Клетки имели только зажиточные хозяева, масса же населения обходилась кладовками в сених. Непосредственно у дома размещался погреб со срубной или шалашеобразной погребницей. Для хранения дров у стены сарая или амбара сооружали навес.

В северо-западных усадьбах в отличие от остальной территории загоны занимали небольшую площадь, располагаясь лишь у входа в скотное помещение. Мало было и навесов. С начала нашего века здесь появился обычай от дома в глубь усадьбы, а иногда и по другую сторону от ворот размещать участок с огородными и садовыми культурами. Среди посадок расставляли колодные и рамочные ульи. За хозяйственным рядом находился основной огород. С распространением огородничества появились непривычные для этих мест сооружения — парники и рассадники.

Преобладали бревенчатые срубные постройки. Реже (в Калта-синском, Аскинском районах) попадались строения (главным образом сараи), сооруженные из бревен, вложенных в пазы угловых столбов. Для покрытия употребляли дранку, кору, тес, для хлевов — иногда солому. Соломенные крыши особенно часто встречались в левобережье нижней Белой и в соседних районах Татарии.

В северо-восточных районах, как и на всем севере, хозяйственные сооружения располагались компактными группами вдоль внутренних границ усадьбы. Дом же, выходя непосредственно на улицу, мог быть несколько отодвинут от углов. В последние три-четыре десятилетия за глухой стеной дома все чаще стал появляться участок с овощными грядками, ягодными кустарниками и плодовыми деревьями. В группе деревень на стыке Челябинской, Свердловской областей и Башкирии распространился обычай ставить по другую сторону от ворот против дома небольшую бревенчатую клеть; иногда это была старая изба, в которой продолжали жить родители. На северо-востоке в прошлом нередко встречались усадьбы, где жили неразделенные семьи, здесь находились дворы с двумя, а то и тремя избами.

Рис. 69. Усадьба северных башкир. Дер. Новый Артаул Янаульского р-на. МЭЭ 1979 г. Фото Т. К. Новиковой

По берегам р. Ай и вдоль ее притока р. Большой Ик усадьбы отличались плотной застройкой. Хозяйственные строения даже у семей среднего достатка были многочисленны: две-три клетки, отдельное помещение для упряжи и седел, баня, погреба, несколько сараев, птичники, навесы, загоны и др. Хозяева стремились разделить двор поперечной оградой, с тем чтобы скотные помещения, загоны выделить в середине усадьбы в самостоятельную часть.

На переднем, «чистом», дворе находились клетки, погреба, помещения для ягнят и телят, навес для дров, мастерские. В средней части, на скотном дворе, — хлева, овчарни, крытые и открытые загоны. Баня могла стоять и в одном из углов «чистого» двора, и в средней части, и в огороде; с другими строениями она обычно не соединялась.

В целом усадьбы северо-восточных башкир были тщательно устроены. Такое впечатление создавалось не только благодаря большому числу служб, их четкой организации, но и использованию в строительстве качественного материала — леса. Преобладала срубная техника. Из срубов состояли даже стены землянок и полуземлянок, соорудившихся для зимнего содержания молодняка. Лишь кое-где в приайских степях можно было увидеть вспомогательные постройки (сени, предбанники, загоны) из вертикального плетня, жердей или бревен, вложенных в пазы стоек. В зажиточных дворах старинных деревень Ахуново, Дуван-Мечетлино и других стояли каменные клетки. В единичных случаях стены хлевов делали каркасными с земляной засыпкой. Основным кровельным материалом

служили кора, дранка; для сараев иногда употребляли солому. При отсутствии теса крыши бань, реже хлебов покрывали пластами дерна; основой дерновых крыш был плоский накат или костровая пирамидальная конструкция.

Иногда однородные постройки (несколько клетей, сараев) сооружали методом неоднократных прирубов. Длинный ряд служб подводился под двускатную крышу. Такие ряды располагались вдоль задней линии внутреннего двора, отчасти занимали боковую линию по другую сторону от дома. Устройство многокамерных хозяйственных служб давало определенную экономию строительных материалов.

Юго-западным аулам было также свойственно обособленное положение жилища в усадьбе. Дом помещался слева или справа от ворот; в последние полвека выявилась тенденция приблизить избу к центральной линии, оставляя вдоль боковой ограды участок для сада. Среди деревьев устанавливали ульи с пчелами.

Выход из сеней устраивали во внутренний двор. Эта особенность объяснялась устройством позади дома летней кухни, которая на юго-западе была одной из наиболее характерных построек. Ее ставили у боковой стороны двора, за домом или наискосок от него. В непосредственной близости, рядом с аласыком или напротив, могла находиться клеть. В «чистой» части усадьбы сооружали также погреб-землянки. Хозяйственные строения, как и в северо-западных районах, старались располагать за линией дома, оставляя у ворот незастроенное пространство.

Скотный двор отгораживали от «чистого» жердями. Его составляли крытые помещения — хлеба, овчарни, домики для новорожденного скота, объединенные группами в левой или правой части. Оставшееся пространство делили на загоны, выделяли также место для копын сена. Между загонами и сараями был проход в огород. В огороде ставили баню, которая могла находиться непосредственно за скотным двором или в конце усадьбы, ближе к воде.

Плетневые аласыки, хлева, клетки, бани, сплошные лозовые ограды придавали демским и ашкадарским усадьбам характерный вид. С плетнем сочетались соломенные двускатные и четырехскатные крыши. Соломой здесь крыли и бревенчатые постройки, даже каменные, а местами (Кумертауский р-н) и саманные. В качестве вспомогательного материала (для оград, перегородок, стен овчарен) употребляли жерди, закладывая их за горизонтальные планки. Ближе к р. Белой стены сараев, предбанников сооружали из полос коры. Ею крыли бани, двускатные палаша-напогребницы. Изредка для покрытия плетневых, а порой и бревенчатых бань употребляли дерновые пласты.

В предгорных районах (среднее Забелье) кустарники, деревья (дикие или садовые культуры) занимали значительную часть, иногда до половины, переднего двора. Дом, поставленный на расстоянии от ограды, с двух, а то и с трех сторон окружала зелень. Хозяйственные службы редко располагались во всю ширину усадьбы, еще реже — вдоль боковой стороны ограды. Обычно хлева, навесы и загоны сосредоточивались в левом или правом углу, сбоку от них

находилась калитка в огород, являвшийся продолжением сада. Помещения для коров, овец, птицы выстраивались в продольный ряд посередине усадьбы за домом, вдоль ограды бокового садового участка. Летние кухни, клетки, погреба находились поблизости от жилища, на свободной части двора или в посадках. Баню ставили в конце сада или в огороде. Характерно, что каждая из названных построек стояла обособленно и почти никогда не примыкала к уличной ограде. Срединное, свободное положение аласыка, бани, как и избы,— особенность, оставшаяся от кочевой жизни.

Летние кухни после помещений для скота являлись наиболее распространёнными постройками. В них устанавливали очаги с котлом. Для печения лепешек во дворе складывали печи.

Своеобразный вид забельским усадьбам придавало использование в строительстве коры. Ею крыли жилой дом и хозяйственные постройки; из полос коры делали стены. Выше были описаны корьевые аласыки, двускатные шалаши-погребницы, предбанники, сараи с корьевыми стенами и перегородками.

В южной части описываемой территории для зимовки ягнят сооружали полуземлянки со столбовым каркасом и наземной частью из бревен, вложенных в пазы стоек, установленных по краю ямы. Пазовая техника применялась и для стен сараев. В лесостепи (западная часть Ишимбайского, Мелеузовского р-нов) для построек употребляли плетень, для покрытия — солому. Хозяйственных строений на усадьбах в этой части было меньше, сокращалась и площадь, занятая зелеными насаждениями. Дворы становились более просторными.

Дворы горно-лесной области отличались характерным взаиморасположением приусадебных строений. Под влиянием русских поселков в заводской зоне появилась тенденция к замкнутому ряду хозяйственных служб, к плотно застроенным мощным, а иногда и частично крытым усадьбам (рис. 70). Но и в селениях, удаленных от заводов, расположенных в глубине гор, отсутствовало поперечное деление двора на «чистую» и хозяйственную части. Помещения для скота могли располагаться в непосредственной близости от жилища, никогда, впрочем, к нему не примыкая.

Как указывалось выше, в горных аулах было принято вытянутое положение дома относительно улицы; сруб устанавливали ближе к центральной линии, сохраняя возможность свободной застройки двора (рис. 71). В последнее время за домом сажают огород и размещают одиночные строения — летние кухни, погреба, реже — бани. Во многих горных аулах постройки располагаются от улицы в глубь усадьбы, иногда в два-три продольных ряда. Против дома, по другую сторону ворот, ставят бревенчатую избушку для новорожденного скота. Летом она выполняет функции амбара. Помещения для приготовления пищи располагают в глубине двора, неподалеку от крыльца. Сарай для коров, овчарни, конюшни и прежде занимали боковые стороны усадьбы. Они соединялись навесами, под которыми хранили дрова, сено, транспортные средства, выполняли столярные и другие хозяйственные работы. Перед огородом располагали откры-

Рис. 70. Замкнутый в плане мощный двор в горной (призаводской) зоне. Дер. Казарманово Белорецкого р-на. МЭЭ 1976 г. Фото Т. К. Новиковой

Рис. 71. Типичная усадьба горно-лесной (призаводской) зоны. Белорецкий р-н. 1955 г. Фото Б. Г. Калимуллина

тые и закрытые загоны. Баня могла быть построена и в одном из углов переднего двора, и в огороде за сараями.

В устройстве горных усадеб положительную роль сыграло обилие древесных материалов. Из бревен были срублены хозяйственные строения, бревенчатыми плахами или обрубками стволов мостили переднюю часть двора, прочные столбы поддерживали крыши навесов. Крыли постройки тесом, дранкой, корой. Усадьбы разгораживались на дворiki и загоны. В то же время, несмотря на обилие леса, именно в горно-лесной области в прошлом нередко можно было встретить сооружения земляночного типа — ямы для зимовки ягнят, бани. Их крыша держалась на столбовом каркасе или на стенах опущенного в яму сруба.

При сооружении хозяйственного двора горные башкиры применяли немало древних технических приемов. Бревенчатые стены построек, в первую очередь предназначенных для скота, складывали с помощью пазовой техники. Как и в жилищах, в аласыках, клетях, банях, даже сараях вход устраивали преимущественно с торца. Двускатные крыши нередко имели костровую конструкцию, оставлявшую неплотно заделанные фронтоны.

По отрогам Южного Урала и в юго-восточном Зауралье в прошлом многие дворы не огораживались; роль жилища как главного ориентира в расстановке хозяйственных служб была решающей. Усадебный комплекс в целом стал складываться на юге лишь с конца прошлого века. Открытые очаги здесь встречались чаще, чем летние кухни. Клетки строили лишь в самых состоятельных хозяйствах; остальное население и съестные припасы, и утварь предпочитало держать в жилище. Необходимой постройкой являлись хлева, но и они основательно стали устраиваться лишь с полным переходом населения к оседлости. В ряде аулов, особенно степных, информаторы вспоминают, что их деды строили не сараи, а загоны, делая над ними навесы. Для ягнят использовали неглубокие землянки или крытые корой, циновками и войлоком конические шалаши. Только что родившихся ягнят и козлят некоторое время держали в жилище. Загоны с навесами и помещения для скота занимали дальнюю часть двора на стороне дома; реже они находились по диагонали от него. Позже, когда стали сажать картофель и появился огород, эти постройки приблизились к избе. В непосредственной близости от жилища находились летние печи, за ними или по другую сторону ворот стояли клетки. На переднем плане могла находиться и баня.

В некоторых южных и юго-восточных селениях, ближе к степи, прослеживалась тенденция выстраивать хозяйственные строения в ряд за домом, подводя под одну крышу. Около дома находилось помещение для хранения утвари или пристрой с летним очагом, за ними — домики для молодняка, сарай. Соединительными звеньями между постройками были и навесы.

Как указывалось выше, при возведении хозяйственных служб на юге и юго-востоке Башкирии использовался не только лес, но и плетень, природный камень, саман. Распространенная здесь пазовая

Рис. 72. Однорядовая застройка усадьбы в степной местности. Дер. Староюлдашево Сорочинского р-на Оренбургской обл. МЭЭ 1963 г. Фото автора

техника имела определенные преимущества, поскольку таким способом можно было сооружать целую систему помещений, разгораживая внутреннее пространство на секции. Так же поступали при использовании самана и плетня. Сарай крыли соломой, поблизости от горных лесных массивов — корой. На банях, клетях, некоторых хлевах встречались дерновые крыши. В помещениях полуземляночного типа использовалась конструкция из столбов и плах в форме усеченной пирамиды, сверху каркас присыпали землей.

Соединение хозяйственных построек в ряды особенно было характерно для аулов оренбургских и приволжских степей (рис. 72). Из самана строили дом, за ним располагали клетки, помещения для домашнего скота и птицы. Каждую новую постройку присоединяли к стене предыдущей. Нередко ширина строений была различной и получался неровный ряд с выступами и углами. Из сеней мог быть ход в клеть или даже в коровник. Строения имели общую слегка покатую или плоскую земляную крышу. Для южных степных усадеб привычны летние очаги в сочетании с хлебной печью. Для овец существовали открытые жердевые загоны.

Поблизости от Уральских отрогов, где была возможность приобрести лесные материалы, хозяйственные службы обособлялись от дома и друг от друга и план усадьбы становился более разбросанным. Здесь появлялось больше навесов и крытых загонov. В то же время сами усадьбы часто оставались неогороженными.

На обширной территории восточного Зауралья не сложилось единого типа усадьбы. На северо-западе Челябинской обл., в окрестностях городов Уфалей, Касли, была распространена тесная застрой-

ка переднего двора. Нередко хозяйственные службы, примыкая к избе и следуя друг за другом, составляли П-образный план. Против дома, по другую сторону ворот, располагалась клеть, реже — отапливаемая избушка для молодняка. Как и в Белорецком р-не Башкирии, дворы мостили деревом или камнем-плитняком.

На остальной территории Зауралья план усадьбы был более разбросанным, хотя и там чувствовалась тенденция соединить хозяйственные строения в ряды с помощью навесов или пристраивая их друг к другу. Навесы (япма, ябыу, түбәлек) составляли органическую часть дворового комплекса: они имели сзади жердевые стенки и были подведены под общую с соседними строениями односкатную или двускатную крышу. Навесы использовались не только для хранения дров и различного инвентаря, но и как стойла для коров; под некоторыми из них имелась конюшня.

Функциональное разделение усадьбы в восточном Зауралье прослеживалось не очень четко. Старики помнят, что прежде хозяйственных строений было меньше. Предпочитали содержать скот не в сараях, а в загонах, частично покрытых навесами. Позади дома жердями или плетнем отгораживали скотный двор, где помещались дойные коровы, овцы. Позже появились строения для каждого вида скота, даже для птиц; около коровника стали устраивать небольшой загороженный дворик. Вместе с тем все сараи хлева сохранили за собой прежнее название — «кэртэ» (буквально «загородка»). В отличие от них открытое стойло называли «ялан кэртэ» (ялан — «поле»). На расстоянии от дома, там, где находились сараи, хотя и несколько обособленно, ставили баню; иногда ее выносили в передний двор. В непосредственной близости от дома находились клетки, летние кухни, очаги.

За пределами горнозаводской зоны строения редко примыкали к жилищу. Около сеней мог находиться амбар или домик для молодняка; соединение с домом осуществлялось путем сооружения крыши-навеса.

Вблизи гор большинство построек были бревенчатыми: клетки около Уфалея и в Аргаяшском р-не Челябинской обл. складывали из плитняка. В лесостепи и степи для стен использовали жерди, плетень; их устанавливали в два ряда и утепляли засыпкой из земли и соломы. Крыши на клетях, банях, аласыках часто были дерновыми на пирамидальном бревенчатом каркасе. Плетневые, жердевые и каркасные с земляной забутовкой сараи имели уплощенные земляные или соломенные крыши. Тес и дранку употребляли для покрытия, главным образом в области загорья. Другими словами, постройки восточного Зауралья сочетали и разнообразные строительные материалы, и различную технику.

Распространенной постройкой в усадьбах этого региона являлись полуземлянки со столбовым каркасом и насыпью — помещения для агнят, бани, реже погребя.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ УСАДЕБ

Характеристика усадеб по районам выявила самые разнообразные варианты расположения построек. На отсутствие единой системы в организации приусадебного комплекса обратил внимание в начале XX в. С. И. Руденко: «Установившейся формы двора у башкир нет; его размеры, способ огораживания, расположение жилых и надворных построек сильно варьируют... Можно дать до десятка и более планов башкирских дворов, каждый из них будет более или менее характерен для известной местности, но они в своей совокупности не будут исчерпывать всего того разнообразия дворов, которое наблюдается в действительности»³⁶.

Любое описание предполагает определенную долю обобщения. Стремление осмыслить материал, уловить в явлениях закономерность, выявить типичное свойственно всем научным работам этнографического плана, в том числе и ранним. Правда, в большинстве своем они касались жителей ограниченной территории. А в тех случаях, когда делалась попытка распространить частные сведения на все башкирское население, в обобщениях появлялись неточности. И все же многие из работ прошлого века в части характеристики жилищ и усадеб представляют несомненный интерес. Н. Попов на рубеже XVIII—XIX вв. писал о башкирах Екатеринбургского уезда: «Юрты (избы.—С. III.) их находятся посреди двора или ограды... Против юрты строят амбар, иные два; скотные дворы отдалены от них на 30 и более сажен»³⁷. Восточнее этих мест выезжающие на лето из деревень башкиры Шадринского уезда «скотские пригоны делают более из камышу, огибая или обставляя ими загороженные между кольями жерди, и содержат в них овец, коров и рабочих лошадей в самом близком от юрт (изб.—С. III.) расстоянии, амбары перед лицами юрт, бани черные от всех строений особенно»³⁸. У перешедших к оседлости пермских башкир, по свидетельству Н. Попова, дворы более организованы. Кроме обычных изб, имеются летние дома, для содержания хлеба и имущества — амбары и житницы, стоящие «вдовольном отдалении от юрт (изб.—С. III.), а для скота — дворы, хлева и стойки». За скотными постройками находятся огороды, а в них — бани. И, наконец, «в отдаленности от всего строения» располагаются «овины с пристроенным к ним гумном»³⁹. Тенденция к застроенности двора, его хозяйственному освоению, четкой организации служб проступала все явственней по мере продвижения с востока на запад, с юга на север, т. е. из районов с длительным сохранением кочевых традиций в сторону большей оседлости.

При сравнении усадеб различных по условиям культурно-исторического развития районов напрашивается вывод о том, что общий вид, отчасти планировка двора зависели от многих обстоятельств как исторического, так и естественного порядка. К числу первых относился прежде всего характер хозяйственной деятельности насе-

ления района, в частности степень перехода к оседлости, что не могло не сказаться на формировании определенных культурных традиций, связанных и с домовым комплексом. Природная среда опосредствованно влияла на эту группу факторов, но особенно она сказывалась, как уже неоднократно отмечалось, в выборе строительных материалов, в облике и конструкции дворовых сооружений. Однако распространенность тех или иных построек, как и принципы общей организации усадьбы, в большей мере были связаны с особенностями хозяйственной деятельности, с образом жизни населения. Многоплановые, функционально разграниченные усадьбы сооружали в поселениях, где жители не выезжали на летовки. Напротив, незастроенность, многовариантность расположения построек были характерны для южных и восточных аулов — территории, где долгое время сохранялся полуседлый образ жизни. В ряде таких мест не вполне сформировалось понятие «усадьба». Во многих деревнях Челябинской обл. словом «урам» называли и улицу, и двор. То же наблюдалось кое-где по Деме. В Курганской обл. для обозначения двора применяли термин «кура», улицу называли «оло кура» (оло — в значении «большой», «главный»). Во многих случаях целую группу приусадебных построек обозначали одним словом. В той же Курганской обл. местонахождение скота в усадьбе (это могли быть и загон, и сарай, и землянка) называли словом «аран» — «стойло». Распространенным и на юге Башкирии, и в восточном Зауралье для всех сооружений скотного двора был термин «кэртэ» — в прошлом кочевом быту так обозначали загоны.

Говоря о процессе складывания у башкир усадьбы, следует учитывать и факторы межкультурного общения. В отдельных районах именно они определили характер приусадебной застройки. Можно вспомнить замкнутые полукрытые мощеные дворы в аулах Белорецкого р-на БАССР и на северо-западе Челябинской обл., которые в своей основе копировали русские усадьбы соседних селений при заводской зоны. Примером заимствования может быть и однорядная планировка усадеб в башкирских аулах Саратовской, Куйбышевской областей и соседней территории Оренбургской; она принципиально отличается от других вариантов южнобашкирской приусадебной застройки с ее обособленным положением жилища.

Не во всякой конкретной планировке выявляется четкая система. Лишь изучение массового материала позволяет уловить характерные черты той или иной местности. Сравнение с соседними районами дает возможность обобщить данные относительно более широкой территории. Методом поэтапного обобщения и синтеза нам удалось выделить 10 схем, охватывающих многообразие планировки башкирских усадеб (рис. 73). Схематические планы усадеб отобраны из десятков и сотен чертежей, выполненных в период этнографических экспедиций 50—70-х годов. Они являются достаточно типичными и представительными, чтобы составить определенный классификационный ряд. В них отражены разные пути освоения приусадебного участка, в известной мере просматриваются тенденции развития всего жилого комплекса. Принимая во внимание взаиморасположе-

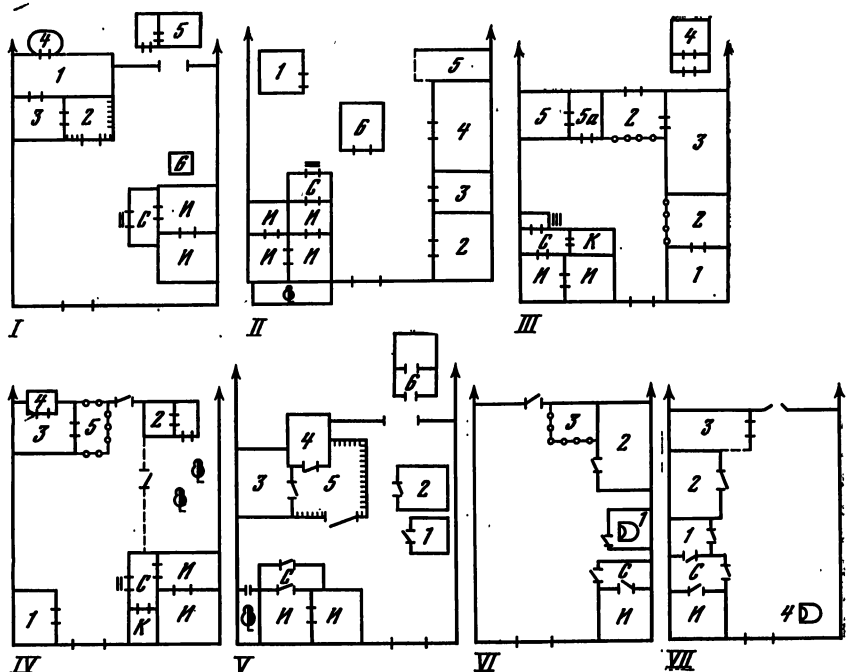

Рис. 73. Варианты расположения хозяйственных построек (в соответствии с типологией усадеб)

I. Дер. Новые Бишинды Туймазинского р-на: 1 — хлев; 2 — загон для овец; 3 — дворик с навесом для овец; 4 — землянка для ягнят; 5 — баня; 6 — погреб. МЭД 1969 г.

II. Дер. Бакаево Сафакулевского р-на Курганской обл.: 1 — баня; 2 — избушка для новорожденных ягнят и телят; 3 — птичник; 4 — хлев; 5 — место для сена; 6 — летняя кухня. МЭД 1974 г.

III. Дер. Кагарманово Белорецкого р-на: 1 — клеть; 2 — навесы; 3 — хлев; 4 — баня; 5 — летняя кухня; 5а — сени кухни. МЭД 1976 г.

IV. Дер. Терменево Салаватского р-на: 1 — клеть; 2 — баня; 3 — хлев; 4 — землянка для ягнят; 5 — дворик под навесом. МЭД 1968 г.

V. Дер. Кабыккушево Стерлибашевского р-на: 1 — летняя кухня; 2 — клеть; 3 — хлев; 4 — помещение для мелкого скота; 5 — загон; 6 — баня. МЭД 1970 г.

VI. Дер. Башкирская Ургинка Зиянчуринского р-на: 1 — летняя кухня; 2 — хлев; 3 — дворик под навесом. МЭД 1956 г.

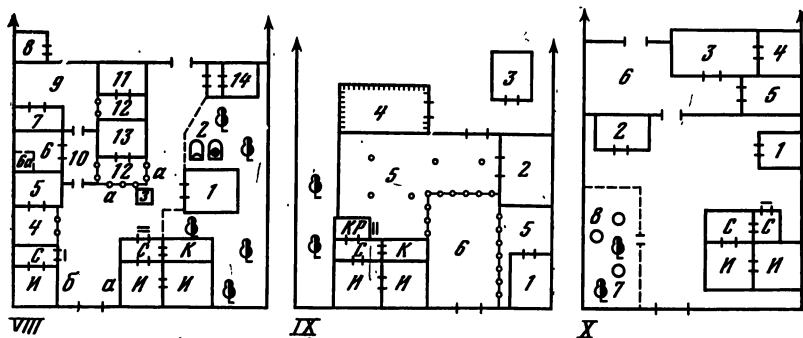
VII. Дер. Верхнее Тавлыкаево Баймакского р-на: 1 — клеть; 2 — хлев; 3 — крытый загон; 4 — летняя печь. МЭД 1956 г.

VIII. Дер. Старомунашпено Бурзянского р-на: 1 — летняя кухня; 2 — летние очаги; 3 — колодец; 4 — навес; 5 — мастерская, помещение для упряжи; 6 — коровник; 6а — загорада для телят; 7 — овчарня; 8 — птичник; 9 — загон для овец; 10 — загон для коровы; 11 — амбар для муки и отрубей; 12 — навес; 13 — избушка для новорожденного скота; 14 — баня; а — новый дом; б — старая изба, жилище престарелых родителей. МЭД 1956 г.

IX. Дер. Нижнесерменево Белорецкого р-на: 1 — летняя кухня; зимой — домик для новорожденного скота; 2 — хлев; 3 — баня; 4 — загон для овец; 5 — навес; 6 — мощенная камнем открытая часть двора. МЭД 1976 г.

X. Дер. Чибини Альшеевского р-на: 1 — летняя кухня; 2 — домик для новорожденного скота; 3 — коровник; 4 — телятник; 5 — овчарня; 6 — открытый загон; 7 — огород; 8 — пасека. МЭД 1969 г.

И — изба; С — сени; К — кладовна; КР — крыльцо

ние дома и хозяйственных служб (главное внимание уделяется местонахождению скотного двора), учитывая степень застроенности усадеб и размещение строений, можно выделить следующие варианты планировки, характерные для конца XIX — первой половины XX в.⁴⁰

1) Жилище стояло обособленно; приближаясь к одному из передних углов, оно могло быть слегка отодвинуто в глубь усадьбы. Хозяйственные постройки размещались в дальней части двора за условной линией избы. Сооружения, связанные со скотным двором (сарай, загоны, навесы), находились в дальнем углу по диагонали от дома. За домом могли стоять «чистые» строения: клеть, летняя кухня, погреб. Непосредственно перед огородом или на его территории была баня.

Описанная планировка — одна из распространенных в башкирских усадьбах. Ее часто можно было встретить на юго-западе, особенно в районах, где до начала XX в. сохранялись полукочевые традиции и хозяйственные постройки не были многочисленными. По такому же принципу организованы некоторые усадьбы в восточном Зауралье. Вместе с тем такие дворы встречались в земледельческих северо-западных и северных аулах и даже у горных башкир. Основные особенности этой схемы (обособленное положение избы, диагональное расположение жилища и скотного двора) обнаруживаются и в более сложных планировках.

2) Хозяйственные постройки выстроены в ряд вдоль боковой стороны усадьбы против дома. По другую сторону ворот помещались избышка для молодняка, клеть или баня. Дальнюю часть занимали помещения для скота (хлева, овчарни), сбоку от них могли находиться открытые дворики — загоны. В промежутке между постройками, ближе к дому, под навесом располагались летние печи для приготовления пищи и выпечки хлеба. В некоторых усадьбах за пределами общего ряда, посередине двора, находилась летняя кухня. От общего ряда иногда обособлялась баня: ее ставили за домом, на некотором от него расстоянии.

Противостоящий дому продольный ряд хозяйственных сооружений встречался в селениях восточного Зауралья и кое-где на юго-востоке Башкирии.

3) Вариант планировки, логически вытекающий из предыдущего: постройки занимали боковую и заднюю стороны усадьбы, располагаясь углом против дома. Около ворот находились клеть или домик для молодняка. Хлева обычно были в центре хозяйственного комплекса, по диагонали от жилища. Промежутки между строениями перекрывали навесами, занимали дворики для скота. За домом с краю поперечного ряда стояла баня. На этом месте могла быть также летняя кухня; баню же в таком случае выносили в огород за сараи.

Угловая планировка встречалась в восточном Зауралье и в горах Южного Урала.

4) Тенденция к угловой застройке заметна и на северо-востоке Башкирии. Однако в усадьбах этой территории многие сооружения, располагаясь вдоль боковой и задней сторон, сохраняли относительную обособленность: отсутствовали общие крыши, соединяющие навесы, не всегда были загоны.

5) Дом стоял в одном из передних углов. Скотный двор располагался в дальнем углу за домом. Между ними иногда устраивали небольшой огород или сад. Вдоль противоположной боковой линии могли стоять отдельные строения: клеть, летняя кухня, ближе к основному огороду — баня. За линию дома хозяйственные сооружения обычно не выходили.

Такая организация усадьбы характерна для северных и северо-западных районов. Местами она встречалась на юго-западе Башкирии.

6) Дом, находясь в одном из передних углов усадьбы, как и в большинстве других вариантов, от хозяйственного комплекса оставался обособлен. Тем не менее планировка приближалась к однорядной: почти все строения размещались за домом, вдоль боковой ограды. Рядом с жилищем находились летний очаг или кухня, далее — клеть, в конце ряда — хлева. Около них перед огородом устраивали открытый или крытый загон. Противоположная сторона усадьбы от ворот и до огорода оставалась свободной.

Такие дворы существовали в лесостепном юго-восточном Зауралье и по южным отрогам Уральских гор.

7) Дом и хозяйственные сооружения занимали одну из боковых сторон. Пристройки примыкали к дому. Рядом с ним могли быть летняя кухня, клеть или помещение для молодняка; иногда они сообщались с сениями избы. В иных случаях соединение с домом осуществлялось с помощью крыши навеса. Если изба была вытянута вдоль уличного ряда, она оказывалась под углом к остальным строениям, однако системы соединения это не нарушало. Часто все службы подводились под общую крышу. Обособленными были лишь летний открытый очаг, баня. Загоны устраивали перед хлевами.

Однорядовая застройка усадьбы типична для степных аулов Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областей. Она встречалась также на юге Хайбуллинского р-на БАССР.

8) Дом, отодвинутый от углов к средней линии, стоял обособленно. От лицевой ограды в глубь двора и за домом располагались

продольные ряды строений. Обособлялись хлева с навесами и дворами. В ряд были выстроены амбары, клетки. На остальном пространстве могли быть расставлены летняя кухня, баня, погреб и пр. Часто постройки несколько смещались от границ усадьбы, т. е. находились внутри ограды. В целом план двора казался разбросанным, но двор четко разделялся на функциональные ряды.

Планировка встречалась в части селений Приуралья, горной зоны и в восточном Зауралье.

9) Тесные, со всех сторон загороженные бревенчатыми стенами, наполовину крытые мощеные дворы отличались по характеру от других башкирских усадеб. Плотнo застроенными они казались не из-за многочисленности хозяйственных построек, а благодаря целой системе крыш, нависающих не только над строениями, но и над большей частью двора; открытой оставалась лишь небольшая площадка перед воротами. Имея такие дворы, жители переставали чувствовать необходимость в сооружении отдельных помещений для скота. Иногда под сплошной крышей для коров и овец устраивали лишь загоны. Из животноводческих сооружений обязательной являлась отапливаемая избушка для молодняка, которую часто устанавливали против дома по другую сторону ворот. Встречались и землянки для ягнят. Баню включали в общий хозяйственный комплекс и помещали в одном из углов под навесом; реже ее сооружали отдельно — в огороде. В некоторых случаях за основным двором мог находиться открытый загон для овец.

Необходимо отметить, что даже при замкнутых планах усадеб хозяйственные постройки, близко подходя к дому, редко примыкали вплотную к стене. Смежной с жилищем могла быть стена амбара.

Описанная планировка встречалась в горной области и в восточном Зауралье главным образом в призаводской зоне.

10) Дом был обособлен, все хозяйственные строения отнесены на задний план, за линию жилища. Характерно деление двора поперечными оградами на функциональные части. Четко отделялся скотный двор. За ним в огороде находилась баня. За домом перед скотным двором располагались клетки, кухни, погреба, теплое помещение для молодняка. В некоторых случаях от хозяйственной части отделялось свободное пространство у ворот; сюда часто выходило крыльцо дома. По другую сторону от ворот иногда устраивали небольшой садик.

Такие дворы были распространены в северо-восточной Башкирии, встречались они в западных и юго-западных районах.

При классификации нами не учтены усадьбы большесемейные, т. е. те случаи, когда вместе с отцом, но в разных домах жили женатые сыновья; иногда общее хозяйство вели родные братья. В первой половине XIX в., особенно до перестройки аулов по уличной системе и четкого разграничения усадеб, такие дворы были, как видно, довольно частым явлением. Описывая оседлые аулы Пермской губ., Н. Попов писал: «Один хозяин имеет таковых юрт (изб.— С. Ш.) по две и по три, из коих каждая по большей части стоит в обособном месте и все ограждаются одною оградой, которая иногда окружает четыре и более домов»⁴¹. В 50—60-е годы нами

были встречены усадьбы с двумя избами, в одной из них (обычно в старой) жили престарелые родители, в другой — женатый сын со своей семьей. Дома стояли рядом друг с другом или по разные стороны от ворот.

Представление о планировке усадеб с несколькими жилыми домами дают некоторые планы, помещенные в книге Б. Г. Калимуллина. Особенно интересны материалы, собранные им на северо-востоке Башкирии в конце 20-х — начале 30-х годов⁴². В усадьбе братьев Абдуллиных из дер. Дуван-Мечетлино Мечетлинского р-на из трех изб две размещены в передних углах (одна отделена от ограды зелеными насаждениями), а третья установлена против ворот в центре двора. В организации усадьбы применено деление на функциональные части: четко выделен скотный двор с помещениями для коров и другого домашнего скота, перед ним установлены амбары; хозяйственные навесы, домик для молодняка.

Как видно, от численности и состоятельности семьи зависело количество хозяйственных построек (клетей, хлевов и пр.). Однако число изб не влияло в целом на организацию усадьбы: обычно использовался тип, ставший в той или иной местности традиционным.

Как указывалось при описании, каждый из выделенных вариантов планировки существовал на определенной территории. Сведения, касающиеся распространения схем планировки, представлены на рис. 74. Их анализ позволяет сделать некоторые выводы. Вариант № 1 с простейшей схемой малозастроенного двора, со скотным двором, расположенным от избы по диагонали, как отмечалось выше, являлся преобладающим в бассейне Демы, т. е. на юго-западе, но в целом был распространен довольно широко. Каждая из остальных схем отражала особенности устройства двора на сравнительно ограниченном пространстве — в одном-двух этнографических районах. Единство, как правило, обнаруживалось на смежных территориях. Если же общие черты выявлялись в районах, значительно удаленных, их появление объяснялось внутренними закономерностями развития жилого комплекса в сходных экономических и культурных условиях. Таким образом можно понять сходство во взаиморасположении дома и хозяйственных служб на юго-западе и северо-востоке Башкирии.

Аналогичные схемы планировки постепенно выработались во всех западных районах (северо-запад и юго-запад), на всем юго-востоке (включая горную область и Зауралье). Единый тип двора характерен для степей (включая территорию юго-востока БАССР). Много общего, несмотря на разницу в природно-географических условиях, в усадьбах горных и восточнозауральских башкир.

Нетрудно заметить, что варианты планировки в зависимости от взаиморасположения жилища и животноводческого приусадебного комплекса с учетом общей организации двора можно объединить в группы. Эти группы по существу составляют типы планировки:

а) усадьбы, в которых скотные дворы расположены по диагонали от изб. Этот тип включает четыре первых варианта; в их числе однорядный и более сложный угловой;

Варианты планировки	Север, северо-запад	Юго-запад	Северо-восток	Восточные зауралье	Горные районы	Юго-восток	Оренбург, Куйб., Саратов.
1							
2							
3							
4							
5							
6							
7							
8							
9							
10							

Рис. 74. Распространение вариантов планировки усадеб на территории расселения башкир

б) усадьбы, в которых скотный двор помещен за домом. Выделенный тип представлен тремя вариантами (5, 6, 7). В одном из них (7) дом соединен с рядом хозяйственных строений.

В каждом из следующих трех вариантов отражены самостоятельные принципы планирования. Это дворы сложной организации с устройством, которое по своей завершенности может претендовать на типовой эталон. Их можно охарактеризовать как

в) замкнутый;

г) свободно распланированный с преобладанием продольных относительно улицы рядов;

д) разделенный поперечными перегородками на функциональные части.

Типологизация дает возможность выявить то общее, что в конечном итоге характеризует башкирские усадьбы в целом, в какой-то мере выявляет тенденции развития приусадебного комплекса.

В башкирских аулах жилище было обособлено. В большинстве вариантов (восемь из десяти) хозяйственные постройки не примыкали к дому; в шести случаях они не выступали за линию избы.

Скотные помещения собраны в комплекс и отнесены на задний план. Ближе к дому помещались сооружения, связанные с приготовлением пищи (летняя кухня, открытый очаг), хранением продуктов (амбары, погреба). Место бани менее определено; часто из-за пожарной опасности она устанавливалась в стороне от других строений или ближе к воде.

В прошлом для башкирских усадеб были типичны сооружения полукочевого характера: открытые очаги с котлами, хлебные печи, землянки и палашки для содержания в зимнее время ягнят, открытые и крытые загоны, плетневые загородки и пр. Со временем внешний вид башкирского двора изменился: вместо загонов остались небольшие дворы, увеличилось число строений, капитальные стали устраивать помещения для скота, усложнилась общая организация усадеб, некоторые постройки соединились в сплошные ряды.

В планировке заметны две тенденции расположения хозяйственных рядов относительно улицы — в продольном и поперечном направлениях. В массе башкирских усадеб (даже в случаях, когда двор разгораживался поперечными заборчиками на функциональные части) преобладало продольное размещение. Типичные примеры такой организации двора — варианты 2, 5, 6, 7, 8. Эта тенденция проявлялась и тогда, когда постройки были отодвинуты от ограды в глубь двора, т. е. не связаны с вытянутыми боковыми линиями усадеб.

¹ *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899, с. 35; *Берггольц Л.* Горные башкиры — катайцы. — Этнографическое обозрение, 1893, вып. 3, с. 77; *Игнатович А.* Башкирская Бурзянская волость. — В кн.: Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1863, кн. V, с. 60; *Заварин В.* Из Красноуфимского уезда Пермской губернии. — В кн.: Вестник русского сельского хозяйства. М., 1899, № 9, с. 794 и т. д.

² *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. СПб., 1813, ч. 3, с. 10.

³ *Калачев А.* Очерк современного экономического положения башкир

Уфимской губернии. — Живая старина, СПб., 1899, вып. 3, с. 317.

⁴ *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии..., с. 10.

⁵ *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов... СПб., 1776, ч. 2, с. 90.

⁶ *Изаносков А.* Кара-Якуповская волость. — Изв. ОАИЭ, 1893—1894, т. XI, вып. 2, с. 184.

⁷ *Руденко С. И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир. — Зап. Географического общества СССР, 1925, т. 43, вып. 2, с. 221.

⁸ *Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб., 1854, с. 253.

⁹ *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии..., с. 14.

¹⁰ Там же, с. 7.

¹¹ Там же, с. 10.

- ¹² *Небольсин П.* Рассказы проезжего, с. 251.
- ¹³ *Берггольц Л.* Горные башкиры — катайцы, с. 77.
- ¹⁴ МЭЭ 1969, 1970, 1971, 1972 гг., дневники автора.
- ¹⁵ МЭЭ 1970, 1971, 1972 гг., дневники автора, дневники Р. М. Султанова.
- ¹⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936, ч. 1, с. 119.
- ¹⁷ *Назаров П. С.* К этнографии башкир. — Этнографическое обозрение, 1890, вып. 1—2, с. 177.
- ¹⁸ Научный архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 77, л. 275.
- ¹⁹ *Назаров П. С.* К этнографии башкир, с. 177.
- ²⁰ МЭЭ 1972 г., дневники автора.
- ²¹ МЭЭ 1970 г., дневники автора.
- ²² МЭЭ 1972 г., дневники автора, дневники Р. М. Султанова.
- ²³ *Круковский М. А.* Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909, с. 56, 57.
- ²⁴ *Никольский Д. П.* Башкиры..., с. 35. Под «амбарами» многие авторы подразумевали утепленные сараи.
- ²⁵ *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии..., с. 14.
- ²⁶ *Берггольц Л.* Горные башкиры — катайцы, с. 77.
- ²⁷ *Крашенинников Н. А.* Угасающая Башкирия. М., 1907, с. 49.
- ²⁸ *Литвиновский Н.* Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1878, с. 90.
- ²⁹ *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии..., с. 7.
- ³⁰ МЭЭ 1972 г., дневники автора.
- ³¹ *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. 2. — Полн. собр. ученых путешествий по России. СПб., 1822, т. IV, с. 38—39; *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786, ч. II, кн. 1, с. 157—158; *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов..., с. 101.
- ³² *Руденко С. И.* Башкиры..., с. 92.
- ³³ МЭЭ 1969 г.
- ³⁴ *Назаров П. С.* К этнографии башкир, с. 178.
- ³⁵ МЭЭ 1972 г., дневники автора.
- ³⁶ *Руденко С. И.* Башкиры..., с. 222.
- ³⁷ *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии..., с. 7 (ныне северо-западная часть Челябинской обл.).
- ³⁸ Там же, с. 9 (ныне северо-восточная часть Челябинской обл.).
- ³⁹ Там же, с. 10—11.
- ⁴⁰ В первую очередь имеется в виду планировка переднего двора. В наше время за этим двором располагается огород, занимая от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ усадьбы.
- ⁴¹ *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии..., с. 10.
- ⁴² *Калимуллин Б. Г.* Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959, с. 86—89.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР

Архитектурный декор представляет одну из наиболее сложных и содержательных областей народного творчества. Принципы декорирования жилища у башкир, долгое время сохранявших в быту кочевнические традиции, с самого начала отличались от принятых у оседлых народов. Мы не знаем, украшались ли резьбой юрты и другие временные сооружения. Очевидно другое: в кочевом жилище главное внимание уделялось художественному решению интерьера. С этой целью в единый ансамбль вовлекались узорные ткани, ковры, вышивки, инкрустированное оружие, праздничная утварь, резные шкафчики, сундучки, постельные принадлежности, т. е. все заполнявшие жилое пространство бытовые предметы. Специальная декорировка главных элементов интерьера (нар, очага) применялась редко. На втором плане оказывалось и архитектурное убранство, причем основные конструкции стен и крыши не выделялись. Те же принципы сохранялись и в устройстве жилищ на постоянных поселениях.

Украшение резьбой изб было мало связано с древней идеологией и носило прежде всего декоративный характер. Народное творчество проявлялось в орнаментации внешних плоскостей: фасада (особенно окон), уличной ограды и ворот. Части дома, обращенные во двор, резьбой не покрывали. Мало украшали дверной проем и крыльцо; парадный вход в башкирских домах встречался редко.

С развитием строительства в поле зрения художников-мастеров оказалась верхняя часть фасада: стали появляться резные фронтоны, карнизы, фризy. Однако развитие декора фасада в целом на большей части Башкирии относится к новому времени; до революции, как было сказано выше, даже на бревенчатых домах крыши делали соломенные, корьевые, а фронтоны часто оставались открытыми.

Изучая образцы деревянного зодчества конца XIX — начала XX в., можно обнаружить различные технические приемы. Не было лишь сюжетной скульптурной резьбы. Остальные способы, в том числе разновидности древней глухой резьбы как с рельефным, так и с углубленным рисунком, встречались и на территории республики, и за ее пределами: в Татарии, Пермской, Свердловской, Челябинской областях. В истории башкирской домовой резьбы нельзя проследить четкую поэтапную преемственность между оформительскими стилями, как это наблюдалось у русских европейской части СССР. Там смена этапов являлась эволюционным процессом, поскольку была связана с совершенствованием орудий труда, изобретением новых столярных инструментов, приспособлений для тонкой обработки дерева. У башкир архитектурный декор получил развитие, когда в ар-

сенале строителей существовали не только топор, ножи и долота, но и пилы, коловорот. Вместе с тем в башкирском зодчестве наблюдалась некоторая консервация заимствованных вначале приемов. В дальнейшем развитие декора осуществлялось часто не путем усовершенствования техники исполнения, а творческим усложнением художественного замысла: введением в композицию новых мотивов, расширением орнаментальной полосы за счет включения в ансамбль соседних поверхностей, изобретением дополнительных архитектурных деталей. Еще в первые десятилетия нашего века на домах наряду с новой пропильной резьбой встречались узоры, выполненные ложчатым долотом, резаком и стамесками. Манера резьбы отчасти определяла характер декора. На тех или иных территориях сложились свои традиции. Орнамент, выполненный главным образом коловоротом и сверлами, до последнего времени был распространен в нижнем течении р. Белой. Рисунок, прочерченный узкими пропильными линиями, соединяющими сверленные отверстия, и сейчас украшает дома на восток от г. Уфы за р. Белой. Рельефно-плоскостная резьба с выборкой фона применялась в архитектуре горно-лесных районов. На севере Челябинской обл. детали многих узоров выполняли ложчатым долотом. Своеобразно применение пропильного орнамента: ажур в башкирских жилищах почти не встречался, в то же время излюбленным способом украшения зданий являлся накладной узор — иногда с тонкой внутренней выпилкой.

Богатейший материал, собранный в экспедиционных поездках 50—70-х годов, отражает традиции, сложившиеся на протяжении XIX и в начале нашего века. В силу этого он дает возможность выявить специфику башкирского декора, проникнуть в глубь природы народного мастерства, в какой-то мере постичь историю становления его как искусства.

ОКОННЫЕ НАЛИЧНИКИ

В башкирском зодчестве оконные наличники долгое время оставались основным, а зачастую и единственным объектом художественного творчества. Обычай орнаментировать оконные проемы, выделять их на фоне бревенчатой стены к началу XX в. распространился повсеместно. Областью, где он превратился в подлинное искусство, стал север, включая не только районы БАССР, но и часть территории Пермской, Свердловской, Челябинской областей. Здесь своеобразием орнаментальных мотивов выделялся декор аулов северо-западного угла — по берегам нижней Белой и Камы. Резные наличники нередко украшали также жилища центральных и южных районов. Оригинальное декоративное решение отличало архитектуру горных и некоторых зауральских юго-восточных деревень. В меньшей степени деревянная резьба была развита в степной зоне, особенно в Оренбуржье; узорные наличники здесь встречались на мечетях да на домах зажиточных башкир.

Богатый творческий опыт, почерпнутый из архитектурной практики других народов (прежде всего переселенцев-русских), перера-

ботка заимствованного в соответствии с духом башкирского декоративного искусства и местной специфики народного зодчества породили многообразие изобразительных стилей, коснувшееся в первую очередь оформления наличников. В какой-то мере художественная манера оказалась в зависимости от конструктивных исходных данных: размеров оконных проемов и простенков, формы рам, наличия или отсутствия ставен.

В начале настоящего столетия на большей части территории Башкирии преобладали прямоугольные рамы. В то же время под влиянием городской архитектуры в ряде мест появились рамы с полукруглым верхом, что изменило не только форму ставен, но и контуры надоконной доски. Такие рамы были распространены в Зауралье — в Абзелиловском, Учалинском районах БАССР и в Челябинской обл. Они встречались также в башкирских деревнях на северо-востоке и в центре республики. На территории бывшей Уфимской губ. дома с такими окнами часто строили русские мастера. Характерно, что на севере и северо-западе Башкирии, где традиции домостроительства сформировались относительно рано, в оконные проемы вставляли менее сложные — прямые рамы. На той же территории окна не имели ставен, поэтому большое внимание уделяли здесь оформлению всего наличника. Простенки были узкими, и узорное обрамление окон напоминало декоративное панно в средней части фасада.

Ставни отсутствовали в Пермской обл., в северо-восточных районах БАССР, на севере Челябинской обл. и в домах горных башкир. В ряде мест это явилось предпосылкой рисунка на боковых досках, а позже — рождения целостного замысла в украшении фасадных окон.

Напротив, обычай навешивать ставни привел к развитию богатой резьбы на горизонтальных накладках косяков; боковые доски вовлекались в композицию частично, лишь с целью расширить орнаментальное поле верхней и подоконной досок. Дома со ставнями (как правило, двустворчатыми) особенно были распространены на юго-западе, юге Башкирии, в юго-восточном Зауралье, в Аргаяшском р-не Челябинской обл.

В большинстве случаев встречались филенчатые ставни, лишь изредка — плоские ставни-щиты. Среди филенчатых преобладали две формы. Одна — из двух равных звеньев — характерна для демского бассейна, среднего Забеля, Оренбургской обл., челябинского Зауралья. Другая форма — из трех звеньев, среднее из которых узкое, — была распространена на юге Башкирии, в башкирском Зауралье, изредка встречалась в Челябинской обл. На юге и юго-востоке республики существовали наряду с описанными трехфиленчатые ставни, где среднее звено было больше двух остальных. В Ишимбайском и Гафурийском районах встречались ставни из трех одинаковых звеньев. Украшением их могли быть ромбовидные накладки на филенках или на перепонках между звеньями. В единичных случаях фигурно вырезалась средняя приподнятая часть филенок или внутренних край рамки. Там, где рамы имели полуovalный верх, ставни имели вид крыльев.

Смещение разновременных форм и стилей, характерное в целом для резьбы башкир, особенно ярко прослеживалось в устройстве наличников.

Еще в 50—60-е годы в срубных домах и летних кухнях встречались небольшие почти квадратные окна с узкими наличниками. Применение резьбы не сразу изменило пропорции, связанные со старыми волоковыми окнами. Возможно, этим объясняется развитие в некоторых районах резьбы не столько в верхней части наличника, сколько на боковых досках, использование зрительно расширяющих оконные проемы боковых деталей и пр.

В первые десятилетия XX в. в каждой из деревень преобладали наличники трех-четырех типов, остальные появлялись вследствие усложнения первоначальных вариантов: дополнения декоративными и конструктивными элементами, незначительного изменения внешних линий и пр. При классификации наличников мы учитывали прежде всего их форму и манеру оформления «лицевой» — надоконной доски.

Одну из наиболее многочисленных групп составляли наличники с прямоугольным ограниченным карнизом верхом. Еще два десятилетия назад такие наличники встречались на старых домах во многих районах Башкирии: в бассейне Ая, среднем Забелье, в горно-лесной зоне, юго-восточном Зауралье (Баймакский р-н), в Челябинской обл. На надоконную доску обычно наносили глубокую выемчатую резьбу, глухую коловоротную; она сочеталась с накладными ромбами, квадратами и другими несложными элементами. Остальные части наличника украшений не имели. Подоконная доска в большинстве случаев оставалась прямой. Боковые доски заканчивались внизу прямоугольными выступами, каплевидными или бахромчатыми свесами. Позже нижней части подоконного обрамления стали придавать скобовидную форму; случалось, что низ боковых досок вырезали в виде рогов.

Развитием того же типа являлись прямые наличники с крышей-карнизом на небольших подставках-кронштейнах. Их украшали выпиленные детали, наложенные на подкарнизную доску между кронштейнами. Нововведением был зубчатый бордюр, помещенный под карнизом или прикрепленный к его внешнему краю. Такие наличники получили распространение в башкирских районах Татарии и в Челябинской обл. В Башкирии они встречались главным образом в северной части. В некоторых вариантах легкие кронштейны превращались в фигурные «столбики», на этих окнах более сложным был и накладной узор.

На севере БАССР и в прилегающих районах Татарии вышеописанный прямоугольный наличник с карнизом (иногда на кронштейнах) нередко превращался в рамку. В Актанышском и Муслюмовском районах ТАССР боковые и подоконные доски обрамлял узкий воздушный орнамент в виде полукружий с коловоротными отверстиями. Накладным бордюром обводили наличники на севере — в Татышлинском и Янаульском районах. Узор здесь получался широким: двусторонние зубцы разной конфигурации были обраще-

ны не только к внешней стороне, но и к оконной раме. Коловоротные отверстия выполняли в два-три ряда. В Краснокамском р-не (БАССР) и соседних деревнях Актанышского р-на (ТАССР) старые наличники имели широкие фигурно вырезанные боковые доски. Крупные элементы накладного контурного (без прорезей) орнамента располагались на надоконной доске.

Обычай обрамления окон существовал, возможно, и восточнее — в айском бассейне. Нам удалось зафиксировать здесь отдельные случаи украшения боковых досок зубцами с отверстиями. В отличие от северо-запада орнамент не был накладным: вырезался и просверливался край наличника. Подкарнизная доска не имела орнамента. Большое внимание уделяли нижней части наличника: стали традиционными изящные свесы и прорезной рисунок на подоконной скобовидной доске. Отдельные мастера пытались выполнить пропиленной орнамент и на боковых досках, но этот опыт в то время распространения не получил.

Новым этапом в развитии архитектурного декора явилось устройство над окнами кокошника, который нарушил привычные пропорции. Центр художественной композиции был перенесен в верхнюю часть здания. Убранство фасада стало пышнее.

Ранние массивные кокошники из цельной доски сохранились в башкирских деревнях Челябинской обл.; иногда их верх имел волнообразные очертания. В северо-западных районах БАССР и соседних районах ТАССР узкие цельные кокошники украшал ряд зубцов по верху. В Краснокамском (БАССР) и Актанышском (ТАССР) районах зубчатый гребень служил завершением рамы с накладным узором. В Нуримановском, Иглинском районах (БАССР), Кунашакском р-не (Челябинская обл.) кокошники состояли из полосы прорезного орнамента: завитков, полукружий, колец. Эти элементы повторяли детали накладного рисунка на подкарнизной доске. Таким образом, новый элемент — кокошник — стал частью декоративного оформления фасада, вписавшись в сложную орнаментальную композицию.

Позднее появились наличники с ажурными кокошниками. Одним из их вариантов стали массивные кокошники с орнаментом, выполненным узкими прорезями. Отдельные детали (завитки, стрелки, ромбы, зубцы, лепестки) были искусно соединены в сложный двусторонний узор. Иногда в рисунок вводились элементы, напоминающие контуры птиц или рыб. Подобные наличники были приняты в Нуримановском, Иглинском, Архангельском, Гафурийском районах БАССР. В редких случаях их можно было встретить в Чишминском р-не и в восточном Зауралье — Аргаяшском р-не Челябинской обл. В некоторых аулах Нуримановского и Гафурийского районов рисунок на кокошниках составляла оставшаяся плоскость доски, т. е. фон. Сохранялась непрерывность линий, центральный узор был вписан в рамку.

Кокошники с тонким ажурным орнаментом, словно связанным в целое из множества элементов, получили распространение в среднем Забелье. Рисунок был симметрично двусторонним, сюжетным:

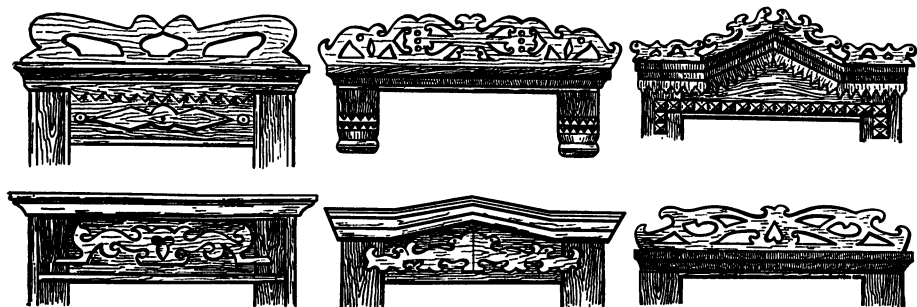

Рис. 75. Зооморфные сюжеты в оформлении оконных наличников. МЭЭ 1960, 1965, 1970 гг. Рис. В. М. Шуговой с фотографий экспедиций

в строй плавных линий и завитков вводились стилизованные зооморфные мотивы, которые условно можно представить как «бегущие куницы», «барсы», «токующие тетерева», «лебеди», «крылатые кони». Эти мотивы в вариациях переходили из узора в узор (рис. 75). В первые десятилетия XX в. окна с ажурными кокошниками появились и в районах, расположенных западнее и южнее средней Белой. Мастера копировали старый декор забельских аулов.

Другим центром распространения ажурных кокошников стал север Челябинской обл. Сквозная резьба украшала здесь, кроме кокошника, низ подкарнизной доски, иногда боковины. Она сочеталась с несложными фигурными накладками.

В северных районах Башкирии окна с пышными кокошниками встречались редко. Исключение составляли лишь Мечетлинский и Белокатайский районы, где ажурные кокошники сочетались с подзорами и накладными рисунками на подкарнизной доске, а край боковых досок заканчивался полуовальными зубцами (язычками) с круглыми отверстиями.

Резные кокошники прикреплялись к краю карниза, слегка нависая над окном. Иногда (в Иглинском, Архангельском районах) карниз «опирался» на тонкие подставки — уплощенные покрытые резьбой «столбики». Подзор из зубцов опоясывал карниз.

Украшение прямого карниза кокошником явилось перспективным нововведением в архитектурном декоре. Не менее плодотворной оказалась попытка видоизменить форму подкарнизной доски и самого карниза. Появились, в частности, так называемые «фронтонные» наличники. В классическом виде («домик под крышей») эта форма встречалась редко, лишь в Иглинском р-не. Карниз не только нависал над плоскостью наличника, но и выходил за край боковых досок. Иногда он опирался на фигурные кронштейны. Украшениями служили зубчатый подзор и накладной орнамент. Гораздо чаще верхнюю доску наличника поднимали углом только посередине. Она ограничивалась карнизом, обведенным зубчатой линией. Такие наличники встречались почти во всех районах Башкирии. Использовался главным образом накладной орнамент.

На подкарнизной доске помещали несложную композицию из симметрично расположенных элементов — завитков, крылоподобных фигур, противостоящих птиц, а посередине — солярную розетку. Узор заключали в бордюрную рамку. В некоторых местах карниз «опирался» на резные накладки в верхней части боковых досок, иногда довольно объемистые. Развитием последнего варианта были накладки в виде барельефных колонок, возвышавшихся за счет удлинения боковых досок наличника. Каждая из колонок имела «крышу».

Фронтонная форма вписалась в рамочное обрамление окон, принятое в северных районах Башкирии, в Татарии и Пермской обл. Форма наличника и орнаментальный декор соединились в единое целое. В каждом отдельном случае тонкое чутье художника-оформителя подсказывало оригинальное решение, диктовало размеры фигур накладного орнамента, расположение их на тех или иных частях наличника, соотношение основного рисунка и бордюра, определяло высоту треугольного выступа, контуры боковых и подоконных досок. Бордюром обводили не только карниз, но и боковые стороны, иногда низ. Линейный орнамент мог быть накладным и воздушным. Широко применялась пропильная, коловоротная резьба, иногда орнамент выдалбливался на накладных планках долотом. Богатством декоративных средств отличались наличники в Янаульском р-не. Их особенностью были многоступенчатые резные карнизы, изящные контуры наличника, украшенного мелко разработанными деталями: витыми колонками, «шнурками», «кистями», накладным узором, резными выступами на подкарнизной доске, имитирующими бахрому. Манера художественного оформления перекликалась с ампириным стилем в архитектуре и появилась, как видно, под влиянием города.

Самобытностью отличались оконные наличники Пермской обл. и Муслумовского р-на ТАССР, обрамленные ажурным орнаментом, в канву которого были введены зооморфные мотивы: зверьки, напоминающие куниц или горностаев, выстроившиеся в цепь звероподобные существа.

Наличники Давлекановского р-на имели волнообразный гребневидный орнамент, прикрепленный над карнизом. Его контуры четко выделялись на беленом фоне стены.

Фронтонные наличники послужили основой для других, более сложных форм. Их видоизменяли, обособляя верхнюю часть боковых досок от надоконной доски, прерывая строгую форму последней путем устройства ряда углублений («гнезд»), вписывая в них элементы орнамента, превращая верх боковых досок в колонки. Такие наличники характерны для некоторых северных районов Башкирии: Илишевского, Дюртюлинского, Бураевского, Мечетлинского, Белокатайского. Они встречались также в Сосновском, Красноармейском районах Челябинской обл., местами — в Баймакском, Белорецком районах БАССР.

На окнах с полукруглыми рамами появились арочные наличники с округлым карнизом. Их украшали накладками, пропильной и ажурной резьбой. Однако в некоторых районах, особенно в Челябинской обл., орнамент наносили старинным долблением. В группе

арочных выделялись окна с ажурным обрамлением из полосы тонкого пропиленного орнамента, встречавшиеся на севере Белокатайского р-на БАССР.

В начале XX в. на архитектурную резьбу башкир, в том числе на украшение наличников, особенно заметно влияли разнообразные городские стили. Под воздействием города в деревнях распространились так называемые «волютные» наличники — кокошники, вырезанные в форме двух обращенных друг к другу завитков, между которыми помещалась фигура в виде розетки или вазона. Под ними, согласно местным традициям, располагался накладной стилизованный растительный орнамент. В Стерлитамакском и Ишимбайском районах БАССР композиция была решена с привлечением зооморфных мотивов в виде двуглавой птицы, летучей мыши с распростертыми крыльями, голубей. Выше мы говорили о проникновении из города некоторых конструктивных деталей — подпирающих карниз «столбиков», колонок и пр. Влиянию были подвержены прежде всего деревни, расположенные вблизи уральских городов и заводских поселков: Белорецка, Уфалея, Кусы, Челябинска. Это воздействие заметно и вблизи Стерлитамака, Бирска, Янаула. Заимствования органично соединялись с народными традициями.

При всем многообразии архитектурной резьбы выявляются определенные закономерности ее развития. В конце XIX — начале XX в. пропиленные узоры (сначала цельные, обобщенные, затем тонко разработанные) заметно потеснили долбленную резьбу. Новшеством стали ажурные кокошники. Увеличение орнаментируемой поверхности, вовлечение в ансамбль нижней части наличника явились следующей ступенью в развитии домового резьбы. На большей части Башкирии этот процесс начался в XX в.; лишь в северных районах существовали давние традиции обрамления оконного проема. Большинство наличников на домах дореволюционной постройки имели прямоугольный низ, хотя именно в те годы была предпринята попытка видоизменить форму и подоконной доски. На боковых досках стали появляться свесы: прямые с «бахромой», каплевидные, ромбические, трапециевидные, овальные и пр.; при этом доска между ними оставалась ровной. Если же боковые доски заканчивались на уровне подоконной, фигурно вырезался нижний край, плавная линия выреза захватывала и концы боковин. В домах поздней постройки скобовидная доска помещалась между свесами. Прорезным орнаментом подоконные доски украшали редко; предпочтение отдавалось небольшим накладкам.

Существовала зависимость между характером орнамента и техникой исполнения. В то же время манера орнаментации зависела от формы наличника. Все вместе (форма наличника, рисунок, способ нанесения узора на дерево) и создавало тот колорит, который определял декор тех или иных мест. О некоторых локальных особенностях говорилось выше. Однако полную взаимосвязь компонентов можно обнаружить лишь при внимательном рассмотрении традиций оформления наличников в отдельных районах.

Наиболее цельная картина воссоздается при изучении архитек-

турного декора в аулах по берегам нижней Белой и в Прикамье (Краснокамский р-н БАССР, Актанышский — ТАССР). Как в других северных районах, наличники здесь представляли собой рамку, фигурно вырезанную с боков или обведенную бордюром. По краю наличника прикреплялись узкие рейки с зубцами и небольшими круглыми отверстиями. Подоконная доска обычно объединялась орнаментом с боковинами, поэтому свесы встречались редко; они были небольшими, ступенчатыми. В некоторых деревнях Краснокамского р-на путем выемки средней части широких досок наличника или набивки дополнительных планок на края расширялись, утяжелялись углы. Надоконная доска оставалась прямой или приподнималась посередине углом (вариант фронтонных наличников), иногда ее прикрывал сильно выступающий карниз — «крыша» — на фигурных кронштейнах. Местами к краю карниза прибивали дощечку с зубцами, обращенным кверху (рис. 76).

Образцов орнамента на наличниках, выполненных старинной трехгранно-выемчатой резьбой, в этом районе сохранилось мало. Лишь на отдельных накладках встречался выпуклый выдолбленный рисунок: солярная розетка, цепочка из пирамидок. И в бордюре, и в основном рисунке орнамент состоял из сверленных отверстий; на накладных рейках он сочетался с зубцами. На поверхности боковин и в нижней части наличника был популярен орнамент из соединенных в цепочку ромбовидных накладных фигур. На подкарнизной доске между кронштейнами помещался массивный накладной узор, вырезанный по контуру, иногда украшенный сверлением. Распространенным мотивом были «рога» — два завитка, соединенные в центре. Рисунки на других наличниках являлись разработкой этого узора: появлялись мелкие завитки, обособленные центральные элементы. Иногда орнамент приближался к зооморфному. Композиция напоминала «коньков» с развещающимися гривами. Некоторые изображения ассоциировались с чудовищным зверем с огромной головой и мощными лапами; подобные рисунки встречались и на противоположном берегу Белой — в Дюртюлинском р-не.

Особую группу орнаментальных мотивов составляли цепи из колец или кругов, сверху и снизу обведенные линиями, сходящими в углы, украшенные завитками. Некоторые исследователи, обнаружив подобную композицию на наличниках в русских деревнях, обратили внимание на ее сходство с ампириными лепными украшениями в городской архитектуре¹. У башкир мы встречаемся со своеобразным вариантом, в котором вместо традиционных для ампира колец-венков использовался древний солярный узор.

Рисунок оконных наличников в горно-лесной юго-восточной Башкирии выполнялся долотом и резцами. Орнамент редко наносили на поверхность основной доски. Накладки с узором, выполненным глухой резьбой, сочетались со сложными контурными деталями. В отличие от северо-запада в горах и в загорье не сложился единый стиль. Одинаковая манера оформления наличников прослеживается лишь в пределах небольших групп деревень, объединенных в прошлом этническим родством. Своеобразны наличники в аулах на юге

Учалинского и севере Абзелиловского районов. Здесь была принята фронтовая форма верха, переходящая в полукруглые глубокие выемки; этот прием превращал боковые доски в ложные колонки. «Колонки» украшали с внешней стороны фигурными деталями. Надоконная доска обводилась накладным бордюром — узкой «цепочкой» или «елочкой». Внутри очерченной плоскости помещали детали орнамента; их поверхность разрабатывалась двугранно-выемчатыми углублениями-уголками, превращающими круги в «солнца», ромбы — в «елочки». Солярная розетка находилась в центре — под выступом карниза, по сторонам от нее накладывали S-образные фигуры или «елочки», иногда эти детали располагали между тремя «солнцами». Поскольку окна имели ставни, боковины наличника не украшали; не выделялась и нижняя доска. В средней части Абзелиловского р-на (деревни Аскарово, Қазмашево, Рыскужино, Ярлыкапово и др.) верх наличников имел арочную форму с чуть приподнятыми концами. Подкарнизная доска обводилась узкой планкой со сверленными отверстиями. Примечательностью этих мест был накладной орнамент из завитков, по характеру близкий узорам на старинных свадебных чепраках (рис. 77).

Быше уже говорилось о своеобразии архитектурной резьбы в башкирских деревнях Приуралья (правобережье средней Белой). Для этих мест свойственны оконные проемы, украшенные резьбой в верхней, а иногда и в нижней части. На территории Башкирии именно здесь были распространены ажурные кокошники. Различались две манеры резьбы. На севере территории (Нуримановский, Иглинский, Архангельский, отчасти Гафурийский районы) коловоротные отверстия сочетались с узкими прорезями рисунка, состоявшего из S-образных фигур. С помощью лобзика отверстиям придавали форму лепестков, листьев, рыб, турецких «огурцов», сердцеподобных фигур, стрелок. Невыпиленная поверхность доски составляла фон. Южнее — в Ишимбайском и на юге Гафурийского района — было принято выпиливать фон. В композицию вводили зооморфные мотивы: противостоящие «тетерева», «глухари», «бегущие куницы», «журавли», «кони», «сидящие в гнездах птицы». Изображения животных выполняли обобщенно, стилизованно. Орнамент делали по трафарету. Сюжеты повторялись из деревни в деревню. Идентичные рисунки встречались западнее, восточнее, южнее этих мест — в Белорецком, Бурзянском, Мелеузовском, Стерлибашевском, Стерлитамакском районах. Их отличали отработанность, плавность линий сложного двустороннего узора, динамичность композиции. Узор в кокошнике и на подкарнизной доске частично повторялся.

Много архаичного обнаруживал декор Челябинской обл. В старых домах высота окон была небольшой, их форма приближалась к квадрату. На многих из них сохранились глухие кокошники без прорезей. Собранный в Челябинской обл. материал дает возможность изучить старинные виды резьбы, широко представленные в архитектуре этих мест: резьбу ногтевидную, желобчатую, трехгранно- и двугранно-выемчатую (рис. 78). Последняя выполнялась как на плоскости самого наличника, так и на накладках. Ею вырезаны

Рис. 76.

Рис. 76. Рамочное обрамление окон в северо-западных деревнях. Дер. Старокабаново Краснокамского р-на. МЭЭ 1960 г. Фото Г. И. Музаментшина

Рис. 77. Разновидности оформления наличников в Зауралье

1, 2 — волютные навершия; 3, 5 — двухгранновыемчатая резьба; 4, 6 — накладки по мотивам традиционной аппликации, вышивки. Рис. И. Сабитова (по материалам экспедиций 1971, 1972 гг.)

Рис. 78. Глухая двухгранновыемчатая резьба. Дер. Соркино Кунашакского р-на Челябинской обл. МЭЭ 1972 г. Фото автора

Рис. 79. Дом, украшенный кустарными узорами. МЭЭ 1977 г. Фото Т. К. Новиковой

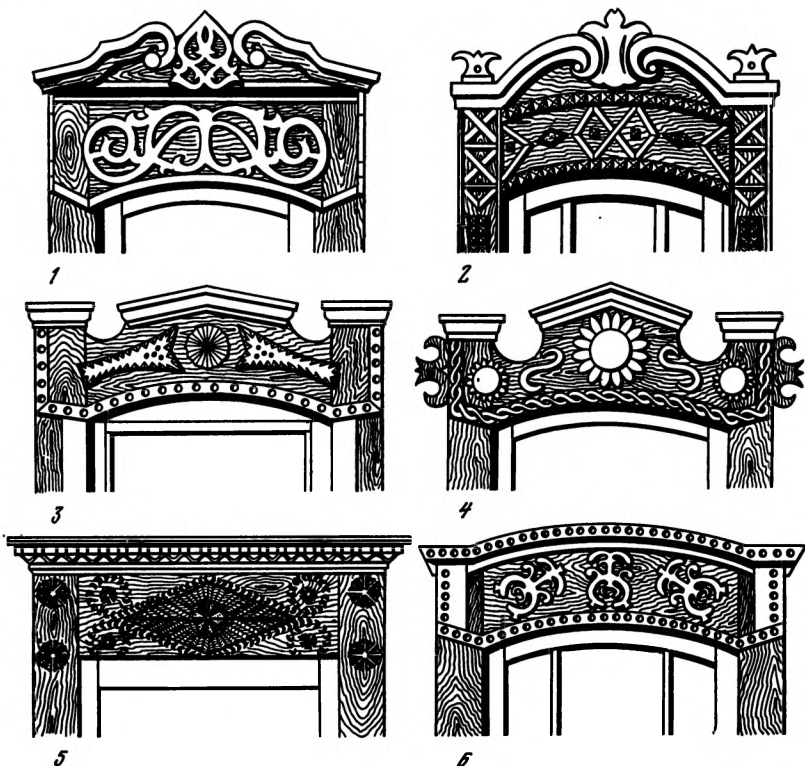

Рис. 77.

Рис. 78.

Рис. 79.

«жгуты», солярные розетки, ряды кубиков, пирамидок — бордюр, окаймлявший основной накладной узор. Иногда резьба напоминала рельефную, так как вокруг крупного элемента (ромба или круга), разработанного мелкими потевидными углублениями, выбирался фон. В то же время именно на этой территории распространились «волютные» наличники. Применялась разнообразная резьба, в том числе пропильная ажурная. Как и везде, часто можно было встретить фигурные накладки. Кронштейны, «столбики», «колонки» иногда были многоступенчатыми, покрывались городковой резьбой.

Нами охарактеризована манера украшения наличников нескольких областей. Однако различия имелись не только в пределах районов, но и групп деревень, порой они были настолько сильны, что с трудом можно было уловить комплекс признаков, свойственный региону. Необычность художественного решения касалась прежде всего орнамента, затем — техники резьбы, формы оконного обрамления. Интересны образцы декора, где в рисунок включены зооморфные сюжеты. «Птичью» тему наиболее часто можно встретить на юго-западе — на территории расселения бывших юрматынцев. Не только в Забелье, но и по отрогам Южного Урала в архитектурный орнамент вводили элементы, напоминающие силуэт или след птиц, лягушек, лося, журавля, рыб и пр. Среди некоторых групп башкир в Пермской обл. было популярно обрамление окон фигурками звероподобных существ, чинно следующих друг за другом. Возможно, эти древние сюжеты появились в искусстве башкир под влиянием племен, населявших Южный Урал в I тысячелетии н. э.

В архитектурной резьбе на наличниках отражено разностороннее культурное взаимодействие населяющих край народов. Одновременно в ней прослеживаются определенные этапы развития декора в среде самих башкир. Соотношение привнесенного извне и национального, различное их сочетание и определяет своеобразие декора по районам. Эти слагаемые не всегда можно четко разграничить: сказывается плохая изученность архитектурной резьбы соседних народов и, прежде всего, русских. Имеющиеся материалы незначительны; в большинстве своем они затрагивают зодчество населения Западной Сибири. Архитектор Е. Ащепков одну из глав своей книги посвятил русским наличникам². Можно найти немало общего с декором наличников в домах башкир. Это касается и художественных форм, и общей линии развития домовый резьбы. В то же время народное искусство башкир кажется более подверженным как изменениям, исходящим из внутренней логики его развития; так и новым влияниям — в первую очередь со стороны городской культуры.

УКРАШЕНИЯ СТЕН И ФРОНТОНА

Украшенные резьбой стены домов в башкирских деревнях встречались редко. Обшивка досками также мало практиковалась, между крышей и стенами оставался просвет. Лишь некоторые зажиточные башкиры отделывали дом по всем правилам, приглашая со стороны

опытных мастеров. Дома с резными подзорами встречались вблизи Стерлитамака, Белорецка, Челябинска и других городов и поселков. Резными карнизами украшались башкирские избы в Актанышском р-не ТАССР. Изредка «опоясывали» орнаментом мечети и байские дома в горной Башкирии.

Изучая памятники старины, можно уловить некоторое местное своеобразие и в манере расположения орнамента, и в характере узоров.

Наибольшее количество изб с резьбой по верху сруба сохранилось в северных районах Челябинской обл. Украшали дома и с двускатными, и с четырехскатными крышами (рис. 79). Узкая полоска пропиленного узора прикреплялась к краю крыши. На фриз накладывались крупные S-образные фигуры. Север Челябинской обл. отличался разнообразием оформительских приемов, богатством орнамента. Узкий бордюр на карнизе состоял из сдвоенных завитков, язычков с отверстиями, зубцов, трилистников. Иногда полосы орнамента в три-четыре ряда набивались на фриз. Для Кунашакского р-на характерны широкие фризы с многорядным накладным орнаментом, с ажурным кружевом почти до самых окон. Часто к краю фриза друг за другом прибавляли отдельно выпиленные фигуры-свесы длиной до 25—30 см.

В Аргаяшском р-не на карнизах, как и на наличниках, выполнялся глухой рисунок ножом и ложчатым долотом.

Скромный бордюр украшал карнизы домов в горных селениях Южного Урала. Здесь фигурно вырезали лишь край доски; над зубцами, язычками или ступенчатыми свесами коловоротом просверливали ямки. На доску фриза прикрепляли линейную накладку, рельефно вырезанную в виде ряда пирамидок или «веревки». Узкая лента орнамента, опоясывающая верх сруба, ассоциировалась с узорной тесьмой, скреплявшей в прошлом каркас юрты (рис. 80).

На западных склонах Урала (Гафурийский, Ишимбайский, Мелеузовский районы) и кое-где по левому берегу Белой (Стерлитамакский р-н) фриз у углов дома и в центре стены украшали отдельными массивными накладками, пропиленными или покрытыми выемчатой резьбой. В иных случаях это были прямоугольники с длинными зубцами по нижнему краю, имитирующими бахрому. На севере территории (Гафурийский р-н) небольшие сверленные отверстия на фризной доске соединялись пропиленными линиями. Край карниза вырезали полукруглыми выемками, над ними просверливали углубления. Иногда на фриз, выше орнаментальной полосы, набивали узкую планку с зубцами. Южнее этих мест (Мелеузовский р-н) применялась ажурная резьба. Бордюрные узоры составлялись из одинарных или сдвоенных круглых отверстий, сердцевидных фигур, полукружий, вырезанных в два-три ряда над краем доски. Карниз мог быть уже фриза; иногда, наоборот, он нависал над ним, прикрывая нижний узор.

В северных аулах карнизы украшали редко. Исключением являлся Актанышский р-н Татарии. Резные карнизы встречались здесь

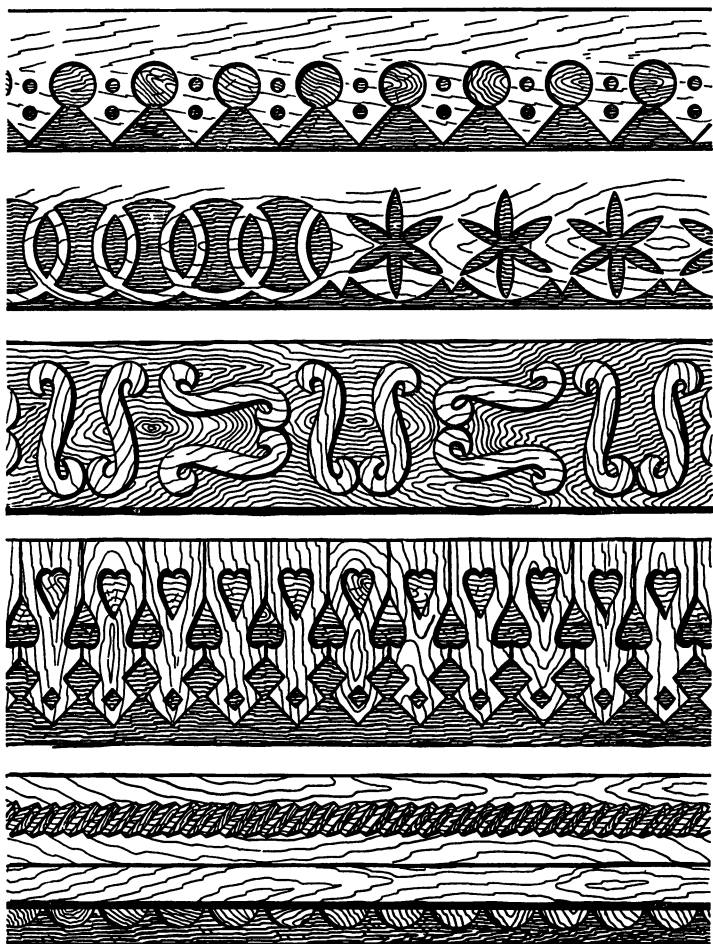

Рис. 80. Узоры на карнизах и фризах. Рис. И. Сабитова (по материалам экспедиций)

на домах с четырехскатными крышами. Как и в исполнении резьбы на наличниках, главным инструментом являлся коловорот. Фриз был многоступенчатым: он состоял из наложенных одна на другую досок, украшенных по краю ямками, расположенными рядами или собранными в розетки. В отдельных случаях в орнамент включали пропиленные кольца, шестилепестковые розетки — мотивы, распространенные в прошлом в архитектурном декоре этого района.

Украшение орнаментом углов сруба практиковалось у башкир Пермской и Челябинской областей. Торцы бревен, выходявших на улицу, закрывали доской. Эта плоскость обводилась узкими планками; по средней линии, ближе к крыше, располагались накладные

фигуры, соединенные в узор. На севере Челябинской обл. встречались дома, украшенные по углам рельефной резьбой.

Несмотря на то, что в основной своей массе башкирские жилища имели двускатное покрытие, украшение фронтонов появилось поздно. Объясняется это тем, что на домах, крытых корой, дранкой, деревянной «черепицей», соломой, фронтоны заделывали теми же материалами. Тес употребляли редко. Во многих районах, особенно в горах, фронтоны бревенчатых изб оставались открытыми. Во время экспедиционных исследований, охвативших почти всю территорию расселения башкир, было встречено всего три дома дореволюционной постройки с тщательно зашитыми фронтонами, украшенными резьбой. На края крыши при оформлении фронтона набивались узкие доски (причелины) с резным краем. Обшивка фронтона производилась в глубине, на расстоянии от фасадной стены, так что получалась объемная ниша. В ней иногда прорубали слуховое оконце. Полоса накладного орнамента помещалась над широким «козырьком» фасада.

Старинные дома с резьбой на фронтонах можно было встретить главным образом в районах, расположенных южнее г. Уфы, в аулах по среднему течению р. Белой. В Гафурийском р-не применялась своеобразная орнаментальная деталь, напоминавшая русские или финские «полотенца», — фигурная дощечка-свес, прикрепленная к острию фронтона. Позже украшение стали накладывать непосредственно на обшивку.

Устойчивые традиции художественного оформления фронтонов стали складываться в последние десятилетия на севере Башкирии. В их основу легли конструктивные новшества: фигурная заделка ниш, устройство навесных балконов, изменение формы причелин и пр.; по мере надобности в общую композицию вовлекался карниз.

Таким образом, в начале нашего века архитектурный декор самого здания только зарождался. Его развитие совпало с массовым строительством на селе сначала во второй половине 30-х годов, затем в 60—70-е годы, в период перестройки деревень по новым архитектурным планам.

ВОРОТА. ИЗГОРОДИ

В прошлом декоративная резьба применялась прежде всего в украшении массивных, так называемых «русских» ворот — сплошь из досок под тесовой крышей. Такая форма ворот в конце XIX — начале XX в. была одной из распространенных на значительной территории Башкирии, особенно в северных деревнях, а также в зоне горной промышленности, вблизи русских сел и заводских поселков.

Резьбой украшали обычно ворота богатых усадеб. Мастерами могли быть и местные плотники, и русские, приглашенные из соседних селений. Еще в 50—60-е годы во многих пунктах можно было встретить старые ворота, поставленные в начале века. По ним можно судить о традициях, укоренившихся в строительной практике башкирского населения к этому времени. Они запечатлели наи-

более характерные черты народного творчества тех или иных мест.

Часто ворота состояли из двух звеньев — калитки и притвора, закрывавшего проезжую часть и состоявшего из цельного щита. Вместе с тем в ряде районов (на севере в Калтасинском, на северо-востоке в Белокатайском, Салаватском и др., на юго-востоке в Белорецком, Баймакском, на юге в Мелеузовском, Кугарчинском) было принято симметричное построение — с двумя калитками по бокам въезда; одна из калиток, ложная, играла декоративную роль. На северо-востоке (Белокатайский, Мечетлинский районы) не только ворота, но и вся уличная ограда подводились под общую двускатную крышу.

Наиболее устойчивые декоративные традиции были связаны с глухими оградами, где ворота вмонтировались в общее полотно дощатой стены. Здесь редко декорировали плоскости ворот и калитки. Не было резьбы и на воротных столбах (верёях). Столбам-опорам старались придать форму колонн, поставленных на массивные тумбы. Полотнище ворот доходило до прогонного бревна, почти не оставляя свободного пространства. Украшением ансамбля служила полоса сквозного орнамента (шириной в одну доску) над калиточным проемом. Такая манера оформления усадьбы утвердилась в деревнях, расположенных поблизости от больших русских сел: Ногущи, Карлыханово, Старый и Новый Белокатай, Дуван, Месягутово и др. В удаленных населенных пунктах мастера создавали в пределах общепринятых норм свои варианты. В 1959 г. нами были встречены резные ворота в дер. Ясын Мечетлинского р-на, сконструированные по принципу вышеописанных: воротные столбы имитировали округлые колонны с широким тумбообразным основанием. Верх ограды и ворот под двускатной крышей украшала полоса пропильного орнамента. Под этой полосой над широким, почти квадратным калиточным проемом был расположен еще один ряд узора.

На Каме (Краснокамский р-н БАССР) на фоне усадьбы ворота выглядели капитальным архитектурным сооружением с широким средним полотнищем и боковыми калиточными проемами, объединенными под двускатной или четырехскатной крышей. Резьба располагалась небольшими полосками над калитками. При исполнении орнамента широко применялся коловорот. Узор состоял из комбинации круглых отверстий, соединенных прорезными линиями или мелкими отверстиями. Помимо того, вырезались маленькие треугольники, шестилепестковые розетки. Иногда глухим узором украшали прогонное бревно; на него нашивали доску с круглыми, не до конца просверленными ямками или накладывали ступенчато несколько досок с вырезанными по краю зубчиками, полуovalами, уступами. Реже подобный орнамент исполнялся «городковой» резьбой: с помощью долота и ножа выполнялись узорные полосы на разном уровне доски.

В прошлом богатая резьба на воротах на башкирском севере не встречалась. Здесь не украшали верейные столбы. Редко нашивали фигуры на створы ворот и калитки. Внимания оформителя удостоивалась лишь верхняя часть ворот под крышей и в первую очередь:

калиточный проем. Орнамент в любом случае оставался над головой проезжающего или проходящего, по-видимому, в далеком прошлом он обладал в представлении хозяев магической очистительной силой.

К югу и востоку от Уфы и в Челябинской обл. большое внимание уделяли украшению опорных столбов. Ворота с четырьмя верейными столбами выглядели особенно торжественно.

В украшении ворот в горно-лесной Башкирии и кое-где в Зауралье наиболее архаичной являлась глухая резьба (рис. 81). В дер. Иткуль Уфалейского р-на Челябинской обл. в 1972 г. существовала часть старых ворот, основным мотивом в украшении которых служил солярный орнамент. Верейные столбы были стесаны на некотором расстоянии от земли; на полученной плоскости находилось по шесть розеток, отделенных друг от друга горизонтальными «черточками» и имеющих по 12—13 «лучей». Каждый «луч» — вытянутая выемка с почти отвесной внешней гранью. «Лучи» не доходили до центра, в середине получался выпуклый круг. Розетки «солнца» были вырезаны в два ряда на досках, ограничивающих калиточный проем сверху.

Своеобразным произведением искусства являлись резные ворота в дер. Шигаево Белорецкого р-на, срубленные и украшенные местным мастером более 70 лет назад. Они дошли, хотя и в полуразрушенном виде, до наших дней. Особенностью этих мест является тесное расположение домов по отношению друг к другу; усадьбы вытянуты вглубь. Описываемые ворота под двускатной крышей смыкают два соседних дома. Кроме главного звена — въезда, они имеют две широкие калитки и узкую дощатую переборку, оформленную под ложную парадную дверь. Все четыре звена (истинные и ложные створки) связаны из коротких досок в «елочку» и окантованы изящной рамкой. Фигурно вырезанные планки прикрывают стыковые швы (середину «елочки») и делят створки на три неравные части. Доски над калитками украшены прорезным орнаментом — переплетенными тонкими кольцами; эта полоса сверху и снизу обведена линией из просверленных отверстий. Ямки и зубцы украшают облицовку прогонного бревна. Опорным столбам придана почти квадратная в сечении форма, углы покрыты косыми зарубками (узор «веревочка»). Вдоль края расположены неглубокие, выполненные коловоротом ямки. Между ними, с верха до низа столба, помещен орнамент. Главные его фигуры — вписанные в окружность восьмилучевые розетки — выполнены трехгранно-выемчатой резбой. Между ними — три прямоугольника с выпуклыми фигурами внутри них, повторяющими очертания прямоугольников; рельефность достигнута за счет углубления основного фона. Остальная поверхность заполнена врезным контурным орнаментом: одинарными или спаренными ромбами и сдвоенными черточками. В верхней части каждого столба «прочерчен» опрокинутый ромб, крест-накрест пересеченный линиями, а над ним, уже на доске, опоясывающей прогонное бревно, расположены розетки с врезным полумесяцем. Сочетая врезные и выпуклые элементы, мастер уклонился от использования

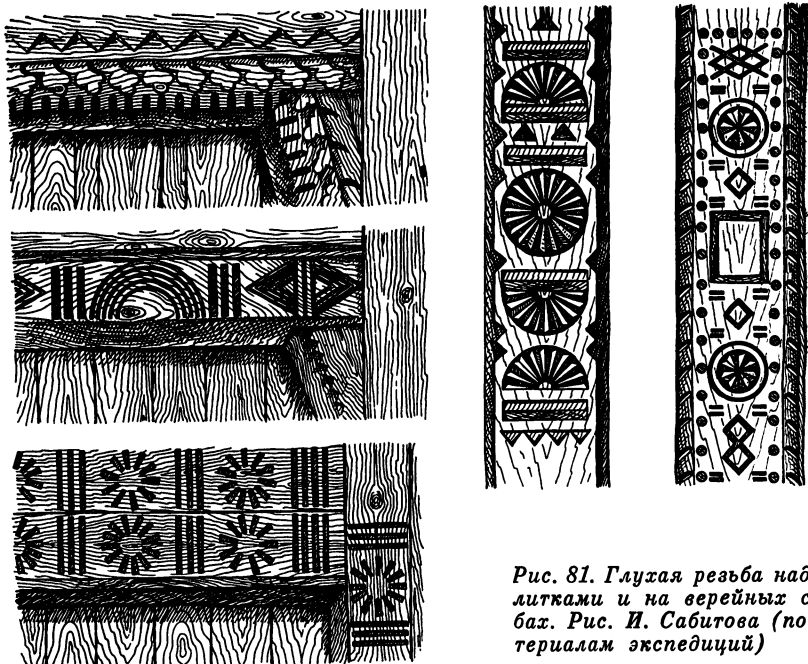

Рис. 81. Глухая резьба над калитками и на верейных столбах. Рис. И. Сабитова (по материалам экспедиций)

широко распространенной тогда накладной техники, предпочитая более сложный способ выполнения узора. Именно этот способ — углубление фона для выделения деталей — был свойствен творчеству башкирских мастеров горного Урала, достигшему к тому времени зрелости, особенно в области производства бытового утвари. Орнаментирование дерева у башкир в большей степени было связано с объемными предметами, и неудивительно, что оно нашло применение при украшении деревянных колонн в изгородях.

Форму описанных повторяют ворота в дер. Абзакovo Белорецкого р-на, построенные в 1914 г. Здесь та же конструкция, то же композиционное построение рисунка, но крупные фигуры (круглые розетки и соединенные по две трапеции) выпуклые, а контурный узор перенесен с фона на поверхность фигур. Внутри розеток, трехгранно-выемчатой резьбой разработаны «лучи». Прямоугольные и трапециевидные фигуры заполнены колонками ромбов. Сверленные отверстия не только окантовывают главное поле, но и завершают колонку снизу, располагаясь углом над тумбовидным основанием. Тонко разработанный узор украшает арки над калиточными проемами.

За сотни километров от этих мест, по другую сторону Уральских гор, в дер. Бикбулатово Кугарчинского р-на, находятся другие старые ворота, украшенные подобным образом (рис. 82). Они состоят из двух звеньев — двустворчатого проезда и калитки. В верхней части проемы, словно штормками, забраны досками и окантованы сверленным

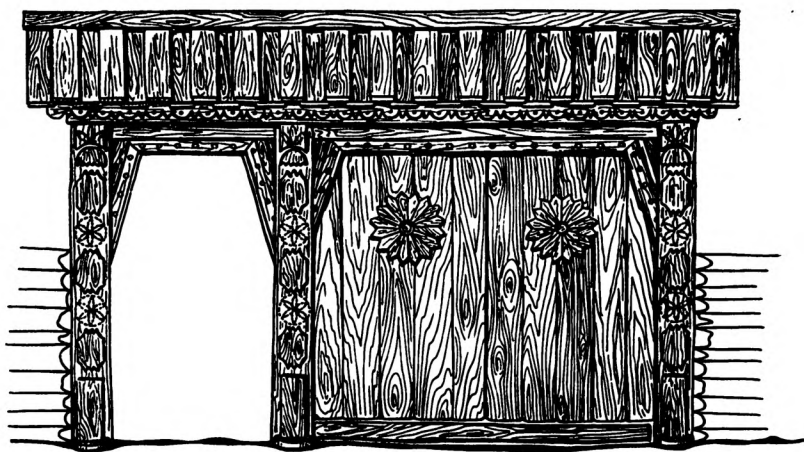

Рис. 82. Резные ворота. Начало XX в. Дер. Викбулатово Кугарчинского р-на. МЭЭ 1970 г. Рис. Н. А. Черзор (с фотографии)

Рис. 83. Верхняя часть старинных ворот. Дер. Бурангулово Давлекановского р-на. МЭЭ 1960 г. Фото автора

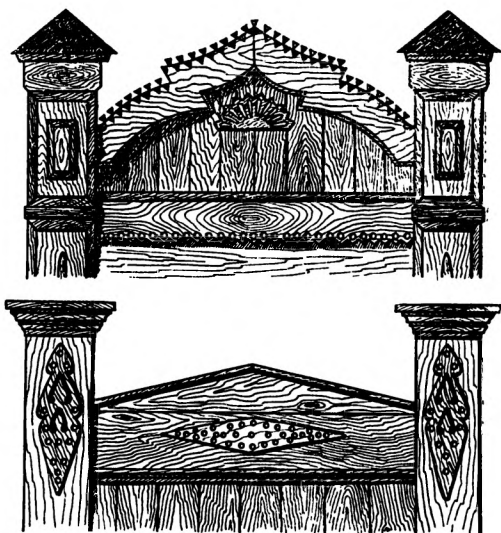

Рис. 84. Калиточные арки и карниз ворот (по материалам экспедиций)

орнаментом. Двускатная крыша обвешана резным карнизом, в рисунке которого острые зубцы перемежаются с полукружьями с просверленными дырочками. На опорных столбах почти барельефная резьба — сильно приподнятые над поверхностью бревна знакомые по Белорецкому р-ну фигуры: два круга и три вытянутых прямоугольника с отсеченными углами; их узкие стороны оформлены как зубцы. Верх столба венчает полуовал с зубчатым нижним краем («бахромой»). Над ним резцом обозначены три соединенные в центре лепестка. На выпуклых кругах изображены шестилепестковые розетки. Орнаментальное поле, не ограниченное линейным узором, естественной границей имеет край бревна. Помимо воротных столбов и карниза крыши, орнаментом украшены створки. Выше средней линии на них расположены две крупные солярные розетки с множеством «лучиков» — тонких планок, нашитых на ребро. Мелко разработанный узор на воротах, как и нарядный карниз крыши, подчеркивает масштабное и стилевое несоответствие в декоративном убранстве ансамбля. Благодаря этому выявляется эмоциональная сила рисунка на колоннах — несколько укрупненного, нарочито огрубленного, лишенного привычной для декоративного искусства внешней эффектности.

Иногда орнаментом покрывали детали ворот. В одной из усадеб дер. Смаково Мелеузовского р-на в конце 50-х годов были старые ворота с резьбой над калиточным проемом³. Рисунок прочерчен острым инструментом. В центре — пять вписанных друг в друга полукружий, по бокам от них — по две пары обращенных основаниями друг к другу треугольников; их грани, как и линии центральной фигуры, повторяются несколько раз, создавая впечатление множественности. Между главными компонентами помещены вертикальные колонки — пологие углубления, полученные с помощью выгнутого резца. Верхние углы калитки прикрывают «шторки» — треугольные доски с вырезанными на расстоянии от края мелкими зубцами.

В дер. Бурангулово Давлекановского р-на БАССР в одной из до-революционных построек верхние углы калиточного и воротного проемов украшали детали, оформленные в виде кронштейнов⁴ (рис. 83). Их скульптурно обработанная поверхность была покрыта глухой резьбой. С торца сохранился елочный узор, на боковых поверхностях — ряды уголков и треугольников, выдолбленных с понижением к вершине. Мотивы узоров и техника их исполнения напоминают резьбу на башкирских кумысных кадках — тәпәнах. Квадратный брус под крышей, скрепляющий калиточный проем, покрыт в четыре ряда неглубокими ямками.

Во всех описанных случаях, как и во многих других, традиционные способы деревообработки (резьба контурная, глухая и выборная — с углублением фона), принятые в башкирском быту не только при оформлении домов, но и при выделке предметов домашнего обихода, сочетались с сугубо архитектурными приемами — накладной и пропильной резьбой, появившимися с изобретением лобзика и других тонких инструментов. Старые и новые приемы нередко со-

существовали. Глухой или контурной резьбой могли покрываться накладные детали. В дер. Кусеево Баймакского р-на на лицевую сторону воротных стоек были наложены рельефно вырезанные витые полуколонки. В дер. Большой Бретьяк Бурзянского р-на солярный узор из 32 фигурных планок занимал большую часть полотнища калитки; центральный круг был украшен радиально расходящимися углублениями⁵. Сложные накладные детали можно увидеть и на других старинных воротах.

В конце XIX — начале XX в. в большинстве районов, как и на всей европейской территории России, в украшении жилых комплексов преобладала накладная и пропильная техника. Накладными фигурами украшали пышные въезды в усадьбы, появившиеся под влиянием каменного городского зодчества. Массивные деревянные брусья — стойки ворот — завершались башенками или шарами. Верх проемов скреплялся, как обычно, прогоном бревном, но над ним помещалось несколько треугольных или стреловидных выступов, создававших впечатление сложной аркады. Такие ворота встречались в деревнях по берегам средней и нижней Белой. Это объясняется, возможно, тем, что с открытием судоходства по реке население региона оказалось непосредственно связанным с внутренними областями России, в том числе с городами и слободами Поволжья. Традиции ворот с колоннами и аркадами сложились к этому времени и в ремесленно-торговых центрах соседней Татарии.

К числу такого рода сооружений относятся ворота в дер. Максютово Кугарчинского р-на БАССР, построенные в 1910 г.⁶ Когда-то они состояли из средней проезжей части и двух калиток. Опорные столбы возвышались в виде четырехгранных колонн с косой рустовкой. Каждый столб завершался призматическим железным покрытием, обведенным карнизом. Проемы скреплялись брусьями, с лицевой части прикрытыми широкой доской с накладным стреловидным орнаментом. Над брусьями на перекладинах крепились декоративные треугольные навершия: по одному — над калитками и два — над проезжей частью. Узкая полоса пропильного орнамента, обрамлявшего их верхний край, четко выделялась на фоне неба. В центре каждого декоративного фронтона помещался узор «восходящего солнца». Прогал между брусьями и перекладинами был прикрыт доской с ажурной прорезью. Полотнища калиток разделялись рейками на орнаментальные поля: в нижней части изображен многолучевой солярный круг, в верхней — звезда.

В дер. Ямангулово Кумертауского р-на от старых ворот сохранилась небольшая часть⁷. Калиточный проем над бревенчатым прогоном имел сложное арочное перекрытие с нишей. На глубокий фон — заднюю стенку ниши — был наложен орнамент, изображавший поднимающийся над горизонтом солнечный диск. Под нишей находился фриз с бордюром из зубцов (рис. 84).

На «открытых» — без крыши — воротах северной Башкирии крупный узор нашивался в центре створок и на калитке. Из орнаментальных мотивов самым распространенным был солярный: круг с узкими лучами, многолепестковая похожая на цветок розетка, круг

с зубчатым ажурным краем, звезда. Иногда «восходящее солнце» изображалось над проемами ворот. «Открытые» ворота севера утрачивали легкость, устремленность ввысь, сближаясь с воротами русскими. Верхнее перекрытие превращалось в плоскую крышу с карнизом и фризом, украшенным по краю резьбой. Над «крышей» сооружали башенки, а в промежутках между ними — резные кокошники. Таких ворот в деревнях по берегам нижней Белой сохранилось немало.

Местное своеобразие выражалось порой в незначительных деталях декоративного убранства. В предгорной и горной Башкирии применяли фигурную заделку торцовых сторон «русских» ворот. Небольшая причудливой формы деталь располагалась в центре ниши, свободно свешиваясь с угла. Подобная резная дощечка на стыке причелин фронтона изб существовала на русском Севере и у финнов еще в XIX в., но для башкирского жилища была нехарактерна. В то же время она находила место в украшении ворот в аулах горно-лесной зоны — даже в тех случаях, когда жилище резьбой не украшалось. Контуры фигур напоминали антропоморфные или зооморфные сюжеты. Можно вспомнить, что зооморфные изображения просматривались кое-где и в декоре оконных наличников.

Как видно, традиции художественного оформления ворот у башкир, как и декор, непосредственно связанный с жилищем, развивались под большим влиянием соседей, прежде всего русских. В начале XX в. на традиционное народное зодчество заметно воздействовало градостроительство. Одновременно в развитие местного декора большой вклад внесли и башкирские мастера, имевшие свои собственные навыки обработки дерева.

Украшение ворот в аулах даже в начале нашего века не стало повсеместным явлением. Однако там, где оно было распространено (на севере и в горно-лесной области), существовали своеобразие, довольно устойчивые традиции. Привычной стала сложная форма ворот, выработались тенденции в размещении узора, выборе орнамента. Последний во многом зависел от принятой техники исполнения.

Способы нанесения орнамента были разнообразны. Наряду со старой желобковой, двугранно-выемчатой, контурной, трехгранно-выемчатой, выборной, «городковой» резьбой применялась резьба пропильная. Пропильный узор встречался во множестве вариантов, начиная от простейших (когда короткими линиями лишь намечался орнамент) до сложного ажюра. В целом для Башкирии трудно определить приемы, которые к началу нашего столетия бесспорно преобладали. Можно лишь указать, что некоторым из них в отдельных районах в силу тех или иных обстоятельств мастера отдавали предпочтение. Мы уже говорили о технике углубления плоскости фона для выделения деталей рисунка, принятой в Белорецком, Кугарчинском и других, в основном горных, районах. На северо-западе распространенным стал сквозной орнамент, выполненный с помощью коловорота. Ажурная резьба применялась почти всюду, но в основном для украшения калиточных проемов; наиболее сложные узоры

можно было увидеть около г. Белорецка и по границе с Челябинской обл. Накладные фигуры в начале XX в. использовались широко, причем в манере, характерной для аппликации, — вырезанные целиком по контуру. Узор был однотипный, главным образом солярный. Такой род «деревянной аппликации» в первые десятилетия нашего века употреблялся часто в юго-восточной горно-лесной Башкирии, в какой-то мере заменив трудную технику выборной резьбы. Прежде прогонное бревно, позже карниз под крышей ворот покрывали зубчатым орнаментом и ямками, выполненными коловоротом. В бордюре, как и в основном узоре, привычной оставалась глухая резьба — долбленая, сверленая или накладная на фоне другой доски.

Башкирский архитектурный декор — сравнительно молодая область народного творчества. Вместе с тем архитектурная резьба, исторически связанная с практикой аульного домостроительства, не лишена этнической специфики, самобытности. Особенно глубоки и прочны традиции этого вида искусства на севере и в горной области, т. е. на той достаточно обширной по площади территории, где основным строительным материалом издавна был лес.

¹ Станюкович Т. В. Происхождение русской народной пропильной резьбы. — В кн.: Краткие сообщения ИЭ, 1950, вып. 10, с. 11.

² Ащепков Е. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950.

³ МЭЭ 1958 г. Здесь и далее материалы фототеки сектора этнографии

ИИЯЛ БФ АН СССР.

⁴ МЭЭ 1960 г., дневники автора.

⁵ МЭЭ 1958, 1976 гг., дневники автора.

⁶ Фототека сектора этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР; материалы Р. Гарипова.

⁷ МЭЭ 1970 г., дневники автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели сюжеты, представляющие одну из основных областей материальной культуры — народное жилище. Характер исследования с самого начала был определен его исторической направленностью. В центре внимания оказался компонент, по своей природе этнический — традиции башкирского народа в устройстве и функционировании поселений, жилых и хозяйственных сооружений.

Привлечение массового материала, охватывающего всю территорию расселения народа, дало возможность впервые провести его полную систематизацию, дав типологический анализ. Стройно изложить факты, установить между ними внутреннюю связь помог метод классификации. Классификационный принцип введен в описание поселений, временных и постоянных жилищ. Намечены основные схемы планировочного устройства изб, выявлены разновидности очагов. Выделены преобладавшие типы усадеб. Определенная система обнаружена в распространении орнаментаки домовая резьбы. Явления, по происхождению сравнительно поздние (в частности, архитектурный декор), логику внутреннего развития выявили слабее. Не могли составить четкого классификационного ряда и элементы, сохранившиеся в быту как реликтовые (временные поселения, некоторые кочевые жилища).

Каждая классификационная схема строилась с учетом одного-двух наиболее существенных признаков. Они были, на наш взгляд, основательными для сопоставлений, поскольку во многом определили направление развития рассматриваемых явлений. При классификации внутренней планировки изб такими признаками оказались система входов (относительно улицы) и положение очага в жилище. Рассматривая очаги, мы обратили внимание на взаиморасположение топки и дымоотводов. При описании построек учитывались материал и техника сооружения стен. В основу классификации усадеб была положена взаимосвязь дома и скотного двора; выявлялись и общие принципы расположения построек на площади усадеб.

Описание различных сторон устройства традиционных жилищ с выделением в классификационных схемах сопоставимых элементов дало возможность конкретнее представить территориальные различия. Местной специфике в каждой из глав посвящены особые разделы.

Во многих случаях различия, касающиеся жилищ, связаны с использованием строительных материалов и объясняются экологическими условиями; устанавливается зависимость между ландшафтом и характером поселений. Нередко границы этнографических районов и подрайонов определяются главными и переходными природно-

географическими зонами. В своей работе мы учитывали историко-этнографические районы, выделенные исследователями в результате анализа культурно-хозяйственных комплексов у башкир, материальной и духовной культуры¹. Жилище основных территориальных групп населения: северо-западной (включая междуречье Ика и Белой, башкирское население ТАССР и Пермской обл., крайний север Башкирии), юго-западной (демско-ашкадарской), северо-восточной (айско-юрюзанской), юго-восточной, восточнозауральской (челябинской и курганской) и оренбургско-иргизско-камеликской — характеризуется достаточно определенно. Каждая из названных групп (соответственно — территорий) имела ряд особенностей: существовали традиции в использовании природных материалов, в технике строительства, планировке жилищ и усадеб, в организации поселений, расположении домов относительно уличного ряда; свой стиль сложился в технике и узорах домовой резьбы. Вместе с тем материал по жилищу в территориально-этническую градацию внес свои дополнения и коррективы.

На каждой из выделенных территорий форма жилищ, отдельные элементы жилых и хозяйственных строений, детали планировки, декор не однообразны. В главах мы говорили о трансформации традиций в пределах юго-запада, северо-востока. Еще больше разнообразия наблюдалось на обширных пространствах восточного Зауралья: по мере удаления от гор в сторону курганских степей происходила смена жилищных форм, заметно менялся облик селений. В пределах юго-восточного этнографического района в ряде случаев мы нашли целесообразным представить отдельно приуральские (среднее Забелье), горные, зауральские селения и населенные пункты, размещенные в долинах южных отрогов Урала. Хотя и в меньшей степени, разница в формах построек, в их конструктивных деталях была заметна на северо-западе.

Многообразие традиций не мешало формированию общих черт. В одних случаях они стали типичны для больших территорий, в других — для узких сопредельных областей или смежных зон. Одинаковые признаки возникали в сходных природно-географических условиях. Порой культурная общность имела глубокие корни. В тексте мы обратили внимание на тот факт, что одна из древних форм постоянных жилищ (четырехстенная срубная наземная изба с двускатным корьевым покрытием) была принята прежде по всему северу Башкирии и в горно-лесных районах. Позже и на севере, и в горах эта форма приобрела местные отличительные черты. Однако и там, и здесь жилище развивалось среди лесных массивов, и это определило общую линию его развития. Труднее обнаружить сходство в жилище северных (лесных) и южных (степных) башкир; иногда оно выявляется в общих принципах организации жилого и усадебного комплексов, чаще — только в интерьере.

Говоря о локальных особенностях, можно отметить, что жилые и хозяйственные постройки в одних условиях обнаруживали многообразие, в других — отличались относительной однородностью. Многовариантность особенно была характерна для юго-востока и

восточного Зауралья. Однотипностью во всех случаях отличался северо-запад. Возможно, последнее объяснялось устойчивостью традиций, сформировавшихся в более ранний период на базе сравнительно однородного культурного пласта. «Долговечность» традиций не обеспечила, однако, их более высокий уровень; в жилище северо-западных и северных башкир содержалось немало архаичных моментов: преобладание однокамерных изб с печью, выдвинутой на середину помещения, распространение зооморфных мотивов в резьбе, старинные приемы выполнения архитектурного декора.

В соответствии с одним из принципов сопоставимости этнографических данных для характеристики традиционных жилищ был взят отрезок времени, хронологически ограниченный второй половиной XIX — первыми десятилетиями XX в., когда обозначились традиции, связанные с оседлыми поселениями и вместе с тем сохранилось многое от полукочевого быта.

Вопреки таким временным рамкам анализ фактического материала обнаружил ряд элементов, имеющих отношение к древней истории материальной культуры. Территориальные разновидности поселений и жилищ, технических приемов, схем организации интерьера, как и обычаи устройства усадеб, не всегда объяснялись экологической средой или племенными различиями. Жилище — развивающаяся форма народной культуры. История жилища у башкир в последние несколько веков была осложнена сменой образа жизни населения, изменением бытовых традиций в связи с переходом к оседлости. Одновременно в ряду существовавших в конце XIX — начале XX в. еще можно было обнаружить некоторые древние виды непереносных построек (бревенчатые избушки, землянки, плетневые аласыки), как видно, соорудившихся населением до перехода к оседлости. В жилом комплексе рубежа двух последних столетий то в виде пережиточных (отмирающих или даже единичных) явлений, то в качестве утвердившихся традиций перед нами предстали хронологически разные формы жилых и хозяйственных сооружений; одни из них можно соотнести с полукочевым или даже кочевым бытом, другие — с периодами частичной или полной оседлости. Разновременные «фрагменты» обнаруживаются при сравнении синхронных локальных характеристик. Формы ранних жилищ восстанавливаются при изучении не только временных поселений, но и аульных усадеб; черты старых изб просматриваются в домах, построенных в начале нашего столетия. Разная степень сохранения архаичного в зависимости от конкретного социально-экономического развития территориальных групп вносила свои характерные штрихи в жилище этнографических районов.

Сложившийся у башкир к XX в. жилой комплекс определялся общей линией развития народной культуры. Эта линия была обусловлена некоторыми экологическими, социально-экономическими, отчасти политическими факторами. Другими словами, под воздействием объективных обстоятельств сформировались национальные традиции. Однако исследовательский опыт учит, что этнографические традиции, касающиеся той или иной области материальной

культуры (в данном случае жилища), расчлененные при классификации на составные части, в большинстве случаев теряют исключительность, находя аналогии в культуре других народов. Во многом это объясняется тем, что традиционная культура, хотя и складывается в конкретной среде, как правило, формируется в условиях многопланового взаимодействия племен и других микроэтносов, на разных временных этапах включившихся в сложение того или иного народа. В глубинах этнической истории можно найти корень многих культурных явлений. Основа этнической специфики складывается путем своеобразного сочетания разнохарактерных по происхождению элементов. Вышесказанное в полной мере относится и к жилищу башкир. Однако это уже самостоятельная тема, требующая специального подхода и иной методики исследования.

¹ Обзор этой проблемы и основные выводы содержатся в работе: Кузеев Р. Г. Историко-этнографические районы Башкирии и этногра-

фические группы башкир.—В кн.: Итоговая научная сессия ИИЯЛ БФ АН СССР за 1967 год. Уфа, 1968, с. 58—68.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАССР — Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БФ АН СССР — Башкирский филиал Академии наук СССР
ВЭМ — Венгерский этнографический музей (г. Будапешт)
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы БФ АН СССР
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МЭЭ — Материалы этнографической экспедиции ИИЯЛ БФ АН СССР
ОАИиЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОЛЕ — Общество любителей естествознания (при Казанском университете)
ОЛЕАиЭ — Общество любителей естествознания, археологии и этнографии (при Московском университете)
РГО — Русское географическое общество
ТАССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
ПОСЕЛЕНИЯ	23
Из истории возникновения башкирских деревень (аулов)	24
Характеристика деревень с момента образования до перестройки по уличным планам	39
Башкирские деревни во второй половине XIX — первые десятилетия XX в.	43
Хутора (утар)	62
Летние стойбища	63
Поселения на сенокосах и осенние стойбища	70
ГЛАВА ВТОРАЯ	
СЕЛЬСКИЕ ЖИЛИЩА	79
Строительные материалы. Техника сооружения жилищ . .	79
Бревенчатые избы (81). Жилища с деревянным каркасом (98). Избы из глины, дерна, камня (102). Жилища-землянки (105).	
Развитие традиционной архитектуры в связи с усложнением планировки жилищ	106
О территориальных особенностях в устройстве сельских жилищ	110
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ВРЕМЕННЫЕ ЛЕТНИЕ ЖИЛИЩА	129
Основные типы временных жилищ	129
Юрты (129). Конические и полусферические шалаши (136). Бревенчатые избушки (138). Каркасные прямоугольные в плане постройки (140).	
О разновидности временных жилищ в природно-географических и этнокультурных зонах	146
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
ИНТЕРЬЕР	149
Главные элементы интерьера	150
Разновидности планировки жилища	156
Функциональная и декоративно-художественная основа организации интерьера	165

ГЛАВА ПЯТАЯ

УСАДЬБА

175

Хозяйственные постройки 175

Летние кухни (175). Открытые летние очаги (181). Клетки (183).
Бани (187). Домики для зимнего содержания ягнят и телят
(193). Землянки для новорожденных ягнят (193). Погреба (195).
Скотные дворы и помещения для скота (197). Другие хозяй-
ственные постройки (202).

О локальных особенностях в устройстве усадеб 203

Некоторые общие принципы организации усадеб 212

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР

222

Оконные наличники 223

Украшения стен и фронтона 234

Ворота. Изгороди 237

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

246

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

250

*Светлана Николаевна
Шитова*

**ТРАДИЦИОННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ
И ЖИЛИЩА БАШКИР**

**вторая половина XIX —
первая четверть XX в.**

*Утверждено к печати
Институтом истории, языка и литературы
Башкирского филиала АН СССР*

**Редактор издательства
Н. Г. Белей**

**Художник
М. В. Версоцкая**

**Художественный редактор
Н. А. Фильчагина**

**Технический редактор
З. Б. Павлюк**

**Корректоры Н. А. Несмеева,
Б. И. Рыгин**

ИБ № 26644

Сдано в набор 10.11.83

Подписано к печати 18.01.84.

Г-03522. Формат 60×90^{1/16}

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 16,0. Усл. кр. отт. 16,25. Уч.-изд. л. 18,5

Тираж 1550 экз. Тип. зак. 3433

Цена 2 р. 90 к.

**Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90**

**2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-89, Шубинский пер., 10**

**В 1984 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ВЫЙДУТ В СВЕТ:**

Л. С. Толстова

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ
ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ**

20 л., 2 р. 50 к.

Монография посвящена историческому анализу легенд и преданий населения Южного Приаралья — каракалпаков, узбеков и др. В ней прослеживается направленность этнокультурных связей этих народов с другими народами, отраженных в легендах, показано, что исторический фольклор может быть самостоятельным источником в разработке этногенетических сюжетов на протяжении длительного времени — от эпохи древности до средневековья.

И. В. Власова

**ТРАДИЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
В ПОМОРЬЕ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В XVII—XVIII ВВ.**

20 л., 2 р. 50 к.

В монографии освещаются система земледелия, характер использования угодий крестьянством, регулирование землепользования сельской общиной, рассматриваются общинные нормы обычного права, деятельность административных органов. В книге богато использованы архивные материалы, на основе которых автором составлена серия карт, отражающих характер и развитие крестьянского землепользования в исследуемых районах.

КАВКАЗСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК,
ВЫП. VIII

20 л., 2 р. 50 к.

Очередной выпуск сборника освещает малоизученные вопросы традиционной материальной и духовной культуры народов Кавказа (положение «старшей» женщины у азербайджанцев, армян, грузин, абхазов и некоторых народов Северного Кавказа и Дагестана; современная семья у армян Абхазии; культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа, похоронные обычаи и обряды осетин).

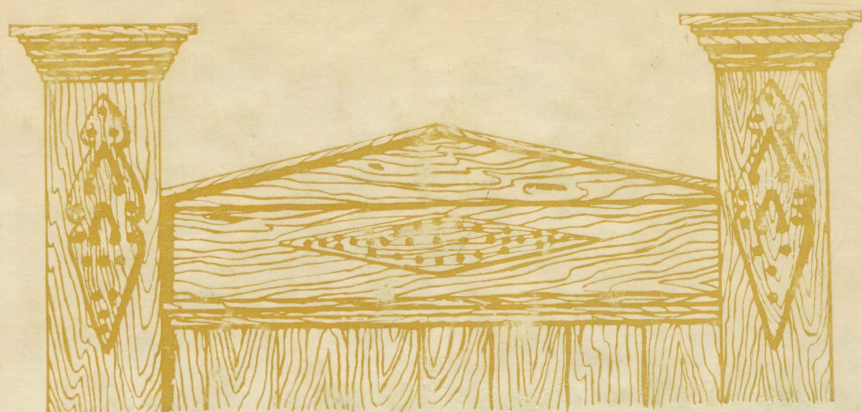
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ
1980—1981

18 л., 1 р. 90 к.

Сборник освещает современные этнические процессы у народов СССР, содержит новые данные по традиционной, материальной и духовной культуре. Интересны статьи, содержащие антропологические материалы для разработки проблемы «Расы человека и их история», а также статьи, характеризующие экспедиционные исследования Института в нашей стране и за рубежом.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117193, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой»

480091	Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);	196034	Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
370005	Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);	220012	Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
320093	Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	103009	Москва, ул. Горького, 19а;
734001	Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);	117312	Москва, ул. Вавилова, 55/7;
375002	Ереван, ул. Туманяна, 31;	630076	Новосибирск, Красный проспект, 51;
664033	Иркутск, ул. Лермонтова, 289;	630090	Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»)
420043	Казань, ул. Достоевского, 53;	142292	Пушкино, Московская обл., МР, «В», 1;
252030	Киев, ул. Ленина, 42;	620151	Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
252030	Киев, ул. Пирогова, 2;	700029	Ташкент, ул. Ленина, 73;
252142	Киев, проспект Вернадского, 79;	700100	Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
252030	Киев, ул. Пирогова, («Книга — почтой»);	700187	Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
277012	Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);	634050	Томск, наб. реки Ушайки, 18;
343900	Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;	450059	Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
660049	Красноярск, проспект Мира, 84;	450025	Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
443002	Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);	720001	Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
191104	Ленинград, Литейный проспект, 57;	310074	Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).
199164	Ленинград, Таможенный пер., 2;		

Башкиры — один из полукочевых в прошлом народов нашей страны, перешедший к концу XIX в. к оседлости. Изменившиеся условия существования, хозяйственной деятельности коснулись и быта.

В книге на основе многолетних экспедиционных работ, изучения документальных и литературных источников исследуется история башкирских поселений и жилищ. В историко-этнографическом плане описаны летние стойбища, зимники, стационарные аулы, хутора. Выявлены тенденции в развитии планировки изб и усадеб. Уделено внимание интерьеру и архитектурному декору. Исследование жилищно-хозяйственного комплекса осуществлено с учетом природно-географических условий и историко-этнических традиций.

